

ACTA UNIVERSITATIS UPSALIENSIS

Uppsala Studies on Eastern Europe

7

Military Reform and Militarism in Russia

Alexandr Golts

UPPSALA
UNIVERSITET

© Alexandr Golts and Uppsala University 2017

Printed in Sweden by Kph Trycksaksbolaget AB 2017

Distributor:
Uppsala University Library
Box 510, 751 20 Uppsala, Sweden
www.ub.uu.se
acta@ub.uu.se

ISSN 1104-6481
ISBN 978-91-554-9936-5

Военная реформа и российский милитаризм

Александр Гольц

UPPSALA
UNIVERSITET

Моей жене Алене

Автор выражает глубокую
признательность Класу Левинсону
и Стефану Хедлунду, а также всем
сотрудникам Центра исследований России
и Евразии Уппсальского университета. Без
их постоянной помощи и поддержки не
появилась бы эта книга.

Содержание

Предисловие. Реформы, опередившие Кремль	11
I. По замкнутому кругу	20
Гладко было на бумаге	21
1. Персонажи. Десантник, которому не повезло	25
Имитация модернизации	29
2. Бой с открытым забралом	34
Персонажи. Бессильный силовик	35
Персонажи. Хождение дилетанта во власть	37
Две концепции	41
3. Искусство резать по живому	48
Персонажи. Технократ из Власихи	49
Персонажи. Одинокий регбист на военном плацу	51
Персонажи. Штабс-генерал	57
Попытка санации	60
"Голубиная книга" для ястребов	62
Командование раздора	66
Схватка кланов	68
4. Бессмысленное возрождение	73
Персонажи. Тefлоновая тень	76
Бег на месте за большие деньги	82
Призывной синдром	84
Контрактная пирамида	96
Перевооружение или большой «распил»?	102
Всех под ружье!	105
II. Прорыв и откат	112
1. Создавая невиданный «образ»	112
Персонажи. Человек-функция	112
Попытка разобраться	119
Победа, зародившая сомнения	126
Система теряет смысл	130
Секретная реформа	136
Избавиться от балласта	138
Требуется новый офицер	142
В атмосфере ненависти	145
Призывные метания	149

2. Назад, вперед – марш!.....	160
Персонажи. Менеджер и царедворец.....	160
Спасти реформу и не поссориться с генералами	167
Пиар, один пиар	180
В бюрократических битвах	182
Проверки, переходящие в войну	185
Вновь по кругу?	194
III. Недореформа	197
Отказ от массовой мобилизации – отказ от призыва	199
Сержанты – становой хребет армии	200
Офицер – будущее Вооруженных сил	202
Гражданский контроль	204
Армия и политика	209
Дьявол – это другие	217
IV. Военная реформа в авторитарном государстве. Пример Пруссии...224	
Поражение под Йеной.....	224
Комиссия Шарнхорста и ее предложения	228
Победа над Наполеоном.....	234
Либерализация на прусский манер	235
Крах надежд реформаторов	239
Не рассуждать!	241
Государство в государстве.....	245
Вместо модернизации - милитаризм.....	249
V. Страна победившего милитаризма.....	253
Что же такое русский милитаризм?	254
Милитаризм российской власти	275
Милитаризм и общественное сознание	283
Милитаризм и армия	290
Милитаризм и конкурентоспособность России.....	293
Заключение. Катастрофа неизбежна?	303
Библиография	311

Предисловие. Реформы, опередившие Кремль

Последние четыре года стали периодом военных побед, по которым, как выяснилось, четверть века скучали российские граждане. Все началось в феврале 2014-го, когда «зеленые вежливые люди» заблокировали здание местного парламента в Крыму, перерезали все транспортные коммуникации, связывавшие полуостров с Украиной, окружили пункты дислокации украинских войск. Все исключительно для того, чтобы, как указывал Владимир Владимирович Путин (когда спустя полтора месяца он признал факт участия российских войск в «возвращении» Крыма), обеспечить свободу волеизъявления тамошних жителей. На самом деле вежливые люди «помогли» нескольким парламентариям, которым было разрешено войти в здание Крымской Рады, принять решение о референдуме и сформулировать правильные вопросы для жителей полуострова. Уже тогда наблюдатели отметили удивительные изменения, произошедшие с российской армией за пять лет, которые минули после победной войны с Грузией. Подтянутые, аккуратные, дисциплинированные (и, заметим, совершенно трезвые) солдаты и офицеры разительным образом отличались от тех, кто одержал победу в 2008-м. Напомню, что тогда российские солдаты не гнушались откровенным мародерством, вывозя с территории захваченных грузинских частей буквально все, что попадалось под руку: от американских «Хаммеров» до армейских ботинок (надо сказать, что солдаты хватали все, что плохо лежало, и во время войны в Афганистане, и во время действий российских Вооруженных сил в Чечне).

«Ратник», это название нового, с иголки, обмундирования военнослужащих, действовавших в Крыму, стало одним из символов операции («От ватника до “Ратника”» — назвал свой текст журналист «Московского комсомольца»¹). Отдельного разговора заслуживало оснащение участников операции средствами разведки и связи. Все бойцы имели индивидуальные средства связи, а журналисты из «Нью-Йорк таймс» не без удивления обнаружили специальную установку по подавлению связи противника. Особенное впечатление это произвело на тех, кто

¹<http://www.mk.ru/zloba-dnya/article/2014/03/30/1006019-ot-vatnika-do-ratnika-pochemu-amerikantsyi-promorgali-kryim.html>

помнил, как во время марша на Цхинвали командующий российской группировкой генерал Анатолий Хрулев просил мобильник у журналиста, чтобы отдать приказ подчиненным...

Впрочем, то, что происходило непосредственно на полуострове в феврале-марте 2014-го, не дает еще достаточно материала, чтобы составить представление о переменах, произошедших в Вооруженных силах России. «Грузинская» и «крымская» операция серьезно отличались друг от друга. В 2008-м непосредственные боевые действия были развязаны Тбилиси. Москва была вынуждена использовать части, дислоцированные неподалеку от Южной Осетии. В наспех сформированной группировке было до 25 процентов солдат срочной службы. Использовалась боевая техника, бывшая в наличии, в том числе и та, что находилась длительное время на базах хранения. В результате до половины боевых машин сломались, не дойдя до Рокского тоннеля. В Крыму же, как признал позже Верховный главнокомандующий, действовали заранее переброшенные на полуостров бригады спецназа ГРУ и десантники — элита Вооруженных сил РФ. Легкость захвата полуострова объясняется сочетанием нескольких факторов. Самый главный, разумеется, — поддержка аншлюса подавляющим большинством крымского населения и неспособность украинской стороны к военному противоборству. Кроме того, Крым можно было сравнительно легко отрезать от остальной Украины. Достаточно перекрыть шоссе и железную дорогу на Перекопском перешейке. Для этого хватило бы несколько сотен хорошо обученных людей — то есть одной-двух бригад ГРУ.

Представляется, что, с военной точки зрения, куда большим успехом российской армии стало оперативное развертывание крупных масс войск на границе с Украиной, осуществленное в ходе крымской кампании. Скорее всего (вопреки утверждению Путина, что никто не собирался вести боевые действия), российский Генштаб допускал как возможность сопротивления украинских частей в Крыму, так и то, что Киев попытается оказать им военную поддержку. Поэтому сосредоточение российских сил на юго-западной границе первоначально имело целью сковать украинские силы, не позволить перебросить их в Крым. Впоследствии эти российские войска стали поддерживать секретную операцию в Донецкой и Луганской областях. Первое развертывание проходило под видом «внезапной проверки», провести которую потребовал Верховный главнокомандующий 26 февраля 2014 года. По тревоге были подняты войска Западного и Центрального военных округов, задействованы Воздушно-десантные войска, войска Воздушно-космической обороны, Военно-транспортная и Дальняя авиации. По словам министра обороны Сергея Шойгу, «проверка» охватила 150 тысяч военнослужащих. Сейчас очевидно, что она представляла собой подготовку к крымской и последующим операциям на Украине. «Проверка» дала возможность отмотилизовать соединения, которые предпо-

лагалось задействовать в предстоявшей операции, проверить готовность вооружений и военной техники. В НАТО утверждали, что на границе с Украиной вдруг появилось до 40 тысяч российских военнослужащих. Таким образом, следует констатировать, что российскому Генштабу удалось осуществить в течение примерно полутора суток скрытую переброску до сорока тысяч военнослужащих и их оперативное развертывание. По словам Шойгу, во внезапной проверке были задействованы командно-штабные структуры трех военных округов и четырех армий, что потребовало высокой степени организации. Если вспомнить, что в 1999-м после вторжения чеченских бандформирований на территорию Дагестана потребовалось около двух недель для начала развертывания федеральных войск, то прогресс разительный.

Успех внезапного развертывания на российско-украинской границе в 2014-м, «возвращения» Крыма, последовавшие затем «победы» под Мариуполем и в Дебальцево в ходе гибридной войны на Донбассе – все это логично перетекло в поразившее иностранных наблюдателей стремительное развертывание российских самолетов в Сирии. Возродившаяся армия превратилась в важнейший, если не единственный, эффективный инструмент внешней и внутренней политики Москвы. Чтобы выйти из международной изоляции, Кремль объявил о намерении начать Вооруженную борьбу с мировым терроризмом. Российские бомбежки привели к тому, что армия Асада, вчера еще дышавшая на ладан, перешла в контрнаступление и взяла второй по значимости город Сирии – Алеппо. ...

В условиях раскрученной телевидением милитаристской истерии подведомственное население заявляет о вдруг возникшем желании повоевать за отечество. Согласно опросу «Левада-Центра», 58 процентов опрошенных (наивысший показатель за всю историю наблюдений) уверено, что стране необходима призывная армия. Мало того, социологи констатируют нечто доселе в России невиданное: ее граждане мечтают о войне, полагая, что таким образом будут разрешены сложности их нынешней жизни.² Подавляющее большинство жителей страны верит, что она, страна, окружена врагами и что родная армия героически эти угрозы отразит. При этом о вдруг резко возросших возможностях отечественных Вооруженных сил заговорили и «контр-партнеры». И вот уже американский президент называет российскую армию «второй в мире», а вице-премьер Рогозин решительно с Обамой не соглашается: «Наша армия может быть не первая, но уж точно не вторая»³. Казалось бы, все идеально – военный успех следует за успехом, а население,

² Алексей Левинсон, Степан Гончаров. Война вместо будущего: решение для аномического сознания. Вестник общественного мнения 3-4, 2015.

³ Андрей Сидорчик. «Но точно не вторая». Рогозин и Обама поспорили о мощи армии России. Аргументы и факты. 19 февраля 2016

четверть века мучавшееся от того, что Россию никто не боится, теперь испытывает имперский восторг (афганский и чеченский синдромы прошли, спустя десятилетия эти кровавые авантюры воспринимаются в виде героического эпоса).

Созданная в 1992 году, российская армия первые 16 лет своего существования влачила довольно жалкое существование. Вооруженные силы разьедала коррупция. Уклонение от военной службы превратилось в национальный вид спорта. Юноши решительно не желали идти в армию, обещавшую как предусмотренные уставом, так и неуставные тяготы и лишения: бесправие, унижения и издевательства. Российская армия превращалась в одну из острейших социальных проблем страны. В 90-е эту деградацию еще можно было объяснить отсутствием денег в государственной казне. Однако эта деградация продолжалось и большую часть 2000-х, когда военный бюджет устойчиво рос на 20 процентов ежегодно. Очевидно, что главная проблема заключалась не только и не столько в недостатке средств.

Вплоть до 2008 года генералитету удавалось сохранять пусть в три-четыре раза уменьшенную, но сугубо советскую модель Вооруженных сил. Такая армия, может быть, и могла бы быть эффективной, но только в том случае, если на нее работала вся экономика страны и если все мужское население считалось так называемым «мобилизационным ресурсом», который можно, по крайней мере, в теории, призвать под знамена в любой момент. Разумеется, что такая система может действовать только в тоталитарном государстве.

Поскольку в 1990-2000-е годы в России существовала, пусть весьма специфическая, но все-таки рыночная экономика и хотя бы декларировались основные права и свободы, а также верховенство закона, попытка сохранить советскую военную систему обернулась разложением и структурным кризисом, который затронул все основные принципы формирования российской армии. В первую очередь, это, разумеется, относилось к принципу комплектования Вооруженных Сил. Формально в России действовала всеобщая воинская обязанность. Однако юноши призывного возраста видели, и не без основания, в армейской службе форму узаконенного рабства и стремились избежать ее всеми доступными способами. Те, кто не хотел служить в Вооруженных силах, выбирал полу- и совсем незаконные пути уклонения от военной службы. В стране и сейчас существует огромная криминальная индустрия по предоставлению отсрочек от службы, включавшая коррумпированных работников военкоматов, медицинских работников, а также целые учебные заведения, которые, по словам бывшего министра образования Владимира Филиппова, в состоянии набрать студентов только потому, что могут давать все те же отсрочки. Аналитический центр «Индем» оценивал в 2005 году ежегодный оборот этого коррупционного механизма в 350 миллионов долларов. По этим причинам в начале 2000-х

Министерству обороны никак не удавалось заполнить все должности солдат-срочников. Новобранцы не отвечали даже минимальным интеллектуальным, физическим и моральным требованиям. Нравы в российской армии не слишком отличались от тюремных. Руководство Вооруженных сил по существу расписалось тогда в неспособности бороться с дедовщиной.

Зачастую «дедовщина» оборачивалась настоящими трагедиями. Сергей Иванов признавал, что только за 10 месяцев 2002 года в результате «преступлений и происшествий» погиб 531 военнослужащий, а 20 тысяч были искалечены. Дезертирство приняло тогда характер настоящей эпидемии. Из-за невыносимых условий солдаты покидали воинские части взводами и ротами. Случалось, что, дезертировав, солдаты тут же совершали тягчайшие преступления.

Боеспособность российских Вооруженных Сил была чудовищно низка, что продемонстрировали две войны в Чечне. Совершенно очевидно, что улучшить ситуацию могла только кардинальная военная реформа, которая должна была изменить принцип комплектования Вооруженных сил (от призывного – к добровольному), условия прохождения службы офицерами и систему военного образования, создать институт профессиональных сержантов. Эта же реформа должна была кардинально изменить и Министерство обороны, превратив его в «гражданское» ведомство, где работают гражданские чиновники. Это ведомство должно находиться под действенным гражданским контролем. Речь о необходимости такой реформы велась едва ли не с момента создания Вооруженных сил России. Было предпринято несколько попыток реформирования армии, которые всякий раз заканчивались провалом.

Только после войны с Грузией военно-политическое руководство России осознало: несмотря на серьезное финансирование, которое шло с начала президентства Владимира Путина, Вооруженные силы оставались неэффективными, и, будь противник хоть чуть-чуть сильнее, все могло бы кончиться поражением. Причина в том, что оборона страны основывалась на концепции массовой мобилизации. Следование этой концепции и порождало чудовищные диспропорции в структуре Вооруженных сил. Один офицер приходился на двух рядовых, до 80 процентов частей и соединений были неполного состава. Все это должно было позволить, по крайней мере, теоретически, в короткий срок мобилизовать миллионы резервистов. Сегодняшняя демографическая ситуация такова, что массовую мобилизацию осуществить в принципе невозможно: необходимого количества резервистов просто нет. Иными словами, противоречие между базовыми основами организации обороны страны и сложившейся демографической ситуацией делало армию совершенно неэффективной. О чем несколько раз откровенно говорил и сам Владимир Путин.

Однако проблема заключалась в том, что отказ от массовой мобилизационной концепции означал массовые увольнения тех, кто является путинским ядерным электоратом. Тот, кто брался за армейскую реформу, неизбежно обрекал себя на роль козла отпущения. Назначенному на военное министерство в 2007-м Анатолию Сердюкову позволили сделать самую грязную часть работы — уволить из Вооруженных сил тысячи офицеров и прапорщиков, закрыть все кадрированные части и соединения, а потом под предлогом борьбы с коррупцией уволили и его самого. Что до военной реформы, то ее объявили успешно завершенной еще в 2012-м. На самом деле, была успешно проведена лишь «количественная» часть преобразований: уволено избыточное число офицеров, ликвидированы небоеготовые части и соединения⁴. Более того, поставив целью постепенно увеличивать количество контрактников, реформаторы вплотную подошли и качественным изменениям (солдаты мотивированы, они получают неплохое жалование, они постоянно заняты боевой подготовкой). В результате в распоряжении Кремля оказались 30-40 элитных соединений, способных действовать через несколько часов после получения приказа.

Стратегическая мобильность нескольких десятков элитных соединений и стала главным итогом «сердюковских» реформ. Следует констатировать, что в результате Россия получила военный потенциал, обеспечивающий ей абсолютное военное превосходство, по крайней мере на «постсоветском пространстве». Опыт аннексии Крыма, «гибридной» войны на Донбассе, воздушной операции в Сирии продемонстрировал, что использование военной силы в сочетании с секретными операциями и агрессивной пропагандой стало долгосрочной стратегией Кремля.

Более того, эти военные действия продемонстрировали, что Москва обладает и определенным военным превосходством даже над Западом. Дело – в скорости принятия решений. Политическое устройство России таково, что у ее верховного правителя нет никакой необходимости с кем-либо согласовывать свои решения он принимает их единолично. Совету Федерации потребовалось лишь несколько минут, чтобы проштамповать решение о посылке войск в Сирию. «Обсуждение» вопроса о посылке войск на Украину заняло лишь немногим больше времени. При этом внедрение современных технологий связи и контроля обеспечило прохождение приказа в очень короткое время.

Заметим, что Кремль пожинает сегодня плоды пусть радикальных, но количественных изменений (численность офицерского корпуса, число соединений и т.д), так и не приступив к качественным. К примеру, у Сердюкова и его команды были серьезные планы по реформе системы военного образования, целью которой было формирование ново-

⁴ С точки зрения Генштаба, боеготовыми считаются соединения, укомплектованные (количественно) по штатам военного времени.

го типа офицера, готового и способного постоянно учиться и самосовершенствоваться. В программах военных вузов все большее место отводилось гуманитарным предметам, прежде всего, изучению иностранных языков. Сергей Шойгу быстро положил этому конец, вернул военные вузы в подчинение главкоматам видов Вооруженных сил, чем обрек будущих офицеров на роль военных ремесленников, способных за время карьеры освоить лишь одну-две системы вооружений. Как и в армии советского образца, большего от них не требовалось.

В министерстве обороны продолжают доминировать военные. Гражданские служащие занимают там второстепенные позиции, и даже носят некое подобие мундиров, что указывает на их «второсортность». Гражданский контроль в России невозможен в принципе из-за того, что парламент выполняет декоративные функции, а власти последовательно подавляют любую попытку граждан воспользоваться политическими правами, данными им Конституцией. Реформа Вооруженных сил, продлившись она до «качественного» этапа, могла бы в долгосрочной перспективе оказать серьезное влияние не только на военную организацию, но и на российское общество в целом. В течение трехсот лет, с момента создания регулярных Вооруженных сил, государство видело в жителях страны, прежде всего, ресурс для ведения войн. Вся система идеологического управления государством была построена на идее страны — единого военного лагеря, осажденной крепости. Казалось, что отказ от концепции массовой мобилизации, переход к добровольческим Вооруженным силам кардинальным образом мог изменить отношения гражданина и государства.

Но реформы были остановлены. Более того, реформы Сердюкова, придавшие российским Вооруженным силам как раз те качества, которые и обеспечивают сегодняшние победы, пришли ныне в противоречие с амбициями Кремля. На беду реформам. На армию возлагают все новые задачи. Так, батальонные тактические группы, предназначенные для выполнения боевой задачи в короткий срок, задержались на два года на российско-украинской границе. Что совершенно измотало не только их, но и соединения, которые их формировали. Действия России на Украине спровоцировали страны НАТО на размещение сил быстрого реагирования и тяжелой техники в странах Балтии, Польше и Румынии. Теперь, по логике Кремля, Москве надо «отвечать». Уже объявлено о создании новых дивизий на «западном направлении». Если верить публикации в «Независимом военном обозрении», только в последнее время «появилось восемь новых оперативных объединений (другими словами, армий), более 25 дивизий (общевойсковых, авиационных, ПВО, надводных кораблей), 15 бригад»⁵. Однако даже Владимир Путин

⁵ Николай Поросков. Неколькольные интересы России. Независимое военное обозрение 19 февраля 2016

с Сергеем Шойгу не могут изменить демографическую ситуацию. По планам Минобороны, численность Вооруженных сил должна была вырасти в 2016 году на 10 тысяч военнослужащих. Этого ничтожно мало, чтобы сформировать 40 новых соединений. Выход один – забыть о сердюковских реформах, вновь создавать кадрированные части, где офицеров будет едва не больше, чем рядовых. Неслучайно тут же выяснилось, в Вооруженных силах вдруг образовался недостаток командиров (а еще недавно от переизбытка офицеров лейтенантов назначали на сержантские должности).

Единственное, что пока осталось от сердюковских реформ, – это твердо заявленное стремление к профессионализации Вооруженных сил. Нынешнее руководство Минобороны настаивает, что даже глубокий экономический кризис не помешает ежегодно увеличивать количество контрактников на 50 тысяч (к концу 2016-го их число должно достичь 400 тысяч). Однако не исключено, что в ближайшем будущем генералы явятся к президенту с данными социологов о том, что миллионы россиян радостно желают отдать патриотический долг, и, слегка подтасовав цифры, убедят главного начальника вернуться к идее призывной армии.

Владимир Путин неоднократно вспоминал о 1999 годе, когда при формальной численности Вооруженных сил в 1,3 миллиона военнослужащих он не мог сформировать группировку в 60 тысяч солдат и офицеров. Чтобы избежать такой ситуации в будущем, и были приняты реформы. Выяснилось, что российская власть не созрела для подобных реформ. И она начала втихаря отказываться от них...

Военные операции России последних лет поставили перед исследователями важный вопрос: какую роль может играть военная модернизация в условиях, когда страна остается авторитарной. Мне показалось интересным сопоставить военные реформы нынешней России с прусскими военными реформами начала XIX века. Основные принципы формирования немецких Вооруженных сил были заложены тогда «либералами в мундирах»: Шарнхорстом, Гнейзенау и Клаузевицем. Речь шла о постоянном процессе самообразования офицеров, о создании призывной армии, которая, по мысли организаторов, представляла бы собой сообщество «граждан в военной форме» и была бы своего рода школой, которая готовила бы еще недавно бесправных подданных прусского короля к пониманию своих прав и обязанностей в будущем демократическом государстве. Прусские реформаторы, в отличие от российских, целью военной реформы видели создание конституционной монархии (наиболее демократичной в начале 19 века форме правления). Следует признать, надеждам на то, что военная реформа станет мотором общей модернизации, не суждено было сбыться ни в Пруссии 19-го века, ни в России века 21-го. Приходится констатировать, что когда двести лет назад «либеральная» модель была применена в сугубо

авторитарном прусском государстве, это привело к созданию почти идеальной военной машины, слепо исполнявшей приказы «вождя». Не ждет ли и Россию зарождение «нового милитаризма», в котором современные модели военного строительства соединятся с консервативной националистической идеологией массовой мобилизационной армии?

Вероятно, даже «правильная» реформа, проводимая в какой-то отдельной сфере, будь то военные дела или налоговые отношения, вовсе не гарантирует последующей позитивной эволюции авторитарного режима. Наоборот, порой она даже укрепляет этот режим, предоставляя в его распоряжение весьма эффективные инструменты, будь то современные финансовые институты или модернизированные Вооруженные силы.

I. По замкнутому кругу

В новейшей истории России было по меньшей мере пять попыток военной реформы. Начало «грачевской» реформе было положено постановлением правительства от 30 ноября 1992 года. «Батуринская», должна была развернуться после указов президента в мае 1996 «О переходе к формированию Вооруженных Сил на основе контракта, начиная с 2000 года» и в ноябре 1996 "О мерах по обеспечению военного строительства в Российской Федерации". «Сергеевско-кокошинскую» предполагалось начать в июле 1997 года после выхода указа "О первоочередных мерах по реформированию ВС РФ и совершенствованию их структуры" и в 1998-ом после подписания "Основ (Концепции) государственной политики по военному строительству до 2005 года". «Ивановско-квашнинская», стартовала после того, как Путин одобрил «План строительства Вооруженных сил на период до 2010 года». И, наконец, последняя, «сердюковская», которую никто из ее авторов долго даже не рисковал назвать реформой. Старт ей дало интервью министра обороны 14 октября 2008 года и некий подписанный Медведевым, но до сих не опубликованный План по приданию Вооруженным силам нового облика. Нынешний министр обороны Сергей Шойгу, стремящийся сохранить свой немалый рейтинг и не испортить при этом взаимоотношений с прочими российскими начальниками, тихо пытается сохранить достижения предшественника. Но при этом никак не пытается остановить консервативное лобби силовиков, пытающееся свести к минимуму результаты «сердюковской» реформы.

Каждая новая попытка реформы либо решительным образом отрицала, либо просто игнорировала весь предшествующий опыт. Начиная с 1991-го года, процесс военного реформирования несколько раз прошел по одному и тому же замкнутому кругу: в какой-то момент Кремль осознавал, что существующее положение в Вооруженных Силах терпеть далее невозможно и заявлял о необходимости коренной реформы. Потом в военно-политическом руководстве страны разгоралась нешуточная дискуссия, относительно того, в чем же должна эта реформа состоять. Затем глава государства выбирал один из предложенных вариантов и увольнял сторонников другого. Однако победителям так ни разу не удалось добиться существенных результатов, и после некоторой паузы все повторялось в очередной раз.

В этом печальном ряду сердюковские реформы стоят, конечно, особняком. Они увенчались, хоть частичным, но все-таки успехом. Посему отказ от них принял такой медленный ползучий характер. Однако и в данном случае тенденция очевидна. Основой реформы 2008-2011 годов было решительное сокращение количества частей и соединений неполного состава. В настоящее время Министерство обороны, идя навстречу все время растущим амбициям руководства страны, плодит все новые соединения и военно-учебные заведения. Рано или поздно отказ от реформ Сердюкова будет зафиксирован.

Многие аналитики до сих пор объясняют эту бесконечную ходьбу по кругу спецификой каждого конкретного исторического периода, личностными особенностями главных участников. Поэтому важно проанализировать 25-летний опыт попыток реформирования российских Вооруженных сил, дабы отделить те особенности, включая и личностные, которые были характерны для каждой из попыток перестроить российскую армию, от закономерностей, которые, в конечном счете, всякий раз предопределяли их провал.

Гладко было на бумаге

Впервые о военной реформе заговорили еще руководители СССР. В конце 80-х в советской печати развернулась жесткая дискуссия между руководителями военного ведомства и учеными, в основном выходцами из института США и Канады. Ученые вполне квалифицированно доказывали, что военная мощь СССР совершенно избыточна, что военное превосходство одновременно над странами НАТО и Китаем, которого Москва добивалась долгие годы, никоим образом не укрепляет безопасность. Вскоре и высшее руководство страны озаботилось военными проблемами. Внешняя политика Горбачева – Шеварднадзе, нацеленная на сокращение избыточного военного потенциала, принятие оборонительной военной доктрины и именовались в тот момент «военной реформой». При этом никто не ставил вопроса о каких-то кардинальных изменениях в организации, комплектовании и структуре Вооруженных Сил. Те военные руководители, которым Михаил Горбачев предложил задуматься над первоочередными задачами военной реформы, видели ее исключительно в свете задач по приспособлению организации Вооруженных Сил к максимально эффективному использованию современной военной техники. Генерал армии Виктор Лобов, в то время первый заместитель начальника Генерального штаба (а именно ему Горбачев приказал заниматься военной реформой) так описывает свое понимание задачи: «Реформа требовалась не только сверху, чем было озабочено политическое руководство страны, но и снизу... Вскрылись противоречия нормативные. Отделение наступает на фронте примерно до 70 шагов (солдат от солдата - 7), и в 1904-м, и в 1987-м. А

знаете, откуда взялись 7 шагов? Это расстояние, которое можно перекрыть двум бойцам, шагнув с винтовкой Мосина (со штыком ее длина равнялась 2,5 м) влево или вправо, помогая друг другу в рукопашной схватке. За 90 лет ничего не изменилось. А ведь в отделении-то мотострелковом на вооружении БМП-2 с пулеметом, ПТУРами, пушкой»⁶. Стоит ли удивляться тому, что Михаил Горбачев после доклада Лобова (а доклад этот представлял собой дикую мешанину самых разнообразных рекомендаций, не имевших никакого отношения к реформе - от предложения выработать некую всеобщую «Государственную доктрину», частью которой была бы доктрина военная, до обоснования необходимости пересмотра нормативов сооружения ротного опорного пункта и присвоения выпускникам суворовских училищ звание сержанта запаса) потерял всякий интерес к военному реформированию.

До кончины СССР военная реформа существовала исключительно в виде лозунга демократической общественности. Однако сразу после подписания Беловежских соглашений этот вопрос стал чрезвычайно актуальным. В этот момент реформой стали именовать попытки придать распаду гигантских Вооруженных Сил контролируемый характер. Роспуск СССР остро ставил проблему контроля над крупнейшим в мире арсеналом, включавшим 30 тысяч ядерных боеприпасов и 40 тысяч тонн отравляющих веществ. Лидеры трех республик – России, Белоруссии и Украины, подписавшие Беловежские соглашения, которые зафиксировали факт ликвидации СССР, - понимали: раздел Советской Армии - задача не просто наитруднейшая, но и чрезвычайно рискованная. Явно опасаясь нежелательных эксцессов, все согласились, что Вооруженные силы должны оставаться под единым командованием министра обороны СССР маршала авиации Евгения Шапошникова, получившего должность главкома Объединенными Вооруженными силами СНГ. Не случайно о решениях, принятых в Вискулях, маршал Шапошников был проинформирован раньше, чем Михаил Горбачев.

У Шапошникова были к этому моменту совершенно конкретные предложения по тому, что он называл военной реформой, и что на самом деле было системой разделения полномочий и ответственности между гражданскими властями государств, уже ставших де-факто независимыми, и руководством «единого» Минобороны. Еще в сентябре 1991 года в Москве состоялось совещание руководителей Министерства обороны СССР с представителями 15 уже провозгласивших независимость республик. Москва предложила создать республиканские министерства обороны как сугубо гражданские ведомства, отвечающие за обеспечение и формирование национальных Вооруженных сил. Координацию их деятельности и предлагалось возложить на Миноборо-

⁶ Анатолий Докучаев. Героизма больше, чем профессионализма. Независимое военное обозрение 10 ноября 2000

ны Союза. Все же оперативное руководство возлагалось на единый Генеральный Штаб.

Но вскоре стало очевидно - действительно хотели сохранить единую армию только Россия, Казахстан, Киргизия и Армения (последняя опасалась резкого усиления военной мощи Азербайджана). Остальные предпочитали иметь свои Вооруженные силы. Украина с Белоруссией видели в собственном войске неотъемлемый атрибут суверенной государственности. А лидерам Грузии, Молдавии, Азербайджана просто не терпелось использовать оружие для решения внутренних проблем.

На постсоветском пространстве быстро формировались национальные армии. Соединения, дислоцированные в республиках, спешно переводились под юрисдикцию новых государств без каких-либо консультаций с Москвой. Офицеры были поставлены перед необходимостью повторной присяги. Одновременно лидеры республик призвали военных специалистов "своей национальности" возвращаться на родину, обещая почет, высокие зарплаты, и главное – жилье, эту высшую материальную ценность в сознании советского человека. На всей территории экс-СССР развернулась битва за оружие. И если на Украине эксцессы национализации свелись к тому, что летчики, не желавшие принимать украинскую присягу, угнали в Россию несколько самолетов, то в Закавказье не обошлось без кровопролития.

В этой неразберихе главкомат ОВС СНГ спешно перетаскивал в Россию все, что только удавалось: армейские части, военную технику и, самое главное, - тактическое ядерное оружие. Москва до самого последнего момента, когда военные в республиках попросту перестали отвечать на звонки по ВЧ, провозглашала своей целью сохранение единых Вооруженных сил. И объективно командование ОВС СНГ (мир, уверен, еще воздаст должное этим неизвестным героям) сделало благое дело, урезав военные возможности режимов, готовых к применению силы во внутренних политических спорах и которые уж точно не остановились бы перед применением оружия массового поражения, попади оно им в руки.

Но сами Вооруженные конфликты в бывших советских республиках - в Приднестровье, Абхазии и Таджикистане - было уже не остановить. В непосредственной близости от российской территории появлялись одна за другой горячие точки. Впрочем, советские арсеналы породили немало амбициозных замыслов и у тех, кто воевать не собирался. Обладание ядерным оружием представлялось им своеобразным пропуском в клуб великих держав. Хорошо помню шок, в который украинские и казахстанские дипломаты повергли представителей Москвы и Вашингтона в начале 1992 года в ходе первых консультаций относительно реализации Договора о сокращении стратегических наступательных вооружений, заявив свои права на советское ядерное оружие. Совместными американо-российскими усилиями угрозу появления новых ядер-

ных государств удалось остановить. В случае с Украиной был подписан специальный Будапештский меморандум, согласно которому Россия взяла на себя обязательство обеспечивать территориальную целостность соседнего государства в обмен на его отказ от оружия массового уничтожения. Мог ли кто-нибудь тогда предположить, что через двадцать лет Москва с презрительной небрежностью отвергнет взятые тогда обязательства, а в Киеве будут сожалеть, что некогда отказались от единственного средства, которое могло бы сдержать соседа.

Кремль был обеспокоен и тем, что офицеры соединений, находившихся на российской территории, вовсе не испытывали никакого уважения к новой власти, видя именно в ней виновницу развала той великой державы, которой они служили. Вся степень их ненависти была продемонстрирована 17 января 1992 года, когда 5 тысяч командиров собрались на Всеармейское офицерское собрание. Встретив топотом и свистом Бориса Ельцина, они сразу же заклеили «сговор трех президентов» и потребовали восстановить Союз.

В этих условиях необходимо было обеспечить жесткий контроль Москвы над огромной частью Советской Армии, которая досталась России. С начала 1992 года в российских государственных структурах начали прорабатываться различные планы создания Вооруженных сил. Уже 23 августа 1991-го был образован Государственный комитет РФСР по оборонным вопросам. 16 марта 1992 года Борис Ельцин подписал указ «О Министерстве обороны РФ и Вооруженных Силах РФ»⁷, а 4 апреля распоряжение о создании государственной комиссии по формированию российского министерства обороны. Председателем комиссии был назначен генерал-полковник Дмитрий Волкогонов.

7 мая Президент России подписал Указ «О создании Вооруженных Сил Российской Федерации». Новая российская армия создавалась не только из соединений, размещенных на территории РФ, она унаследовала и органы военного управления СССР. В сложившейся обстановке Ельцин не рискнул реализовать предложения ряда либеральных руководителей Госкомитета по оборонным вопросам, настаивавших на превращении Министерства обороны в гражданское ведомство, которое должно было вырабатывать военную и военно-техническую политику государства, решать кадровые вопросы. При этом предполагалось, что за оперативное руководство войсками, их боевую подготовку будет отвечать Генеральный штаб.

Была принята концепция комиссии Волкогонова, которая предлагала по сути сугубо советскую структуру Вооруженных сил и органов их управления. После чего, вопрос о выборе кандидатуры министра можно было считать практически решенным. Руководить этим быстро воз-

⁷ Ведомости Верховного Совета РФ и Съезда народных депутатов РФ 1992 № 19, с 1077

родившимся военно-бюрократическим монстром был в состоянии только профессиональный военный. И Борис Ельцин назначил первым министром обороны России десантного генерала Павла Грачева.

1. Персонажи. Десантник, которому не повезло

Наверное, ни один из героев этой книги - а предметом изучения в данном случае являются отнюдь не ангелы - не имел у российской публики такой чудовищной репутации как Павел Сергеевич Грачев. В сознании людей с именем первого министра обороны связаны гигантский размах армейской коррупции в первой половине 90-х, кровавая вакханалия первой чеченской войны и позор поражения в ней, убийство юного журналиста «Московского комсомольца» Дмитрия Холодова. Репутация эта была столь устойчивой, что не позволяла друзьям экс-министра, которые довольно долго оставались у власти, предоставить ему мало-мальски заметную должность. Так грандиозным скандалом обернулось назначение Грачева в 2002 году руководителем комиссии по проверке Тульской дивизии ВДВ.

В задачи автора не входит вынесение вердикта по каждому из этих обвинений. Я хотел бы лишь понять в какой степени личные качества, характер Грачева (как и других героев этой книги) предопределили неудачи в реформировании российских Вооруженных сил. Но как человек, который почти все годы, пока Грачев командовал военным ведомством, наблюдал Павла Сергеевича с довольно близкого расстояния, могу с уверенностью сказать – никаким злодеем Грачев конечно не был. А был профессиональным и весьма способным военачальником. Судьба сыграла с ним злую шутку, слишком быстро вознеся на высокую военную должность в стране. Наверное, то же самое произошло со вчерашними лейтенантами, которых Сталин назначал на командные должности перед войной и которых беспощадно уничтожил, свалив на них вину за первые поражения. Займи они должности чуть менее значительные, и у них была бы возможность научиться воевать, и их имена были бы в канонизированном списке полководцев Великой Отечественной.

Точно так же, сложились обстоятельства иначе, и Павел Грачев был бы сейчас не менее уважаемым, чем, многие его бывшие подчиненные. В советские времена деревенский парнишка, у которого явно не было блата, честно прошел все командирские должности. Практически все десантные офицеры в 80-е годы не миновали командировки в Афганистан, а Павел Грачев отвоевал там дважды – в 1982-1983 в качестве командира полка и в 1985 – 1988 уже командиром дивизии. За выполнение боевых задач с минимальными людскими потерями стал Героем Советского Союза. Павел Сергеевич на собственный страх и риск стал

«договариваться» с афганскими авторитетами, и тем самым снизил потери. Тот, кто писал, что при прощании Грачева с дивизией, «плакали даже полковые овчарки» явно преувеличивал, но служебный рост генерала говорит сам за себя.

Сразу после Афганистана он был отправлен в Академию Генштаба. Эта учеба сыграет немаловажную роль в дальнейших событиях. Отметим, прежде всего, то, что время учебы Грачева в академии пришлось как раз на те годы, когда разразился Вооруженный конфликт в Азербайджане, а Грузия, Молдавия и прибалтийские республики были охвачены сильным националистическим движением. Во всех этих конфликтах Москва пыталась действовать с помощью военной силы, используя прежде всего соединения десантных войск. Но делала она это совершенно безответственно и бездарно. Не окажись Грачев в академии, он наверняка участвовал бы в каких-то из этих операций, возненавидел бы «демократов», оказался бы замазан по уши, как это произошло после кровавого разгона демонстрации в Тбилиси с командующим Закавказским военным округом Игорем Родионовым. В результате Ельцин и его ближайший сотрудник Юрий Скоков не попытались бы сблизиться с молодым перспективным генералом, который сразу после назначения на должность командующего Воздушно-десантными войсками в интервью «Красной звезде» выступил против использования регулярной армии внутри страны. Министр обороны СССР маршал Язов сделал тогда генералу устный выговор. Показательно, что только что назначенному командующему ВДВ Грачеву не доверили ввод Тульской воздушно-десантной дивизии в Вильнюс и Ригу в январе 1991-го. Этим занимался его предшественник в должности командующего ВДВ Владислав Ачалов, ставший незадолго до этого заместителем министра обороны.

К моменту, когда в начале августа 1991 года министр обороны Дмитрий Язов приказал Грачеву отправиться на беседу к всесильному председателю КГБ Владимиру Крючкову, у молодого командующего ВДВ сложились неплохие отношения с уже успевшим противопоставить себя Кремлю председателем Верховного Совета РФСР Борисом Ельциным. Грачев стал бывать у него на даче, обсуждать проблемы армии. Командующий ВДВ относился как раз к той категории людей, которые вызывали у будущего российского президента безоговорочное доверие. Крупный мужик, косая сажень в плечах, не мастер говорить, зато бутылку выпьет и не упадет.

Само собой, что никаких демократических убеждений у Грачева ни тогда, ни позже не было вовсе (как здесь не вспомнить языкастого Александра Лебеда, утверждавшего, что генерал-демократ столь же естественен, как еврей-оленовод). Впрочем, не было у Грачева и прокоммунистических убеждений. Его поведение накануне и во время попытки государственного переворота, во-первых, определялось исклю-

чительно стремлением выжить и оказаться в лагере победителей, а во-вторых, глубоким недоверием ко всем участникам противостояния.

Выполняя приказ Язова, Павел Грачев сразу оказался в центре подготовки заговора. Крючков предложил ему разработать план развертывания войск для «передачи власти» от Горбачева другому лидеру. И Грачев этот приказ выполнил. История о том, как на секретной даче КГБ в компании двух чекистов главком ВДВ знакомился с описанием военных переворотов, произошедших в других странах, и писал собственный проект, так и просится в триллер. По свидетельству Грачева, ни он сам, ни кагэбэшники не были в восторге от полученного приказа, в результате план получился весьма неопределенный. Войска предлагалось использовать исключительно для охраны важных объектов. По существу армейские части предлагалось ввести в столицу лишь для демонстрации силы, командиры не имели ясных приказов по захвату власти. Забегая вперед, скажем, что именно это в значительной степени и предопределило поражение заговорщиков.

Однако Грачев не предупредил Ельцина о готовящемся путче: «Конечно, в первые дни нашей работы у меня было желание о том, что мы делаем, доложить Борису Николаевичу Ельцину. Но я с тех пор, как начал работать на этой даче, ежеминутно чувствовал, что за мной следят. А во-вторых, меня и Язов и Ачалов предупредили строго-настрого, чтобы эта информация не дошла до Бориса Николаевича Ельцина»⁸.

19 августа Грачев действовал так, как будто поддерживал каждую из обеих противоборствовавших сторон. Он направил к зданию Верховного Совета РСФСР батальон под командой своего заместителя Александра Лебеда. При этом заговорщики, среди которых был и министр обороны Язов, были проинформированы, что десантники «установили контроль» над зданием российского парламента, а Ельцину Грачев сообщил, что направил десантников для защиты руководителей России.

Момент истины наступил уже вечером 19 августа, когда Ачалов приказал Грачеву в 6 утра 20-го арестовать все руководство России. Как утверждает Грачев, он сам и все его заместители согласились не выполнять приказ, даже сознавая, что за это их ждет трибунал. Сразу после этого в сквере напротив штаба ВДВ Грачев встречается с Юрием Скоковым, которому и сообщает, что принял решение не штурмовать. «В конечном счете, я ему так сказал: «Юрий Владимирович! Я не буду штурмовать... Но мне и моей семье – мне-то ладно, я провоевал в Афганистане пять с половиной лет – пусть дадут гарантии моей семье, что ее не тронут, что она не будет репрессирована и уничтожена со стороны Ельцина»⁹. Можно представить, чего поначитался Павел Грачев на

⁸ Борис Пастернак. «Не в восторге от полученной задачи». Время новостей 17 августа 2001

⁹ Ibid

даче КГБ и какие планы составлял он на этой даче, если ставил такие условия.

Обезопасив себя с этой стороны, Грачев тут же начал обеспечивать себе алиби, чтобы не попасть под трибунал в случае победы другой стороны. Отлично понимая, что ни Язов, ни Ачалов не хотят брать на себя ответственность за предстоящее кровопролитие, он звонит министру обороны с просьбой «уточнить задачу». Однако ни Язов, ни Ачалов говорить не захотели – адъютанты сообщили, что и тот и другой «отдыхают». Грачев позвонил командиру отряда КГБ «Альфа» полковнику Карпухину, который тоже согласился не выполнять приказ.

Когда утром Ачалов потребовал отчитаться о выполнении приказа, Грачев говорил с ним уже не как со старшим начальником: «При уточнении задачи я звонил вам в кабинет, вы, оказывается, спали. Я звонил министру обороны в кабинет – тоже отдыхает. Я на сто процентов уверен, что вы не отдыхали, ни тот, ни другой. Зачем вы меня подставляете? А то, что я звонил, у меня масса свидетелей, тут-то вы меня уже не поймаете. Вы ушли от руководства, а почему я должен быть козлом отпущения и идти соответственно под трибунал?»¹⁰

Во всей этой истории показательно глубокое недоверие, которое Грачев испытывает к любому начальству – Крючкову, Язову, Ачалову и Ельцину. Здесь же можно увидеть и ту методику, с помощью которой Грачев научился весьма ловко избегать выполнения неприятных приказов. В этих случаях следует действовать максимально бестолково, требуя от начальства бесконечного уточнения уже отданных распоряжений. Точно также Грачев поступит и в октябре 1993-го, когда Ельцин (который в отличие от гэкачепистов проявил волю и настойчивость) вынужден был лично приехать в Минобороны, дабы «уточнить» колебавшемуся Грачеву боевую задачу о штурме Белого дома, где находились депутаты объявленного вне закона парламента. Есть немало свидетельств того, что Грачев всеми силами пытался оттянуть и вторжение в Чечню.

Конечно, на судьбы реформы серьезно повлияло то, что Грачев не являлся, мягко говоря, крупным военным мыслителем. К чести Павла Сергеевича следует заметить, что он сам довольно критически относился к собственным способностям: «Не потому, что я такой глупый – все-таки две академии закончил с красным дипломом. Но профессия десантника все же специфична, немножко «узковата» по сравнению с общевоинскими профессиями. Поэтому практики решения глобальных задач мне не хватало»¹¹.

До некоторой степени это соответствует действительности. Советское военное образование, как впрочем, и нынешнее российское – было

¹⁰ Ibid

¹¹ Григорий Михайлов. Павел Грачев: здравствуй, оружие "Профиль" 1998 №1

узко специализировано. Даже высшие военные получали знания в «части, их касающейся». Десантные войска были предназначены для захвата и уничтожения стратегических объектов – штабов, ракетных баз, складов с оружием массового поражения. Посему педагоги и не требовали от старательного генерала быть семи пядей во лбу. Впрочем, даже усвой Павел Сергеевич все, что преподавали ему в Академии, вряд ли это серьезно помогло бы в реформировании Вооруженных Сил. В основе всего учебного процесса лежал мифологизированный опыт Великой Отечественной войны. Из него следовало, что Советская армия является абсолютным идеалом, и реформировать в ней нечего.

Пожалуй, самое «ценное», что обрел Павел Сергеевич в Академии Генерального штаба, так это круг друзей, которые на долгие годы станут его ближайшими советниками. Валерий Лапшов возглавит аппарат министра обороны, Дмитрий Харченко – международно-договорное управление (как раз в этот период закладывались принципиально новые отношения Москвы со вчерашними противниками: США и другими государствами НАТО). Главным теоретиком реформы стал «самый умный военный» из всех встречавшихся Грачеву – его любимый преподаватель в Академии Геннадий Иванов, ставший помощником министра по военной политике, а затем начальником управления по военному строительству.

Таким образом, к руководству российскими Вооруженными Силами в наиболее критический период существования пришел смелый, но ограниченный человек без каких-либо убеждений и глубоких знаний. Он твердо знал, что начальство всегда требует или невыполнимого, или преступного. И доблесть видел в том, чтобы уклониться от выполнения подобных приказов. Военную реформу Грачев явно относил к этим требованиям.

Имитация модернизации

Перед Грачевым и его командой стояли задачи гигантского масштаба. Советская армия развалилась, нужно было хотя бы на минимальном уровне сохранить оперативный контроль над соединениями, находившимися на территории России, выполнить договоренности о выводе из Восточной Европы и Прибалтики полуторамиллионного воинского контингента, положения Лиссабонского протокола 1993 года о передаче Казахстаном, Украиной и Белоруссией ядерного оружия, находившегося на их территории.

На фоне этих операций по перемещению войск и самого разрушительного оружия требование о проведении военной реформы, которое постоянно звучало в речах президента, выглядело откровенной блажью. Посему Геннадий Иванов довольно быстро – к середине лета 1992 года, изготовил некий план военной реформы. Этот документ известен толь-

ко в изложении. Насколько можно судить, он представлял собой обычную бюрократическую отписку. Так опытный командир соединения всегда имеет подшитый в нужную папку приказ об усилении мер противопожарной безопасности. Случись пожар, его всегда можно продемонстрировать вышестоящей комиссии, как доказательство неусыпного противопожарного бдения.

План реформы разбивал ее на три этапа¹². В ходе первого предполагалась «инвентаризация» вооружений и военной техники, продолжение вывода войск из-за границы, сокращение численности войск и вооружений, разработка основ правовой базы строительства и функционирования ВС; завершение формирования МО РФ и системы органов высшего военного управления в целом. В ходе второго этапа (1993–1994 годы) намечалось: «сформировать основные принципы построения новой организационно-штатной структуры ВС РФ». При этом до 1995 года (а затем и до 2000 года) предлагалось сохранить существовавшую видовую структуру и систему управления. При этом, однако, предполагалось сформировать Мобильные силы — новое оперативно-стратегическое объединение, включив в них воздушно-десантные войска, морскую пехоту, легкие соединения Сухопутных войск, военнотранспортную авиацию, вертолетные части. Тогда же должны были создаваться новые группировки войск. Предполагалось значительное сокращение общего числа объединений и соединений и доведение их укомплектованности до полного состава. Кадрированные части и соединения должны были быть ликвидированы. Планировался также переход от армейской и дивизионной структуры Сухопутных войск к корпусной и бригадной (эти разумные и необходимые меры стали основой уже «сердюковской» реформы. Они были со страшным скрипом реализованы лишь 18 лет спустя – 2009-ом).

Был также объявлен и переход к смешанной системе комплектования Вооруженных Сил: как на основе призыва, так и добровольного поступления на военную службу. Численность Вооруженных сил в этот период должна была сократиться на 700 тысяч человек и составить на 1 января 1995 года 2,1 миллиона человек.

На третьем этапе (1995–1999 годы) намечалось завершить процесс вывода войск из-за рубежа и начать реорганизацию видов ВС и родов войск (сил); отказаться от системы военных округов, создав на их основе территориальные командования; завершить создание группировок ВС и военной инфраструктуры мирного времени; довести численность ВС до 1,5 миллиона человек.

К сожалению, Грачев и его команда так и не двинулись дальше первого этапа. Они благополучно застряли на «инвентаризации». Их взору открылись действительно несметные богатства, накопленные Совет-

¹² Красная звезда 23 июня 1992

ским Союзом. Руководители СССР, всерьез готовившиеся к войне со всем окружающим миром, отдавали себе отчет в том, что промышленность стран Запада, прежде всего США, гораздо эффективнее советской. Посему ставка была сделана на создание гигантских стратегических запасов оружия, военной техники, продовольствия, топлива и промышленного сырья. После развала СССР Минобороны в одночасье сделалось владельцем большей части этих кладовых. При этом Грачеву удалось протаскать через правительство документы, позволяющие Вооруженным Силам избавляться от «излишков» имущества самостоятельно. Все это создало предпосылки для просто былинного воровства, охватившего Вооруженные Силы. Ускоренный вывод войск из Восточной Европы и Прибалтики, когда перемещались огромные ценности, создал дополнительные возможности хищений. В оправдание Павлу Сергеевичу можно сказать только то, что присвоение государственной собственности в тот период отечественной истории являлась повсеместной практикой, оно охватило все институты российской власти.

Пресловутые оргштатные мероприятия занимали все время руководителей военного ведомства. Как раз их и выдавали за первый, а потом за второй этап военной реформы. Вскоре Вооруженные силы оказались прямо вовлечены в противостояние между президентом Борисом Ельциным и первым российским парламентом. Это противостояние чрезвычайно затруднило осуществление даже самого очевидного элемента реформы – сокращение численности Вооруженных сил. Стремясь завоевать симпатии офицерского корпуса, парламент и президент торопились перещеголять друг друга, обещая невиданные льготы военнослужащим, симпатии которых по определению и должны были обеспечить победу одной из сторон в конфронтации, скоро ставшей силовой.

В частности, были приняты решения о том, что офицер не может быть уволен из армии без предоставления ему и его семье жилья и 20 месячных окладов. Как раз в этот момент квартиры, которые всегда были собственностью государства, стали приватизироваться. У жилья появилась рыночная стоимость, и даже строительные организации Министерства обороны поторопились поднять цены за жилье. В результате увольнение каждого офицера стоило немыслимую по тем временам сумму в 30 тысяч долларов (сегодня она, разумеется, выглядит смешной). Так было положено началу процессу, в результате которого структура российского офицерского корпуса стала столь уродливой – полковников в Вооруженных силах оказалось больше, чем лейтенантов. Тысячи старших офицеров не могли быть уволены из Вооруженных Сил потому лишь, что государство было не в состоянии предоставить им квартиры. Замечу, что и сейчас, двумя десятилетиями позже, проблема увольнения военнослужащих остается серьезнейшей проблемой. Сердюков был обречен разгребать завалы, созданные в начале 1990-х.

Многотысячная очередь на получение квартир начала рассасываться только к 2015-му, уже при Сергее Шойгу.

Пожалуй, единственным сколько-нибудь серьезным шагом в области реформы стала попытка перейти к формированию Вооруженных Сил по контракту. К этому подтолкнуло просто катастрофическое состояние с комплектованием армии, возникшее после принятия парламентом законов, предоставлявших значительной части юношей отсрочки от призыва. В конце 1992 года Вооруженные Силы были укомплектованы не более чем на 50 процентов. В сухопутных войсках, ПВО и ВВС укомплектованность составила не более 30-40 %. А из-за того, что срок срочной службы был сокращен с двух до полутора лет, в 1993 году увольнялось в запас 320 тысяч человек, а призвано могло быть лишь около 90 тысяч.

Выход увидели в переходе на контракт. 30 ноября 1992 года правительство приняло постановление «О мероприятиях по поэтапному переходу к комплектованию Вооруженных Сил Российской Федерации в добровольном порядке – по контракту». Предполагалось осуществить этот переход в три этапа. На первом – в 1993 году набрать 100 тысяч рядовых и сержантов (приблизительно 10% от тогдашней численности военнослужащих этой категории). На втором (до конца 1995 года) довести количество контрактников до 300 тысяч. На третьем – до 2000 года количество контрактников должно было составить 500 тысяч.

По подсчетам Минобороны, для набора контрактников в 1993 году требовалось всего 6 миллиардов рублей. И эта сумма была выделена. Но все что произошло потом, будто бы специально делалось для того, чтобы дискредитировать саму идею комплектования Вооруженных сил на контрактной основе. Никаких серьезных документов, устанавливающих требования, которые должны предъявляться к кандидатам, не было разработано. Сам контракт являлся не юридическим документом, содержащим взаимные обязательства военнослужащего и государства, а некоей декларацией о намерениях. Военные комиссариаты получили разнарядку с требованием «завербовать» некое количество людей, а командиры частей и соединений – план по комплектованию.

Главное же заключалось в том, что был полностью проигнорирован зарубежный опыт, который требует начинать создание добровольческих сил с формирования профессионального унтер-офицерского корпуса. Как раз профессиональные сержанты и должны поддерживать дисциплину в казарме, в конечном счете, именно они должны из людей с весьма невысокими моральными и интеллектуальными качествами (то, что на первых порах именно такой контингент придет в добровольческую армию, представляется совершенно неизбежным) сделать профессиональных солдат.

Но в 1993 году об этом даже не задумывались. Поскольку деньги были выделены, кампания по набору развернулась очень быстро. Пер-

вые 100 тысяч контрактников были набраны в рекордные сроки - с апреля по июль 1993 года. Как и следовало ожидать, ни к какому повышению уровня боеготовности это привести не могло. Переход на контракт выглядел очевидной профанацией. И в войсках отнеслись к нему соответственно. У офицерских семей появилась возможность несколько повысить свое благосостояние – началось массовое оформление в качестве контрактников жен офицеров и прапорщиков.

За 1993-1995 год были оформлены контракты с почти полумиллионном человек. Но уже с середины 1994 года из-за резкого сокращения военных расходов программу начали сворачивать. Вместо того чтобы направить ограниченные финансовые ресурсы на создание двух-трех военных училищ, где готовились бы кадровые младшие командиры, которые могли бы обеспечить определенный уровень дисциплины, как в добровольческих, так и в призывных Вооруженных силах, Минобороны протасило через Думу решения об увеличении срока службы, отмене отсрочек для учащихся техникумов и ПТУ и студентов некоторых вузов.

Таким образом, первая попытка качественного, а не организационного изменения Вооруженных Сил завершилась полным провалом. При этом следует заметить, что формирование по контракту было чрезвычайно успешно в оперативной группе российских войск в Приднестровье и 201-й дивизии в Таджикистане. Объяснялось это двумя обстоятельствами. При абсолютном экономическом коллапсе в Приднестровье и Таджикистане жалование контрактника (весьма скромное по российским меркам) представляло собой целое состояние. Кроме того, служба в российской армии давала надежду на получение российского гражданства.

Однако в России попытка перехода на контракт не принесла ничего, кроме разочарования. Поэтому, когда в 1996 году Борис Ельцин подписал указ о переходе к формированию Вооруженных Сил на контрактной основе начиная с 2000 года, никто не поверил в реальность этого.

В октябре 1993 года армия показала, что она не слишком лояльна президенту, а начало войны в Чечне продемонстрировало настоящую цену бравурным грачевским докладам об успешном создании Мобильных сил. Во всей российской армии оказалось не больше пяти боеготовых соединений. Именно поэтому для штурма Грозного в январе 1995 года пришлось срочно перебрасывать батальоны морской пехоты с Тихоокеанского и Северного флотов. Что до сухопутных войск, то из округов прибывали лишь взводы, которые нужно было на месте объединять в роты. Заметим, впрочем, что, по мнению трезвомыслящих военных экспертов, таких как Виталий Шлыков, российская армия в

Чечне воевала отнюдь не хуже, чем советская во второй мировой¹³. Проблема заключалась в том, что на сей раз военачальники были лишены возможности бесконечно пополнять состав воюющей группировки за счет призывников и резервистов.

23 февраля 1995 года Ельцин заявил: «Чечня еще раз убедила в том, что мы опаздываем с военной реформой. Сама жизнь требует реформирования армии, и 1995 год будет серьезным этапом обновления Российских Вооруженных Сил... Я готов лично контролировать ход военной реформы»¹⁴. На самом деле президента интересовали предстоящие парламентские и президентские выборы. Ни о какой реформе он и не помышлял. Летом 1996 года, когда ему потребовался союз с Александром Лебедем он без колебаний принес в жертву «лучшего министра обороны» Павла Грачева, отправив того в отставку.

2. Бой с открытым забралом

Ельцин, вынужденный под давлением политических обстоятельств отказаться от Грачева, не доверял, однако ни Лебедю, ни его протеже Игорю Родионову, который в июле 1996 года был назначен министром обороны. Президент тут же определил, что за военную реформу будет отвечать, не Родионов, а секретарь только что образованного Совета обороны Юрий Батурин. Указ "О мерах по обеспечению военного строительства в Российской Федерации", подписанный Борисом Ельциным в ноябре 1996 года, возлагал на секретаря Совета обороны РФ Юрия Батурина ответственность за выработку концепции военной реформы и графика ее проведения до 2005 года. Указ требовал определить долю военных расходов в бюджете страны на ближайшие пять лет. При этом каждая конкретная программа в общем процессе перестройки Вооруженных Сил должна была получить гарантированное целевое финансирование.

Наиболее революционное решение, зафиксированное в указе, - направлять, начиная с 1997 года, призывников только в собственно Вооруженные силы, пограничные, внутренние и железнодорожные войска. Из этого следовало, что такие ведомства, как ФАПСИ или МЧС, должны были вовсе лишиться призывников. Одновременно указ обязывал сократить на 15 процентов состав воинских частей и учреждений, "содержащихся вне численности Вооруженных сил". То есть руководители доброго десятка ведомств вынуждены были бы радикально уменьшить свои "армии"

¹³ Чечня и состояние российской армии. Военный вестник МФИТ, № 6. Москва, Межрегиональный Фонд информационных технологий, декабрь 1999

¹⁴ Армия нуждается в реформировании. Независимая газета, 1995, 24 февраля

(заметим, что им практически сразу удалось положить указ под сукно, решение об ограничении призыва так никогда и не было выполнено).

Мало этого, тот же указ требовал ликвидировать в течение двух месяцев так называемый резерв Министерства обороны. Таким образом, должна была, наконец, решиться судьба сотен офицеров, которые месяцами ждали то ли увольнения, то ли нового назначения.

Даже эти первые конкретные меры задевали самым серьезным образом интересы российской военной элиты. И защитником ее интересов не мог не стать только что назначенный Ельциным министр обороны Игорь Родионов. Пожалуй, в первый и последний раз в 25-летней истории военных реформ современной России представители двух прямо противоположных подходов не боялись открытого столкновения. Батурин и Родионов являлись наиболее яркими представителями тех двух групп, что вступили в борьбу из-за военной реформы. И тот, и другой были абсолютно уверены в собственной правоте и не считали нужным щадить самолюбие противника. Они были обречены на жестокую схватку.

Персонажи. Бессильный силовик

В 1996 году к моменту назначения на должность министра обороны России Игорь Родионов в самом деле являлся «элитным» по определению Александра Лебеда генералом, то есть одним из лучших представителей генералитета позднесоветского периода. Его послужной список - тому наилучшее доказательство. "Теплых" местечек за исключением Группы советских войск в Германии, куда Родионов попал лейтенантом и вряд ли по блату, не просматривается. Через должности не перескакивал, везде, от Дальнего Востока до Афганистана, честно тянул солдатскую лямку. Не назовешь его и просто служакой: золотая медаль бронетанковой академии говорит о многом. Столь разные люди, как бывшие министры обороны СССР Дмитрий Язов и Евгений Шапошников, едины в оценке Родионова - отличный профессионал, талантливый военный руководитель. Особенно восторжен был в оценках Язов, который обратил внимание на способного заместителя командира дивизии полковника Родионова еще лет за пятнадцать до описываемых событий и, видимо, способствовал его служебному росту.

Подчиненные тоже отзывались о Родионове-командире чаще хорошо, чем плохо. Все отмечали предельную честность и щепетильность: подношений не терпел ни в каких видах. Генерал с полным правом гордился тем, что ни в комдивах, ни в министрах не заставлял солдат работать на себя. Придя в военное ведомство, вызвал немалое удивле-

ние министерской братии сетованиями на то, что теперь руки совсем не доходят до огорода на даче. Родионов был известен не только высокими моральными качествами, но и тем, что истово верил в Бога. В теории чистая совесть и твердые нравственные устои в сочетании с регулярными занятиями спортом и закаливанием (генерал в любую погоду бегал босиком) делают человека спокойным, рассудительным, уверенным в себе.

Однако таким (и последующие события это доказали) Игорь Родионов не был. В течение семи лет, с 1989 го года до самого назначения министром душу генерала разъедали страх и память о пережитых унижениях. В 1988 году Родионов, боевой генерал, прошедший Афганистан, возглавил Закавказский военный округ. При всех своих положительных качествах он, как и положено советскому генералу и члену КПСС, политически был абсолютно непошибаем. Существует, правда, легенда, что на очередном партийном съезде генерал собирался врезать правду-матку по поводу афганской авантюры. Но легенду эту следует отнести на счет фантазии услужливых журналистов. Родионов уже в качестве министра с нескрываемым отвращением говорил о тех, кто считает, что у военнослужащего должно быть право решать, преступен или нет полученный приказ.

Сам он, получив 9 апреля 1989 года указание из Москвы навести порядок в Тбилиси, охваченном антиправительственными демонстрациями, если и терзался сомнениями, то исключительно по соображениям практического характера - предлагал центру использовать не десантников, а внутренние войска. Последовавший же прямой приказ выполнил и десантников двинул. Главное, власть впервые в период перестройки пошла на кровопролитие, чтобы защитить себя. И сделала это руками Родионова.

Когда поднялось всеобщее возмущение, и была создана депутатская комиссия, Горбачев выставил генерала чуть ли не инициатором побоища. И предоставил самому выпутываться из этой истории. И тот выпутывался, как мог выпутываться советский генерал, то есть очень неуклюже. Сначала отмалчивался, потом на съезде народных депутатов вдруг брякнул, что только так и надо было действовать. Для Родионова наступили тяжелые времена. Единственной благодарностью тех, кто спрятался за спину генерала, стало назначение Родионова начальником академии Генерального штаба. Для командующего округом, для которого следующая ступень – либо начальник Главного управления Минобороны или Генштаба, либо должность заместителя министра, это было равносильно краху.

С того времени в сердце военачальника поселился страх: не дай Бог, кто вспомнит о том, спущенном на тормозах, кровавом деле. Рассказывают, что провал ГКЧП поверг Игоря Родионова в шок: будучи вызванным на собеседование в министерство обороны, он не мог унять

дрожи в руках. И не потому вовсе, что он симпатизировал путчистам. Генерал боялся, что демократы, придя к власти, припомнят ему Тбилиси. Однако не припомнили. И все те бурные годы, когда его выпускники выводили войска из Восточной Европы, тушили конфликты в Абхазии и Приднестровье, стояли перед выбором штурмовать Белый дом в Москве или нет, воевали в Чечне, Родионов пребывал в тихой академической заводи. Генерал позволял себе некоторое фрондерство, периодически публикуя статьи, которые должны были демонстрировать всю ничтожность теоретических построений грачевских выскочек. Но не более того. Надо отдать должное тогдашнему министру, он на эти выпады внимания не обращал.

Статьи, однако, сыграли свою роль. Когда Александру Лебедю, отправившемуся на штурм властных высот, потребовались люди, способные написать хоть сколько-нибудь внятную военную программу, он вспомнил о Родионове. Сделавшись президентским советником по национальной безопасности, Лебедь стал проталкивать Родионова на должность министра обороны. Собственно говоря, новоиспеченному политику не так важно было, кого именно продвигать - главное, хотелось продемонстрировать свои властные полномочия. Да и выбор у Александра Ивановича был невелик: сам-то он академии Генштаба, которая открывала путь к третьей генеральской звезде, не окончил, и связи в высшем военном обществе имел весьма ограниченные.

Так оборонное ведомство страны получило в начальники человека, прошедшего шесть лет вдаль от центров принятия решений. То же самое можно было сказать о большинстве членов его команды. Все эти годы зона их деятельности сводилась по большей части к составлению планов: учебных на академических кафедрах или планов утопической военной интеграции в Штабе по координации военного сотрудничества государств - участников СНГ.

Персонажи. Хождение дилетанта во власть

Если Игорь Родионов относился ко всем происходившим в стране переменам со страхом и ненавистью (весьма показательно, что последние годы жизни он посвятил борьбе с сионистским заговором против русского народа), то Юрий Батулин, разумеется, испытывал огромную симпатию к этим переменам. Ведь именно они вознесли никому не известного кабинетного ученого на политический Олимп. Во времена СССР он не имел никаких шансов взлететь так высоко, как он это сделал в ельцинской России.

Батулин - это интеллигент из 70-х, то есть принадлежит к советскому "потерянному поколению" эпохи глухого застоя. В науке, производстве (о политике и говорить не приходится) им было некуда двигаться - практически все места занимали люди системы, хоть и достигшие бо-

лее чем преклонного возраста, но намеренные пробыть в должности до самой смерти. Оставалось до старости гнить в мэнээсах. (Не помогало даже то, что Юрий Михайлович был, что называется, из "правильной" семьи – его отцом был легендарный советский разведчик, возглавлявший во время войны резидентуру в Турции). Невостребованная энергия тратилась на походы и песни у костра, а также на всевозможные хобби.

Наш герой отдал дань всем этим занятиям: он проводил отпуск на Тянь-Шане, а творчество Высоцкого знал так хорошо, что одно время собирался написать о нем книгу. Каждое из своих многочисленных увлечений он, в силу дарования, доводил до профессионального уровня. В знаменитом НПО "Энергия", космической фирме Королева, в теоретический отдел которой Юрий Михайлович пришел после физтеха, он занимался разработкой систем управления космических кораблей. Но этого ему было недостаточно, и он добился разрешения в свободное время работать еще и в летно-испытательном отделе, где проходили подготовку космонавты. Мало того, параллельно Батурин не оставлял попыток поступить в гуманитарный вуз - последовательно сдавал документы на журфак и филфак МГУ, в иняз. Но мешала инструкция, запрещающая получать второе высшее образование.

И тут испытательному отделу института понадобился зачем-то собственный юрист. Батурин оказался единственным из молодых сотрудников, кто жаждал вновь где-нибудь поучиться, и его направили во Всесоюзный юридический заочный институт (через год он поступит и на журфак). Увлечение космонавтикой уходит на второй план, ее место занимает наука, в те времена наряду с социологией проходившая по разряду "продажных девок империализма", - политология. Область тогдашних его интересов - построение математических моделей политических процессов. И здесь по счастью судьба сводит его с весьма именитым партийным ученым Георгием Шахназаровым. В 1979 году Шахназаров с успехом проводит в Москве международный политологический конгресс, благодаря чему получает от партийного начальства разрешение на создание сектора политологии в Институте государства и права. Батурина он берет туда, даже, несмотря на то, что тому до окончания юридического института оставался еще год.

Человека, привыкшего к полувоенной дисциплине "Энергии", расслабленность, царившая в академическом институте, как рассказывал мне Юрий Батурин, просто шокировала. Люди подтягивались к одиннадцати, вяло обсуждали новости, без конца пили чай, курили, и к четырем уже никого не было. Тогда он, никогда всерьез до того не куривший, в знак протеста достал подаренную кем-то трубку и стал демонстративно часами пускать дым в потолок. По иронии судьбы ровно через две недели он был повышен.

И все же неуменную энергию не могли укротить никакие перекуры. Через четыре года Батурин защищает кандидатскую, посвященную

Европарламенту и механизму его функционирования (тема весьма щекотливая, особенно если учесть уровень парламентаризма в тогдашнем СССР). Следующее его увлечение для середины 80-х, когда компьютер относился еще к разряду заморских диковинок, было и вовсе более чем экзотическим - "компьютерное право". Этой теме он отдавал все свое время, что, впрочем, не мешало ему переводить Льюиса Кэрролла и делать к нему комментарии.

Однако ученые штудии вскоре пришлось прервать. Шла перестройка. В 1987-м Батулин был включен в группу разработчиков Закона о гласности, который, правда, Верховный совет СССР благополучно похоронил. Но именно тогда ученый впервые понял, что разносторонним его способностям можно найти применение и в делах государственных, а не только в чисто интеллектуальных играх.

Всего через три года уже другой Верховный совет утвердит Закон о печати, одним из авторов которого стал Юрий Батулин (двое других: Михаил Федотов и Владимир Энтин). Эта первая победа в новой для него области начиналась как ни к чему не обязывающее упражнение для ума. За десять дней трое юристов, попивая пиво, чуть ли не на спор написали закон, запрещающий цензуру, в корне менявший отношения между прессой и государством. При этом они умудрились заткнуть за пояс комиссию, учрежденную Верховным советом СССР. Впоследствии из-под пера тех же авторов вышел и аналогичный российский закон. Закон, заметим, настолько целостный и внутренне логичный, что нынешней российской власти до сих пор так и не удалось уничтожить его с помощью поправок.

Но во власть Батулина тогда не позвали. Вместо Кремля он отправился в США, где в Институте перспективных русских исследований в Вашингтоне продолжил занятия компьютерным правом. Люди, способные облекать политические реалии в четкие юридические формулы, понадобились Михаилу Горбачеву только тогда, когда под ним зашатался стул, иными словами, когда начал разваливаться Союз. Кремль искал способы договориться с республиканскими лидерами, шла подготовка "новоогаревского процесса". Георгию Шахназарову, тогда уже помощнику Горбачева, стоило больших трудов взять Батулина к себе - руководитель президентского секретариата Юрий Болдин всячески этому противился. Новый работник аппарата был сразу подключен к разработке Союзного договора, более или менее приемлемого для республик. Но никакой уже договор не мог спасти агонизирующее государство. В декабре 1991 года вместе со всей горбачевской командой Батулин покинул Кремль.

Однако, проведенные там шесть месяцев, стоили, по словам Юрия Михайловича, многих лет институтской жизни. Юрист-теоретик получил возможность узнать, по каким законам строится реальная российская политика. Контраст между теорией и практикой был, видимо,

столь разителен, что Батурин, получив предложение стать помощником по правовым вопросам уже российского президента, прежде чем дать согласие, размышлял два месяца. Произошло это через полтора года после первого ухода из Кремля. За это время Юрий Михайлович успел стать доктором юридических наук и приобрести некоторую известность, как постоянный консультант телепрограммы "Итоги".

В начале 1993 года противостояние между президентом и Верховным советом нарастало день ото дня. На законы, которые издавал Верховный совет, Ельцин отвечал президентскими указами, юридическая обоснованность которых часто оставляла желать лучшего. Президенту позарез нужен был профессионал, умеющий за юридической догмой видеть реальную жизнь. Единственное условие, которое он поставил, вступая в должность, - право последним визировать указы, поступающие на подпись Борису Ельцину. Конечно же, контролировать все указы не удавалось, особенно те, что президент подписывал "на коленке". Чаще всего это были просьбы о предоставлении тех или иных льгот. Но все-таки кое-какой порядок помощнику навести удалось.

Собственно, президент, поглощенный политической борьбой, взял Батурина в Кремль для того, чтобы тот помог ему придать этой борьбе более цивилизованный вид. Впрочем, надолго цивилизованности не хватило. И, когда Борис Ельцин поручил помощнику подготовить достопамятный указ 1400, который по сути дела объявлял вне закона законно избранный парламент, Батурин выполнил и эту задачу со всей тщательностью, на какую был способен. Единственное, что он себе позволил позже заявить в "Известиях": "Во имя высших интересов мы стали над законом, и расплачиваться за это будут наши дети"¹⁵. Что же, сейчас можно отдать должное его прозорливости.

После событий 1993 года Батурин приложил немало сил к тому, чтобы ввести политическую жизнь страны в рамки закона. Впрочем, занимался он этим уже не в одиночку. Поняв какую пользу может принести лояльный, лишенный политических амбиций интеллект, Ельцин ввел в свое окружение Сатарова, Лившица, позже Краснова - людей блестящих, способных предлагать неожиданные, нестандартные ходы. С их помощью президент (а с ним и вся страна) вышел из кризиса 1993 года с наименьшими потерями. В своих интервью Батурин не раз намекал на то, что в тот момент многие толкали президента на введение отнюдь не демократических институтов правления.

В начале 1994 года остро встал вопрос о силовых ведомствах, которые в критический момент отнюдь не проявили той лояльности, на которую рассчитывал президент. Батурина назначают помощником главы государства по национальной безопасности. Это был вызов генералам,

¹⁵ Леонид Никитинский. Президента подталкивают к нарушению прав человека в России. Известия, 15 октября 1993

которые доказывали, что "пиджак" в их проблемах разобраться не может. Впрочем, Батулин с самого начала всячески подчеркивал, что и не собирается входить в тонкости управления войсками и спецслужбами. Он занялся вопросами теоретическими: концепцией национальной безопасности и военной доктриной. Практики в погонах на эти экзерсисы смотрели тогда, как на мальчишескую игру, тем более что Батулин, посещая воинские части и полигоны, не упускал возможности пальнуть из автомата или пушки.

При этом до самых серьезных дел президент своего помощника не допускал. На период подготовки чеченской кампании Батулина от греха подальше отправили с визитом за рубеж, так что в печально известном заседании Совета безопасности тот участия не принимал. Впрочем, впоследствии Батулин покорно занялся юридическим обоснованием президентского решения, которое предстояло защищать в Конституционном суде. И вновь он справился с задачей: подготовленная им аргументация позволила Конституционному суду (вполне лояльному Борису Ельцину) сохранить лицо, когда он принял решение о том, что, вводя войска в Чечню, президент действовал в рамках Основного закона страны.

При всей очевидной полезности Юрия Батулина и его не единожды проверенной лояльности президент отнюдь не считал его незаменимым. Когда во время президентских выборов его должность понадобилось дать Александру Лебедю, чтобы заручиться его поддержкой во втором туре, место у Батулина отобрали. Однако отставка была недолгой. Дабы ограничить власть десантного генерала, сделавшегося в одном лице и секретарем Совета безопасности, и помощником по национальной безопасности, и председателем комиссии по высшим воинским званиям, придумали Совет обороны. И Юрий Михайлович согласился стать его секретарем. Вот тут-то наступил его звездный час. Впервые в жизни он решил пуститься в самостоятельное политическое плавание.

Две концепции

После чеченского позора стало ясно, что с армией надо что-то делать и что бодрые доклады Павла Грачева об успешном завершении первого этапа реформы и благополучном начале второго – не более, чем фикция. А пришедший на смену Грачеву Родионов стал вести себя странно. Если Николай Рыжков вошел в историю как "плачущий премьер", то Игорь Родионов имеет все шансы остаться в памяти потомков рыдающим министром обороны. "Как министр обороны я становлюсь староним наблюдателем разрушительных процессов в армии. Ничего не могу с этим поделать"¹⁶, - жаловался он руководителям средств массовой

¹⁶ Илья Булавинов. Родионов помирился с Батулиным. Коммерсант 8 февраля 1997

информации. "Какой же я министр обороны? - сокрушался на встрече с отставными военачальниками. - Я - министр разваливающейся армии и умирающего флота"¹⁷.

Между тем, при назначении на должность Игорь Родионов отнюдь не был столь пессимистичен: "Если бы я не видел... света в конце тоннеля, - заявил он тогда в интервью в «Красной звезде», - то не согласился бы возложить на себя обязанности руководителя военного ведомства". И даже более того: "У меня, слава Богу, есть здоровье, энергия, а главное, вера в то, что, объединив лучшие силы в стране и армии, можно создать Вооруженные Силы, достойные России"¹⁸. При этом по поводу состояния Вооруженных сил и необходимости военной реформы он высказывал если не революционные, то хотя бы вполне здравые мысли. На вопрос, способна ли страна содержать полуторамиллионную армию, Родионов отвечал: нет, не способна. И подчеркивал, что Совет обороны для того и создан, чтобы найти оптимальную численность Вооруженных сил, наметить пути реформирования. Однако через полгода он завел совершенно иные речи.

Вместо того, чтобы исполнять ельцинский указ и заниматься разработкой плана реформирования армии, Родионов стал апеллировать к общественности и жаловаться на экономические трудности. Что до взглядов на то, как именно следует строить оборону, то здесь Родионов высказывал все более и более экзотические идеи. В частности он подверг косвенной критике Верховного главнокомандующего, заявив (забыл, очевидно, о президентском указе), что профессиональная армия - это, мол, выдумка "новых русских", которые хотели бы "летать на Канары, пока кто-то будет вместо них проливать кровь за Родину"¹⁹. Встречаясь с журналистами 23 февраля 1997 года, он развил эти взгляды. По Родионову ни ядерное оружие, ни хорошо подготовленные профессиональные Вооруженные силы не могут сдерживать потенциального агрессора. Вообще армия мирного времени в случае войны будет уничтожена в считанные недели. Ее задача - сдерживать первый удар, позволить стране перейти с мирных рельс на военные. Поэтому главное - военная организация общества, наличие мощных подготовленных резервов. Страх перед неизбежными потерями в затяжной войне с Вооруженным народом - вот что, по мнению Родионова, должно остановить любого агрессора. «Да мы любого врага палками перебьем», заявил тогда Родионов. Одним словом, не пушки и танки и даже не военные профессионалы, а высокое оборонное сознание общества - залог безопасности страны.

¹⁷ Цитата на первую полосу. Известия 25 февраля 1997

¹⁸ Сергей Князьков, Владимир Чупахин, Анатолий Стасов. Надо сделать все возможное, чтобы армия вышла из кризиса. Красная звезда 2.10.1998

¹⁹ Илья Булавинов. Министр обороны решил выяснить, куда делась армия. Коммерсант 21 февраля 1997

Такое сознание тогда в России отсутствовало, полагал министр. И Родионов вполне ясно намекал, что вину за это несет руководство страны. Если же суммировать все, что наговорил Игорь Родионов за 10 месяцев, пока он был министром обороны, то следовало – нужно не реформировать Советскую армию, а сохранить ее в максимальной неприкосновенности. Посему Родионов настаивал, что военная реформа должна заключаться не в реформе армии, а в неких обязательных изменениях во всей военной организации общества. В интерпретации Родионова это означало передачу в ведение Министерства обороны войск других ведомств. Он также требовал провести конверсию ВПК, привести в порядок военное законодательство, принять военную доктрину – и только тогда переходить к реформированию армии. На самом деле, он прекрасно понимал, что решение любой из этих задач потребует нескольких лет.

В то же время военное ведомство доказывало, что реформу можно начинать только при выделении огромных дополнительных средств. Министерство обороны требовало, чтобы государство расходовало на Вооруженные силы не менее 15 процентов валового внутреннего продукта России. По сути дела это означало, что страна должна направить все ресурсы не на экономическое выживание, а на поддержание Вооруженных сил (не будем забывать, что дело происходило в первой половине 1997 года, когда наиболее прозорливые экономисты уже предсказывали возможность жестокого экономического кризиса). Более того, руководство военного ведомства считало преждевременным сокращение армии и флота, из неотвратимости которого исходил президентский указ.

Было очевидно, что требования Родионова представляли собой не программу реформ, а не слишком внятное обоснование, почему эти реформы невозможны. Все разговоры о необходимости кардинальных изменений в военной организации общества и непомерные финансовые претензии имели лишь одну очевидную цель – отложить любые перемены на максимально отдаленное будущее. Те полтысячи генералов, которые должны были быть уволены при сокращении армии, оказались более чем влиятельны. А Родионов, который по воле президента (который уволил его с действительной службы) стал вторым в истории современной России «гражданским» министром обороны, был прежде всего озабочен тем, чтобы демонстрировать свою лояльность военному истеблишменту. Он не мог не быть против сокращения армии, потому что не мог смириться с тем, что армию будут вынуждены покинуть десятки тех, кого воспитывал в академии Генштаба.

И тут Батулин, в общем-то кабинетный ученый, которого как всякого «семидесятника» мучил гамлетовский комплекс неспособности к действию, решил, что наступил его звездный час. Аппарат Совета обороны распространил альтернативный проект реформ. Честно говоря,

есть немалые сомнения, что документ этот был разработан в Совете обороны под руководством Батурина. Мне известны по меньшей мере три крупных военных аналитика, претендовавших на авторство этого документа.

Проекты реформирования Российской армии, вполне реальные и, главное, экономически обоснованные, появились отнюдь не в 1997 году. В частности годом раньше, сразу после увольнения Грачева на встрече с журналистами, среди которых был и я, Андрей Кокошин сообщил, что группой экспертов Минобороны и Генштаба подготовлен доклад "Строительство и реформирование Вооруженных Сил РФ и других войск". Отличался этот документ от других, появлявшихся в то время как грибы после дождя проектов реформ, разительно. В нем впервые было сказано, что и сколько должно стоить: во что обойдется содержание дивизии, флотилии, эскадрильи. И на основании не только военно-политического, но и военно-экономического анализа предлагалась оптимизированная структура Вооруженных сил. Поначалу Игорь Родионов разделял позиции разработчиков. Но, столкнувшись с твердокаменной позицией нового начальника Генерального штаба Виктора Самсонова, провозгласившего: "Никаких изменений", отступил.

Документ, который «приватно» распространяли сотрудники Совета обороны, по своей идеологии, подходам удивительным образом напоминал тот, о котором рассказывал Кокошин. То ли речь шла о вещах совершенно очевидных, которые, что называется, носились в воздухе, то ли заместитель министра обороны (о той противоречивой роли, которую Андрей Кокошин сыграл в попытках реформирования Вооруженных Сил я расскажу позже) предпочел не конфликтовать с прямым начальством и передал заключительную часть разработанного документа Батурину, который просто рвался в бой.

Для вполне советского по своим взглядам генералитета предложения Совета обороны выглядели действительно революционными и прежде всего в отношении задач Вооруженных сил. Они по существу предлагали исключить возможность «крупномасштабного» (так на жаргоне Генштаба именовалось мировая война) конфликта из системы военного планирования. Армия, утверждал документ Совета обороны, должна готовиться к локальным конфликтам, "нейтрализовывать которые должны силы одного военного округа, а также к региональным конфликтам, которые должны быть нейтрализованы силами двух-трех военных округов"²⁰. Это означало, что российская армия отказывается от главной задачи Вооруженных Сил СССР - подготовки к ведению глобальной войны на всех направлениях одновременно.

²⁰ Александр Гольц. В России министр обороны – гражданский! Но не штатский Итоги, №321996

Из чего в документе впервые был сделан вполне логичный (хотя и шокировавший многих) вывод: если грядущая война выйдет за рамки регионального конфликта, Россия может и должна использовать ядерное оружие первой для нанесения обезоруживающего удара. "Нанесение ограниченного ядерного удара стратегическими ядерными силами, - подчеркивали авторы, - осуществляется для деэскалации Вооруженного конфликта и предотвращения его перерастания в широкомасштабную войну против России и ее союзников"²¹.

Ставка на ядерное оружие открывала двери для кардинальных структурных изменений. На первом этапе реформы, который должен был занять ближайшие пять лет, предполагалось сократить армию и флот до 1,2 миллиона человек (Только в течение 1997 года Вооруженные силы, имевшие по штату 1700 тысяч, предлагалось уменьшить на 200 тысяч человек). Число генеральских должностей с 1928 должно было снизиться примерно до 1700, а военные формирования других ведомств предлагалось уменьшить на треть. Должно было сократиться число видов Вооруженных сил и родов войск. Так, в результате слияния Ракетных войск стратегического назначения, военно-космических сил и войск ракетно-космической обороны должны были быть образованы Ракетно-космические войска. ПВО и ВВС, объединившись, должны были образовать Войска воздушной обороны.

Предлагалось серьезно расширить функции Генерального штаба. Ему должны быть подчинены территориальные объединения, которые должны были включить военные округа, а также округа внутренних и пограничных войск. Главкомат Сухопутных войск упразднился вовсе. Настаивая на серьезном сокращении численности Вооруженных Сил, авторы проекта предлагали свое решение проблемы, которую Родионов представлял как совершенно неразрешимую. Речь шла об отсутствии средств, чтобы профинансировать увольнение значительного числа офицеров и прапорщиков. Ведь на каждого, утверждали военные финансисты, надо было истратить 150 миллионов рублей (по тогдашнему курсу рубля это 25-30 тыс. долларов). Чтобы запустить реформу, по мнению авторов документа, требовалось 10 триллионов рублей. Шесть с половиной уже были записаны отдельной строкой в бюджете 1997 года. Остальные, должна была дать рационализация расходов силовых ведомств. Секретарь Совета обороны предлагал, в частности, отказаться от убыточных армейских сельхозпредприятий, неэффективной системы военной торговли, дублирования в системе военного и гражданского образования. Кроме этого, предлагалось, в частности, приватизировать немалую часть собственности Министерства обороны. В список были включены и промышленные предприятия, и земельные участки

²¹ Ibid

(только в Московской области военному ведомству принадлежало 150 тысяч гектаров).

На втором этапе реформы (2001-2005 годы) Вооруженные силы должны были быть полностью укомплектованы контрактниками. Одновременно предстояло создать систему подготовки резервистов. Их ежегодно должны были бы призывать на военные сборы на 45 суток. Для тех же, кто не пожелает быть резервистом, должна была сохраниться альтернативная гражданская служба.

С самого начала было очевидно: подобный проект - прямой вызов руководству Министерства обороны. Создавалось впечатление, что его авторы прямо ставили себе цель довести высший генералитет до белого каления, вызвать военачальников на прямой конфликт. Проект требовал уже на первом этапе реформы ликвидировать 300-500 генеральских должностей. Речь шла о среднем руководящем составе армии и флота. То есть как раз о тех, кто способен утопить в бюрократической рутине любые самые благие планы в том случае, если они угрожают их благополучию. Кроме того, неизбежны были бюрократические войны на выживание при слиянии видов и родов Вооруженных сил, упразднении главкоматов. Наконец, оперативное подчинение Генштабу пограничных и внутренних войск неизбежно должно было вызвать резкий протест соответствующих ведомств.

Обосновывая свои предложения, Юрий Батурин, не устал повторять, что Россия не в состоянии содержать существовавшую тогда армию. Хотя бы потому, что она унаследовала 85 процентов Вооруженных Сил СССР и только около 60 процентов советского экономического потенциала. Проблемы с финансированием, настаивал секретарь Совета обороны, являются отражением несоответствия военной организации и экономической базы.

После того, как «батуринский» план стал достоянием гласности, разразился грандиозный скандал. Родионов обвинял секретаря Совбеза в узурпации власти и дезинформировании президента. Не удавалось сохранять даже видимость приличий. В частности, совместная пресс-конференция министра обороны и секретаря Совета безопасности (устроенная по приказу Кремля, она должна была продемонстрировать, что никакого конфликта не существует вовсе) была выдержана в драматургии «Вишневого сада». Оба участника вроде бы вели диалог, но и Батурин, и Родионов говорили каждый о своем, делая вид, что не замечают, как прямо противоречат друг другу. Эта «холодная война» продолжалась всю первую половину 1997 года. И если «батуринский» план был известен и широко обсуждался в печати, то Родионов упорно отказывался оглашать минобороновские предложения, заявляя, что сначала он доложит о них Верховному главнокомандующему в ходе заседания Совета безопасности. Это заседание несколько раз переносилось и, наконец, было назначено на 17 мая 1997 года.

Все ожидали жесткой дискуссии, но того, что произошло в этот день в здании Генштаба, не прогнозировал никто. Президент буквально разгромил высшее военное руководство страны. "Я не просто неудовлетворен, я возмущен тем, как осуществляется реформа армии, и состоянием Вооруженных сил в целом"²², - заявил Борис Ельцин, открывая заседание Совета обороны. И всю ответственность за то, что происходит в армии, по его мнению, нес лично Игорь Родионов, после назначения которого на пост министра обороны "ничего не было сделано в плане военной реформы". Глава государства обвинил военное руководство в том, что оно "не хочет сокращать численность армии, число генералов".

Можно только догадываться, что спровоцировало президента на столь гневную речь. Секретарь Совета обороны Юрий Батурин, не скрывая удовлетворения, говорил журналистам, что все дело в исключительно полной информированности президента о состоянии Вооруженных сил. Доклады, с которыми намеревались выступить Родионов и Самсонов, были направлены Ельцину еще в апреле. И президент имел возможность сопоставить оценки военных руководителей страны с реальным положением дел, о котором он мог судить по текущим документам, поступающим из армии. Так, оба доклада констатировали полное истощение армейских запасов, а, например, из рапорта командования оперативной группы в Приднестровье (Батурин летал туда в феврале 1997 года) следовало, что склады там просто переполнены. Последней каплей стал ответ военного ведомства на президентский запрос о реорганизации Воздушно-десантных войск. Министерство сообщало, что план реорганизации содержится в ранее направленном Ельцину докладе о концепции военного строительства. На самом деле в документе этого плана не было. И за сутки до Совета обороны Ельцин приостановил реорганизацию.

Кроме очевидных управленческих ляпов, было и то, что можно трактовать как прямой саботаж. Министерство обороны и Генеральный штаб представили президенту проект, согласно которому Вооруженные силы к 2001 году должны быть сокращены на 200 тысяч должностей. Между тем существовал подписанный в самом начале 1997 года и никем не отмененный приказ Ельцина, предписывающий ровно такое сокращение провести до конца того же года.

По Ельцину, вину за происходящее несли не только Родионов и Самсонов, но и весь российский генералитет: "Генералы - на сегодня главный тормоз армейских реформ"²³. Тон президента не оставил никаких сомнений: он имеет в виду не конкретные личности, а всю касту

²² Евгений Москвин. Президент сделал окончательный выбор стратегии военной реформы. Независимое военное обозрение, 1997 № 18

²³ Владимир Климов. Последний выход министра. Российская газета 24 мая 1997

высших военных. Генералы, по мнению Бориса Ельцина, не заинтересованы в реформировании армии, так как боятся потерять свои привилегии: "Солдат худеет, а генерал жиреет... Настроили себе дач по всей России!"²⁴» После такой выволочки в присутствии подчиненных и прессы Игорь Родионов заявил, что не может ограничить свое выступление пятнадцатью минутами, отведенными ему президентом, добавив в сердцах, что если так начинать Совет обороны, то ничем хорошим он кончиться не может. И как в воду глядел. Реакция на этот демарш последовала незамедлительно: Верховный главнокомандующий прямо на заседании отстранил от должностей и его, и Виктора Самсонова, который тоже отказался выступать. Надо сказать, что тогда казалось, что Борис Ельцин просто дает выход накопившемуся раздражению. Последующие годы весьма ясно доказали, первый президент России благодаря своей интуиции, если и не понял, то почувствовал, в чем состоит главный нерв военной реформы.

Но Ельцин не ограничился одними репрессиями в отношении тех, кто саботировал военную модернизацию. На том же заседании Совета обороны принято решение подготовить окончательный вариант концепции реформы к 25 июня 1997-го. Комиссию по доработке документа возглавил премьер Виктор Черномырдин. Кроме того, тут же была создана и другая комиссия, которая должна была заниматься вопросами финансирования Министерства обороны и прочих силовых структур. Ельцин объявил, что постоянно будет держать в поле зрения ход военной реформы.

Казалось, реформаторы одержали полную победу. Но для Юрия Батурина она оказалась пирровой. Высший чиновничий класс России отторг человека, который не побоялся вынести дискуссию о святой святой российской государственности – об армии – на всеобщее обсуждение. Через несколько месяцев Совет обороны был упразднен, а сам Батурин отправился покорять не властные, а космические вершины.

3. Искусство резать по живому

Однако, несмотря на уход Батурина складывалось впечатление, что уж третья попытка реформирования российской армии имела все шансы закончиться успешно. Во главе Вооруженных Сил встали люди, высказывавшие поначалу сходные взгляды на военное строительство.

²⁴ Ibid

Персонажи. Технократ из Власихи

То, что дни Игоря Родионова на посту министра обороны были сочтены, в канун майского заседания Совета обороны было ясно практически всем, кроме самого главы военного ведомства. Но то, что его преемником станет главнокомандующий Ракетными войсками стратегического назначения генерал армии Сергеев, не мог предположить, никто, включая и самого Игоря Дмитриевича. Когда через минуту после отстранения от должности Родионова и начальника Генштаба Самсонова президент назвал фамилию Сергеева, все присутствовавшие были уверены, что того приглашают просто выступить. Генерал и направился было к трибуне, но был президентом остановлен. Ельцин предложил Сергееву министерский пост, и тот без колебаний и предварительных условий это предложение принял. Надо сказать, что генерал Виктор Чичеватов, получивший через несколько минут после Сергеева предложение возглавить Генштаб, предпочел отказаться. А готовность Сергеева означала: еще в подмосковной Власихе, в командном центре РВСН, генерал не раз предавался размышлениям на тему "Если бы директором был я". Он никак и никогда не проявлял своего желания занять кресло министра, но внутренне был, очевидно, готов возглавить военное ведомство.

Игорь Дмитриевич Сергеев относился к тому типу честолюбивых людей, которые полагают: судьба дает шанс каждому - и людям удачливым, и неудачникам. Но только первые отличаются от вторых тем, что они всегда готовы максимально использовать представившуюся возможность. И не случайно именно Сергеев стал первым (если не считать легендарного создателя РВСН маршала Неделина) "настоящим" ракетчиком, поставленным во главе ракетных войск (остальные главкомы приходили из других видов Вооруженных Сил), а затем и первым ракетчиком, занявшим должность министра обороны. Впоследствии Сергеев станет и первым маршалом России.

Впрочем, юный флотский лейтенант явно недооценивал перспективы, которые открывало перед ним неожиданное назначение в начале 1960-х стратегические ракетные войска, тогда только создававшиеся. Одна мысль о том, что придется распрощаться с черным кителем, кортиком, и, главное, форменными флотскими ботинками приводила его в откровенное уныние. "Уволюсь, но сапоги не надену", - в отчаянии говорил он сослуживцам. В итоге в сапоги влезть пришлось, причем в резиновые: стартовые позиции "стратегов" разворачивали в глухих болотистых местах. Но тосковал по военно-морской форме Сергеев недолго. Люди, знавшие Игоря Дмитриевича в начале его службы, вспоминают, что пока собранные из разных видов Вооруженных Сил офицеры сетовали на свою горькую долю, наш герой с полной отдачей занимался освоением принципиально новой техники. Именно это уме-

ние полностью сконцентрироваться на поставленной задаче и обеспечило ему неуклонное движение вверх.

Любовь к учебе Сергеев пронес через все годы до высоких генеральских погон. Он не ограничился обязательными для продвижения по службе академиями Дзержинского и Генерального штаба. Главкому РВСН, то есть войскам, которые, как шутил Сергеев, уверенно держат первенство по количеству кандидатов и докторов наук на единицу боевой техники, негоже было быть "неостепененным". В 1997 году Сергеев защитил докторскую диссертацию, причем не по военным, а по техническим дисциплинам: по автоматизированным системам управления. При этом к написанию сего научного труда относился со всей серьезностью, перед защитой даже начал курить после многолетнего перерыва.

Оказавшись вместе со всей армией в сложной и совершенно ему незнакомой ситуации, Сергеев не растерялся и, что для практика не характерно, стал искать ответы в теории. Когда в 1993-м на рабочем столе главкома появились экономические журналы, сослуживцы пожимали плечами - надо же чем-то занять место, освободившееся от материалов последнего съезда КПСС. Но вскорости Сергеев отправился сам в Академию управления и потащил за собой заместителей. Многозвездные генералы уселись за учебники и даже получили магистерские степени по экономике.

Не берусь утверждать, что степени, полученные генералами, полностью соответствовали высоким научным стандартам. Не в степенях дело, а в том, что ракетные командиры первыми в Вооруженных Силах познакомились с азами рыночной экономики. Надо думать, во многом благодаря этому экономическому ликбезу руководство РВСН и не впадало в истерику, когда в 1995-1996 годах дела с финансированием стали совсем скверными. Ему удалось добиться концентрации средств на важнейших направлениях и пройти между Сциллой безденежья и Харибдой деградации. По итогам проверки 1996 года из всех видов Вооруженных Сил лишь РВСН были признаны полностью боеготовыми. Нет сомнения, в конечном счете, экономические штудии ответственны за революционные изменения, произошедшие в сознании бывшего советского генерала. Сергеев одним из первых (и, увы, немногих военачальников) понял: отныне государство будет давать на армию не сколько "нужно", а сколько сможет. И задача министерства не искать аргументы, способные заставить правительство раскошелиться, а научиться с пользой тратить каждый рубль. Не случайно, заняв должность, министр первым делом создал экономическое управление в военном ведомстве.

Игорь Дмитриевич, рассказывали его бывшие подчиненные, командир весьма жесткий. В этом не раз убеждались те, кто принимал его интеллигентную манеру держаться за признак слабости. Тех, кто пыта-

ется фамильярничать, Сергеев ставил на место беспощадно. Последовательный сторонник принципа единоначалия, он весьма ревниво относился к любым, даже кажущимся посягательствам на свое право принимать окончательно решения по любому вопросу. Ракетчик-практик он еще в должности главкома испытывал раздражение в отношении заместителя министра Андрея Кокошина с его, как казалось Сергееву, заумными концепциями стратегической стабильности. Однако поначалу, пока Сергеев остро нуждался в новых идеях, он поддерживал нормальные деловые отношения с Кокошиным.

В бытность главкомом Сергеев старался как можно меньше мелькать в министерских коридорах, вел себя крайне осторожно, с министрами не спорил, свое мнение при себе же и держал. Зато в вопросах, которые полагал принципиальными, высказывался вполне определенно. Зная негативное отношение Родионова к российско-американскому договору СНВ-2, он неизменно выступал в поддержку этого соглашения. В частности и потому, что отдавал себе отчет - от ракет, ликвидация которых предусмотрена этим соглашением, придется избавляться в любом случае: истекали гарантийные сроки их эксплуатации.

При этом Сергеев, хоть и предпочитал держаться в тени, но, как всякий опытный администратор, умел в случае надобности показать товар лицом. В командном центре РВСН во Власихе в 1996-1997 побывало немало именитых гостей: от секретаря Совбеза Рыбкина до премьера Черномырдина. Что говорить, учебная боевая тревога, когда через несколько десятков секунд после команды "Пуск" ракетные соединения по всей стране передают в подземный командный центр подтверждение готовности к запуску, впечатляет. Говорят, Павел Грачев после таких учений несколько растерянно заметил: "Это же быстрее, чем я на парашюте спускаюсь".

Не исключено, что одна из таких демонстраций сыграла решающую роль и в назначении Сергеева министром. Незадолго до своего увольнения Игорь Родионов не на шутку перепугал весь мир, заявив, что из-за недостатка средств Москва может потерять контроль над ядерным оружием. Проверка же, учиненная по приказу президента, к удивлению Кремля, не выявила никакой потери контроля. Наоборот, отметила, что в войсках царит порядок - и это в условиях хронического безденежья. Таким образом, во главе военного ведомства встал, пожалуй, самый образованный и интеллектуальный из высших российских генералов.

Персонажи. Одинокiй регбист на военном плацу

Звездный час наступал и для другого любителя держаться в тени – для Андрея Кокошина. "От Ильича до Ильича без инфаркта и паралича" - острили в приснопамятные времена про Микояна, самого известного советского политического должжителя. Если бы кто-нибудь взялся

искать аналог непотопляемому Анастасу Ивановичу для второй половины 90-х, то на ум прежде всего приходит Андрей Афанасьевич Кокошин.

В апреле 1992 года известный ученый-американист оказался в кресле первого заместителя министра обороны. Что было неудивительно в тот романтический период, когда завлабы становились вице-премьерами (военным в этом смысле даже повезло, они все-таки получили в замминистры членкора). Поразительно другое. Если политические карьеры большинства либеральных ученых, отправившихся во власть по демпризыву, закончились столь же стремительно, как и начались, Кокошин, как попал на пятый, "руководящий" этаж здания на Арбате, так и просидел там всю эпоху «бури и натиска» - от Грачева до Сергеева. Он пересидел всех. Выжил, когда Грачев одного за другим отправлял в отставку замов, с которыми, в отличие от Кокошина, был связан "афганским братством". Сохранил кресло и когда сначала Лебедь, а потом Родионов разгоняли грачевскую команду. Наконец, его не задела молнии президентского гнева, спалившие министра Родионова.

Так в чем же заключалась тайна кокошинского долгожительства? Его соратники по раннедемократическим временам уверены: Кокошин уцелел потому, что никогда не ссорился с генералами, во всех серьезных вопросах уступая военной бюрократии, и довольствовался той ролью, которую ему отводили. "Результат его деятельности - наихудший из всех возможных. Кокошин дискредитировал саму идею гражданского контроля над военной сферой. Чиновники Минобороны сделали его абсолютно безвредным", - не раз приходилось слышать от бывлых кокошинских сподвижников.

Однако существует и прямо противоположный взгляд на деятельность Андрея Афанасьевича: замминистра поступил совершенно правильно, отказавшись от попытки произвести революцию в военном ведомстве. Его тактика малых дел, ставка на длительное вживание в Минобороны гражданского начальника в конечном счете дала свои плоды – научила-де генералитет прислушиваться к мнению гражданских.

Так или иначе, но извечную дилемму интеллектуала во власти: вступить в борьбу с бюрократией или попытаться с нею ужиться, Кокошин в отличие от Батурина решил в пользу второго варианта. Вряд ли такое решение далось ему легко. В Андрее Кокошине, похоже, вели нескончаемую борьбу два начала: мастер спорта по регби - жесткий, способный идти напролом, и тихий кабинетный ученый. Его мощному, тренированному телу было тесно в пиджаке. Энергия, которую приходится сдерживать, требовала выхода. И запершись в своем огромном кабинете, он до изнеможения растягивал эспандер.

Переход из ученого в заместителя министра - не первая резкая перемена в жизни Андрея Кокошина. В 1969 году практически сразу после

окончания Бауманского училища (специальность - радиоэлектроника) он поступает в аспирантуру сверхноменклатурного Института США и Канады (ИСКАН). В тот момент этому чисто гуманитарному учреждению срочно понадобились технари. Началось с того, что в ходе переговоров СССР и США по стратегическим вооружениям обнаружилось весьма неприятное для Москвы обстоятельство: Кремль не понимал логики, которой руководствовался потенциальный противник. Наши разведчики скрупулезно подсчитывали американские ракеты и боеголовки, стараясь разузнать побольше об их технических характеристиках. Дипломаты пытались проследить за подковерной борьбой между Пентагоном и Госдепом, но того, чем руководствуются американцы, принимая те или иные решения, понять не могли.

В конце концов, выяснилось, что в США над стратегическими концепциями трудились не генералы, этим занимались ученые-политологи. Их стараниями была разработана теория сдерживания, которая и легла в основу американской ядерной стратегии. Кремлю потребовались люди, способные не только объективно оценить эти теории, но и понять, как они реализуются на практике, в создании тех или иных систем ядерного оружия. Задача была возложена на ИСКАН. Здесь-то и возшла звезда Андрея Афанасьевича. В 1972 году он защищает диссертацию "Развитие прогнозирования международных отношений в США". (Заметим, что его научным руководителем был Анатолий Андреевич Громыко, сын тогдашнего министра иностранных дел – что свидетельствует об умении Андрея Афанасиевича правильно строить отношения с верхами).

Работая на стыке внешнеполитической и военной тематик, Кокошин пишет несколько весьма заметных работ с анализом военной теории и военной стратегии США. Те, у кого достанет терпения прочесть их сегодня, продрались через научную терминологию, с удивлением обнаружат там наряду с ритуальным поношением американского империализма мысли, вполне созвучные нашему времени, например, о необходимости обеспечивать безопасность на максимально низком уровне вооружений.

В то же время эти работы написаны в стиле справок в "инстанцию" (так на жаргоне аппаратчиков того времени именовался ЦК КПСС), суть которых: сказать толику правды и не вызвать при этом гнева начальства. Этот стиль постепенно проникает не только в творчество, но и в жизнь Андрея Афанасиевича. Мало-помалу отдел внешнеполитических исследований ИСКАНа, который в середине семидесятых возглавил Кокошин, превратился в уникальную, немислимую в условиях Советского Союза школу независимой военной экспертизы. Соединив американскую методику с собственными разработками, ученые получили необходимый научный аппарат для объективной оценки состояния дел в Советской Армии. И они дождались своего часа - в

конце 80-х подвергли жесткой и аргументированной критике всю военную систему СССР, впервые заявив, что масштабы советских военных приготовлений "превышают все разумные параметры"

Маршала Язова статьи директора ИСКАНа Георгия Арбатова и его сотрудников доводили до белого каления. Но самое главное - с этими гражданскими "пиджаками" было трудно спорить по существу - предмет они знали прекрасно. Не обошлось без обвинений в том, что ИСКАН - гнездо ЦРУ, а его сотрудники - "агенты влияния" американской разведки. Надо сказать, что сам Андрей Кокошин, сделавшийся к тому времени заместителем директора института, отнюдь не бросался в этой полемике на амбразуру. Он лишь открыл эту дискуссию. Причем сделал это в своей обычной манере – полупонамеком. В 1987 году вместе с генерал-майором в отставке Валентином Ларионовым он публикует статью «Курская битва в свете современной доктрины». Кокошин отлично знал особенность советской военной школы – любое крупное решение в оборонной сфере должно быть аргументировано исходя из мифологизированного опыта Великой Отечественной войны. И вот, явно греша против исторической правды, он доказывает, что победа под Курском была одержана благодаря «оборонительной обороне» (советская военная наука всегда рассматривала оборону, как этап в подготовке наступления). Вывод – для того, чтобы одолеть агрессора вовсе не обязательно добиваться всеобъемлющего превосходства над ним в мирное время. Неблагодарное дело доказательства того, что в попытке обеспечить это самое превосходство советская армия истощает ресурсы страны, он оставил другим. В 80-е Кокошин участвовал в подготовке важнейших советско-американских договоров по сокращению ядерных вооружений. Утверждают, что он был одним из разработчиков принятой в 1987 году военной доктрины государств-участников Варшавского Договора - первого открытого документа такого рода. Именно в нем, кстати, СССР впервые заявил об отказе использовать ядерное оружие первым.

Насколько мог, Кокошин всегда старался избегать открытых столкновений. По сути дела Андрей Афанасиевич, представлял собой третье, совсем рафинированное поколение цековских референтов, людей умных, образованных, но во всех случаях старавшихся избежать ответственности. Референт может вырабатывать решения и даже очень творчески, но никогда их не принимает. Вместо того чтобы отругиваться, Кокошин старался наладить отношения с представителями военно-промышленного комплекса и самими военными. Так, в значительной степени его стараниями семинар "Политика и военная стратегия", который в течение полутора лет проводили Академия Генерального штаба и Комитет ученых за глобальную безопасность, начавшийся с взаимных упреков, в конце концов, выкрутил на довольно конструктивное обсуждение концепции новой военной доктрины. В результате у генералов

Кокошин заработал репутацию знатока военных проблем (ну, насколько это высшее знание доступно гражданским штафиркам) и одновременно человека умеренного в отличие от его коллег из ИСКАНа - яростных критиков армии.

Это обстоятельство и стало, видимо, решающим при назначении Андрея Кокошина в Министерство обороны. К весне 1992 года проблемы армии, деморализованной после краха ГКЧП и стремительно разваливающейся после Беловежской пуши, встали перед Кремлем в полный рост. Все понимали, что Объединенные Вооруженные силы СНГ сохранить не удастся. Офицерство требовало определенности в военной политике и ясных социальных гарантий. Общественность же ратовала за военную реформу. Нужны были люди, способные овладеть ситуацией и возглавить теперь уже российское Министерство обороны.

Между тем после августа 1991 года Борис Ельцин не слишком доверял генералам. В то же время он понимал - записные "демократы" вроде майора Владимира Лопатина (бывшего начальника полкового клуба, который приобрел известность тем, что истово обличал советскую военную машину на первых съездах народных депутатов), неспособны к эффективной организационной деятельности. Надо сказать, что лопатинское фанфаронство, равно как и беспробудное пьянство генерала Константина Кобеца, сильно дискредитировали других членов Госкомитета по обороне, в частности Виталия Шлыкова, обладавшего ясным пониманием того, как следует вести реформирование Вооруженных сил.

Президент мучительно искал подходящую кандидатуру. И в этот момент Кокошина стала проталкивать на пост министра "ДемРоссия", претендовавшая тогда на роль правящей партии, директора ведущих предприятий ВПК и такие видные ученые-организаторы, как академики Рыжов и Велихов. Ельцин же, поразмыслив, назначил министром... себя. И только чуть погодя Кокошина - заместителем министра обороны. Многие тогда решили, что президент просто хочет смягчить болезненный для Вооруженных сил переход под команду гражданского чиновника, и через пару месяцев Кокошин станет министром. Чего, однако, не произошло. В тот момент Ельцину был нужен не столько реформатор, сколько человек, который мог бы держать армию в кулаке. Выбор пал на Грачева. Один Бог знает, что пережил тогда Андрей Кокошин. Но прежний опыт общения с "инстанциями" помог и тут. Кокошин не грохнул кулаком по столу, не возмутился, что президент профанирует саму идею гражданского контроля (как поступил тот же Виталий Шлыков, немедленно подавший в отставку с поста заместителя председателя Государственного комитета по обороне сразу после назначения Грачева), а стал действовать в предлагаемых обстоятельствах.

Он занялся вопросами военно-технической политики, финансирования Вооруженных сил, международного военного сотрудничества. Когда министерские интриганы резали штаты его аппарата, быстро доведя его до уровня секретариата, он не сопротивлялся (этого-то и не могут простить ему некоторые бывшие сотрудники). Не сопротивлялся он (по крайней мере, публично) и стремлению "лучшего из министров обороны" распоряжаться финансами. Тихо занялся скучной работой по их выбиванию. При всем том у Кокошина были вполне товарищеские отношения с Грачевым. Злые языки утверждают, что не кто иной, как гражданский Кокошин приводил в чувство и отпаивал чаем растерявшегося генерала Грачева в памятную октябрьскую ночь 1993-го.

При всех министрах главной зоной ответственности Кокошина была военно-техническая политика. И тут ему пришлось перестраивать мировоззрение капитанов ВПК, которые осаждали его с требованием госзаказа - чтобы танки и пушки, которые государство уже не могло оплатить, производились именно на их заводе. При этом грудью стояли за сохранение советской практики, когда разные КБ разрабатывали один и тот же вид оружия и в результате в войска поступали однотипные, но разные по конструкции системы.

Андрей Кокошин настаивал на том, что любой вид вооружений существует не сам по себе, а в комплексе со всей военной инфраструктурой. "Как надоели эти разговоры об очередном супероружии, не имеющем аналогов в мире, - не выдержал он однажды в разговоре со мной. - А начинаешь разбираться, и выясняется, что невиданная ракета или самолет оснащены электроникой времен царя Гороха, что никто не знает, в каких боевых действиях, в борьбе с каким противником эту чудо-технику предполагается использовать, что у суперракет нет самолета-носителя".

В министерстве обороны и Генштабе нашлись единомышленники, вместе с которыми Андрей Кокошин разработал принятую в 1996 году государственную программу обеспечения армии вооружениями. Сей документ представлял собой первую попытку ясно сказать, какая военная техника и с какими характеристиками необходима Российской армии в следующем веке. Более того, были названы конкретные предприятия (их несколько сотен), которые должны были эту программу выполнять. Работа была проделана немалая, и задела она интересы очень многих. Добрых пять лет, рассказывал Кокошин, директора оборонных предприятий донимали его вопросами: "Скажите, наконец, мы нужны министерству или нет. Если нужны - дайте заказ. Если нет - отпустите на волю". И вот появился документ, где сказано - одни нужны, а другие - нет. Но вместо того чтобы радоваться, «отпущенные на свободу» бросились писать президенту о зловредном Кокошине, который разваливает отечественный ВПК. Однажды мне пришлось воочию наблюдать, какую ярость у капитанов ВПК вызывает одно упоминание имени Ко-

кошина: "Да кто он такой, чтобы решать, какое оружие необходимо России для обеспечения безопасности!" В данном случае умение обходить острые углы, похоже, Андрею Афанасьевичу повредило. Это самое "не нужны" следовало сказать не в 1996-м, а гораздо раньше. Однако, справедливости ради заметим, до Кокошина вообще никто не решался сказать этих слов руководителям военно-промышленного комплекса.

Концепция военно-технической политики сама по себе, не включенная в план военной реформы, - вещь бессмысленная. Ранее я уже писал, что группа аналитиков под руководством Кокошина еще в грачевские времена без лишнего шума разработала объемный документ, описывавший структуру будущей армии, характеристики вооружения, которым она должна быть оснащена. Важно, что и в данном случае чисто военный анализ сопровождали строгие экономические выкладки.

Меры, которые там предлагались, генералитету понравиться не могли: сокращение в несколько раз количества наземных соединений до 10-15 полномасштабных многофункциональных дивизий, отказ от концепции "господства в Мировом океане" и концентрация усилий флота на создании "Северного стратегического бастиона", многое другое. Впервые об этом документе заговорили сразу же после увольнения Грачева и назначения Родионова, на словах разделявшего идею реформирования. Однако министр взгляды изменил, и Андрей Кокошин, положил документ на полку. Правда, уже осенью 1996 года предложения, удивительно напоминающие кокошинские, появились в аналитических записках, подготовленных аппаратом Совета обороны.

И вот в 1997-ом для Кокошина создалась уникальная ситуация. Ему не нужно было ни за кого прятаться. Сергееву срочно нужен был конкретный план реформы или точнее оптимизации Вооруженных сил. Кокошин предоставил ему свои разработки.

Персонажи. Штабс-генерал

Третий член команды реформаторов – новый начальник Генерального штаба Анатолий Квашнин, человек которому надлежало возглавить всю конкретную работу по реформированию Вооруженных Сил, который должен был облечь концепции в жесткие приказы и директивы не только не походил на Сергеева и Кокошина, но составлял им полную противоположность.

Когда Анатолий Квашнин, призванный на два года в армию по окончании Курганского машиностроительного института, попросился в "кадры", то есть в кадровые офицеры (было это в 1971-ом), отцы-командиры, по рассказам очевидцев, особого восторга не выразили - уж больно ретив был этот "пиджак", того и гляди, из-за желания продвигаться начнет доносить. Помог Квашнину случай. В роте, где он слу-

жил заместителем командира по технической части, произошло ЧП - из-за небрежности солдата загорелся танк. Квашнин не сробел, бросился в огонь, спас механика-водителя. Виноват в этом инциденте был прежде всего он сам - офицер, чей подчиненный нарушил правила техники безопасности. Но все свалить на лейтенанта-двухгодичника вряд ли бы получилось: неминуемо должен был пострадать кто-то из кадровых офицеров. Посему сочли за лучшее лейтенанта объявить героем. Впоследствии это повторялось не раз: очередной провал и героические усилия, чтобы из него выбраться.

Неуемная энергия, бесспорная личная храбрость (ее не отрицали даже недоброжелатели Квашнина), а главное, умение явную неудачу представить начальству как безусловный успех - все это обеспечило Анатолию Васильевичу быстрое продвижение по службе. Стартовав позже сверстников, он довольно быстро догнал и перегнал их: досрочно становился и майором, и подполковником, и полковником. Окончил бронетанковую академию, а затем с отличием академию Генерального штаба. В августе 1993 года Квашнин сделался первым заместителем начальника Главного оперативного управления Генштаба, то есть был причислен к военной элите страны.

Начальство во все времена ценило людей, которые исполняют приказания не задумываясь. Когда Ельцин принял решение двинуть в Чечню войска, тогдашний министр обороны Павел Грачев предложил принять командование операцией сначала заместителю главкома сухопутных войск Эдуарду Воробьеву, а потом своему заместителю Георгию Кондратьеву. Оба ответили отказом, так как прекрасно понимали, что армия не готова к этой войне, у нее практически нет отмотобилизованных соединений. А посылать в бой необученных мальчишек генералы считали для себя невозможным.

На безрыбье Грачев обратился к Квашнину, и тот сразу же согласился. А потом был январский штурм Грозного, спланированный министром обороны Грачевым и командующим группировкой федеральных сил в Чечне Квашниным. Генералы не от одной безграмотности бросили на город четыре разрозненные танковые колонны. Они были уверены, что при виде этой мощи чеченцы разбегутся. Столкнувшись же с правильно организованным сопротивлением, пришли в совершенную растерянность. Никакой ответственности за провал операции и гибель сотен людей командующий не понес. Он все свалил на двух подчиненных ему генералов, которые якобы не выполняли его приказы и, докладывая обстановку, сознательно вводили начальство в заблуждение.

Генералов убрали, однако это никак не отразилось на качестве планирования операций, которыми руководил Квашнин. Уникальной по бездарности стала осада поселка Новогрозненский, где находился штаб Масхадова. Несмотря на десятикратное превосходство в численности и подавляющее - в технике, Квашнин не смог взять в надежное окруже-

ние этот населенный пункт, и большая часть боевиков, прорвав окружение, ушла. Когда в августе 1996 года чеченцы, заблокировав опорные пункты внутренних войск, практически без боя захватили Грозный, Квашнин приказал 205-й бригаде идти на выручку. Генерал, чья разведка проспала скрытное выдвижение противника, уверял Кремль, что боевиков в городе несколько десятков, и они скоро будут уничтожены. И снова, как во время новогоднего штурма Грозного, операция проводилась без всякой подготовки, не было даже налажено взаимодействие с соседней 161-й бригадой. В результате 205-я была разгромлена, что явилось закономерным финалом чеченского периода деятельности генерала.

В отличие от военного искусства искусством составлять победные реликвии командующий Северокавказским военным округом овладел в совершенстве. Всякий раз после захвата федералами сколько-нибудь важного населенного пункта - Ведено, Бамута, Самашек - он объявлял войну выигранной. В апреле 1996 года, за несколько месяцев до бесславного ухода федеральных войск из Чечни, Квашнин на полном серьезе утверждал, что басаевские боевики вот-вот начнут сдаваться. А то, что чеченцы постоянно нападают на российские опорные пункты, генерал-полковник объяснял просто: "Говорят, например, о 22 обстрелах, но это часто означает, что один боевик, сев в автомобиль, разъезжал по округе и стрелял из автомата в 22 местах"²⁵.

Доказано, что кое-кто из подчиненных Квашнина хорошо погрел руки на чеченской трагедии. Военное имущество списывалось в Чечне в количествах, не сопоставимых с его реальной убылью. Акты подмахивал лично командующий округом генерал Квашнин. Конечно же, всю вину он возложил на нечистых на руку подчиненных. Не может же командующий самолично пересчитывать все сгоревшие автомобили? Не может - что верно, то верно, и все же эта история давала представление об административных талантах начальника Генерального штаба.

Того, что числилось за Квашниным, хватило бы для увольнения любого военачальника. Однако генерал замечательно ловко умел все сваливать на подчиненных и выходить сухим из воды. Пока военным ведомством командовал Павел Грачев, непотопляемость Квашнина объяснялась просто - "лучший из министров обороны" своих в обиду не давал, а Квашнин был для него свой, хотя бы потому, что поддержал министра в истории с Чечней. Сменивший Грачева Игорь Родионов ценил в подчиненных прежде всего честность и потому не слишком благоволил командующему Северо-Кавказским военным округом. Но к тому времени Квашнин уже успел обзавестись очень высоким покровителем.

²⁵ www.panorama.ru/info/book139.html

Ельцин обратил внимание на Квашнина еще в феврале 1996-го, когда генерал докладывал президенту свой план умиротворения Чечни. Борис Николаевич, как известно, неоднократно приближал к себе людей именно такого типа (вспомним его искреннюю симпатию к Павлу Грачеву) - рослых, крепких мужиков, не шибко речистых и "не строящих из себя слишком умных", одним словом, понятных. После того как в мае 1997 года с треском были сняты с должности министр обороны Игорь Родионов и начальник Генерального штаба Виктор Самсонов, президент потребовал представить ему справку на Квашнина. Военные, работавшие в Совете Безопасности, поняли, что они наверняка получат Анатолия Васильевича в качестве начальника Генерального штаба, и поначалу пришли от этого в ужас. Но потом, по зрелом размышлении, решили, что найти охотника резать по-живому - сокращать и реорганизовывать армию (а за фактический отказ вести эту работу и были сняты Родионов с Самсоновым), крайне непросто. А этот - пусть ради того, чтобы выслужиться, - уж точно "будет рыть носом землю".

Попытка санации

И вот этим людям предстояло даже не столько реформировать армию, сколько играть роль кризисных менеджеров обанкротившегося предприятия. Они не создавали новую армию, они осуществляли санацию остатков огромной военной сверхкорпорации СССР.

За шесть лет промедления с реформами были почти полностью израсходованы и разворованы гигантские стратегические запасы Советского Союза. Армию надо было сокращать быстро и решительно. В первый год своей деятельности Сергеев и его команда, не вступая в дискуссии, отказались от родионовского подхода к военному реформированию, которого требовало от них большинство генералитета. Отправной точкой были объявлены не «потребности», которые можно завышать сколь угодно, а экономические возможности государства. В основу военного планирования они положили не гипотетические "угрозы безопасности", а разработанный Минфином и Минэкономики прогноз экономического развития страны и ту часть (около 3 процентов) ВВП, которые страна может дать своей армии.

При этом реформаторы отдавали себе отчет и в том, что у них нет времени на дискуссии. «Время для эволюционных действий упущено, нужны революционные»²⁶, - заявил министр обороны Игорь Сергеев президенту в ходе их встречи вскоре после назначения на должность. И такие действия были предприняты. Борис Ельцин подписал в июле 1997 года подготовленный военным ведомством указ "О первоочередных мерах по реформированию ВС РФ и совершенствованию их струк-

²⁶ Александр Акулов. Подножка на старте. Итоги 1997 № 30

туры", где целью министерства провозглашалось не реформирование, а "оптимизация" Вооруженных Сил. Все силы были брошены на то, чтобы сократить к началу 1998 года штатную численность Вооруженных Сил на полмиллиона военнослужащих - с 1700 до 1200 тысяч.

Армию стали "оптимизировать" ударными темпами. Всего пять месяцев потребовалось, чтобы включить в состав Ракетных войск стратегического назначения некогда отпочковавшиеся от них Военно-космические силы и систему предупреждения о ракетном нападении. Позже столь же рекордными темпами шло слияние ВВС и ПВО – процесс занял меньше полутора лет. Если операция с ракетчиками требовала сокращения всего 1600 должностей, то здесь было уволено 40 тысяч офицеров, ликвидировано 32 авиационных полка. Был упразднен главкомат Сухопутных войск, а из доброй сотни «бумажных» дивизий предполагалось сформировать всего 10-15 соединений постоянной готовности. В министерстве беспощадно "пропололи" и военно-учебные заведения. Их число военные реформаторы уменьшили практически вдвое – до 44 военных институтов и академий.²⁷

Сопrotивление этой решительной "ампутации" как внутри армии, так и вне ее не заставило себя ждать. При возвращении Военно-космических сил в состав РВСН большая часть офицеров командования ВКС подали в знак протеста в отставку. Произошел также мини-бунт командира армейского корпуса, дислоцированного на Камчатке, генерал-лейтенанта Батырова. Этот генерал публично отказался выполнять приказ и переходить в подчинение Тихоокеанскому флоту. В конечном итоге маршал Сергеев на своем настоял. Однако и генерал, позволивший себе оспаривать приказ, не был уволен немедленно. Активно и не без успеха боролись против сокращения воинских частей и некоторые губернаторы. Не секрет, что на армии держалось благополучие целых регионов на Севере, в Забайкалье, на Дальнем Востоке. С уходом военных многие поселки должны были остаться без тепла, света и связи с внешним миром, то есть, обречены на вымирание. Кроме того, местная власть привыкла использовать опутанных долгами военных как удобный источник дармовой рабочей силы. Наконец, как согласиться на ликвидацию военных училищ, куда для получения образования так удачно пристраивались сыновья районных начальников?

При этом Сергеев не устал повторять, что его деятельность не сводится лишь к урезанию всего и вся. «Мы рассчитывали, - говорил он в интервью мне осенью 1998 года, - что, сократив второстепенные структуры, будем иметь к 2000 году 9 дивизий и 30 полков постоянной готовности. Их уже удалось почти полностью укомплектовать личным

²⁷ Надо сказать, именно армейские вузы обладают поразительной способностью к регенерации. Позже мы увидим, что к началу реформ Сердюкова их количество превышало шесть десятков

составом. И главное - военная техника в этих соединениях исправна на 92-94 процента»²⁸. Сергеев был первым крупным военачальником, заявившим, что «альтернативы профессиональной армии нет». И тогда Минобороны пыталось начать подготовку к переходу к такой армии. Сергеев считал своей задачей поменять содержание службы для тех 180 тысяч контрактников, которые уже служили. «Проблема в том, - говорил в интервью, - что три четверти уже находящихся в армии контрактников служат, так сказать, "в обозе", во вспомогательных и тыловых структурах. Поэтому сейчас принципиально важно, сохранив численность контрактников, переместить большую их часть как раз в боевые подразделения - на должности младших командиров»²⁹.

Как раз в 1998 году была предпринята попытка переломить ситуацию с дисциплиной. Были приняты новые правила учета чрезвычайных происшествий, чтобы командиры частей не были заинтересованы покрывать преступления, и не поощряли бы дедовщины. Сергеев считал своим достижением то, что в проекте бюджета 1998 года расходы на боевую подготовку прописаны отдельной строкой. На учебу войск предполагалось израсходовать 10 процентов бюджетных ассигнований. Этот вопрос был для министра принципиален: "Или армия занимается боевой подготовкой - и тогда она остается армией. Или она не занимается боевой подготовкой - и тогда она разлагается"³⁰. Даже когда в стране разразился жесточайший экономический кризис, руководители военного ведомства пытались обеспечивать необходимым соединения постоянной готовности. Так для проведения ротных учений в 3-й мотострелковой дивизии (первых учений после многолетнего перерыва) ей были отпущены ресурсы, предназначенные для нужд всего Московского военного округа.

"Голубиная книга" для ястребов

1998 год ознаменовался еще одним чрезвычайно важным событием для военного реформирования. Как я уже писал, российский генералитет всегда настаивал, что проводить военную реформу можно будет не раньше, чем власть выработает некую глобальную концепцию переустройства всей "военной организации общества и государства". Они рассчитывали на то, что разработать такую концепцию не легче, чем написать апокрифическую "Голубиную книгу". Ту самую, что по преданию упала с небес и содержала ответы на все вопросы мироздания.

И вот Андрей Кокошин, который покинул к тому времени военное ведомство (как ни старались он и Сергеев держаться, что называется, в

²⁸ Александр Гольц. Бег в мешке. Итоги 1998 № 41

²⁹ Ibid

³⁰ Ibid

рамках приличий, взаимная неприязнь была слишком сильна) и занял должность секретаря Совбеза, взялся за этот труд. По сути дела, речь шла о том, чтобы придать форму президентского указа тем самым идеям, над которыми Кокошин и его сотрудники работали не один год. Это был план переустройства не только Вооруженных Сил, но также большей части промышленности и госструктур, доставшихся России в наследство от полностью милитаризированной советской системы. Ровно через год после увольнения Родионова и Самсонова, в мае 1998 года Ельцин одобрил "Основы (концепцию) государственной политики РФ по военному строительству на период до 2005 года" - первый документ такого рода в истории России.

В "Концепции" впервые было внятно сказано, что крупномасштабная агрессия в отношении России хотя и не исключена вовсе, но весьма маловероятна. Сдерживать ее предстояло исключительно ракетно-ядерным силам страны. На практике это должно было означать, что и в военном планировании, и в практической подготовке войск Москва перестает мыслить категориями "большой войны" с использованием Сил общего назначения. И соответственно в составе Сухопутных войск предполагалось оставить лишь десять боеготовых дивизий (вместо советских двухсот). "Основы" исходили из расчета, что при всеобщей мобилизации резервистов Россия должна справиться с "региональным" конфликтом (для урегулирования конфликта "локального" авторы полагали достаточной частичной мобилизации). Была определена и та часть национального богатства, на которую могут претендовать силовые ведомства. На всю правоохранительную деятельность и обеспечение безопасности страны предполагалось расходовать 5, 1 процента ВВП (в том числе собственно на оборону - 3,5 процента ВВП).

Другим очевидным достижением концепции могло стать разграничение сфер ответственности «силовых министерств» при одновременном сокращении их количества. Минобороны должно было отвечать за "оборону страны, защиту и охрану госграницы в воздушном пространстве и подводной среде и защиту ее военными средствами на суше и на море". МВД - за пресечение внутренних Вооруженных конфликтов, ФСБ - за борьбу с терроризмом, политическим экстремизмом и шпионажем. Пограничники охраняют морскую и сухопутную границу, МЧС - ликвидирует ЧП природного и техногенного характера, железнодорожные войска обеспечивают "прикрытие" рельсовых коммуникаций, а ФАПСИ обеспечивает информационную безопасность.

Казалось бы, здесь "Концепция" просто повторяла трюизмы, тем более излишние, что по каждому ведомству приняты специальные законы. Но это только на первый взгляд, поскольку на самом деле все эти законы были законами непрямого действия. И при возникновении кризисных ситуаций, как отметил тогда в интервью со мной секретарь Совета безопасности Андрей Кокошин, возникала неразбериха - никто не

знал сферы своей ответственности. За примерами далеко ходить не надо, достаточно вспомнить Чечню.

Андрей Афанасьевич был тогда особенно горд тем обстоятельством, что путем длительных согласований ему удалось по крайней мере применительно к «силовым» структурам найти ответ на вопрос, который волнует российские власти со времен "Голубиной книги": "Кто есть царь царей?" Ответ был простой: все зависит от характера угрозы. В случае внешней военной агрессии все силовики должны были поступить в распоряжение Минобороны, если речь идет о внутреннем Вооруженном конфликте, команду над всеми принимало МВД, а в случае масштабной террористической акции - ФСБ. Впрочем, при всеобщем равенстве Минобороны все-таки получило статус "первого среди равных": именно на Генштаб возлагалось стратегическое планирование и координация подготовки войск других ведомств. А при Министерстве обороны должен был быть создан единый орган, который будет заказывать военную технику для всех "силовиков". Несложно заметить, что и здесь Кокошин, предпочитавший искать компромиссы, не пошел до конца. Он не только не поставил вопрос о решительной демилитаризации силовых структур России, ограничившись провозглашением лишь «интеграции тыловых служб», но даже относительно "глубины" такой интеграции хранил молчание.

Открытым оставил документ и вопрос о системе комплектования Вооруженных Сил. Под давлением военного лобби авторы "Концепции" по сути отказались от выполнения указа президента о формировании армии с 2000 года на контрактной основе. Вместо этого предполагалось постепенно сокращать число призывников. А упоминание о «всеобщей мобилизации» ясно указывало на то, что никто не собирался отказываться от призывной системы. Кокошин избрал весьма долгий путь. Внутренние войска после 2001 года должны были превратиться в федеральную гвардию, где были бы служить только контрактники. Контрактниками должны стать и все младшие командиры в армии и на флоте. И лишь некоторые ведомства должны были лишиться "войскового компонента". Так, МЧС надлежало превратиться в "Единую спасательную службу", а пограничным войскам стать "пограничной охраной". Нетрудно заметить, что план «сердюковских реформ» чрезвычайно напоминает то, что Кокошин предлагал, еще в 1998-м. И то, что было в конечном счете реализовано через 10 лет.

Андрей Кокошин довольно реалистически полагал, что с выработкой "Концепции" межведомственные противоречия не исчезнут, просто они будут разрешаться в определенных рамках. Кстати говоря, достигнутый консенсус, в котором секретарь СБ видел залог успешной реализации программы, сложился отнюдь не безболезненно. Директор Федеральной пограничной службы Андрей Николаев и глава МВД Анатолий Куликов были отправлены в отставку, в частности, и за то, что слиш-

ком рьяно отстаивали "автономию" своих ведомств. Экзекуция должна была послужить предостережением для тех, кто в будущем попытался бы проводить уж слишком самостоятельную политику в области национальной безопасности.

При том, что для "Концепции" в целом был характерен либеральный взгляд на вопросы военного строительства, армейским консерваторам удалось протащить в него несколько "инородных" положений. Как, например, тезис о том, что "военная служба означает ограничение конституционных прав и свобод личности". Если «Основы», как утверждал в интервью Андрей Кокошин, была документом, каждая строчка которого имела особый смысл, то подобная констатация выглядела индугенцией для армейского произвола.

В том же ряду - положения о поддержании мобилизационной готовности. В ситуации, когда бездействовали основные производства, кто-то желал выбрасывать немалые средства на поддержание резервных. Скорее всего, соглашаясь с подобными пассажами, взятыми из засыпанных пылью наставлений советских времен, Кокошин рассчитывал, что ему удастся уменьшить сопротивление военной элиты. Весьма сомнительно, что ему это удалось бы.

На вполне ясную (несмотря на противоречия в частностях) программу, целью которой была не столько кардинальная реформа, сколько приведение размеров и структуры Вооруженных Сил в соответствии с возможностями государства, генералитет ответил откровенным саботажем. Сергеев как-то не без иронии заметил, что вместо четких, исчерпывающих докладов, содержащих аргументированные выводы, министерские чиновники потчуют его пустыми "рассказами". Вряд ли дело здесь было в бестолковости. Эти люди прекрасно понимали, что означает для них сокращение почти трех сотен генеральских должностей. Да и требование рассматривать при назначении на высокие должности несколько кандидатов ничего хорошего тем, кто всю жизнь прослужил в «Арбатском военном округе», не сулило. Чиновники тихой сапой вносили в уже согласованные документы изменения. Или вдруг демонстрировали удивительную рассеянность. В интервью мне Анатолий Квашнин жаловался, что ему несколько раз пришлось возвращать на доработку оргштатное расписание военного ведомства. Генерал-полковничьи должности, которые он сокращал, волшебным образом появлялись в документе вновь.

Однако, несмотря на саботаж до середины 1998 года реформаторам все же удавалось двигаться вперед. Они смогли выйти на рубеж, с которого уже было реальным начало качественных изменений в Вооруженных Силах. На первое января 1999 года численность российской армии (как было объявлено) составила 1,2 миллиона человек, что означало: Вооруженные силы уменьшились на 300 тысяч должностей военнослужащих. Но перейти этот рубеж они не смогли. Первопричиной

поражения стал небывалый финансовый кризис, разразившийся летом 1998 года. Он быстро перерос в политический, жертвой которого стал Андрей Кокошин. В условиях жесткой конфронтации, он рискнул играть собственную политическую игру. В обход «семьи» - руководителя кремлевской администрации Валентина Юмашева и дочери Ельцина Татьяны он доложил президенту, что использование силы в противостоянии с прокоммунистической Думой, не желавшей утверждать предложенную президентом кандидатуру на пост премьера, невозможно. Мало этого, Кокошин настаивал на том, чтобы Ельцин сделал премьером московского мэра Юрия Лужкова. В результате президент уволил Кокошина. «Концепция военного строительства» была на несколько лет предана забвению. Увы, проекты, даже самые дельные, живут в России только до тех пор, пока их авторы занимают высокие должности.

Кризис кардинально изменил подходы к реформе и Игоря Сергеева. В условиях когда «бюджетный пирог», по словам главы военного ведомства «съежился до размеров жесткого сухаря», бывший главком РВСН одержал в его душе победу над министром обороны.

Командование раздора

Сергеев решил спасти то, что он считал главным своим детищем. Увы, это была не военная реформа. Речь шла о межконтинентальной ракете нового поколения «Тополь-М». Важнейшим своим достижением маршал считал то, что удалось наладить исключительно в России (без участия Украины) серийное производство этой ракеты, начать ее поставку на боевое дежурство. Задача немислимая по сложности, особенно, если вспомнить злключения ракеты «Булава» в 2000-х годах, ввод которой в строй проходил, когда военный бюджет вырос в несколько раз. Именно благодаря Игорю Сергееву Россия обладает сейчас стратегическим ракетным комплексом, позволяющим поддерживать ядерный паритет с США. Справедливости ради замечу, что именно Игорь Сергеев принял в высшей степени спорное решение о прекращении работ над новой морской ракетой проекта «Барк» и передаче заказа на нее разработчику «Тополя-М» - Московскому институту теплотехники. Генеральный конструктор МИТ Юрий Соломонов пообещал на базе отработанной технологии «Тополя-М» создать унифицированную ракету «Булава», которая могла бы быть развернута не только в морском, но и наземном вариантах. Сегодня уже никто и не помнит, зачем разработка ракеты для атомных подводных ракетоносцев была передана тем, кто никогда подобными ракетами не занимался. Просто флот очень долго не мог принять на вооружение ракету, испытания которой раз за разом завершались неудачей. На самом деле, до сих пор неясно, в какой степени боеготова «Булава». Недоброжелатели утверждают, что у Сер-

геева и тогдашнего главкома РВСН Владимира Яковлева была личная материальная заинтересованность в завершении работ над «Тополем-М», равно как и передаче МИТу работ над морской ракетой – однако никаких доказательств в подкрепление своих обвинений не приводят.

Впрочем, мотив действий Сергеева не столь уж и важен. Важно то, что, завершив количественные сокращения и организационные изменения, вместо того, чтобы приступить к самой реформе, глава военного ведомства предложил начать новый раунд структурных пертурбаций. 3 ноября 1998 года он получил президентское одобрение своих планов создать Объединенное Главное командование Стратегическими силами сдерживания (ОГК ССС).

По плану министра в единое оперативное подчинение должны были быть переданы все ядерные силы России: Ракетные войска стратегического назначения, соединения подводных ракетноносцев, 37-я воздушная армия, в которую сведены немногие оставшиеся в строю стратегические бомбардировщики, а также 12-е Главное управление Министерства обороны (обеспечивающее сохранность ядерных боеприпасов) со всеми подчиненными ему "объектами С", а, говоря попросту, базами хранения боеголовок. При этом авторы плана утверждали, что речь не идет об административном переподчинении: эскадры подводных ракетноносцев как были, так и останутся в составе ВМФ, а стратегические бомбардировщики - в ВВС. Они заверяли, что не ставили своей целью и лишение Генштаба его важнейших функций, а именно разведки или определение целей. Все сводилось вроде бы лишь к созданию единой системы боевого управления ядерными силами (именно такова была, как мы помним, тема докторской диссертации Игоря Сергеева). В РВСН такая система уже была создана, и, по мнению ряда специалистов, только ракетчики могли с наименьшими затратами распространить ее на все соединения, оснащенные стратегическим ядерным оружием.

Однако оппоненты министра заявляли, что создание единой автоматизированной системы боевого управления – дело далекого будущего. Прикрываясь необходимостью создать такую систему, считали они, Сергеев распространял контроль и влияние людей из РВСН на все Вооруженные силы и главное - на финансовые потоки их питавшие. Задеты оказались интересы сразу двух мощных структур - Генерального штаба и командования Военно-морского флота. Если борьба Генерального штаба против плана Сергеева объяснялась прежде всего, опасениями, что с появлением нового командования «мозг армии» окажется отодвинутым на второй план и будет лишен важнейших своих функций, то командование ВМФ волновали и чисто материальные проблемы. Игорь Сергеев объявил: в ближайшие годы Вооруженные Силы смогут профинансировать разработку и производство только двух крупных систем оружия. Это наземная ракета "Тополь-М" и новая бал-

листическая ракета для подводных лодок. Испытания "Тополя-М" были к тому моменту успешно завершены. Таким образом, практически все средства, выделяемые Вооруженным Силам на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР), были бы направлены на второй проект - разработку морской ракеты.

Но с созданием нового командования получалось, что деньги пройдут мимо руководства ВМФ. К тому же высших генералов совсем не устраивала предложенная министром кандидатура на должность командующего Стратегическими силами сдерживания (ССС). Это был тогдашний командующий РВСН, ближайший соратник Сергеева генерал Владимир Яковлев. Никто особенно не возмущался, когда Сергеев еще в октябре 1998 года впервые объявил о своих планах публично. Скандал разразился только, когда выяснилось, что будущий главком СССР будет по должности еще одним первым заместителем министра обороны.

Начальник Генштаба Анатолий Квашнин и главком ВМФ Виктор Куроедов выступили единым фронтом против министра и, как утверждали некоторые источники в военном ведомстве, привлекли на свою сторону большинство членов коллегии Минобороны. Прямо против решений непосредственного начальства, одобренных Верховным главнокомандующим, генералы и адмиралы, конечно же, выступить не посмели. Зато они организовали против Сергеева кампанию в прессе. Появились статьи, обвиняющие министра в том, что его затея мало того что выльется в многомиллионные затраты, но и приведет к развалу последних боеспособных соединений Российской армии.

Продвигая проект создания Стратегических сил сдерживания, Сергеев был уверен, что генералитет не посмеет возражать. Ведь удалось слить Военно-космические силы и войска предупреждения о ракетном нападении в РВСН, упразднить главкомат Сухопутных войск, объединить ВВС и ПВО. Однако он не учел, что ситуация решительно изменилась. В первый год руководства Сергеева министерством, генералам был памятен разгром, устроенный президентом. Однако осенью 1998 года они осмелели, понимая, что в разгар острейшего экономического кризиса ни Ельцин, ни Сергеев не рискнут их уволить.

Схватка кланов

В результате началась свара между министром обороны и начальником Генерального штаба, которая больше, чем на два года парализовала деятельность военного ведомства. Ни о какой реформе речи уже быть не могло. Под видом планов дальнейшего реформирования Вооруженных Сил противоборствовавшие кланы проталкивали проекты, главной целью которых было нанести «противнику» максимальный ущерб. Поначалу казалось, что «ракетчики» одерживают успех. Ельцин благово-

лил Сергееву. Весной 1999-го министр обороны уверенно говорил мне, что создание Главного командования стратегических сил сдерживания – дело решенное.

Расклад сил кардинально изменился с началом натовской операции в Югославии. Ельцин, который был уверен, что обладание огромным ядерным арсеналом, гарантирует России право решающего голоса в обсуждении любой международной проблемы, был потрясен тем, что Запад проигнорировал все возражения Москвы. «Почему они нас не боятся?» - рассказывают, что этой фразой начал президент заседание Совета Безопасности. Это означало, что «ракетчики» потерпели поражение.

Квашнин же тем временем организовал авантюру с марш-броском российских десантников в Косово и захватом ими аэропорта Слатины. У парашютистов не было даже запаса воды. Ее им предоставил командующий силами KFOR британский генерал Майк Джексон. Именно благодаря выдержке этого человека дело не закончилось совсем плохо. Получив приказ Главнокомандующего силами НАТО в Европе американского генерала Уэсли Кларка «выбить русских», Джексон ответил, что не собирается начинать третью мировую войну из-за Косово. Однако в глазах российского президента получалось, что усиленная рота десантников восстановила престиж России.

А в августе 1999 года произошло вторжение отрядов чеченских сепаратистов в Дагестан. И вновь выяснилось, что боеготовых соединений в России как не было, так и нет. Развертывание частей перебрасываемых из центральных областей заняло несколько недель. Как признал Владимир Путин, который как раз тогда был назначен премьером, Кремль «был в шаге от объявления всеобщей мобилизации». Призывная армия по определению не может располагать боеготовыми соединениями. Однако напористый начальник Генштаба, который во второй уже раз пообещал руководству страны усмирить Чечню, убедил Кремль, что главная причина плохого состояния сил общего назначения – недостаточное финансирование, вызванное тем, что все средства расходуются на реализацию ракетно-космической программы. Влияние Квашнина решительно возросло, и он поспешил этим воспользоваться.

В апреле 2000 года начальник Генерального штаба направил новому президенту свои предложения по кардинальному изменению структуры Вооруженных Сил. Начав со ставших уже ритуальными жалоб на плачевное состояние сил общего назначения: некомплект личного состава, почти полное отсутствие современной военной техники, - Анатолий Квашнин предложил в высшей степени неординарное, поистине революционное средство выхода из кризиса: сократить в 6-7 раз ракетные войска стратегического назначения и за счет этого выкроить суммы, необходимые для возрождения сил общего назначения.

Сделать это, по мнению Квашнина, нужно уже к 2003 году, то есть на четыре года раньше окончания срока эксплуатации «тяжелых» ракет (как выяснилось двумя годами позже, большей части этих ракет можно было подлить срок службы до 2012 года, и Квашнин обязан был об этом знать). Он предлагал в короткие сроки снять с боевого дежурства около 600 стратегических ракет наземного базирования, в пять раз - до двух ракет в год - сократить производство ракет "Тополь-М" и по существу ликвидировать Ракетные войска стратегического назначения. Все это якобы высвобождало значительную сумму, достаточную, чтобы поднять Силы общего назначения. Но цифры, которыми Генштаб оперировал, могли вызвать только улыбку - 19 миллиардов рублей экономии за 15 лет, то есть чуть больше одного миллиарда в год, или около 0,7% военного бюджета.

Такой подход полностью перечеркивал то, что считалось основой не только оборонной, но и внешней политики России. Достаточно вспомнить, сколько сил потратили наши дипломаты и военные, добиваясь от американцев переноса зафиксированного в Договоре СНВ-2 срока ликвидации российских ракет. Так что ничего, кроме оторопи, предложения начальника Генштаба вызвать не могли. Ведь нью-йоркский протокол 1997 года, по которому Россия получила право снимать ракеты с боевого дежурства только по истечении срока эксплуатации, а не к первоначально уставленной дате, был расценен в свое время как выдающийся дипломатический успех.

Однако начальник Генерального штаба требовал не продлевать срок эксплуатации ракет, а, наоборот, как можно скорее отправить их в утиль. Квашнин предлагал немедленно сократить российское ядерное оружие, причем в одностороннем порядке, до уровня даже более низкого, чем предполагал еще не подписанный новый Договор СНВ. По сути дела предлагалась радикальная смена российской оборонной политики, которая определялась в только что принятых Концепции национальной безопасности и Военной доктрине. Последняя к тому же объявляла ядерное оружие главным средством предупреждения широкомасштабной неядерной агрессии против нашей страны.

Человек, едва не затеявший 3-ю мировую войну, сделал через несколько месяцев после приشتинской авантюры потрясающий кулбит. Главный аргумент, который Квашнин приводил в обоснование своей позиции, сводился к тому, что ядерная война с Соединенными Штатами невозможна, а значит, и нет смысла поддерживать с ними стратегический баланс. Эксперты МИДа и Минобороны выразили несогласие. Ведь, если исходить из теории сдерживания, отмечали они, Россия с малым числом ракет представляет для Америки и для всего мира большую опасность, чем обладающая мощным ядерным потенциалом. Потеряв возможность в случае ядерного нападения нанести ответный удар, наша страна будет вынуждена сделать ставку на удар упреждаю-

щий. Это означает, что возникновение даже незначительной по тогдашним меркам напряженности будет объективно подталкивать Россию на применение ядерного оружия первой. Забегая вперед, заметим, что жизнь решила этот спор не в пользу Квашнина. После выхода Соединенных Штатов из Договора по ПРО и подписания летом 2002 года российско-американского Договора о Сокращении наступательных потенциалов, Москва приняла решение продлить сроки эксплуатации большей части тяжелых ракет. Два года были затрачены на структурные изменения, которые не имели никакого смысла.

Впрочем, даже знай Анатолий Квашнин, как обернутся дела в 2002-ом, это его не остановило бы. В какой-то момент он понял, что его карьера прямо зависит от того, насколько заметную роль будут играть в стратегическом планировании Сухопутные войска. И он вознамерился возродить их, причем в прежнем советском виде, принеся в жертву силам общего назначения единственный сохранивший боеспособность вид Вооруженных Сил - РВСН. Группировка Квашнина, творчески развивая тезис Владимира Путина о росте опасности терроризма на Северном Кавказе и в Центральной Азии, предложила развернуть новые войсковые объединения числом около 50 тысяч военнослужащих (в действительности речь, видимо, шла о вдвое большей цифре) на центрально-азиатском и юго-западном направлениях. "Российская армия, - говорил начальник Генштаба в марте 2001 года на заседании Академии военных наук, - представляет собой человека, у которого одна рука накачанная (это РВСН), а другая короткая, слабая, усохшая (это силы общего назначения). Это не нормальный человек, а мутант какой-то. Я этого допустить не могу. Не выйдет! Усыхать будем вместе!!!"

Собственно, в этом и состояло существо подготовленного Генеральным штабом "Плана строительства Вооруженных сил". В ближайшие годы предстояло довольно равномерно сократить Вооруженные силы на 365 тысяч человек, и произвести выгодные для начальника Генерального штаба структурные изменения. И главное из них - это так называемое разделение функций Министерства обороны и Генерального штаба. При этом административные и политические функции оставались бы прерогативой Министерства обороны, а оперативные переходили Генеральному штабу. Воплощение в жизнь этого проекта неизбежно приводила к тому, что реальный контроль над армией оказывался бы в руках начальника Генштаба.

Вопрос о том, что именно считать лишним и избыточным в структуре Вооруженных сил оставался открытым. Собственно говоря, если отбросить личные и карьерные противоречия именно об этом и спорили друг с другом министр обороны Игорь Сергеев и начальник Генерального штаба. Этот конфликт отнюдь не сводился к тому, что Квашнин был намерен ликвидировать Ракетные войска стратегического назначения как вид Вооруженных сил, а Сергеев пытался отстоять

"своих". Суть конфликта - в диаметрально противоположных взглядах на оборону. Маршал и его команда были уверены: на период реформирования армии обороноспособность страны можно обеспечить за счет ядерного сдерживания. Квашнин же, напротив, доказывал, что РВСН надо самым решительным образом сократить, чтобы сохранить и даже увеличить численность сил общего назначения.

На состоявшемся 11 августа 2000 года заседании Совета Безопасности был принят проект более близкий к предложениям Квашнина, чем Сергеева. Было объявлено, что Вооруженные силы в ближайшие годы должны уменьшиться на 365 тысяч военнослужащих и более 100 тысяч гражданских специалистов; что будет восстановлен упраздненный в 1997 году главкомат Сухопутных войск; что Военно-космические силы и войска ракетно-космической обороны будут выведены из состава Ракетных войск стратегического назначения (РВСН) и образуют самостоятельный род войск. Сами же РВСН из вида Вооруженных сил превратятся в род войск. Разумеется, все это к реформе никакого отношения не имело. Под реформой по-прежнему понималось лишь сокращение численности Вооруженных сил (все средства, выделяемые по статье "реформа" - 3, 9 миллиарда рублей - предполагалось пустить на выполнение социальных обязательств перед увольняемыми офицерами). «План строительства Вооруженных Сил до 2005 года» не являлся планом реформирования и развития, он просто закреплял победу бюрократического клана «общевойсковых генералов» над генералами «ракетными»

Как мне представляется, уход ракетчиков с первых ролей нанес немалый ущерб делу реформирования Вооруженных Сил. Если кто-то из генералов и мог кардинально изменить армию, то только выходцы из РВСН. Это были единственные в наших Вооруженных Силах войска, которые хоть как-то отвечали требованиям, предъявляемым к современной армии. Создавались они в 50-х годах, над ними не довлел мифологизированный «опыт» Великой Отечественной войны, который, как ни крути, учит побеждать не столько умением, сколько числом. Эти войска с самого начала жили в несколько иной, чем все Вооруженные Силы, системе координат. В вопросах военного планирования они вынуждены были опираться не на принцип решающего количественного превосходства, а на "империалистическую" теорию сдерживания, которая учит как раз, что абсолютное превосходство не дает гарантий безопасности, более того, даже опасно, так как провоцирует потенциального противника на нанесение превентивного удара.

Чрезвычайная сложность управления и громадная разрушительная мощь ракетно-ядерного оружия заставляли уделять особое внимание воспитанию и образованию каждого, кто к нему приставлен. РВСН дальше всех прошли по пути профессионализации, больше половины личного состава этих войск были офицеры и прапорщики.

В бытность командующим Ракетными войсками стратегического назначения Игорь Сергеев первый понял, что время неслучайных денег кончилось, и занялся сокращениями и оптимизацией своего хозяйства. В результате ему удалось не только уберечь РВСН от развала, но и сохранить их боеспособность. Многие ожидали, что и на посту министра Сергеев будет действовать так же решительно и целеустремленно. На первых порах он действительно активно взялся за реформирование Вооруженных Сил.

Но одно дело работать с командой единомышленников, высокообразованных офицеров-ракетчиков, и другое - преодолевать сопротивление генералов, которым, начиная с училища и заканчивая академией Генштаба, вбивали в голову, что залог победы - количественное превосходство над противником и что средств на оборону государство жалеть не должно.

Сергеев всякий раз уступал непрямому давлению генеральского корпуса и в результате так и не продвинулся сколько-нибудь существенно на важнейших направлениях военной реформы. Он не завершил сокращения армии до тех 800 тысяч человек, которые страна могла содержать. Как следствие, силы общего назначения не были уменьшены до 600 тысяч и не преобразованы в соединения постоянной готовности. На полпути была остановлена реформа военного образования. Обещав не закупать до наступления лучших времен мелкие партии вооружений, которые получают "золотыми", а модернизировать старые системы, Сергеев уступил в итоге давлению директоров ВПК.

Главное же – министр, уверенный, что альтернативы профессиональной армии не существует, предпочел не втягиваться в спор с генералами, доказывавшими, что переход на контрактный принцип формирования Вооруженных Сил сегодня невозможен. Если бы Сергеев, заняв министерское кресло, расставил бы на ключевые посты мыслящих по-новому людей, а таких среди ракетчиков немало, он, возможно, развязал бы себе руки, но на это у Игоря Дмитриевича не хватило решимости. Вместо того чтобы ломать сопротивление генералов, внедрять во всех Вооруженных Силах те прогрессивные элементы организации, боевой подготовки, обучения и воспитания, Сергеев предпочел уйти с головой в дела своих любимых ракетных войск, чем только ослабил свои позиции.

4. Бессмысленное возрождение

Однако вскоре стало очевидно, что в сложившейся политической ситуации конфликты вокруг военной реформы и планов военного строительства уже не имели значения. На рубеже веков к власти в России пришел лидер, который вообще не видел поначалу насущной необхо-

димости в реформе Вооруженных Сил. Владимир Путин занял высшую в России государственную должность, полагая, что его историческая миссия заключается в сохранении территориальной целостности России, которой угрожал сепаратизм в первую очередь чеченский. Вооруженные Силы представлялись Путину идеальным инструментом для решения этой проблемы.

И не только потому, что война в Чечне уже шла. Все инициативы Владимира Путина в первые два года президентства в области государственного строительства - будь то образование семи федеральных округов, решительное ограничение власти губернаторов и установление контроля над ними из федерального центра, придание властных полномочий Совету безопасности - исходили из того, что идеальной для управления такой страной, как Россия, является строго иерархическая система. Система, основанная на строгом единоначалии, безусловном подчинении младшего старшему, какая должна существовать в Вооруженных Силах. Система, которую стали именовать вертикалью власти.

Путина и его сподвижников не остановило даже то, что в самый разгар формирования этой самой вертикали идеальные принципы единоначалия были откровенно и грубо попорчены в ходе конфликта Сергеева и Квашнина. Начальник Генерального штаба, первый заместитель министра обороны Анатолий Квашнин откровенно игнорировал своего прямого начальника Игоря Сергеева. Страна вела войну, а высший российский генералитет разделился на два непримиримых враждующих лагеря.

Вместо того чтобы немедленно отправить в отставку нарушителя субординации, Путин и его ближайшие сотрудники (как, например, Сергей Иванов, занимавший тогда должность секретаря Совета Безопасности) длительное время пытались представить происходившее как своего рода интеллектуальную дискуссию в среде военных специалистов. Между тем любому, кто представляет, как функционируют Вооруженные Силы (а Верховный главнокомандующий и секретарь Совета безопасности как кадровые офицеры специальных служб должны бы это знать наверняка), ясно, что вне зависимости от того, заслуживал план начальника Генерального штаба одобрения или нет, Квашнин грубо нарушил принципы управления армией. Дело в том, что Путин и Иванов, служили в весьма специфическом ведомстве, где приказы в самом деле не обсуждаются. Посему они несколько романтически представляли себе армейские порядки. Путин просто не мог поверить, что генералы принесут дисциплину и субординацию в жертву собственным амбициям. В результате Путин так и не смог одернуть и примерно наказать зарвавшихся военачальников.

По завершении памятного заседания Совета Безопасности 11 августа 2000 года Путин признал, что он, Верховный главнокомандующий, был

вынужден "терпимо относиться к той полемике, которая шла в военном ведомстве"³¹. На самом деле это было не что иное, как признание собственной растерянности.

12 августа, на следующий день после заседания Совета безопасности, погибла подводная лодка «Курск», гордость российского флота. Именно тогда Верховный главнокомандующий мог на практике выяснить, как именно функционирует армейская вертикаль власти в критической ситуации. Когда пришла весть о трагедии, военное руководство страны повело себя совершенно омерзительно. Адмиралы рекомендовали Путину отказаться от иностранной помощи, утверждая, вопреки фактам, что обладают всем необходимым для проведения спасательной операции. Потом высшие военные в течение полутора лет абсолютно бездоказательно утверждали, что причина катастрофы - столкновение с иностранной подводной лодкой. Они почему-то были уверены – если удастся свалить вину на "потенциального противника", это снимет с них ответственность за катастрофу. По их мнению, никто не должен был нести ответственности в случае, если субмарина «потенциального противника» беспрепятственно проникла в район учений, устроила там катастрофу и безнаказанной ушла.

Однако даже тогда Путин не осознал, насколько кардинальная перестройка необходима российской армии. Об этом можно судить по интервью РТР, которое он дал в начале сентября 2000 года. С одной стороны, он вроде бы понимал, что проблемы Вооруженных сил не исчерпываются недостаточным финансированием: "Наши Вооруженные силы должны соответствовать потребностям, с одной стороны, и возможностям, с другой стороны, государства. Армия должна быть компактной, но современной, хорошо оплачиваемой"³². Но в том же интервью Владимир Путин утверждал и нечто прямо противоположное. Что его цель - "восстановить армию и флот", и обрушил свой гнев на злоумышленников, которые в течение десяти лет их якобы разваливали. Тогда Верховный главнокомандующий, похоже, даже не отдавал себе отчета в том, что такая дилемма – создавать Вооруженные Силы, соответствующие возможностям государства или восстанавливать советские армию и флот – существует, и что пока она не решена, о реформе говорить бессмысленно.

На самом деле он прибывал тогда в состоянии глубокой растерянности. Мало того, что генералы ввали в глаза – армия была абсолютно небоеспособной. "Для эффективного ответа террористам нужно было собрать группировку численностью не менее 65 тысяч человек. А во всех сухопутных войсках, в боеготовых подразделениях — 55 тысяч, и те разбросаны по всей стране, — вспоминал президент, обращаясь к

³¹ Юрий Голотюк. Победила дружба. Время новостей 14 августа 2000

³² Наталья Иванова. Пиар-ход президента? Независимая газета 25 августа 2000

Федеральному собранию в 2006 году. — Армия — 1,4 миллионов человек, а воевать некому. Вот и посылали необстрелянных пацанов под пули»³³ — вспоминал он позже.

Главное, что Путин вынес для себя из трагедии «Курска» - это, по крайней мере, понимание того, что высшее военное руководство может дезинформировать Верховного главнокомандующего. И он попытался разрешить эту проблему вполне по-советски — поставив в апреле 2001 года во главе Минобороны человека, которому тогда полностью доверял — Сергея Иванова.

Персонажи. Тефлоновая тень

Когда в 2001-ом речь заходила о способности Сергея Иванова влиять на состоянии дел в России, все понимали, что официальные должности — дело десятое. У него был пост куда выше и гораздо влиятельнее министерского и даже премьерского. Должность эта называлась «ближайший личный друг В.В. Путина». Сам российский президент никогда не скрывал своей особой близости с Сергеем Ивановым. Еще в книге «От первого лица» Владимир Путин назвал Иванова человеком, которому он безгранично доверяет: «Есть еще такое понятие, как чувство локтя. Вот с Ивановым такое чувство возникает»³⁴. Они и в самом деле похожи, президент и его лучший друг. Причем не только внешне (это то как раз можно объяснить едиными стандартами, которыми руководствовались вербовщики КГБ). Пацаны из небогатых семей, обитатели ленинградских коммуналок яростно желали выбиться в люди, обрести работу за границей и вытекающий из этого материальный достаток.

Иванов рос без отца. Мать, инженер в НИИ, все время искала подработки, чтобы тянуть сына. Она даже просила учителей последить за Сережей. А кумиром был дядя — капитан дальнего плавания, который плавал аж к Фолклендским островам и чья жизнь выглядела столь романтической (и к тому же вполне обеспеченной). Если Путина к лучшей жизни вывели успехи в дзюдо, позволившие ему поступить в университет, то Сергея Иванова - английский язык, который он изучал в единственной в районе спецшколе. «Он был тружеником. Очень усердный, очень скромный. Всегда готов к уроку. Очень интересовался английским, в группе был одним из лучших, но никогда этим не кичился», рассказывала его школьная учительница. Сережа обладал отличной памятью и мог подолгу читать наизусть Роберта Бернса. Преподаватели запомнили как замечательно мальчик играл Оливера Твиста в поста-

33

http://www.kremlin.ru/appears/2006/05/10/1357_type63372type63374type82634_105546.shtml

³⁴ Геворкян Н., Колесников А., Тимакова Н. От первого лица: Разговоры с Владимиром Путиным. — Вагриус, 2000.

новке школьного драмкружка, как трогательно выглядел в заплатанных штанишках.

Обладавший очевидными лингвистическими способностями и безукоризненным по советским меркам происхождением, молодой человек без особого труда поступил на переводческий факультет филфака. А там не только прилично учился, но и был и активным комсомольцем. В частности входил в так называемую «выездную» комиссию комитета ВЛКСМ, которая давала студентам рекомендацию для поездки за границу. В общем, было вполне закономерно, что по завершении учебы Иванову предложили работать в органах. Он закончил высшие курсы КГБ в Минске, и тут едва не случилась осечка. Для работы в разведке - Первом главном управлении КГБ - требовалось абсолютно идеальное здоровье, а у Иванова обнаружилась легкая близорукость. Кадровик, которого Сергей Борисович по сей день вспоминает с благодарностью, предложил: «Начинаешь работать в контрразведке, а потом у тебя будет возможность перейти в разведку». И отправил Иванова в Ленинградское управление КГБ. Так тот вытащил самый счастливый билет в жизни, встретив «в маленьком подразделении большой организации» будущего президента России: «Года два работали вместе, — вспоминал позже Иванов, — профессиональные интересы, один возраст, примерно одни взгляды, иногда ироничные, по поводу деятельности партийных организаций в органах безопасности... Были просто нормальные отношения двух молодых парней. После чего я отбыл из Ленинграда фактически навсегда, а он остался»³⁵. Потом молодой офицер успешно обучился в знаменитой «101-й школе» Первого Главного Управления (ПГУ) КГБ СССР (ныне - Академия Службы внешней разведки РФ, называлась также Краснознаменным институтом имени Ю.Андропова). Там Иванов прошел полную подготовку по программе спецназа в 76-й воздушно-десантной дивизии. Впрочем, десантной романтикой Сергей Борисович не проникся. Много лет спустя, решая, какой из полков этой дивизии должен попасть под сокращение, Иванов, не испытывая никаких терзаний, ликвидировал именно тот полк, где проходил службу — вероятно даже не вспомнил столь незначительный, по его мнению, эпизод.

О карьере Иванова в разведке, как и положено, известно не очень много. Кокетничая своей тайной деятельностью, Сергей Борисович отказывается даже называть те страны, где ему довелось работать. Однако хорошо известно, что он 16 недель проходил языковую стажировку в одном из колледжей в Великобритании. В первой половине 80-х Иванов работал в резидентуре в Финляндии. В сфере его ответственности было освещение деятельности финских политических партий. Судя по всему, тамошние власти отлично понимали, кто работает под ди-

³⁵ http://www.compromat.ru/page_25633.htm

пломатическим прикрытием, и заблаговременно предупреждали о нем местных политиков. Однако, командировка, похоже, прошла успешно. Вскоре Иванов отправился уже резидентом в Кению.

Если Владимир Путин относится к своей службе в разведке с некоторой иронией (мол, пиво пили, да в настольный теннис играли), Сергей Иванов был преисполнен ощущения важности собственной деятельности. Полная секретность не мешает ему сообщить журналистам о том, что за свою тайную деятельность он награжден аж двумя орденами. Сергей Борисович с удовольствием распространяется насчет того, какие особые люди трудились в КГБ. Мол, требования, предъявляемые к кандидатам, занимали целых двадцать машинописных страниц. А уже в разведку вообще попадали пенки с этих сливов. Ни о каком блате и речи быть не могло. И это при том, что в 80-е годы среди разведчиков ходила невеселая шутка: в зарубежных резидентурах под дипломатическим прикрытием сидят ДОРы (дети ответственных работников), ЖОРы (жены ответственных работников), ЛОРы (любовницы ответственных работников), а также СУКи (случайно уцелевшие кадры). Путин гораздо менее восторжен, чем его друг, и признает - в разведке было полно блатных.

В первой половине 90-х Сергею Борисовичу пришлось жить на зарплату заместителя директора европейского департамента Службы внешней разведки, в мгновение ока ставшую скромной. Знающие люди рассказывают, что как раз эти годы безденежья и статусных потерь наложили неизгладимый отпечаток на характер Иванова, который навсегда невзлюбил демократов.

Жизнь наладилась в 1998-м. По слухам, в конце 80-х именно Сергей Иванов помог Владимиру Путину получить хоть какую-то работу в Питере, когда того уволили из КГБ. А потом обстоятельства переменились. Через месяц после назначения Путина директором ФСБ Сергей Иванов становится его замом. А еще через год, когда Путин превратился в премьера, Иванов занял должность секретаря Совета безопасности. А в 2001-м он был назначен министром обороны. В 2006 году он прибавил к этой должности еще и вице-премьерство. А 15 февраля 2007-го Путин назначил Иванова первым вице-премьером, освободив от поста министра обороны.

Вся деятельность Сергея Борисовича на высших государственных должностях самым замечательным образом опровергает живучий миф о том, что КГБ и даже советская разведка обладали способностью вырабатывать особых людей, бескорыстных интеллектуалов, беззаветно преданных Родине, «новых дворян», по терминологии тогдашнего главы ФСБ Николая Патрушева. У Иванова вполне специфические взгляды на окружающий мир. Вспомнить хотя бы о его нашумевшем в свое время заявлении о том, что «если израильский агент обращается за помощью к еврею, он, по крайней мере, может надеяться, что тот его не

сдаст»³⁶. Опираясь на свой богатый жизненный опыт, Иванов уверял журналистов, что вся британская экономика управляется государством.

Сергей Иванов – типичный (гораздо более типичный, чем Путин) представитель чекистского поколения эпохи позднего СССР. В отличие от простых граждан эта публика своими глазами могла наблюдать, как стремительно развивается экономика на Западе, какую роль в этом играют демократические институты. И при этом продолжала твердить, что советский строй – самый прогрессивный. Трансформацией сознания будущих чекистов власти занимались целенаправленно. С молодых ногтей им внушалось, что они соль земли, борцы за идею, в основе своей до того светлую, что все средства для ее защиты хороши.

"Нынешние полковники и генералы, – говорил мне Евгений Савостьянов, возглавлявший в первой половине 90-х Управление госбезопасности по Москве и Московской области, – пришли в органы в период, когда благодаря целенаправленным действиям Андропова образ чекиста в кино и литературе был предельно романтизирован. Система подготовки этих людей строилась на том, что безопасность страны зависит исключительно от них, и права на ошибку они не имеют. Из этого выросло ощущение, что они в принципе не могут ошибаться, что им доступно высшее знание".

Чекисты чрезвычайно тяжело пережили распад Советского Союза, мучаясь от собственного бессилия и даже чувства вины: мол, не уберегли великую страну. А каково им было наблюдать, как те, кто еще недавно был объектом их оперативных разработок, становятся трибунами, властителями умов, сколачивают капиталы, делают политическую карьеру, одним словом, превращаются в хозяев жизни.

Так возникло желание оградить от некомпетентных, продавшихся Западу выскочек хотя бы сферу обороны и безопасности. Иванов был твердо убежден, что сфера безопасности – настолько специфическая область, что она безусловно должна управляться «специалистами»-силовиками, к коим он безусловно относил и себя. В начале 2001-го Сергей Иванов, будучи секретарем Совета безопасности при российском президенте, выступал на семинаре, посвященном перспективам развития Вооруженных сил. Выслушав Андрея Кокошина, Сергея Караганова, Алексея Арбатова и других видных аналитиков, Иванов, чьи подчиненные тогда только что закончили работу над военной доктриной, заявил, что легко обойдется без советов всяких там гражданских экспертов. «Если партии начнут определять численность Вооруженных сил, тогда мы «приплыли». Одна будет говорить, что нам нужно 20 тысяч, другая – 20 миллионов, третья – 100 миллионов. В стране есть Верховный главнокомандующий, который определяет по представле-

³⁶ Сергей Иванов: "Велика Россия. Велики и ее проблемы» "Аргументы и факты", 26.04.2000

нию Министерства обороны численность Вооруженных сил. Президент ее определил», не без раздражения втолковывал он журналистам.

Как многие из тех, кто имеет воинское звание, генерал-полковник ФСБ запаса Сергей Иванов не сомневался, что достаточно компетентен в военных вопросах, и соглашался с теми генералами, которым удавалось в нем эту иллюзию поддерживать. «Беда в том, что он профессионально чувствует, когда начинаешь упрощать при объяснении какие-то сложные вопросы, - рассказывал мне один весьма высокопоставленный военный. - И тут же начинает злиться». При этом в качестве министра обороны Сергей Борисович вовсе не считал необходимым входить в детали даже самых важных проектов, путался в элементарных вещах. В качестве главы военного ведомства он до конца пребывания в должности не дал себе труда выяснить, чем подразделение отличается от соединения, сколько именно солдатских и сержантских должностей должно быть переведено на контракт (в одних интервью фигурирует 140 тысяч, в других — 130) и сколько все-таки в стране военных пенсионеров. Ничтоже сумняшеся, он заявлял, что перевод всей армии на профессиональную основу потребует увеличения военного бюджета на порядок, когда на самом деле переход на контракт половины солдат и сержантов потребовал 79 миллиардов рублей за пять лет.

Впрочем, на эту интеллектуальную неряшливость можно было бы не обращать внимания, если бы деятельность Сергея Иванова не дискредитировала саму идею гражданского контроля над Вооруженными силами. Он был назначен на свою должность сразу после трагедии «Курска», когда президент с удивлением обнаружил, что генералы и адмиралы врут ему самым наглым образом. И Иванов должен был играть роль «государева ока», быть представителем президента в военном ведомстве. Однако из-за привитого в КГБ «оборонного сознания» он очень скоро стал представителем генералитета в высшем руководстве страны. Следует признать, что в этом деле он добился немалых успехов — путинское доверие и здесь оказалось очень кстати.

В первые путинские годы Сергей Иванов вполне напоминал тень президента, которая всегда несколько отстает от хозяина. Владимир Путин едва ли не насильно толкал армию к профессионализации, а Иванов доказывал, что это слишком дорого для страны. После 11 сентября 2001 года Иванов заявил, что даже «теоретически» не может представить возможности размещения натовских баз в странах СНГ, а Путин, буквально через несколько дней, благословил развертывание этих баз.

За годы второго и третьего путинского президентства тень слилась с хозяином и навязала ему свою волю. Путин с удовольствием повторял вслед за Ивановым благостную чушь об успехах в военном строительстве. С воодушевлением ставил на повестку дня Шанхайской организации сотрудничества требования о выводе баз США с территории стран

Средней Азии. Все чаще рассказывал о чудодейственных боеголовках, способных преодолевать американскую систему ПРО. Ну а потом и стал сравнивать Россию с одиноким медведем, которого коварный Запад вознамерился лишить когтей и клыков (под коими подразумевается ядерное оружие), чтобы содрать с него шкуру.

Это трогательное единение, наметившееся во второй половине 2000-х, обусловило выдвижение Иванова на роль почти официального преемника Путина на посту главы государства. За год до выборов, в феврале 2007-го, он покинул должность министра обороны, тем самым Путин освободил его от необходимости необходимости бесконечно оправдываться за то, что в армии царят дедовщина и коррупция. Однако именно тогда, когда путь в президентство, казалось, был открыт, Иванов потерпел поражение в самом важном для него испытании. Испытании на верность Путину В.В. Во второй половине 2007-го лидеру государства пришла пора определиться с кандидатурой местоблюстителя – того кто формально будет выполнять обязанности главы государства, оставаясь при этом послушным исполнителем путинских приказов. Путин должен был принять важнейшее решение в своей жизни, и здесь ему было уже не до сантиментов, не до воспоминаний о чувстве локтя и некогда кем-то оказанных услугах. Претендентов стали подвергать всевозможным испытаниям. Вдруг подконтрольное телевидение забывало о Медведеве и концентрировалось исключительно на превознесении достоинств Иванова. А через неделю ситуация повторялась с точностью до наоборот. По сути дела тест был на чувство собственного достоинства. И тот, кто его в себе обнаруживал (пусть даже в самых минимальных количествах), кто отказывался играть роль полной марионетки, заведомо проигрывал.

Проиграл Иванов. В сентябре 2007-го Путин неожиданно уволил премьера Михаила Фрадкова. Но при этом промедлил часа два с объявлением имени нового главы кабинета. Однако из «надежных» источников стало известно, что новым главой кабинета будет Сергей Борисович. За эти два часа приближенные Иванова успели даже сделать несколько телефонных звонков как «друзьям», так и «врагам» нового премьера, обещая высокие должности первыми и страшные кары вторым. А когда выяснилось, что правительство возглавит вовсе не Иванов, нервы сдали и у самого первого вице-премьера. По стечению обстоятельств он встречался в тот день с именитыми иностранными экспертами из «Валдайского клуба». И не удержался. Ему задали льстивый вопрос, потому ли Путин и он, Сергей Иванов, такие умные, что прошли подготовку в советском КГБ. А Иванов в сердцах сказал, что вообще-то достиг в КГБ куда большего, чем Путин. Такого Путин не прощает даже самым близким.

Мало того, что Сергей Иванов безоговорочно проиграл исторические смотрины на роль преемника. Из первых вице-премьеров Иванов был

без объяснения причин отправлен в простые «вице». Иванов - единственный, о ком ни словом не вспомнил Путин, когда уже в качестве главы правительства ставил задачи членам кабинета министров. Уже потом, постфактум, пресс-служба правительства уточнила, что Иванов «координирует госполитику в области развития промышленности, обеспечивающей военно-промышленный комплекс, транспорт и связь, а также госполитику в области науки, выполнения госпрограмм вооружения, гособоронзаказа и программы развития оборонной, атомной и ракетно-космической промышленности, обеспечения национальной обороны, обустройства госграниц». Знающие начальственную психологию люди утверждают, что именно таким способом, начисто забыв о человеке, которому был чем-то обязан или с которым дружил, большие руководители вытесняют их из своего сознания.

Впрочем, по прошествии времени Сергей Иванов сумел-таки вернуть доверие «шефа» и занять должность главы президентской администрации. Фактически он стал человеком № 2 в государстве. И его положения, казалось, не могли поколебать многочисленные глупости, им сказанные или сделанные. Вспомнить хотя бы его неуклюжие объяснения того, почему он позволял годами разворовывать средства, предназначенные на создание системы спутниковой системы навигации ГЛОНАСС. Он, оказывается, был заблаговременно предупрежден правоохранителями, и молчал, чтобы не спугнуть жуликов. Но в августе 2016-го Иванов был отправлен в отставку без внятных объяснений. Его назначили на специально выдуманную должность помощника президента по транспорту и экологии. Впрочем, место в Совете безопасности, этом путинском политбюро за ним оставили. Так, что не исключено, что тефлоновая тень однажды снова понадобится хозяину

Бег на месте за большие деньги

Однако в 2001-м, в момент назначения Иванова министром обороны, его возможности, возможности человека, в котором видели чуть ли не alter ego Путина, представлялись совершенно безграничными. В качестве секретаря Совета безопасности Сергей Иванов готовил важнейшие решения президента - и о создании семи федеральных округов, и о новом порядке формирования Совета Федерации, - то есть о создании властной вертикали. Под его руководством была завершена разработка Военной доктрины и Концепции строительства Вооруженных сил на период до 2005 года.

Его назначение должно было не только положить конец многомесячному скандалу между предыдущим министром маршалом Сергеевым и начальником Генерального штаба Анатолием Квашниным, но и восстановить дисциплину и единоначалие в военном ведомстве. Казалось, что никто, включая разудалого генерала Квашнина, не осмелится

действовать через голову личного друга Владимира Путина. Всем было очевидно - если президент такого человека "бросает на армию", то именно в военной сфере грядут самые серьезные, самые крутые перемены. И Путина можно было понять - гибель "Курска", зашедшая было в тупик "антитеррористическая операция" в Чечне показали масштабы деградации армейского организма. Помимо абсолютной власти, у Сергея Иванова были и материальные ресурсы для достижения цели. При Путине, наконец, сбылась давняя мечта российских военных - оборонный бюджет стал увеличиваться на 20 процентов ежегодно – этому способствовал стабильный рост цен на нефть и газ.

При этом «интеллектуал» из внешней разведки, бывший руководитель аналитической службы ФСБ должен был за версту разглядеть те уловки, к которым прибегает генералитет, дабы саботировать проведение реформы. Однако Сергей Иванов, который должен был стать полномочным представителем Путина в Министерстве обороны, очень быстро стал представлять интересы генеральской элиты в Кремле. При этом было бы ошибкой утверждать, что генералитет подчинил себе Сергея Иванова. Дело, скорее всего, в том, что взгляды Сергея Борисовича довольно близки тем, что высказывали высшие российские военачальники, предпочитавшие мыслить в категориях глобальной войны. Один из окол Кремлевских аналитиков объясняет это тем, что большую часть 90-х, когда Путин в качестве заместителя Собчака познавал основы рыночной экономики, Сергей Борисович с раздражением наблюдал за происходившим в стране из штаб-квартиры СВР в Ясенево.

Путин, если его целью было все-таки начать военную реформу, допустил явную кадровую ошибку. В силу особенностей личности Сергею Борисовичу по душе те, над кем он ощущает полное интеллектуальное превосходство. Так, он сделал в свое время заместителем главнокомандующего сухопутных войск генерала Николая Кормильцева, считавшего, что главная проблема военной реформы - это наличие или отсутствие огорода при каждой воинской части. Иванов согласился в бытность секретарем Совета безопасности с "простым" предложением начальника Генерального штаба Анатолия Квашнина кардинально сократить Ракетные войска стратегического назначения (РВСН). Пользуясь тем, что Иванов как и они видел главные угрозы безопасности России на Западе, эти свои в доску "простые" вояки довольно ловко манипулировали им. Присмиривший в первые месяцы после назначения Иванова Квашнин быстро освоился и стал действовать через голову министра. В результате, несмотря на все свои аналитические способности, Иванов был обречен повторять те глупости, что готовили ему генералы. В конце концов, в октябре 2003 года Квашнину удалось протолкнуть президентский указ "О разграничении функций Министерства обороны и Генштаба", который отдавал практически весь контроль над военной сферой Генеральному штабу.

Призывной синдром

Уже в первые недели пребывания Сергея Иванова на новой должности стало очевидно: в своей деятельности он не собирался выходить за рамки разработанного под его руководством "Плана строительства Вооруженных сил на период до 2005 года". В жаргоне российских военных прижилось слово "обозначить". Его используют, когда в ходе боевой учебы одно действие заменяют другим. Например, бегущий солдат "обозначает" якобыдвигающуюся боевую машину пехоты или выстрел из миномета "обозначает" в ходе маневров залп из батареи гаубиц (в 90-е, в условиях полного безденежья, этим термином широко пользовались при написании планов учений). Вот и «План строительства Вооруженных Сил на период до 2005 года» стал попыткой "обозначить", то есть по сути дела имитировать реформу Вооруженных сил.

Как и предыдущие проекты, этот план предполагал ограничиться сокращением численности армии, да еще некоторым видоизменением ее структуры. Поначалу казалось, что начальник Генерального штаба Анатолий Квашнин убедил президента и нового министра обороны: руководство Вооруженными силами улучшится, если "разделить" функции министерства и Генерального штаба. Предполагалось оставить за Минобороны политические и административные функции, а за Генштабом закрепить оперативное руководство войсками. Особого смысла в этом не было. Ведь следующее звено в системе командования - это военные округа. А в них как раз объединялись и административные, и оперативные функции. В итоге министерство и Генштаб должны были обречены дублировать друг друга, а в худшем - просто разрывать командование военных округов различными указаниями.

В результате реализации этих замыслов была бы разрушена непосредственная связь Верховного главнокомандующего с войсками. В то же самое время орган, планирующий боевые действия на все случаи жизни, получал прямую возможность вмешиваться в политику. По существу Генштаб России должен был получить те же права, что имел немецкий Генеральный штаб в начале XX века. Чем это обернулось известно - немецкие генералы последовательно выбирали и навязывали руководству страны наиболее конфронтационный путь поведения. Сначала он привел Германию к мировой войне, а потом к поражению в ней.

Видимо, уже в тот момент, когда планы по разделению функций генштаба и министерства оборона начали воплощаться в жизнь, до Кремля дошло, какие опасности таят эти замыслы. Их начали изменять уже по ходу дела. В результате главному командованию Сухопутных войск решено было передать руководство боевой подготовкой всех Вооруженных сил. И это еще больше запутало и так весьма непростую систему руководства российскими Вооруженными Силами.

Важнейшим элементом реформы Иванов объявил структурные изменения. За три года до его воцарения на Арbate важным шагом реформы называли упразднение главного командования Сухопутных войск и передачу его функций Генеральному штабу, а также слияние Военно-космических сил и войск ракетно-космической обороны с ракетными войсками стратегического назначения. А в 2001-ом как важнейший шаг военной реформы рассматривали нечто прямо противоположное - выделение космических сил из состава РВСН и воссоздание Главкомата сухопутных войск.

Самое удивительное, что несомненную необходимость для продвижения военной реформы сначала одних административных решений, а затем других – прямо противоположных, обосновывали одни и те же генералы. И это немало говорит и о морали, и об уровне профессионального самосознания офицеров Генерального штаба. Объяснения Сергея Иванова относительно того, зачем понадобилось в очередной ломать существующие структуры и создавать новые, выглядели, по меньшей мере, наивными. Так, к примеру, министр обороны сообщал журналистам, что на первых порах намерен сконцентрироваться на создании Космических сил, нового рода войск, формируемого из Военно-космических сил и войск Ракетно-космической обороны, выделенных для этого из состава РВСН. Иванов вполне серьезно рассуждал о том, как Космические силы смогут обеспечивать действия российских подразделений на тактическом уровне. На самом деле, министра кто-то недостаточно полно информировал (или попросту надул). В противном случае он бы знал, что в составе российской космической группировки тогда было вдвое меньше спутников, чем в американской, действительно обеспечивающей поддержку подразделений армии США. Он знал бы также, что больше 70 процентов российских спутников тогда уже выслужили свой срок. Большой вопрос, могли ли они в полном объеме выполнять даже свои прежние задачи - ведение стратегической разведки, предупреждение о ракетном нападении, связь. У Иванова не было достаточно средств, чтобы хотя бы поддерживать эту группировку, а не то, чтобы наращивать ее до размеров американской. Через полтора года тогдашний командующий Космическими войсками генерал Анатолий Перминов сообщил, что в 2003-2005 годах группировка космических войск должна включать 60-65 спутников военного и 15-16 спутников двойного назначения. Генерал полагал, что такого количества спутников хватит лишь для того, чтобы прикрыть «черные дыры» в противоракетной обороне. О том же, что Космические войска могли бы вывести российскую армию на некий иной уровень боеготовности, о чем вовсю разглагольствовал Сергей Иванов, никто и не мечтал.

Трудно сказать, верил ли российский президент, что «План строительства...», который он подписал весной 2002 года и является планом военной реформы. Последовавшие события показали, что Верховный

главнокомандующий начал испытывать серьезное раздражение от того, что немалые средства, которые он направлял в Вооруженные Силы, не привели ни к какому улучшению ситуации в Вооруженных Силах. К тому же он мог знать, что уже в ближайшие годы Россия неизбежно угодит в "демографическую яму", возникшую вследствие падения рождаемости во второй половине 1980-х. Призывать было просто некого. "Начиная с 2006 года процент стоящих на воинском учете будет падать почти в геометрической прогрессии, - сообщал журналистам еще в апреле 2002 года тогдашний начальник Главного организационно-мобилизационного управления Генерального штаба Владислав Путилин - Если ничего не делать, то укомплектованность Вооруженных сил и других силовых министерств и ведомств составит 49-53 процента".³⁷ Генштаб настаивал на отмене всех отсрочек от призыва. Однако такая мера могла бы сказаться на популярности даже Путина. Но до поры до времени, генералам, по крайней мере, удавалось доказывать президенту, что в условиях, когда администрация США, ликвидируя Договор по ПРО и создавая систему противоракетной обороны, намерена получить абсолютное превосходство над Россией, не время отказываться от массовой армии.

Все изменилось 11 сентября 2001-го. Чудовищный теракт, уничтоживший башни в Нью-Йорке подтолкнул тогда и Россию, и Запад к радикальному пересмотру отношений. США и их западноевропейские союзники рискнули рассматривать Россию как союзника или, по крайней мере, в качестве надежного партнера. Президент России вполне определенно дал понять, что страна под его руководством готова такие отношения выстраивать. Партнерские отношения с Западом делали бессмысленными аргументы тех, кто настаивал, что Россия должна готовиться к глобальной войне и потому ей необходимо иметь массовую армию.

Однако очень скоро выяснилось: чем серьезнее велась речь о взаимном сближении, тем яснее государства Запада давали понять – с такими Вооруженными силами, как российская армия, сотрудничество может носить весьма ограниченный характер. Волей-неволей Москве пришлось прикидывать на себя те требования, которые были некогда разработаны для государств - членов НАТО. А они разработаны для того, чтобы обеспечить реальное сотрудничество на политическом уровне и взаимодействие Вооруженных сил стран-участниц. Только прозрачный открытый военный бюджет может обеспечить возможность трем десяткам стран планировать долгосрочные, рассчитанные на несколько лет, военные программы. Только наличие развитых демократических институтов дает гарантии, что Вооруженные силы не будут оказывать влияние на принятие политических решений и не вовлекут весь союз в

³⁷ <http://www.svoboda.org/content/transcript/24226569.html>

какую-нибудь авантюру. Выполнение этих многочисленных условий и обеспечивает высокий уровень взаимного доверия между членами союза. Намерение Путина расширять сотрудничество с Западом в сфере безопасности потребовало куда более радикальной военной реформы, чем та, которую хотело проводить Минобороны.

Осень 2001 года стала тяжелым временем для российского генералитета. 12 ноября в день отлета в США для встречи с Джорджем Бушем, Путин провел коллегию министерства обороны. С одной стороны, президент хотел успокоить генералов, с другой - продемонстрировать, что он не удовлетворен их работой. В результате каждое последующее положение в его выступлении противоречило предыдущему (что в общем-то характерно для путинского стиля руководства в 2000-х). С одной стороны, главный успех 2001-го года, по словам Путина, заключался в том, что были приняты "базовые стратегические документы": концепция национальной безопасности и военная доктрина. В этих документах, сказал президент, "мы правильно определили характер новых угроз для национальной безопасности России"³⁸. С другой стороны, он тут же заявил, что в новой ситуации требуются серьезные "уточнения" оборонной политики. Президент утверждал, что "от затянувшихся разговоров мы, наконец, перешли к плановой конкретной работе по реформе армии"³⁹. Однако вскоре подчеркнул, что задачи, поставленные на 2001 год, так и остались не реализованными полностью. Спрашивается, в чем же в таком случае заключалась эта самая "плановая работа"?

Генеральские неприятности продолжились и после возвращения Путина из Америки. 26 ноября президентская пресс-служба неожиданно сообщила, что в ходе встречи с премьер-министром Михаилом Касьяновым Путин подписал документ о поэтапном переходе к профессиональной армии. Это было полной неожиданностью для министра обороны и начальника Генерального штаба (оба они находились в этот момент за пределами столицы).

Политики раньше военных уловили изменение в настроениях президента. Союз правых сил и "Яблоко", объявили военную реформу своим важнейшим приоритетом. Более того, и та, и другая партии не ограничились декларациями. Ими были разработаны вполне серьезные проекты перехода к формированию Вооруженных сил по контракту. От этих проектов военному ведомству было уже довольно сложно отмахнуться под предлогом некомпетентности их составителей. К примеру, СПС, удалось привлечь к работе над своим проектом специалистов из Академии военных наук во главе с ее президентом генералом Махмутом Гареевым, в прошлом заместителем начальника Генерального штаба.

³⁸ <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/21395>

³⁹ Ibid

Сколь ни противоречив был этот проект, генералов изрядно напугала его направленность. Махмут Ахметович Гареев известен в военных кругах своей необыкновенной способностью чувствовать, куда из Кремля дует ветер (он еще в середине 2000-х завел речь о необходимости противодействовать военными средствами невоенным угрозам, на несколько лет предвосхитив официальное объявление «цветных революций» новой формой войны). В ту пору бывший заместитель начальника советского Генерального штаба, пусть с многочисленными оговорками, но все-таки допускал возможность перехода в течение шести лет к добровольческим Вооруженным силам.

Лидер Союза правых сил Борис Немцов проявил немалую настойчивость, добиваясь, чтобы с проектом ознакомились высшие руководители государства. Тут уж пришлось пошевелиться и минобороновским чинам. Не могли же они морочить голову Путину и Касьянову тем же способом, каким министр обороны Сергей Иванов вешал лапшу на уши журналистам, Мол, первым делом надо провести перевооружение армии, а уж потом перевести ее на контракт. И президенту, и премьеру было отлично известно: никакого перевооружения в ближайшие годы не будет. Предусмотрена была лишь некая ограниченная «модернизация» военной техники и разработка перспективных вооружений, дабы начать их производство уже в следующем десятилетии.

Начальник Главного организационно-мобилизационного управления Генштаба генерал-полковник Вячеслав Путилин признавал, что альтернативные проекты заставили военных ускорить работу, которая, как они уверяли, шла уже два года. На самом деле, чтобы отбиться от либеральных проектов, "оборонцам" пришлось сочинять целый меморандум под изумительным названием "Материал о проведении мероприятий, связанных с переходом к комплектованию части воинских должностей военнослужащими, проходящими воинскую службу на контрактной основе". Даже из названия следовало, что он написан для того, чтобы отложить переход к контрактной армии надолго, если не навсегда. Суть его заключалась в том, что в 2002-2004 годах военные собирались составлять Федеральную программу перехода на контрактную армию и считать будущие траты. Собственно к делу предполагали приступить не раньше 2005 года, когда контрактниками будет укомплектовано по одной дивизии в каждом из силовых ведомств (в Вооруженных силах на эту роль была определена Псковская дивизия ВДВ).

Однако Путин тогда не желал ждать так долго. Устав от бесконечных обещаний генералов завершить длящиеся уже не первый год "исследования" относительно возможного перехода к профессиональной армии, Владимир Путин не ограничился подписанием документов, основанных на предложениях, подготовленных экспертами Союза правых сил и Академии военных наук. Егор Гайдар и Борис Немцов, бывшие персонами non grata для наших военных, были демонстративно при-

глашены на проходившее в декабре 2001 года заседание правительства, посвященное переходу к контрактной армии.

В результате чрезвычайно жесткого давления Кремля, сроки подготовки программы перехода были резко сокращены. Если Минобороны предлагало проводить «исследования» до конца 2003 года, то позже, по словам заместителя министра обороны Любови Куделиной, их обязали представить расчеты уже к марту 2002 года. Но и генералы не собирались сдаваться. Речь шла об их вполне конкретных интересах. Скажем, по моим данным, тогдашний заместитель начальника главного организационно-мобилизационного управления Генштаба генерал-лейтенант Василий Смирнов (позже он возглавил ГОМУ и собственноручно угробил несколько попыток перевода армии на контракт) рассчитал все таким образом, чтобы уйти в отставку до того, как в Вооруженных силах начнутся серьезные реформы. Но представители СПС, чувствовавшие поддержку президента, нажимали.

И Генштаб не замедлил нанести ответный удар. Смирнов в январе 2002 года вдруг заявил, что военное ведомство направило в правительство проект поправок к закону "О воинской обязанности и военной службе". Поправки фактически отменяли отсрочку призыва студентов высших учебных заведений. Генштаб предлагал сохранить эту льготу лишь для питомцев ограниченного числа институтов (их список, якобы, должен быть согласован с Министерством образования), имеющих некий "государственный заказ" на подготовку специалистов. Студенты, не "заказанные" государством, уже в 2004 году должны были, по предложению Генерального штаба отправиться тянуть солдатскую лямку. Озаботившись тем, чтобы молодые люди не укрылись от исполнения священного долга в учебных аудиториях, генералы поторопились отрезать им и другой путь отступления.

Военные решили окончательно похоронить закон "Об альтернативной гражданской службе" (АГС). Как известно, право на такую службу гарантируется Конституцией, однако закон, который регулировал бы применение этого права, не принимался в течение 8 лет из-за противодействия военных. Между тем капля камень точит - около 2000 призывников ежегодно заявляли о желании проходить альтернативную службу, и некоторым из них удавалось отстоять свое право в суде. Мэры Нижнего Новгорода, Перми и Владимира, опираясь на положения Основного закона, организовали прохождение альтернативной службы на своих территориях.

Зимой – весной 2001 года в Думе находились три различных варианта закона. Спор шел по нескольким основным пунктам: должен ли юноша доказывать, что убеждения не позволяют ему служить в армии, должна ли альтернативная служба продолжаться дольше, чем служба в армии, можно ли нести ее по месту жительства и совмещать с учебой. Военные настаивали, чтоб "альтернативщикам" пришлось не слаще,

чем «срочникам». "Альтернативная гражданская служба призвана заменить воинскую, так почему же мы стремимся сделать ее более привлекательной?" - вопрошал, беседуя с журналистами, генерал Смирнов. Один из гулявших по Думе законопроектов, подготовленный генералами-депутатами Николаем Безбородовым и Андреем Николаевым (последний был председателем комитета по обороне), вполне соответствовал чаяниям военного ведомства.

Этого, однако, показалось мало. И начальник Генштаба Анатолий Квашнин внес прямо на заседании правительства 21 января 2002 года вовсе драконовский проект. Согласно ему призывник должен представить военно-призывной комиссии документы, подтверждающие право на АГС. Альтернативную службу, по версии генерала Квашнина, предлагалось проходить в течение четырех лет по экстерриториальному принципу, преимущественно в качестве гражданского персонала в Вооруженных силах. Само собой исключалось продолжение образования.

Вначале показалось, что Генштаб потерпел полное поражение. Министр образования Владимир Филиппов публично выразил недоумение инициативами военных об отмене отсрочек для студентов. Более того, тут же Дума одобрила прямо противоположного характера поправки к закону "О льготах по отсрочке от призыва в армию учащейся молодежи": отныне не должны были призываться в армию школьники, не достигшие 20-летнего возраста. А учащимся ПТУ и техникумов была предоставлена возможность не только закончить образование, но и поступить в вуз.

Анатолий Квашнин, по понятиям генералитета, подвергся публичному унижению: подготовленный его ведомством проект закона об альтернативной службе был отправлен на доработку, и премьер Михаил Касьянов счел нужным обратить на это внимание прессы. Однако Генштаб, похоже, и не рассчитывал на немедленную победу. Главной целью этих демонстраций была психологическая атака на общество. Армейское начальство было намерено извлечь все выгоды из уступки, которую сделали ему разработчики либерального законопроекта. Дело в том, что в варианте, предложенном СПС, призыв не отменяется совсем. В будущем армия, по мнению Махмуда Гареева, должна была включать не только постоянный состав, формируемый из добровольцев, но также призывников, которых в течение 6-8 месяцев будут обучать азам военного дела. Из них-то и должен состоять так называемый мобилизационный резерв, утратой которого запугивали руководство страны противники введения контрактной армии.

Генералы попытались превратить оставленную им лазейку в широкую брешь. Тогдашний начальник Главного организационно-мобилизационного управления генерал-полковник Владислав Путилин доказывал, что чем короче срок службы, тем больше людей следует призывать. И Генштаб начал пугать отменой отсрочек от призыва, вве-

дением драконовского закона об альтернативной службе. В том же ряду были и демонстративные акции в Москве (ставшие впоследствии банальной практикой), когда милиция под предлогом проверки документов просто хватала молодых людей прямо в метро. После чего военкоматы в течение суток оформляли их для отправки в Вооруженные силы. Осенью 2001 года военные всячески открещивались от проведенных в метро и на улицах Москвы милицейских облав, когда в военкоматы было отправлено несколько тысяч человек, не сумевших доказать стражам порядка, что у них есть отсрочка. Чины Минобороны списывали все на инициативу правоохранительных органов. Но уже весной 2002 года генерал Путилин заявил: "Если облавами называется задержание органами милиции тех призывников, которые обязаны явиться в военкоматы, то это будет продолжено, так как происходит в рамках закона"⁴⁰. И призывная кампания 2002-2003 года ознаменовалась массовым беззаконием. Сверхзадачей этих генштабовских эскапад было доказать обществу прочность позиций тогдашней армейской верхушки.

И надо сказать, что во многом Путин уступил. Ничем иным, кроме как прямым приказом из Кремля, нельзя объяснить кульбит тогдашнего министра труда Александра Починка (разработчика правительственного варианта закона), который без тени смущения уже в ходе заседания Думы отказался от заранее согласованного и думским комитетом проекта закона об альтернативной службе и поддержал предложения военных. В результате "альтернативщики" должны служить вдвое больше, чем солдаты-срочники.

Однако президент продолжал настаивать на том, чтобы ему представили ясные планы по переводу Вооруженных Сил на контракт. В начале марта 2002 года, находясь в Пскове в 76-й воздушно-десантной дивизии, министр обороны Сергей Иванов сообщил, что уже принято решение начать эксперимент по переводу всего этого соединения на службу по контракту: "К середине 2003 года мы сможем не от фонаря, а на бумаге, конкретно предъявить, сколько стоит содержание контрактной армии"⁴¹.

Теперь уже армейские бюрократы все силы направили на то, чтобы эксперимент в 76-й дивизии провалился (или был бы объявлен провалившимся). Первая атака была предпринята на финансовом поле. В декабре 2001 года начальник ГОМУ Владислав Путилин утверждал: для перевода одной дивизии на контракт потребуется около 500 миллионов рублей. Потом генералы спохватились, что эта цифра может президента и не испугать. Перед совещанием, которое министр обороны

⁴⁰ Салават Сулейманов. В нашей армии штыки, чай, найдутся. Независимая газета 10 апреля 2002

⁴¹ Юрий Моисеенко, Илья Булавинов. Сергей Иванов строит армию на бумаге. Коммерсант 6 марта 2002

проводил в псковской дивизии, тот же генерал назвал журналистам другую сумму - миллиард. После совещания - несколько миллиардов. Только в мае Сергей Иванов назвал окончательную сумму – 2,6 миллиарда рублей.

В эту смету была внесена и стоимость ремонта военной техники и пополнения войсковых запасов дивизии. Как будто дивизии, сформированной из солдат срочной службы, не надо было ремонтировать военную технику и пополнять запасы. Мало этого, туда же включили и стоимость возвращения из Чечни полковой тактической группы 76-ой дивизии. При этом основные траты, по мнению генералов, должны были составить даже не оклады контрактников (в то время - не меньше 5 тысяч рублей в месяц), а создание новой инфраструктуры. Было выдвинуто требование - обеспечить каждого солдата однокомнатной служебной квартирой (заметьте, что ни одно российское ведомство, будь то Генеральная прокуратура или даже ФСБ, никогда не требовало от правительства предоставить квартиры всем работникам, ни одна профессиональная армия не исходит из того, что все, кто подписывает контракт, непременно выслужат пенсию и положенные льготы). Генералы не без некоторого злорадства констатировали, что расходы на подобный «эксперимент» в бюджете 2002 года не были предусмотрены, и, чтобы начать его с осени, правительство должно изыскать где-то дополнительные миллиарды. Но президент продолжал нажимать – необходимые деньги были выделены. И тут же военные стали утверждать, что им не удастся сформировать два полка контрактников. Мол, никак не удастся набрать необходимого количества добровольцев.

Отдельная интрига была связана с тем, что в качестве полигона для эксперимента выбрана 76-я дивизия. Тогдашний командующий ВДВ Георгий Шпак был уверен: это потому, что дивизия - одна из лучших во всех Вооруженных силах. Однако многие полагали, что Генштаб уже спланировал провал эксперимента и намерен свалить все на Георгия Шпака, очередного военачальника, в коем подозрительный начальник Генштаба Анатолий Квашнин усмотрел опасного конкурента.

Но кто-то (есть основания полагать, что Борис Немцов, в то время лидер СПС, имевший доступ к президенту) разъяснил Владимиру Путину, что в итоге псковского эксперимента не будет ни квартир, ни профессиональной армии. И в сентябре 2002 года Верховный главнокомандующий повелел создать комиссию для подготовки вопроса к обсуждению на заседании правительства 21 ноября. Представители СПС, включенные в состав комиссии, утверждали, что в тяжелых позиционных боях с генштабистами перевес оказался на их стороне. Журналисты повели речи об "историческом отказе от призывной каторги". Тем более, что в своем Послании к Федеральному собранию Владимир Путин объявил военную реформу (наряду с необходимостью увеличить

в два раза валовой внутренний продукт, а также побороть бедность) важнейшей государственной задачей.

Однако одобренная в конце концов в августе 2003 года "Федеральная целевая программа перехода к комплектованию воинских должностей военнослужащими, проходящими военную службу по контракту" доказывала, что военному ведомству и на сей раз удалось отбиться. Правда, Минобороны понесло тяжелые потери. Реформаторы из СПС смогли добиться отказа от идеи предоставить каждому контрактнику отдельную квартиру. Теперь решено, как сообщил тогда Иванов, селить контрактников в комнатах «кубичного типа». Во-вторых, были перенесены сроки проведения реформы. Переход к контрактной армии решили провести с 2004 до 2007 года, в то время как Минобороны рассчитывало растянуть его аж до 2011 года.

Более того, военным пришлось согласиться с тем, что еще недавно представлялось им совершенно невозможным. Уже начиная с 2005 года Минобороны обязалось не направлять солдат срочной службы в «горячие точки», то есть в Чечню и Таджикистан. А начиная с 2008 года и сам срок военной службы должен был быть сокращен до одного года. Наконец, Минобороны согласилось с необходимостью создания института профессиональных унтер-офицеров, причем не только в частях постоянной готовности, но и во всех Вооруженных силах.

Казалось бы, что, наконец-то, во главу угла военной реформы были поставлены ключевые проблемы. Однако, как показали дальнейшие события, военному ведомству в очередной раз удалось навязать тупиковый путь решения этих проблем. Из плана реформы следовало, что в рамках Вооруженных Сил должны были сосуществовать две армии. Одна, включавшая части и соединения постоянной готовности. В них все военнослужащие должны были быть заняты исключительно боевой подготовкой, не отвлекаясь на хозяйственные работы. При этом рядовому в этих частях предполагалось платить около 6 тысяч рублей. Приблизительно столько, сколько получал тогда командир батальона с 15-летней выслугой лет в «обычных» частях. В тех, где, как и прежде должны были служить срочники.

В принципе с такой ситуацией можно было бы смириться, если бы с самого начала было ясно, что по плану военной реформы «полков нового строя» должно становиться все больше, а «обычных» частей все меньше, пока вторые не исчезнут вовсе (забегая вперед, заметим, что именно такое направление приобретет военная реформа через 8 лет). Но нет, этого не планировалось вовсе. "Обязательный призыв в армию останется всегда", твердил как мантру министр обороны. В начале декабря 2002 года, выступая перед курсантами Рязанского института ВДВ, президент подтвердил, что, несмотря ни на какие реформы, призывная система сохранится навсегда. На горячо обсуждавшихся еще недавно предложениях Союза правых сил - призывать в армию лишь на

полгода и исключительно для получения военной подготовки в учебных центрах, - был поставлен жирный крест. Владимир Путин предельно ясно сформулировал, зачем необходимы солдаты-срочники: "...нужно, например, охранять склады с вооружениями, нужно выполнять другую нелегкую армейскую работу - всех контрактниками не заменишь"⁴². Сие означало, что Верховный главнокомандующий отлично понимал: в армию призывают вовсе не для того, чтобы Родину защищать, а для того, чтобы выполнять подсобные работы.

Генералы добились, чего хотели. Сторонникам скорейшего перехода на контрактную армию казалось, что, согласившись на сохранение полугодовой службы по призыву, они достигли приемлемого компромисса. На самом деле они обеспечили генералам лазейку. Сохранение призыва, а стало быть, наличие "мобилизационного ресурса", позволяло сохранить массовую армию самого замшелого советского образца.

Из слов Сергея Иванова прямо следовало, что никаких кардинальных изменений в боевой подготовке частей постоянной готовности внесено не будет: «После стопроцентного укомплектования одного парашютно-десантного полка военнослужащими на контрактной основе личному составу в течение первых шести месяцев учебного процесса предстоит пройти одиночную подготовку, слаживание подразделений в масштабе отделения, взвода, роты, батальона. В последующие шесть месяцев пройдет реальная проверка готовности данного полка эффективно выполнять боевые задачи в "горячих точках", в данном случае - в Чеченской Республике"⁴³». В итоге «контрактный полк» был обречен воевать лишь чуть лучше, чем части состоящие из солдат срочной службы, что и показала российско-грузинская война 2008 года. При сохранении существовавшей системы боевой подготовки офицерам легче заставить идти в бой 18-летних юнцов, чем взрослых мужчин.

Решающую роль здесь могли бы сыграть опытные сержанты. Однако согласившись с необходимостью такого института, военное ведомство не озаботилось созданием специального учебного заведения для них. Минобороны рассчитывало, что все сведется к тому, что выпускникам обычных учебок, которые отслужили всего-то несколько месяцев, будут «настойчиво» предлагать подписать контракт. Разумеется, что, не обладая ни специальными знаниями, ни опытом, эти, с позволения сказать, сержанты не могли подчинить себе ровесников, которые прослужили в армии ровно такой же срок.

Наконец, совершенно очевидно, что для новой армии был необходим новый офицер: человек, посвятивший себя постоянному совершенствованию в военной профессии, обладающий необходимым гуманитарным образованием, чтобы стать настоящим лидером. Но реформа военного

⁴² <http://president.kremlin.ru/text/appears/2002/11/29594.shtml>

⁴³ Российская газета 14.01.2001

образования, на которой настаивало Министерство обороны, предполагало движение в прямо противоположном направлении – период обучения предполагалось сократить с пяти до четырех лет. Делалось это для того, чтобы лишить будущих офицеров диплома о «гражданском» высшем образовании и удержать таким образом в армии.

Военный истеблишмент отлично просчитал ситуацию: ничто не мешало генералам заявить через некоторое время, что части постоянной готовности ни по уровню боеготовности, ни по уровню дисциплины не отличаются от частей, сформированных из срочников. И, стало быть, профессиональная армия не нужна.

Есть основания предполагать, что в начале осени 2003 года Владимир Путин ознакомился с предложениями по военной реформе, которая в случае ее реализации могла бы существенно изменить российские Вооруженные силы. Как переходить к профессиональной армии, хорошо известно: этим путем сорок лет назад прошли американцы, а в 90-х – французы. Реформа предполагала решительное сокращение количества соединений (прежде всего кадрированных и неполного состава) и, как следствие, увольнение немалого количества служивших там офицеров. Президент, очевидно, посчитал этот вариант излишне радикальным. Тот, кто принял бы на себя ответственность за реализацию подобной реформы, решился бы сыграть в отношении армии ту роль, которую Егор Гайдар сыграл в отношении российской экономики. Судьба такого реформатора легко предсказуема – его будет проклинать значительная часть офицерского корпуса. Путин не рискнул пойти этим путем. К тому же для него и его окружения было принципиально важно сохранить всеобщую воинскую обязанность (хотя бы формально), как самый суровый налог, как сложившуюся от века форму зависимости гражданина от государства.

2 октября 2003 года на расширенном совещании в Министерстве обороны, в котором участвовал и президент, глава военного ведомства Сергей Иванов объявил о том, что военная реформа завершена. Теперь, подчеркнул он, государство приступает к военному строительству. Из представленного министром 70-страничного документа "Актуальные задачи развития Вооруженных Сил Российской Федерации" следовало, что под "реформой" военное руководство страны понимало лишь сокращение численности армии и некоторые структурные изменения. Эти реформы практически не затрагивали важнейших коренных принципов устройства Вооруженных Сил: комплектования, военного образования, условий прохождения военной службы.

А в ноябре 2003 министр обороны Сергей Иванов уверенно рапортовал президенту в ходе сборов высшего командного состава Вооруженных сил: «Мы смогли завершить наиболее болезненный период реформирования Вооруженных сил и переходим к нормальной их жизнедеятельности».

тельности и боевой учебе»⁴⁴. По мнению министра, осталось всего ничего – вернуть в состав Вооруженных сил железнодорожные войска да присоединить войска спецстроя. Верховный главнокомандующий возражать не стал. В результате, понятие «реформа» вообще исчезло из текстов официальных заявлений и докладов. Вместо него появилось слово «модернизация». Под ним в Министерстве обороны понимали, во-первых, реализацию принятой в июле 2003 года Федеральной целевой программы по частичному переводу Вооруженных сил на службу по контракту и переход в к 2008 году к одногодичной службе по призыву. А, во-вторых, выполнение программы по перевооружению армии. Мне представляется полезным проанализировать результаты именно этой модернизации, чтобы понять, позволяла ли она хотя бы частично ответить на существовавшие военные вызовы и привести к созданию той «инновационной армии», о которой говорил Владимир Путин в своем программном выступлении перед Госсоветом «О стратегии развития России до 2020 года»⁴⁵.

Контрактная пирамида

Военное ведомство с первых дней начало саботировать Федеральную целевую программу. В частности, никаких изменений не было внесено в деятельность военных комиссариатов, для которых работа по набору добровольцев так и не стала приоритетной. Практически с самого начала реализации программы министерство обороны занялось махинациями. В 2003-ем главной задачей был объявлен перевод «в порядке эксперимента» на контракт 76-й дивизии воздушно-десантных войск. В 2004-м полностью контрактной должна была стать 42-я мотострелковая дивизия, дислоцированная в Чечне. Но, несмотря на жалование, превышавшее 15 тысяч рублей для рядового, желающих служить в 42-й дивизии не находилось. И тогда министерство прибегло к манипуляциям. Более тысячи десантников из 76-й дивизии, воевавших Чечне в составе полковой оперативной группы, просто перевели в 42-ю дивизию. Таким образом, контрактников посчитали дважды: сначала в составе 76-й дивизии ВДВ, затем в 42-й дивизии Сухопутных войск.

В дальнейшем ФЦП окончательно приобрела вид классической финансовой пирамиды. Сначала солдат срочной службы (именно срочники, отслужившие не больше 6 месяцев, составляли более 80 процентов так называемых «контрактников») загоняли в «профессионалы», прибе-

⁴⁴ Виталий Денисов. Готовность к отражению завтрашних угроз. Красная звезда 19 ноября 2003

⁴⁵

http://www.kremlin.ru/appears/2008/02/08/1542_type63374type63378type82634_159528.shtml

гая зачастую к насилию, граничащему с пытками.⁴⁶ При этом 18-летним юношам, не слишком искушенным в юридической стороне дела, обещали, что, отслужив положенные два года, они могут прервать контракт, если захотят. После чего в Москву летел рапорт об успешном формировании очередной контрактной части⁴⁷. Но официальное планирование исходило из того, что солдаты будут служить минимум три года. Однако они покидали воинские части через два года.

Об одном из сотен (если не тысяч) таких случаев рассказывалось в письме, поступившем в Комитет солдатских матерей Орловской области.

Заявление

Я, гр. М. (редакция «Ежедневного журнала» располагала подлинной фамилией заявителя), проходивший службу в г. Коврове в в/части 73864 с 05.06.03 г.,

25.05.04 г., был отправлен в н.п. Ханкала в/часть 98311 и проходил службу там.

15.10.04 г. на разводе мне было сказано командиром батальона, что я контрактник, но при этом я никаких документов не подписывал и своего согласия не давал.

24 мая 2005 г. перед отбытием в отпуск мой командир мне объяснил, что если я не вернусь из отпуска в распоряжение части через 10 суток, то автоматически я буду уволен в запас, и моё личное дело будет выслано из н.п. Харкала в Ливанский РВК с указанием, что я уволен в запас. Перед отправкой в отпуск мне объяснили, что мои документы полностью оформлены для увольнения в запас. По прибытию в г. Ливны я сразу обратился в Ливенский РВК, мне объяснили, что у меня нет предписания на постановку на воинский учет, после чего я неоднократно звонил в свою часть, находящуюся н.п. Ханкала. По телефону мне объяснили, что моё личное дело выслано в Ливенский РВК с указанием, что я уволен в запас и что предписания на постановку на воинский учет мне не нужно.

Ливенским РВК я был направлен в Орловскую гарнизонную военную прокуратуру для помощи в разбирательстве этого дела. В прокуратуре мне было сказано, что с моим делом должна разбираться прокуратура, находящаяся в н.п. Ханкала, и что помочь ни в чем не могут.

Подпись

03.04.2006г»

⁴⁶ <http://newtimes.ru/teletype/200801101199962219/>

⁴⁷ <http://ej.ru/?a=note&id=3569>

Таким образом, как можно предположить, отцы-командиры решали две задачи. Во-первых, к отчетной дате набирали нужное количество «добровольцев». А, во-вторых, серьезно пополняли собственный карман. Ведь логично допустить, что парни числились контрактниками задолго до того, как им об этом объявлено. И продолжали числиться после того, как солдаты отправлялись по домам. Здесь очень показательно, что и автор заявления, и другие контрактники по принуждению, как утверждали представители комитета солдатских матерей, - деревенские жители. С одной стороны, в том месте, где их все знают, можно существовать некоторое время и без необходимых документов. А с другой, им самим требовались немалые усилия, чтобы добраться до военкомата и затребовать свои документы. Вряд ли можно сомневаться, что, оказавшись не в состоянии сформировать одну дивизию за год (76-ю дивизию в 2003-м, 42-ю в 2004-м), Минобороны не смогло заполнить контрактниками 40 частей и соединений в 2005-м, как того требовала программа. Но 1 ноября 2005 года начальник Главного организационно-мобилизационного управления Генштаба Василий Смирнов бодро рапортовал, что программа выполнена на... 70 процентов. То есть за два месяца до назначенного срока не была выполнена треть работы. А генерал был уверен в успехе. Потому что знал, как именно он будет обеспечен. В ноябре-декабре заканчивалось обучение в так называемых учебках солдат весеннего призыва. Их правдами-неправдами определили в контрактники. С тем чтобы чуть позже, когда подойдет конец их срочной службы, заявить, что они сбежали.

Показательно, что в 2008-ом году (то есть сразу по завершении ФЦП) по данным главного военного прокурора Сергея Фридинского, дезертировали 7 тысяч человек.⁴⁸ Первоначально в соответствии с самой программой⁴⁹ на контракт к 1 января 2008 года должно быть переведено 147,6 тысяч человек. Позже Сергей Иванов, стал путаться. В одних интервью⁵⁰ он сообщал, что к 1 января 2008-го на контракт переведут 144 тысячи солдат и сержантов, в других — что 133 тысячи. Подчиненные министра потом разъясняли, что убыль в 11 тысяч среди контрактников Министерства обороны образовалась из-за того, что на контракт также должны были быть переведены несколько частей пограничников и внутренних войск. Однако, и цифра в 133 тысячи оказалась для Минобороны неподъемной. В размещенной на официальном сайте Минобороны брошюре «100 вопросов — 100 ответов»⁵¹ на стр. 78-79 указывалось, что на контракт будет переведена всего лишь 121 тысяча человек. То есть программа усохла на одну дивизию. Это 104-я воздуш-

⁴⁸ <http://lenta.ru/news/2009/02/11/deserters/>

⁴⁹ <http://mil.ru/849/11873/1062/1347/1821/index.shtml>

⁵⁰ <http://old.mil.ru/articles/article8914.shtml>

⁵¹ <http://www.mil.ru/files/100.pdf>

но-десантная дивизия, которую было решено и впредь формировать за счет солдат-срочников.

При этом парадоксальным образом количество «частей и соединений», которые должны быть переведены на контракт, увеличилось с 72-х до 81-й. Здесь военным манипуляторам помогло лукавое словосочетание — «части и соединения», использовавшееся в ФЦП. Ведь, если провален переход на контракт одной дивизии (соединения), то можно было осуществить его в отношении одного или двух полков (частей), входивших в эту дивизию. В итоге, рапортуя об успешном выполнении Федеральной целевой программы к 1 января 2008 года, военные сообщали всего лишь о 100 тысячах контрактников. Но и это было враньем. Начальник главного организационно-мобилизационного управления Генштаба генерал-полковник Василий Смирнов поведал, что в этот момент в частях постоянной готовности были «вакантны» 20 процентов сержантских и солдатских должностей⁵². Было очевидно: ни о каком выполнении программы и речи быть не может. Равно как и постоянной готовности соединений, где отсутствует пятая часть личного состава.

Смирнов в то же время обещал, что недостающих контрактников «доберут» в первые месяцы 2008-го. Впрочем, к этому моменту всем, кто следил за реализацией ФЦП, стало очевидно, что чиновники Минобороны и Генштаба манипулируют цифрами без всякого зазрения совести. Приступая к выполнению ФЦП, военное ведомство информировало, что в армии тогда было 155 тысяч контрактников, а по завершении программы выяснилось, что их стало ... 209 тысяч⁵³. При этом за все годы реализации ФЦП ничего не сообщалось о массовом сокращении должностей контрактников в обычных частях. Таким образом, количество контрактников увеличилось не на 100, а всего на 50 тысяч человек. То есть речь могла идти в лучшем случае о 2-3 полностью укомплектованных воздушно-десантных дивизиях, 1-2 мотострелковых дивизиях и еще, возможно, нескольких бригадах ВДВ, сухопутных войск и морской пехоты.

Неприятная правда открылась в ходе российско-грузинской войны. Минобороны удалось в короткие сроки перебросить в район конфликта несколько частей и соединений, в которых, как было уже объявлено, должны были служить только контрактники. Именно поэтому все части были переброшены без переформирования. Однако личный состав состоял, по некоторым данным, на тридцать процентов из солдат срочной службы⁵⁴. Отправляя их воевать в Южную Осетию, министерство про-

⁵² Виктор Мясников. Солдат стал образованнее офицера. Независимое военное обозрение 23 января 2008

⁵³ Алексей Маслов. Армии нужны профессионалы. Военно-промышленный курьер. № 50, 26 декабря 2007 года

⁵⁴ Олег Никифоров. Военный кризис обостряется. Независимое военное обозрение. 13 февраля 2009

сто проигнорировало все законы, которые вроде бы должны гарантировать, что срочники не могут быть посланы в зону боевых действий за пределы страны.

Но проблема состояла не только в недостаточном количестве воинов-профессионалов. Еще хуже были дела с качеством их подготовки. Периодически сквозь победные рапорты прорывались сообщения об истинном состоянии дел. Например, тогдашний главком Сухопутных войск генерал-полковник Алексей Маслов признавал: «Кое-где по уровню своей подготовки они («контрактные» части и соединения — А.Г.), не намного отличаются от соединений и воинских частей, укомплектованных военными по призыву»⁵⁵. А главный военный прокурор Сергей Фридинский в конце 2007 года сообщил о стремительном росте преступлений среди контрактников — на четверть больше по сравнению с 2006-м⁵⁶. Удивляться было нечему: загнанные силком и обманом в контрактные части солдаты-срочники покидали их при первой возможности, так как вполне искренне не понимали, зачем вопреки воле они должны служить на год дольше.

Понятно, что к моменту завершения программы вся эта пирамида должна была рухнуть. Но военное ведомство действовало здесь точь-в-точь как любой финансовый махинатор — дабы скрыть результаты одной аферы, оно тут же принялось раскручивать другую. И министерство обороны уже сверстало планы новой федеральной программы, в результате которой в 2009-2011 годах контрактниками должны были стать все сержанты Вооруженных сил, а также плавсостав ВМФ — всего более 80 тысяч должностей.⁵⁷

Фактический провал ФЦП позволил выяснить, что вопреки официальным заявлениям реализация этой программы никак не связана с сокращением срока службы по призыву до одного года. При том, что удалось в лучшем случае выполнить ФЦП на две трети (скорее всего на треть), с 1 января 2008 года срок службы по призыву был сокращен до одного года, что привело к очевидному кризису в системе комплектования (о чем разговор пойдет чуть позже). Окончательная точка в позорной истории контрактной пирамиды им. Сергея Иванова была поставлена при следующем министре — Сердюкове. В августе 2009-го информационное агентство Regnum поместило вполне заурядную, на первый взгляд, информацию. Со ссылкой на помощника командира 76-й десантно-штурмовой дивизии Руслана Компанца сообщалось: это соединение перешло на смешанный принцип комплектования. То есть в

⁵⁵ Алексей Маслов. Армии нужны профессионалы. Военно-промышленный курьер. № 50, 26 декабря 2007 года

⁵⁶ Владимир Мухин. Военные профи бегут из казарм. Независимая газета. 3 декабря 2007

⁵⁷ Виктор Мясников. Солдат стал образованнее офицера. Независимое военное обозрение. 23 января 2008

дивизии должны служить как контрактники, так и срочники. Ожидалось прибытие полутора тысяч призывников. Несколькими днями позже заместитель начальника штаба ВДВ полковник Александр Иванов, выступая на «Эхе Москвы», заметил, что лишь половина рядовых и сержантов ВДВ – контрактники.

Получалось, 76-я дивизия, с которой был начат переход на контракт, снова ждала призывников. А «элитные» ВДВ наполовину состояли из солдат, которые служат всего один год. Круг замкнулся, федеральная программа, реализация которой в течение пяти лет была окружена густым облаком вранья, коррупции и откровенного саботажа, провалена полностью. При этом руководители военного ведомства довольно ловко подменили смысл соединений постоянной готовности. Если до попытки реализации ФЦП под ними понимали соединения, готовые немедленно, без дополнительной мобилизации, выполнить боевой приказ, потому что они укомплектованы обученным личным составом. Теперь же речь шла всего лишь о том, что численность военнослужащих и количество боевой техники соответствуют штатным требованиям. О выучке личного состава вопрос уже не стоял. В Минобороны поняли, что ранее разработанный график прохождения срочной службы – шесть месяцев в учебном центре, шесть месяцев в строевой части – абсолютно нереализуем. Ведь получалось бы, что в соединениях постоянной готовности большая часть солдат менялась бы каждые полгода. О какой же высокой готовности в таком случае может идти речь?

В итоге, ничего не объявляя, решили, что большая часть солдат срочной службы ни через какую учебку проходить не будет. «Если призывник назначается на должность, которая не требует ни обучения в учебной части, ни специального образования (например, стрелок), то он пройдет начальный курс обучения (или, как его часто по старинке называют, «курс молодого бойца») непосредственно в части или в соединении в составе сводного подразделения»⁵⁸, рассказывал в интервью «Красной звезде» заместитель командира бригады полковник Александр Мельников.

Министерство обороны определило должности, от которых зависит боеготовность (в отделении – это, скорее всего, командир, пулеметчик и гранатометчик). Их и должны были занять контрактники. Остальные – срочники, и никакой специальной подготовки они проходить были не должны. Из этого следовало, что соединения «нового строя» были обречены быть современными только по названию. Прежде всего, потому, что в экстренной ситуации в бой должны были послать всех – и контрактников, и практически необученных срочников. Как это и произошло в августе 2008 года, во время войны с Грузией, когда никто не

⁵⁸ Александр Тихонов. География службы в Сухопутных войсках. Красная звезда. 1 апреля 2009 года

озаботится тем, чтобы отделять срочников от контрактников. Несмотря на то, что российские начальники много раз клялись: солдат срочной службы в «горячие точки» посылать не будут. Таким образом, пресловутая «постоянная готовность» должна была обеспечиваться не качеством подготовки военнослужащих, а их количеством. По-своему логично то, что вскоре закон о том, что срочников нельзя посылать в «горячие точки», был отменен.

А в марте 2010-го одно за другим последовали заявления начальника Генштаба Николая Макарова и главкома Сухопутных войск Александра Постникова. Оба военачальника впервые признали, что начатая в 2003-м и завершенная в 2008-м программа по частичному переводу Вооруженных сил на службу по контракту полностью провалена. «Допущено было очень много ошибок, и та задача, которая ставилась, — построение профессиональной армии — решена не была»⁵⁹, — поведаль Макаров. «Федеральная программа по переводу частей постоянной готовности на комплектование контрактниками намеченных целей не достигла»⁶⁰, — вторил Постников.

Переооружение или большой «распил»?

Не более успешной была попытка выполнить вторую часть того, что Сергей Иванов именовал военной реформой. А именно программу перевооружения российской армии. На эти цели ассигновались весьма немалые средства. До 2015 года Кремль был намерен истратить на выполнение оборонного заказа около 5 триллионов рублей. О том, что именно было обещано Вооруженным силам за эти деньги, поведаль, выступая в Госдуме, Сергей Иванов: «Поставить на боевое дежурство несколько десятков шахтных пусковых установок и командных пунктов РВСН, а также закупить свыше пятидесяти подвижных грунтовых ракетных комплексов "Тополь-М". Иметь в составе ВВС России пятьдесят дальних стратегических бомбардировщиков. Развернуть серийное строительство и планомерно вводить в состав флота ракетные подводные лодки стратегического назначения проекта 955 и проекта 955-А. Создать космические системы разведки, связи, ретрансляции, целеуказания, топогеодезии, обнаружения стартов баллистических ракет нового поколения. То есть всю эту технику, о которой я только что сказал, планируется заменить на технику нового поколения. Без этого, конечно, эффективной обороны быть не может. Намечено завершить строительство стартовых комплексов "Ангара" и "Союз-2", полностью восстановить замкнутое периферийное радиолокационное поле системы

⁵⁹ Владимир Мухин. Генштаб предлагает увеличить срок службы. Независимое военное обозрение 1 марта 2010

⁶⁰ <http://lenta.com.ua/570966.html>

предупреждения о ракетном нападении - особо подчёркиваю, - расположенной на российской территории. Вы понимаете, о чём идёт речь. Повысить на 20 процентов боевые возможности авиации и войск ПВО. Кроме того, в Сухопутных войсках будут полностью перевооружены сорок танковых, девяносто семь мотострелковых и пятьдесят десантных батальонов. Пять ракетных бригад будет оснащено новейшими ракетными комплексами оперативно-тактического назначения "Искандер-М", а два реактивных полка – модернизированными реактивными системами залпового огня "Ураган-1М"⁶¹.

Эта программа вооружений была сорвана (как впрочем, и предыдущие). «В силу повышения цен на конечную продукцию ОПК стало невозможным выполнение заданий госпрограммы вооружений ни по номенклатуре, ни по количественным показателям», — констатировал заместитель руководителя департамента оборонно-промышленного комплекса (ОПК) Министерства промышленности и энергетики Валерий Воскобойников⁶². В силу специфики своего интеллекта и взгляда на мир Сергей Иванов был уверен, что всему причиной неумеренная жадность руководителей оборонных предприятий и предлагал бороться с этим сугубо бюрократическими методами. Ему удалось убедить в этом и Владимира Путина. Сперва, якобы для повышения эффективности производства, было решено собрать предприятия оборонного комплекса в единые вертикальные структуры, контролируемые государством холдинги. В каждую из этих корпораций были включены большинство предприятий той или иной отрасли – авиационной, бронетанковой, средств ПВО и других. По сути дела, произошла своего рода коллективизация, когда в холдинг-колхоз согнали и те заводы, которым еще удавалось выживать, и те, которые находились в предсмертной коме. В действительности весь смысл существования подобного холдинга заключался в том, что московские чиновники получали полный контроль над экспортными доходами немногих относительно эффективных предприятий. В конце концов, были созданы около дюжины корпораций – Объединенная авиастроительная, Объединенная судостроительная, «Тактические ракетные вооружения» и прочие, которые фактически стали реинкарнацией (или скорее пародией) советских министерств оборонной промышленности.

Потом государство стало плодить структуры, которые должны были контролировать эффективность созданных монстров. Было создано Федеральное агентство по поставкам вооружений, военной, специальной техники и материальных средств, а кроме того Федеральная служба по оборонному заказу. А еще Федеральное агентство по промышленно-

⁶¹ <http://www.c-society.ru/wind.php?ID=279216&soch=1>

⁶² Игорь Плугатарев. «Инновационная армия» – что это? Независимое военное обозрение. 15 февраля 2008

сти. И кроме того – служба заместителя министра обороны по вооружениям, а также учреждена должность помощника президента по военно-техническим вопросам.

Наконец, время от времени правительство выдвигало планы реструктуризации ОПК. Так, выступая в 2007-м на заседании Военно-промышленной комиссии, вице-премьер Сергей Иванов сообщил, что такая реструктуризация должна состоять из нескольких этапов. На первом, получив оборонный заказ, предприятия "нагуляют жирок, если так можно выразиться, от выполнения программы вооружения, от серийности, массовости закупок"⁶³. И через два-три года, по Иванову, они должны были стать прибыльными. Тогда и должен был начаться второй этап. Предполагалось запустить Федеральную целевую программу реформирования российского оборонного комплекса, которая должна была потянуть на полтриллиона рублей. Причем, как заявлял Иванов, «значительная часть федеральных средств на эту программу будет направляться из внебюджетных источников, то есть средств самих предприятий. Эта сумма в рамках программы составляет ни много ни мало 201 миллиард рублей, то есть 40 процентов всей ФЦП». Иванов пояснил, что "основной фундамент этих средств — это целевые отчисления самих предприятий от прибыли"⁶⁴. В этих рассуждениях налицо смесь большевистской продразверстки и опыта барона Мюнхгаузена, который сам себя вытаскивал за волосы из болота. Идея, что предприятия ОПК, с их долгим производственным циклом, способны за два-три года начать приносить прибыль, производя военную продукцию, представляла собой чистую утопию.

На самом деле перед российской оборонной промышленностью стояли (да и продолжают стоять до сих пор) проблемы, которые невозможно решить с помощью голого администрирования. Но о них поговорим в главе о роли ОПК в российской модернизации. Здесь же следует констатировать: никакого перевооружения армии в эпоху Иванова не случилось. Вопреки громогласным обещаниям министра в Вооруженные силы поставляли единичные экземпляры военной техники. А за рост производства выдавали резкое увеличение цен на продукцию.

Таким образом, в российских Вооруженных силах не происходило никакой модернизации – ни необходимой радикальной реформы, ни даже ограниченных позитивных перемен, которые Кремль сам захотел провести. По сути дела высокие цены на нефть позволяли военнополитическому руководству страны сохранить пусть уменьшенную второе, но точную копию советской массовой мобилизационной армии. Путин прекрасно отдавал себе отчет (вспомним раздражение, которое прозвучало в выступлении перед Федеральным собранием в 2007-м),

⁶³ http://vpk.name/news/3908_predpriyatiya_opk_stanut_pribyilnymi.html

⁶⁴ www.rian.ru/defense_safety/20070314/61972927.html

что, повышая ежегодно на 20-25 процентов военный бюджет, он фактически финансирует застой и разложение Вооруженных сил. Подозреваю, что в какой-то момент ему стало жалко денег. К тому же во второй половине 2000-х все более очевидным становилось несоответствие грозных заявлений и жестов в адрес Запада и жалкого состояния Вооруженных сил. Так в феврале 2008 года, выступая в Конгрессе, глава Национальной разведки США Майкл Макконнелл сообщил, что российские Вооруженные сил, мол, только начинают преодолевать спад, начавшийся еще до развала СССР. И при этом им далеко до оперативных возможностей Советской армии. При этом российские Вооруженные силы ждут «серьезные проблемы, связанные со здоровьем населения и с демографией». «Хотя стратегические ядерные силы сохраняют жизнеспособность, оборонная промышленность страдает из-за потери квалифицированного персонала, отсутствия современных производств, растущих цен на материалы и рабочую силу и уменьшающегося числа поставщиков»⁶⁵ — констатировал доклад Макконнелла.

Ну а что же наши замечательные пуски, полеты и дальние походы, которыми так гордились российские руководители? Аналитики из американской разведки не забыли и их: «Россия использует широко разрекламированные пуски ракет и полеты Дальней авиации над Тихим, Атлантическим и Северным Ледовитым океанами для демонстрации своего глобального влияния и военной значимости»⁶⁶. То есть военную активность времен Иванова оценивали как она того и заслуживала, То есть как показуху.

Столь же очевидно было также, что Сергей Иванов не обладает необходимыми способностями, чтобы обеспечить эффективность расходов на армию. К тому же в начале 2007-го года Путин не исключал, видимо, возможности назначения ближайшего друга на должность преемника. Однако даже в условиях управляемой демократии участвовать в президентской избирательной кампании, имея послужной список, полный провалов, неудобно.

А общество все более остро реагировало на факты армейских преступлений, которые однозначно указывали: разложение Вооруженных сил продолжается даже в условиях относительного финансового благополучия. А Минобороны отвечало на критику все новыми попытками утяжелить призывную кабалу.

Всех под ружье!

Яростно отбивая все попытки перехода на контракт, военное ведомство в период ивановского министерства было обречено изыскивать все

⁶⁵ Дмитрий Сидоров. Угрожаемый период. Коммерсант. 7 февраля 2008

⁶⁶ Ibid

новые средства пополнения числа срочников (притом, что их количество неизбежно сокращалось из-за демографической ситуации). Юноши призывного возраста видели, и не без основания, в армейской службе форму узаконенного рабства и стремились избежать ее всеми доступными способами. По официальным данным, ежегодно около 40 тысяч призывников, получив повестки, не являлось на призывные пункты. Еще 50 тысяч уклонялось от того, чтобы получить эти повестки. Весной и осенью милиционеры в Москве и других крупных городах вдруг переключали свое внимание с кавказцев на юношей вполне славянской внешности, начиная усиленно проверять у них документы. Это означало, что объявлен очередной призыв в Вооруженные силы и военные комиссариаты в очередной раз обратились к органам внутренних дел за помощью в организации облав на призывников. В российских городах в 21 веке, точно так же, как в Европе три столетия назад, велась настоящая охота на рекрутов.

Но, даже применяя эти драконовские меры, Министерство обороны никак не могло заполнить все должности солдат-срочников. Поэтому новобранцы не отвечали даже минимальным интеллектуальным, физическим и моральным требованиям. В 2003-м в Московском военном округе 39,2 процента новобранцев нигде не работали и не учились, 44 процента не смогли окончить среднюю школу, у 32 процентов друзья и родственники имели связи с преступным миром, а 340 солдат элитной Таманской дивизии и вовсе имели судимость. Неудивительно, что нравы в российской армии не слишком отличались от тюремных. Руководство Вооруженных сил по существу расписалось в неспособности бороться с дедовщиной. «Что же до «дедовщины», корни ее глубокие, еще с советских времен. Кардинально вопрос можно решить, переведя армию на добровольную форму комплектования. Скажу прямо: это произойдет не скоро»⁶⁷, - с равнодушием констатировал Иванов. Жизнь российских солдат по существу состоит из череды издевательств и унижений, начиная от избиений и заканчивая тем, что старослужащие заставляли их попрошайничать на улицах. Жаловаться офицерам бессмысленно, так как в отсутствие профессиональных сержантов, именно на старослужащих возлагается обязанность поддерживать порядок в казарме. В противном случае офицерам пришлось бы дежурить там круглосуточно.

Зачастую «дедовщина» оборачивалась настоящими трагедиями. Сергей Иванов признал, что только за 10 месяцев 2002 года в результате «преступлений и происшествий» погиб 531 военнослужащий, а 20 тысяч были искалечены. По данным Главного военного прокурора Александра Савенкова во всех «силовых ведомствах» (помимо Министер-

⁶⁷ Министр обороны России Сергей Иванов: Нашу армию усилят добровольцы из СНГ. Комсомольская правда. 1 апреля 2003

ства обороны призывники служат еще в добром десятке министерств и ведомств) в 2002 году 800 человек были убиты сослуживцами, а еще 1200 человек погибли в результате «непредумышленных действий». В "Анализе состояния законности и преступности в Российской Федерации за 2002 год", подготовленном Генеральной прокуратурой, подчеркивалось, что военнослужащими совершено 20400 преступлений. Каждое четвертое преступление было связано с насилием в казармах.

Вполне закономерно, как указывал тот же документ, что 4200 военнослужащих дезертировали из своих частей (согласно официальным данным, из Вооруженных сил дезертировали 2265 человек). А скандалы, связанные с гибелью солдат-срочников следовали один за другим. В самом конце 2003-го стала известна история о том, как две сотни только что призванных в армию мальчишек две недели таскали по разным городам севера страны – от Комсомольска-на-Амуре до Магадана. Самое простое объяснение: эти никуда не приписанные призывники могли сколько угодно раз проголосовать на проходивших тогда парламентских выборах (машина голосования была еще не отлажена до такой степени совершенства, как это произошло в последующие годы). При этом никто не озаботился тем, чтобы выдать солдатам теплую одежду, кормить и размещать в теплых помещениях. В результате половина из призывной команды оказалась в магаданской больнице с жесточайшим воспалением легких. Один юноша скончался.

Находившийся в заграникомандировке министр, сообщает РИА «Новости», заявил: "Ничего очень серьезного там нет. Иначе я бы об этом обязательно знал"⁶⁸. Сергей Иванов сказал истинную правду: для него в этом случае нет ничего экстраординарного. Даже из официальной статистики следовало, что солдаты-срочники гибли десятками. Несколько месяцев спустя, в июне 2006-го, Главная военная прокуратура сообщила, что за одну неделю в отечественных силовых структурах «результате преступлений и происшествий» погибли 46 военнослужащих, из них 37 – Вооруженных силах.⁶⁹

В 2006-м российское общество было потрясено историей с рядовым Андреем Сычевым. В батальоне обеспечения танкового училища в Челябинске несколько солдат старослужащих при попустительстве офицеров несколько часов измывались над сослуживцами. То ли насиловали, то ли просто били. Несчастного рядового Сычева изувечили так, что у него началась гангрена ног. После чего военные медики не оказали ему никакой помощи, а несколько позднее переправили в гражданскую больницу, где врачам пришлось ампутировать ему обе ноги и гениталии. Впрочем, история с рядовым Сычевым ни в какую статистику могла и не попасть. Министерство обороны благоразумно не указывало

⁶⁸ Антон Трофимов. Арифметика бесчеловечности. Независимая газета 27 января 2006

⁶⁹ newsru.com/russia/14jun2005/army.html

количество умерших и ставших инвалидами в результате заболеваний. А именно в эту категорию и хотели записать Сычева отцы-командиры. Командование училища сперва настаивало на том, что никаких издевательств не было вовсе, а гангрена у солдата развилась в результате «заболевания». А от гражданских медиков строго потребовали хранить тайну. И, если бы они выполнили это требование, рядового просто комиссовали бы «по болезни».

Надо сказать, что Иванов довольно скоро сообразил, что этот случай с Сычевым грозит его собственному реноме. Возмущение общественности было неподдельным. Одно дело, прочитав в конце года сухую минобороновскую информацию о гибели тысячи военнослужащих. И совсем другое - узнать о конкретном случае армейского зверства, когда несчастного юношу превратили в обрубок. Подчиненные министра получили указание «закрыть вопрос», и сделали это так, что скандал только разрастался. В Челябинск отправились высокопоставленные чиновники Минобороны, которые попытались заткнуть рот солдату и его родне, обещая немалые деньги. Параллельно запугивали свидетелей – таких же как Сычев солдат-срочников.

Главком Сухопутных войск Алексей Маслов заявлял, что факты избиения не подтверждаются. Военные врачи, отводя глаза, принялись врать о некоем наследственном заболевании крови, которое развилось у Сычева со скоростью особо опасной инфекции. Сержант Сивяков, зачинщик издевательств, получил сразу несколько адвокатов, которые доказывали, что все беды Сычева происходят от неправильного лечения в гражданской больнице, куда военные привезли солдата.

При этом, как водится, из случившегося пообещали «извлечь уроки». В частности, осенью 2006-го, выступая на сборах высшего командного состава, Иванов пообещал наделить родителей, чьи сыновья служат в каждой конкретной части, правом проводить инспекции. Помимо этого глава военного ведомства потребовал, чтобы родителям сообщали телефонные номера командира части и заместителя по воспитательной работе. А наиболее активные родители должны были получить возможность дважды в год присутствовать на совещаниях, посвященных состоянию воинской дисциплины в работе призывных комиссий.

Более того, было проведено II Всероссийское совещание офицеров, посвященное укреплению дисциплины и правопорядка в Вооруженных силах. С точки зрения содержательной смысл его равен нулю. Первоначальный посыл заключался в том, что, мол, соберем офицеров войскового звена и устроим всеармейский мозговой штурм (я не пытаюсь иронизировать, это «Красная звезда» насчет штурма написала). Но все обернулось профанацией. Министр Иванов в очередной раз зачитал капитанам и лейтенантам свое уже обкатанное в Думе выступление. А лейтенанты прочитали Иванову заранее заготовленные выступления с заготовленным «одобрямсом» и тщательно дозированными «револю-

ционными» предложениями, вроде инициативы засчитывать год службы за полтора тем офицерам, которые непосредственно командуют солдатами. После чего приняли обращение к коллегам, от которого просто скулы сводило: «Добивайтесь безусловного выполнения каждым военнослужащим требований общевоинских уставов. При этом делайте упор на индивидуальную работу с подчиненными. Активнее используйте воспитательные возможности воинских коллективов, лучшие традиции российского воинства, героические примеры из истории Отечества, примеры самоотверженного выполнения воинского долга нашими современниками, потенциал общественных организаций ветеранов Вооруженных сил»⁷⁰.

Впрочем, «армейская общественность» дала и другой ответ – сугубо неофициальный - на многочисленные инициативы Министерства обороны на предмет искоренения дедовщины (директивы министра, инструкции и приказы, а также создание общественного совета и родительских комитетов). Журнал «Коммерсант – Власть» в начале 2007-го опубликовал попавшую в его распоряжение вполне зверскую методичку относительно того, как рекомендовалось бороться с дедовщиной⁷¹. В частности, предлагалось ввести коллективные наказания старослужащих в случае любого нарушения дисциплины в части: проведение «до посинения» занятий по радиационной, химической и биологической защите – или выполнение земляных работ, желательно в ночное время. При этом автор предусмотрительно советовал командирам, во избежание жалоб, изготовить учебный план – так, мол, военнослужащих готовят к противодействию атаке террористов. Также рекомендовалось проводить "жесткий прессинг лиц кавказской национальности" и "опускание лидеров группировок отрицательной направленности". В случае употребления солдатами спиртных напитков, предлагалось делать им промывание желудка двумя ведрами воды, а затем фотографировать их в «скотских позах» для отправки фотографий родителям. Из текста следовало, что это написано старшим армейским начальником, либо уровня той бригады радиационной, химической и бактериологической защиты, откуда и поступил в редакцию сей документ, либо штаба военного округа. Таким образом, единственным эффективным средством борьбы с дедовщиной было признано еще большее зверство. Неслучайно дезертирство приняло в ивановские времена характер настоящей эпидемии. Из-за невыносимых условий солдаты покидали воинские части взводами и ротами. В сентябре 2002 года несколько десятков солдат 20-й мотострелковой дивизии, расквартированной в

⁷⁰ Обращение участников Второго Всеармейского совещания офицеров войскового звена к офицерам Вооруженных Сил Российской Федерации. «Красная звезда» 6 апреля 2006

⁷¹ Юлия Рыбина «Необходимо вбить личному составу полка в голову мысль». Коммерсант – Власть № 4, 5 февраля 2007

Волгограде, покинули свою часть и отправились в местное отделение организации «Материнское право». Солдаты были до полусмерти напуганы тем, как офицеры искали зачинщиков состоявшейся накануне пьянки. Рядовых избивали черенками от лопат. В декабре 2002 года 16 военнослужащих Таманской дивизии сбежали из расположения части, так как командир роты регулярно избивал и обирал их. Тринадцать рядовых дезертировали в Свердловской области. В январе 2003 года 24 солдата дезертировали из железнодорожной части в Ленинградском военном округе⁷².

Нередко, дезертировав, солдаты тут же совершали тяжчайшие преступления. В 2001 году дезертиры застрелили в Чите генерала, который пытался их остановить. В июне 2002 года два солдата Ульяновской воздушно-десантной бригады, сбежав, застрелили 10 человек. Чуть позже два дезертира из Майкопской бригады застрелили трех милиционеров. Всего же за 2002 год произошло, по меньшей мере, 24 подобного рода инцидента с Вооруженными дезертирами⁷³.

Однако было бы заблуждением считать, что существование в российских Вооруженных силах была невыносима только для солдат-призывников. Если жизнь призывника походила на жизнь раба, то жизнь офицера, особенно офицера младшего, напоминала жизнь крепостного. Он был полностью зависим от двух людей – своего непосредственного начальника и работника управления кадров. Эти двое могли сделать с ним практически все, что хотели – продвигать по службе или не назначать на вышестоящую должность, направить на учебу в Москву или куда-нибудь в район российско-китайской границы. Заместитель министра обороны, отвечающий за работу с кадрами, Николай Панков признал в начале 2000-х, что его управлению так и не удалось внедрить систему конкурсного назначения на вышестоящие должности. При этом, по словам того же Панкова, никто из работников кадровых органов не нес ответственности за ошибки при назначении на вышестоящие должности⁷⁴. Вряд ли этому стоит удивляться – если бы система продвижения офицера по службе стала прозрачной и командир и кадровые органы наверняка лишились бы половины своей власти и, будем откровенны, одного из главных источников взяток.

Только в такой атмосфере могли стать возможными избиения офицерами рядовых солдат. Даже когда солдаты совершали серьезные проступки, офицеры не рисковали докладывать об этом начальству, так как не без оснований полагали, что в итоге виноватыми окажутся они сами. В результате младшие офицеры стали тайком избивать солдат. Из-за

⁷² Владимир Воронов. Дезертирты Консерватор № 1, 2003

⁷³ Ibid

⁷⁴ Владислав Павлюткин. Мы обязаны сберечь офицерский корпус. Красная звезда 9 января 2003

невыносимых условий службы: произвола и самоуправства начальников, закрытости всего процесса принятия кадровых решений, - молодые офицеры хотели покинуть армию как можно быстрее. В 2002-м году из общего количества уволенных из Вооруженных Сил офицеров более половины покинули Вооруженные Силы досрочно. Значительная часть уволенных - молодые офицеры в звании от лейтенанта до капитана, был вынужден констатировать министр обороны Сергей Иванов, выступая на Всеармейском офицерском совещании, проходившем в Москве 20-22 февраля 2003 года. В Московском военном округе около 80 процентов офицеров, уволившихся досрочно, не достигли 30 лет⁷⁵. Именно поэтому около 40 процентов командиров взводов, были так называемыми «двухгодичниками», – выпускниками гражданских вузов, получившими на военных кафедрах самую примитивную подготовку. Более того, каждый десятый взвод не имел в начале 2000-х командира в офицерском звании.

Разумеется, в условиях, когда подавляющее большинство военно-служащих (как солдат, так и младших офицеров) не желали служить, боеспособность российских Вооруженных Сил была чудовищно низка. Будучи органически неспособным остановить деградацию Вооруженных сил, руководство минобороны сконцентрировалось, как водится, на разоблачении врагов, которые предают гласности армейские безобразия. И вот уже, выступая в Государственной думе, Иванов выражает озабоченность антиармейскими настроениями охватившими общество. А все потому, что нашлись те, кто «искусственно раздувает скандал» с Сычевым (ну ампутировали парню ноги и половые органы – понятно, что такой скандал можно только искусственно раздуть). Министра решительно не устраивал тон газетных публикаций: так, по его мнению, можно говорить только о вражеской армии.

И, наконец, его особенно возмущало то, что «в некоторых газетах уже появились открытые призывы к акциям неповиновения и бойкоту весенней призывной кампании». Глава военного ведомства тут же перешел к угрозам: «Думаю, что такие факты могли бы стать объектом пристального внимания конституционно-правовых органов на предмет соответствия их российскому законодательству в области обороны и безопасности»⁷⁶. Но Путину уже было ясно: этот не потянул. Реформа Вооруженных сил оказалась явно не под силу Иванову.

⁷⁵ Виктор Баранец. Съезд дедов: мужской разговор. Комсомольская правда 13 марта 2003

⁷⁶ Наиль Гафутулин. С думой об армии. Красная звезда 16 февраля 2006

II. Прорыв и откат

1. Создавая невиданный «образ»

Надо сказать, что к февралю 2007-го было более-менее понятно, как именно следует реформировать Вооруженные силы. Направление реформ было обозначено в документе Союза правых сил, о котором я писал выше. Движение в том же направлении указывали и доклады Совета по внешней и оборонной политике «Военная реформа в России» (1997)⁷⁷ и «Военное строительство и модернизация Вооруженных сил России» (2004)⁷⁸. Однако было очевидно, что успешная реформа армии неизбежно должна была быть связана с отказом от концепции массовой мобилизационной армии, которая господствовала в стратегии обороны страны почти 150 лет. Что неизбежно требовало уволить огромное количество офицеров и прапорщиков. Кто-то должен был сыграть «роль Гайдара» для военной организации России, роль, которую, как мы помним, решительно отказался играть Владимир Путин. Таким образом, требовался решительный и надежный человек, который не позволит обмануть себя разговорами о «славных традициях» и об особом российском пути военного строительства. Требовался жесткий циник, который уволит сотни тысяч военнослужащих. И при этом верный настолько, что не подставит высших руководителей страны, когда на него неизбежно обрушатся потоки поношений. То есть он должен был быть довольно близок к узкому кругу путинских соратников. Но при этом не входить в него, чтобы при необходимости им было можно пожертвовать без сожалений...

Персонажи. Человек-функция

И этот человек, Анатолий Эдуардович Сердюков, нашелся. Наш герой был настолько далек от военного истеблишмента, что, когда весть о его назначении достигла Арбатской площади, многоопытные чиновники военного ведомства бросились изучать биографию губернатора Ленинградской области, носившего такую же фамилию. Однако судьба и

⁷⁷ Военная реформа в России. Независимое военное обозрение» № 25 12-18 июля 1997

⁷⁸ <http://www.svop.ru/files/meetings/m016813378426501.pdf>

Владимир Путин отправили на Минобороны совсем другого Сердюкова.

Его хулители, коим нет ныне в России числа, не слишком удивятся, когда прочитают, что я сравниваю его с другим военным министром, не менее Сердюкова ненавидимым современниками. С Алексеем Андреевичем Аракчеевым, на котором оттоптались два поколения российских литераторов – от Пушкина до Салтыкова-Щедрина. Аракчеев вошел в наше сознание как символ тупого грубого солдафона. Но истукан, палящий в звездное небо – это, пусть гениальная, но карикатура.

Главное, что отличало Аракчеева от прочих – не грубость и жестокость (кого другого, а носителей этих славных качеств среди российских начальников всегда было в достатке). Аракчеев с молодых лет обладал блестящими организаторскими способностями. Именно он фактически создавал русскую артиллерию в эпоху Павла I. Именно он провел радикальную реорганизацию военного ведомства в 1808-10 годах, упростив систему принятия решений и то, что теперь мы называем «бумагооборотом». Наконец, именно на Аракчеева легла в 1812-ом организация снабжения всей русской армии. И он с этой задачей справился блестяще.

Другое важнейшее качество Аракчеева – это буквально собачья верность государям, которые, надо признать, верность эту (в отличие от нынешних начальников) ценили. В словах «без лести предан», которые император Павел вписал в его герб – весь Аракчеев. Мне кажется очень показательной история с военными поселениями, которую часто приводят как свидетельство бессмысленной жестокости Аракчеева. Но вот как описывает это словарь Брокгауза и Ефрона: «Стала занимать Александра I мысль о военных поселениях в обширных размерах. Аракчеев был против этого проекта. Оформил в указы и инструкции М.М. Сперанский, а исполнять поручили Аракчееву. Аракчеев повёл дело круто, с беспощадной последовательностью, не стесняясь ропотом народа, насильственно отрываемого от вековых, исторически сложившихся обычаев и привычного строя жизни. Целый ряд бунтов среди военных поселян был подавлен с неумолимой строгостью; внешняя сторона поселений доведена до образцового порядка»⁷⁹.

А вот как оценивает Аракчеева наш современник, известный либеральный историк Андрей Зубов: «Аракчеев, верующий и благочестивый с молодых лет православный христианин, одаренный блестящими организаторскими способностями и административным талантом и, что, наверное, самое главное, трудившийся не ради корысти и славы, а также, как и Император, следуя своему нравственному долгу ..., такой сотрудник был бесконечно нужен Александру. Император прекрасно

⁷⁹ Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. — С.-Пб.: Брокгауз-Ефрон. 1890—1907.

знал слабости и недостатки своего гатчинского друга — малокультурность, обидчивость, завистливость, ревность к царской милости, но все это перевешивалось в глазах царя его достоинствами»⁸⁰. Не исключено, что лет эдак через 40-50 нечто подобное напишут и о нашем герое.

Анатолий Эдуардович Сердюков поднялся к вершинам власти из очень простой семьи. Отец работал лесорубом в лесничестве (он довольно скоро ушел из семьи), мать - дояркой в колхозе. Односельчане в разговорах с журналистами отмечают, что жили Сердюковы чрезвычайно скромно, бедно даже по советским стандартам. Сам Толик ничем особенным не отличался, его едва могут вспомнить учителя и одноклассники. Куда большей гордостью школы в краснодарском поселке Холмский, где Толя Сердюков учился до четвертого класса, является другой ее выпускник - летчик-космонавт Сергей Трещев. О Сердюкове же говорят, что, особых успехов не демонстрировал: твердый троечник. Все, впрочем, отмечают его искреннюю привязанность к младшей сестре Гале, которая всюду ходила с ним и которой он не стеснялся прилюдно заплетать косы. Вспоминают и о недетской основательности Толи, который сторонился обычных мальчишеских шалостей.

Впрочем, детство кончилось у Сердюкова довольно рано. В 15 лет он остался с сестрой без родителей. Понятное дело, тут же нашлись претенденты на небогатое жилье. Детей же хотели отправить в приют. И тут подросток проявил характер, твердо заявив взрослым, что он сможет позаботиться о себе и сестренке. Он перешел в вечернюю школу, стал работать в ОРСе – торговой организации местного нефтеперегонного завода шофером и автомехаником. Надо сказать, что важную роль в жизни юноши сыграл директор местного клуба юных техников, в котором Толик пропадал с четвертого класса (строил багги и карты). Этот человек поддерживал детей как мог, а когда Сердюков вполне прилично закончил вечернюю школу, пошел к директору ОРСа с предложением дать парню направление (а также стипендию) в автодорожный институт. Директор, которому Сердюков тоже пришелся по душе, горячо поддержал идею (как тут не вспомнить митрополита Гавриила, подавшего оставшемуся без средств существования Аракчееву серебряный рубль и директора Артиллерийского и инженерного кадетского корпуса Петра Ивановича Меллисино, распорядившегося принять парнишку в обход бюрократических правил).

Одна беда (или, скорее, счастье) – учиться Сердюкова могли направить исключительно по профилю ОРСа, то есть по торговой линии. Так юноша из глубинки с именной стипендией оказался в наипрестижнейшем Ленинградском институте торговли им. Ф. Энгельса (о популярности этого учебного заведения говорит, например, то, что в студентах

⁸⁰ Андрей Зубов. Размышления над причинами революции в России. Новый мир №7 2006

там состояла вся футбольная команда ленинградского «Спартака»). Заметим, что была в СССР такая форма направления в вузы из провинции. Надо сказать, что Сердюков не забыл благодетелей. Много лет спустя, когда команда из клуба юных техников отправилась в северную столицу, Сердюков позаботился и о питании, и о размещении. Впрочем, встречаться с земляками не стал, сославшись на занятость.

В институте Анатолий Сердюков учился чрезвычайно старательно, был очень вьедливым студентом... и по-прежнему чрезвычайно незаметным. Однокурсники полагали, что он стеснялся своей старой изрядно поношенной одежды и южного говора. Впрочем, выглядеть «постолличному» он и не хотел. Деньги откладывал (очевидно, чтобы посылать сестре). Однокурсники припомнили: он избегал даже участия в студенческих складчинах: лишних денег у него явно не было, а на дармовщину развлекаться он не хотел.

Впрочем, шанса закрепиться в теплом месте он не упустил. Во время студенческой практики после четвертого курса он оказался на месте помощника бухгалтера одного из магазинов Ленмебельторга, и произвел столь благоприятное впечатление на тамошнее начальство, что оно решило взять его на постоянную работу. Это говорит об очень многом. Во-первых, были нарушены ведомственные инструкции, требовавшие, чтобы «целевые» выпускники возвращались работать в организацию, которая их направила на учебу. Во-вторых, и, в-главных, советская торговля, место, где концентрировались главные коррупционные отношения в СССР, была сферой чрезвычайно закрытой. Чужих туда просто не пускали.

Было, видимо, в юном Сердюкове нечто такое, почему прожженные мебельные начальники вдруг начали испытывать к нему необъяснимое доверие. Его не просто взяли в мебельный бизнес. Он стал заведующим секцией магазина № 3, который скоро переименовали в «Дрезден». Здесь продавали, а точнее распределяли по благу гарнитуры из ГДР, представлявшие собой недостижимую мечту советского человека. Сердюков же распоряжался пенками с этих сливок. Он возглавлял отдел «стенок». Рассказывают, что даже однокурсники, тоже работавшие в торговле, получили от Сердюкова отказ, когда попросили поспособствовать в приобретении дефицита. При этом единственное, чего могли добиться журналисты от бывших сердюковских сослуживцев (показательно, что расспросы пытались вести как сразу после назначения Сердюкова, так и после его скандального увольнения, на пике обвинений в коррупции), так это того, что Анатолий Эдуардович «был в большом авторитете». К прочим вопросам репортеров мебельщики, что бывшие, что еще работающие отнеслись так, как будто их задавали следователи в ОБХСС.

Анатолий Сердюков был среди тех работников советской торговли, кто мгновенно увидел возможности, открывшиеся после кончины

СССР. В 1991-ом он вместе с коллегами из «Ленмбельбельторга» учреждает ТОО «Мебиус». При этом он остается заместителем директором «Ленмебельторга» (позже переименованного в «Мебель-Маркет»). С 1995 по 2000 он генеральный директор «Мебель – Маркета», а еще он – среди учредителей фирм «Свит» и «Диалог». При этом Сердюков занят был не только зарабатыванием денег. В самом конце 90-х он поступил на вечернее отделение юрфака ЛГУ. В 2000-м написал кандидатскую диссертацию под названием «Концепция и системная организация процесса формирования предпринимательских структур, ориентированных на потребителя». Читавшие ее люди утверждают, что это последовательное изложение того, как трансформировать советские «торговые предприятия» в нормальные магазины. Не берусь утверждать, что эту диссертацию, как и прочие труды, выходившие под его фамилией, Сердюков писал сам. Однако фактом является то, что он, по крайней мере, досконально разбирался в заявленных темах.

На вечернем юрфаке произошло то, что, в конце концов, и сделало успешного питерского мебельщика героем (пожалуй, главным положительным героем) книги о военной реформе в России. Сердюков повстречал там Юлию, разведенную к тому времени, дочь главы питерской налоговой инспекции (затем управления министерства по налогам и сборам) Виктора Зубкова. До того, как стать налоговиком Зубков работал в начале 90-х заместителем председателя комитета внешних связей мэрии Путина В.В...

Вскоре Сердюков и Юлия поженились. Новый зять пришелся ко двору. Зубков обеспечил ему стремительную карьеру. В октябре 2000-го Сердюков переходит из предпринимателей в налоговую службу, причем сразу заместителем начальника межрайонной инспекции по работе с крупнейшими налогоплательщиками. Спустя всего восемь месяцев он назначен уже замом начальника всего налогового управления Санкт-Петербурга. А еще через полгода, когда Виктор Зубков отправился на высокую должность в Москву (шел захват столицы «питерскими», а точнее «путинскими»), Анатолий Эдуардович стал главным налоговиком Северной столицы. Если кто-то думал, что бывший предприниматель будет снисходительно относиться к попыткам бизнеса уклониться от уплаты налогов, он глубоко заблуждался.

Под руководством Сердюкова в Санкт-Петербурге была разработана весьма эффективная технология возмещения экспортного налога на добавленную стоимость, которую ее автор называл «профилактикой лжеэкспорта на ранней стадии». На самом деле, это означало, что его подчиненные вместе с налоговой полицией проводили проверку фирмы еще до заключения сделки. Некоторые предприниматели предпочитали от греха подальше самостоятельно еще до начала проверки предоставить всю необходимую документацию. Сердюков не стеснялся обращаться в суд, что зачастую оборачивалось банкротством ответчиков. В

итоге совокупная задолженность города перед бюджетом сократилась вдвое.

Дальнейший карьерный взлет Анатолия Эдуардовича происходил конечно же не из-за успехов в работе. У Виктора Зубкова - старая дружба с главным в то время путинским кадровиком Виктором Ивановым. Но за такого протекже, как Сердюков, было не стыдно хлопотать. И вот 15 марта 2004 года глава Минфина представил подчиненным исполняющего обязанности министра по налогам и сборам Анатолия Сердюкова. Через несколько месяцев он возглавил созданную под его руководством Федеральную налоговую службу. И на этой должности Анатолий Сердюков проявил себя в полной мере. По его требованию налоговые органы превратились в абсолютно закрытые для внешнего мира учреждения. Никаких контактов с прессой – такой был приказ нового начальника. Любые вопросы следовало направлять в письменном виде. Ответ тоже должен был быть оформлен сугубо официально: на бланке, за подписью и печатью.

Сердюков устроил серьезную кадровую перетряску в ведомстве. Дабы избавиться, как он говорил, «от клановости» начальников важнейших направлений меняли местами, глав региональных инспекций переводили в Москву, а на их место – столичных чиновников. Оставил он о себе память и чистой аракчеевщиной: запретом перерыва на обед в подведомственных учреждениях. В то же время подобно графу Алексею Андреевичу усердно заботился о повышении благосостояния подчиненных, регулярно направляя в правительство письма о необходимости резкого увеличения их жалования.

Звездным часом Сердюкова стало дело ЮКОСа. По его команде компании, попавшей в опалу, был вчинен судебный иск (якобы за уклонение от уплаты налогов в 2001 году) в размере 98 миллиардов рублей. Пикантность ситуации заключалась в том, что в тот же самый момент в Санкт-Петербурге вышел 700-страничный учебник «Налоги и налогообложение», авторами которого были Анатолий Сердюков и профессора Университета экономики и финансов Елена Вылкова и Алексей Тарасевич. В этом учебнике были предельно ясно описаны различные механизмы оптимизации налогообложения, в качестве допустимых и законных. За реализацию схожих схем обвинения задним числом были предъявлены ЮКОСу.

Сердюков этим обстоятельством ничуть не смутился. Наоборот, он явно поставил себе эту историю в заслугу. В 2005 году в ходе первой официальной встречи с Путиным глава налоговой службы рапортовал: в первом полугодии сверх плана собраны 238 миллиардов рублей, что Сердюков совершенно откровенно объяснил «определенным эффектом ЮКОСа». По его словам, практически все нефтяные компании предпочли «уточнить» показатели по уплате налогов, рост собираемости которых составил 250 процентов. При Сердюкове процент удовлетворен-

ных жалоб налогоплательщиков упал в судах с 64% оспариваемых сумм до 17 %. Конечно это происходило отнюдь не только благодаря талантам Сердюкова. До судов было предельно ясно доведено путинское указание, что противящиеся бизнесмены должны «глотать пыль».

Но в чем все признают роль Сердюкова, так это в том, что он навел железный порядок. «Сердюков сделал систему как в Центробанке, то есть все возмещения районных инспекций можно было отслеживать в режиме онлайн и в любой момент нажать delete», — рассказывает бывший налоговый. «Систематизация и централизация означают хотя бы контроль и точное представление о том, что происходит, — рассуждает бывший высокопоставленный чиновник. — Если раньше нельзя было вообще ничего понять в хаосе возвратов, то теперь поток упорядочен. Это заслуга Сердюкова»⁸¹.

До Сердюкова главой налогового ведомства был Геннадий Букаев. «Да, он тоже выполнял команды, но с ним можно было о чем-то разговаривать, — вспоминает бывший зампред правления ЮКОСа Александр Темерко. — А потом пришел Сердюков и разобрался буквально за три-четыре недели. Человек, безусловно, нацелен на то, что “поставили задачу — буду выполнять, ничего не замечая”. ... Сердюков действовал без эмоций, планомерно, поступательно. Это не человек, это механизм. Мы пытались говорить с ним о налоговой отсрочке. Спрашивали, зачем он добился ареста всех счетов? Мы из-за ареста не могли рассчитаться ни с кем. Думаю, Сердюков участвовал в создании ситуации, которая привела к банкротству компании»⁸².

В 2006-м Сердюков сообщил, что по инициативе ФНС созданы межведомственные комиссии, которые должны были предотвратить выдачу предприятиями серой зарплаты. По самым скромным оценкам, в результате этих мер на некоторых предприятиях официальная зарплата выросла в 8-10 раз. Надо сказать, что методы, к которым прибегали сотрудники Сердюкова (например, блокирование в алфавитном порядке счетов разных компаний, дабы заставить их владельца выполнить те или иные распоряжения налоговой) не вызывали одобрения непосредственного начальника Сердюкова — министра финансов Алексея Кудрина. Была даже создана специальная комиссия для разрешения разногласий между вышестоящей организацией — Минфином и нижестоящей — ФНС. Сердюков мог не обращать на это внимания — он пользовался поддержкой политического «тяжеловеса» Виктора Иванова. И вот когда для проведения военной реформы Путину потребовался человек-функция, выбор пал на Сердюкова...

⁸¹ Роман Шлейнов, Дмитрий Казьмин, Филипп Стеркин, Алексей Никольский. Это не человек, это функция. Ведомости от 23 апреля 2012

⁸² Ibid

Попытка разобраться

Впрочем, поначалу казалось (а, может быть, так и было), что назначение Сердюкова — не более, чем результат раздражения рачительного хозяина страны тем, что несмотря устойчивый рост военных расходов приблизительно на 20 процентов в год (если в 1999 году на Вооруженные силы тратили 109 миллиардов рублей, то в 2007-м уже 338 миллиардов) положение дел в армии не меняется в лучшую сторону. Постепенно Кремль начал понимать особенность финансового устройства армии советского образца — она поглощает любые суммы и любые ресурсы без какого-либо положительного результата. В какой-то момент Путина стало раздражать наличие этой «черной дыры» в государственных финансах. Он, в общем, и не скрывал этого, разъясняя свое кадровое решение: "в условиях, связанных с расходованием огромных бюджетных средств, нужен человек с опытом работы в экономической сфере"⁸³. Более развернутое объяснение было дано президентским кадровиком Виктором Ивановым, который, как можно подозревать, и был инициатором назначения: ««Назначение Анатолия Сердюкова министром обороны вызвано тем, что армия требует перевооружения и совершенствования. Мы сократили численность Вооруженных сил, у нас доминирует оборонная доктрина, но тем не менее армия требует новых совершенных технологий. Расходование денежных средств и взаимодействие с промышленностью должны быть более тесными».⁸⁴

Все это не обмануло, Впрочем, опытных наблюдателей. Вот что писал в своей депеше начальству американский посол Уильям Бернс: «Перед Сердюковым поставлена задача по наведению порядка в министерстве, крайне нуждающемся в реформах. Хотя Сердюков не знает военного дела, он доказал свою способность принимать жесткие решения, и выступает в роли человека, выполняющего грязную работу, когда ему это прикажут. Мы ожидаем, что он будет придерживаться того же подхода и в качестве министра обороны, продолжая оставаться в тени и избегать публичности. Следующий год может стать очень трудным для высших официальных лиц министерства»⁸⁵. Как в воду глядел...

Впрочем, поначалу и Сердюков вроде бы не пытался выйти за очерченные ему рамки и занялся наведением порядка в армейских финансах и экономике. Уже в апреле 2007 года по его инициативе в Санкт-Петербурге был проведен, впервые после распада СССР, сбор руково-

⁸³ Иван Сафронов. Командир ударной ревизии. Коммерсант. 6 ноября 2013

⁸⁴Интерфакс-АВН.20.02.2007

http://vpk.name/news/3324_pomoshnik_prezidenta_rf_obyasnyayet_naznachenie_ivanova_per_vyim_vicpremerom_neobhodimostyu_usileniya_raboty_v_sfere_innovacionnyih_tehnologii.html

⁸⁵ <http://www.rusrep.ru/article/2011/02/04/serdyukov>

дящего состава финансово-экономической службы Вооруженных сил. Объясняя необходимость такого мероприятия, министр заявил, что займется созданием "более прозрачной системы рационального и целевого расходования бюджетных средств", для чего в армии и на флоте будет проведена инвентаризация. И только этим он объяснял, почему нужна "определенная корректировка деятельности существующих органов военного управления", а также кадровые перестановки. Смысл этой самой корректировки заключался по Сердюкову всего лишь в "ликвидации любого, даже самого минимального параллелизма и дублирования в работе органов военного управления, освобождения их от несвойственных функций"⁸⁶. Тогда же по инициативе Сердюкова была создана отдельная межрегиональная налоговая инспекция для оборонных предприятий. Эксперты сразу же предположили: используя старые доверенные кадры, министр проводит аудит доставшегося ему хозяйства.

В остальном же Анатолий Эдуардович демонстрировал готовность стать усердным учеником подчиненных генералов. Он не скрывал, что до назначения на должность его единственный военный опыт заключался в полугодовой срочной службе после института, в котором не было военной кафедры. Для начала Сердюков решил пройти специально разработанный для него ускоренный курс обучения в Военной академии Генерального штаба, чтобы получить представление о стратегии и оперативном искусстве, театрах военных действий, знания по организации и управлению Вооруженными силами.

Одновременно он начал посещать главкоматы, знакомясь с состоянием дел во вверенной ему отрасли. При этом от длинных выступлений воздерживался, предпочитая задавать вопросы и слушать. В отличие от предшественника не стеснялся признаться в собственном невежестве в военных делах. По Минобороновским кабинетам гуляли рассказы как, находясь в Главном штабе ВМФ, главный начальник, не боясь за свой авторитет, попросил адмиралов: «Вы мне доходчивее рассказывайте, я ведь в этом деле слабо разбираюсь». Однако уже тогда военачальникам не удавалось вешать новому министру лапшу на уши. Рассказывают, что Сердюков был очень недоволен, когда в главкомате ВВС не получил внятных ответов на вопросы, казавшиеся ему простыми: сколько самолетов исправны, сколько списаны, в каком состоянии списанные двигатели. В результате он дал авиаторам три недели на инвентаризацию, а потом провел еще одно совещание. Один из генералов, который присутствовал на «узком» совещании у Сердюкова, рассказал, что в какой-то момент министр в сердцах спросил: «Я не понимаю, почему

⁸⁶ Владимир Мухин. Сердюков оптимизирует оборону. Независимая газета. 12 апреля 2007

мы тратим на вооружения больше, чем Индия, а результат имеем в два раза меньший?»

Вскоре оставшиеся без ответа вопросы стали воплощаться в кадровые решения. Одним из первых, кто отправился в отставку и был главком ВВС Владимир Михайлов. Должностей лишились начальник главного управления международного военного сотрудничества Анатолий Мазуркевич, заместитель министра, начальник вооружений генерал Алексей Московский. Нетрудно заметить, что речь идет о людях, занимавших наиболее, скажем мягко, "финансовоемкие" должности.

Они контролировали гигантские денежные потоки. По сути дела, каждый пятый рубль госбюджета проходил через подчиненные им управления. Проходил, чтобы кануть в некую черную дыру. Говорят, переведя в Минобороны несколько своих бывших сослуживцев по налоговому ведомству, Сердюков поручил им проверять не подразделения министерства, а то, как реализуются конкретные программы, за которые отвечают конкретные руководители. И выяснилось, что за каждым стоят недоимки — на миллиарды.

А уже в августе 2007-го состоялось первое серьезное решение. С подачи министра Владимир Путин подписал указ, согласно которому с 1 января 2008 года прекращался призыв на военную службу офицеров запаса. Был ликвидирован уникальный для мирного времени институт офицера-призывника. Все знали, что толку от таких военнослужащих немного, что ничему путному своих подчиненных они научить не могут и в лучшем случае просто считают вместе с ними дни до «дембеля». Однако тогда в середине 2007-го было совершено непонятно, как армия будет обходиться без них. Ведь они занимали свыше 21 процента первичных офицерских должностей. При этом в Сухопутных войсках больше 30 процентов должностей командиров взводов были заняты этими офицерами-срочниками. Ежегодно в Вооруженные силы призывали семь с половиной тысяч офицеров запаса. В результате службу проходили 15 тысяч офицеров-призывников. Если этот «призыв» завершали в 2007-ом, уже в 2009-ом неизбежно должен был образоваться дефицит младших офицеров. Кто бы мог подумать, что в 2009-м минобороны будет озабочено не недостатком, а переизбытком младших офицеров!

В ноябре последовало новое предложение, принятое в штыки и военным чиновничеством и общественностью. Речь шла о первой попытке реорганизовать управление заводами по ремонту бронетанковой, авиационной, военно-морской техники и военными совхозами. Также предполагалось создать «субхолдинг» по управлению недвижимостью, находящейся в собственности военного ведомства. Все эти субхолдинги должны были быть объединены в открытом акционерном обществе. Все сто процентов акций должны принадлежать государству.

Реакцию российского общества на само слово «акционирование», предугадать было несложно – все тут же решили, что новое начальство решило украсть то, что недоукрали предшественники. Между тем, речь идет о более рациональной организации управления собственностью Минобороны. Ведь до того все эти ремонтные заводы и военные совхозы являлись федеральными государственными унитарными предприятиями – ФГУПами. Каждое из них принадлежало соответствующему виду Вооруженных сил – ВМФ, ВВС и Сухопутных войск. Однако руководитель любого ремонтного завода или совхоза мог творить на своем предприятии все, что угодно. Достаточно было иметь «правильные» и, как можно предположить, вполне материальные отношения с начальством из своего главкомата. Неслучайно уже к моменту инвентаризации больше половины из ремонтных заводов ВВС оказались распроданными. А акционерное общество было обязано иметь открытую отчетность, должно было проверяться налоговыми органами.

То, насколько серьезно изменились подходы Сердюкова к проблемам Вооруженных сил, стало очевидно в ходе состоявшихся в ноябре 2007-го сборов высшего командного состава, в которых участвовал и Путин, уже объявивший о намерении уйти с президентской должности. В его задачу входило продемонстрировать, что Вооруженные силы будут и впредь подчиняться ему, что никакой хромой уткой он не является и являться не будет. Путин устроил публичную выволочку исполнявшему обязанности начальника медслужбы Минобороны, которого называл не иначе, как «так называемым главврачом». Генерал оказался виноватым в том, что госпиталь в Вилючинске не сдали к назначенному сроку. Заодно получили и военные строители за то, что офицеры до сих пор живут в «вонючих хрущевках».

Главковерх вел себя так, как будто только что узнал про «вонючие хрущевки» и зловерные генералы все восемь лет скрывали от него истинную ситуацию с социальным положением военнослужащих. При этом задорный путинский спич явно контрастировал с докладом главы военного ведомства Анатолия Сердюкова, который попытался, как минимум, не врать и не лицемерить. Ну, хотя бы настолько, насколько позволяли обстоятельства. Говоря о наиболее важных армейских проблемах, он уклонился от того, чтобы сообщать абсолютные цифры, прибегнув к спасительным процентам. В результате выяснилось, что в результате реализации программы частичного перевода Вооруженных сил на службу по контракту «предполагается иметь около 44 процентов военнослужащих-контрактников». Это позволяло не фиксировать того факта, что количество контрактников за время реализации этой программы уменьшилось на 20 тысяч военнослужащих. Точно также в процентах описывалось сокращение в армии смертности, преступности и дедовщины.

Сердюков ничего не сказал о внешних угрозах, на которых сконцен-

трировался Путин. Более того, по данным «Коммерсанта», министр обороны не стал зачитывать абзац об якобы опасной «реконфигурации Вооруженных сил США»⁸⁷. Чрезвычайно показательно то, какие задачи ставил перед собой Сердюков на 2008-й год. Ни слова о наращивании мощи и новых грандиозных закупках вооружений. Вместо этого предполагалось «подготовить теоретическую, методическую и законодательную базу для внедрения элементов системы программно-целевого управления в практику бюджетного процесса Вооруженных сил», «выработать единые методики и критерии к проверкам финансовой и хозяйственной деятельности органов военного управления, воинских частей, соединений и организаций», сформировать «систему планирования и распределения военных расходов на основе утвержденного бюджета». А кроме того, развивать тыловое обеспечение, ввести новые нормы пайков (то есть лучше кормить). Как видим, ничего героического. Сердюков пытался навести хоть какой-то порядок в армейском хозяйстве.

Однако 2008-й оказался совсем другим, чем рассчитывал министр. Уже весной Сердюков столкнулся с полномасштабной фрондой. В прессу одна за другой шли утечки. Возмущенные, мол, вопиющей некомпетентностью гражданского министра Анатолия Сердюкова и его помощников, генштабовские генералы, построившись повзводно, понесли рапорты об отставке. Возглавлял, якобы, этот бунт начальник Генштаба Юрий Балуевский. В качестве доказательств некомпетентности министра приводились решения о переводе в Санкт-Петербург некоторых служб Главного штаба ВМФ (к этому действительно не слишком разумному решению Сердюков отношения не имел — по воле высшего руководства страны «северную столицу» спешно наделяли все новыми полномочиями), намерение перевести в Подмоскovie академии Петра Великого и Можайского. Его также упрекали в стремлении (разумеется, небескорыстном) акционировать собственность Минобороны, а также распродать земли, которые находятся в пользовании военного ведомства. Апофеозом стала информация о директиве, которая вроде бы предписывала снятие погон с военных юристов, журналистов, медиков и даже тыловиков. Цель утечки была совершенно очевидна — подкрепить генеральскую фронду возмущением широких армейских масс.

Лишь спустя неделю последовало заявление управления информации и общественных связей Минобороны, сообщившее, что никакой массовой подачи рапортов не происходит. А министерская директива требовала лишь проработать предложения о том, какие категории военнослужащих могут быть переведены на гражданские должности. Как

⁸⁷ Андрей Колесников. Владимир показал вооруженным силу. Коммерсант 21 ноября 2007

разъяснил начальник управления боевой подготовки Владимир Шаманов, «речь идет о возможной замене гражданскими специалистами ряда воинских должностей, которые напрямую не влияют на боевую готовность войск... Одно дело — военный медик, который непосредственно находится в войсковом звене, либо входит в состав смены боевого дежурства, или является членом команды подводной лодки, и совсем другое — врачи, которые находятся в военных госпиталях, военных поликлиниках, военных санаториях»⁸⁸.

Однако конфликт нарастал. И его кульминацией стало реальное увольнение. Внешне оно, как и было заведено в путинские времена, произошло вполне благопристойно. Президент Медведев сообщил, что решил перевести Юрия Балувевского, руководившего с 2004 года Генеральным штабом, на другую высокую должность — заместителя секретаря Совбеза. А начальником Генштаба, по рекомендации министра обороны (верховный главнокомандующий это особо подчеркнул), стал генерал Николай Макаров, занимавший до этого должность заместителя министра по вооружениям. Между тем, отставка Юрия Балувевского указывала, прежде всего, на масштаб конфликта и, соответственно, величину «протестного» потенциала внутри Арбатского военного округа. Всего за несколько месяцев до этого Путин продлил Балувевскому срок военной службы на три года. Если бы он заранее планировал перевести генерала в аппарат Совета безопасности, в этом не было бы никакой нужды. Трудно также представить, что те решения Анатолия Сердюкова, которые, как сообщалось в прессе, вызвали конфликт, были его причиной в действительности. Невозможно поверить, что Юрий Николаевич Балувевский пошел на конфликт с путинским назначенцем, не согласившись с переводом некоторых служб Главного штаба ВМФ в Санкт-Петербург, а также с переводом пары академий из Москвы. За долгие годы службы на высших штабных должностях он обосновывал и не такое.

Куда серьезнее были другие новации Сердюкова, которые напрямую задевали интересы российского генералитета. Прежде всего, это директива о возможном замещении офицерских должностей (в основном медиков, тыловиков, юристов и журналистов) гражданскими специалистами. Ведь тогда в российской армии было 355 тысяч офицеров при общей численности Вооруженных сил в 1,1 миллиона военнослужащих. Получалось один офицер на двух солдат. В нормальных армиях офицеров — не более 16 процентов от общей численности военнослужащих. При этом структура офицерского корпуса напоминала перевернутую пирамиду — полковников чуть меньше, чем лейтенантов. Но

⁸⁸ Константин Лантратов. Генералы недовольны своим министром. Коммерсант 27 марта 2008

вполне разумная мера по сокращению офицерских должностей означала и существенное сокращение числа генералов.

Еще одно решение серьезно подрубило возможности высшего звена военного руководства. С начала 2008 года попытались внедрить новую систему распределения финансов в Вооруженных силах. По словам тогдашнего заместителя министра обороны по финансам Любови Куделиной, вместо шести уровней их распределения должно было остаться три. На практике это означало, что командующий армией по-прежнему мог принимать решения о проведении учений (если это допускали выделенные ему лимиты). Только деньги на эти цели предполагалось переводить уже не в штаб армии, а непосредственно в бригаду или полк, где запланированы учения. Военачальники лишились не денег, а возможности бесконтрольно ими распоряжаться, перебрасывая с одной статьи расходов на другую. При этом сам министр Анатолий Сердюков не устал повторять: «Нет никакой реформы, мы элементарно пытаемся привести к какому-то нормальному логичному порядку, вот и все, никакой реформы нет»⁸⁹. В одном из своих выступлений глава военного ведомства даже рекомендовал совсем не употреблять слово «реформа». «Мы не собираемся ничего ломать, перестраивать. Мы просто приводим в порядок Вооруженные силы»⁹⁰, — настаивал министр.

Но, похоже, чем дальше, тем больше Сердюков понимал: попытка рационализации отдельных элементов в принципе нерациональной системы неизбежно выводит на коренные проблемы. И он с ближайшими сотрудниками начал готовить план кардинальных реформ всей военной сферы. В начале июня 2008 года тогдашний начальник Главного управления боевой подготовки генерал Владимир Шаманов, общаясь с журналистами, обронил: до 1 июля министру обороны должен быть представлен документ, рисующий перспективный облик Вооруженных сил на ближайшее десятилетие. Министерство обороны сделало вид, что не заметило слов генерала. Если верить официальной информации, то высшие военачальники обсуждали 1 июля лишь программу социального развития армии. Более того, генерал Василий Смирнов, возглавлявший Главное организационно-мобилизационное управление Генштаба, заявил, что ему абсолютно ничего неизвестно о подготовке такого документа.

Между тем, все, что довелось услышать тогда от руководителей военного ведомства, наводило на мысль, что подобный документ, причем, весьма радикального характера, действительно готовился. Первый за-

⁸⁹ А.Сердюков: Минобороны проводит не реформу Вооруженных Сил, а наводит в них порядок. Ведомости 16 апреля 2008

<http://www.vedomosti.ru/library/news/2008/04/16/aseryukov-minoborony-provodit-ne-reformu-vooruzhennyh-sil-a-navodit-v-nih-poryadok>

⁹⁰ Ibid

меститель министра обороны генерал Александр Колмаков делал сенсационные по своей откровенности заявления: «Подготовка наших войск оставалась на уровне 60-70 годов (прошлого века – А. Г.). Военнослужащие многократно "натаскивались" на получение высоких оценок в ходе проверок по итогам обучения. Главное было — поразить мишень в срок, и это при том, что оборудование полигона, как минимум, семь лет не обновлялось и было рассчитано на проведение учений в рамках роты. Уровень подготовки офицеров мог считаться только удовлетворительным. В частности, выпускники училищ не готовы были выполнять ряд задач по повышению боеготовности своих подразделений. Слаба и физическая подготовка военнослужащих»⁹¹.

Таких жестких оценок российская армия не удостаивалась очень давно. Если называть вещи своими именами, то первый зам Анатолия Сердюкова констатировал: эффективность тех трех сотен учений, что были проведены зимой 2007-2008 годов и которыми так гордились Минобороновские начальники, была, мягко говоря, невысока. Поэтому, по словам генерала, «Минобороны приступило к разработке новой системы боевой подготовки, в соответствии с которой перед ними стоит задача быть готовыми к действиям в любой тактической обстановке, на любой территории и в любых климатических условиях»⁹². Мало того, он вел речь о внедрении информационных технологий уже на уровне батальонного звена.

Вокруг проекта "Концепции развития Вооруженных сил РФ до 2030 года" в Минобороны развернулась беспощадная борьба. По моим данным, министр обороны заявил, что не подпишет ни одного представления на вышестоящую должность до тех пор, пока не получит от своих сотрудников приемлемую «концепцию». Неизвестно, чем бы закончились эти позиционные бюрократические бои, если бы не грянула настоящая война.

Победа, зародившая сомнения

8 августа началась пятидневная война с Грузией, которую Россия хоть с немалым трудом и неадекватными потерями, но все-таки выиграла. К чести российского руководства, победа не привела его, как обычно, в состояние эйфории. Власть сделала печальный для себя вывод: окажись у Грузии не 30-тысячная армия, а силы раза в два крупнее, чуть лучше оснащенные и обученные, и исход мог быть иным. Эта малая война выявила главные слабости российской армии.

Оказалось, что воинские части, считавшиеся давно переведенными на контракт, по-прежнему укомплектованы солдатами-срочниками —

⁹¹ <http://www.memo.ru/hr/hotpoints/caucas1/msg/2008/06/m141289.htm>

⁹² Ibid

по данным западногерманских аналитиков, во всей группировке их было около одной трети⁹³. Отправляя призывников в горячую точку, Минобороны нарушало сразу несколько законов, но перебрасывать войска нужно было немедленно. Состояние спешно расконсервированной техники было таково, что, по словам генерала Шаманова, половина танков и бронетранспортеров 19-й мотострелковой дивизии не дошла до Цхинвала, сломавшись по дороге.⁹⁴

Обнаружилось также, что значительная часть офицеров — прежде всего в звании майор-полковник — не отвечают даже минимальному уровню боевой подготовки, толком не умеют командовать. В 1990-е годы из-за отсутствия средств была практически остановлена боевая подготовка (если не рассматривать в качестве таковой две чеченские войны). Корабли оставались на базах, в ВВС налет не превышал 20 часов в год (при советской норме 160), маневры не проводились вовсе. Офицеры получали очередные звания и должности за выслугу лет, а не за высокий уровень подготовки. Эти командиры оказались неспособными воевать. Начальник Генштаба Николай Макаров говорил, выступая в Академии военных наук: «Летчики деградируют. В ходе конфликта с Грузией нам пришлось считать всех летчиков, которые могут выполнять боевые задачи в простых условиях, буквально по пальцам»⁹⁵. Ситуацию в Сухопутных войсках он описывал в еще более мрачных красках. «Нам приходилось штучно искать подполковников, полковников и генералов по всем Вооруженным силам, чтобы они участвовали в боевых действиях. Потому что штатные командиры "бумажных" дивизий и полков просто были не в состоянии решать боевые вопросы. Когда этим командирам дали людей, дали технику, они просто растерялись, а некоторые даже отказались выполнять приказания»⁹⁶.

Война с Грузией обнажила еще одну проблему: не только переход на контракт, но и перевооружение армии было мифом. Части, воевавшие в Грузии, были оснащены военной техникой 1970—1980-х годов. У них не было ни современных средств связи, ни средств инструментальной разведки. Как я уже писал, попавшему в танковую засаду командующему 58-й армией генералу Хрулёву, чтобы организовать бой, пришлось позаимствовать мобильный телефон у оказавшегося рядом журналиста. Не лучше обстояло дело и с авиационной поддержкой. То, что к операции был привлечен стратегический бомбардировщик Ту-22М с экипажем из Центра боевого применения авиации (предназначенный для нанесения ядерных ударов, а вовсе не для участия в локальном

⁹³ Олег Никифоров Военный кризис обостряется Независимое военное обозрение 13 февраля 2008 http://nvo.ng.ru/wars/2009-02-13/5_crisis.html

⁹⁴ Владимир Шаманов. Необходимость реформ подтвердила война. Красная звезда. 11 февраля 2009

⁹⁵ <http://www.sovsekretno.ru/articles/id/2214>

⁹⁶ <http://www.interfax.ru/politics/txt.asp?id=54787>

конфликте), доказывало: в армии остро не хватает боевых самолетов, способных вести разведку и уничтожать силы противника, и подготовленных летчиков. Наконец, в ходе войны стало очевидным, что принципы «объединенной операции», когда все силы и средства находятся в распоряжении одного командующего, по-прежнему невозможно реализовать при существующей военной организации: в действиях отдельных видов Вооруженных сил отсутствовала координация.

Пятидневная война показала, что благодаря огромным доходам от продажи нефти Владимиру Путину удалось выполнить свое обещание «возродить» армию и флот. Он действительно восстановил – но советскую модель армии, абсолютно неэффективную в современных условиях. Сперва показалось, что руководство страны упоено победой. И участники войны, и руководившие ими генералы получили высокие награды. В официальных заявлениях звучали слова о высокой боеспособности, продемонстрированной войсками. А между тем Сердюков вместе с горсткой помощников в полной тайне готовил сюрприз, который огорошил генералитет куда больше, чем начало пятидневной войны с Грузией. И вот 14 октября 2008 года Анатолий Сердюков нанес свой главный удар. По завершении проходившей в тот день коллегии Министерства обороны он объявил специально приглашенным журналистам информационных агентств (которых перед началом встречи настоятельно просили не задавать никаких вопросов) о документе под необычным для отечественных военных директив названием «Перспективный облик Вооруженных сил РФ и первоочередные меры по его формированию на 2009-2020 годы». Сердюков в характерной для него манере поставил и общество, и сами Вооруженные силы перед свершившимся фактом. К тому времени документ уже был утвержден Верховным главнокомандующим и посему являлся по сути приказом, предназначенным не для обсуждения, а для безоговорочного исполнения. Намеченные в нем меры должны были радикальнейшим образом изменить армию.

Были предложены беспрецедентное по масштабам сокращение численности офицерского корпуса и столь же беспрецедентная реорганизация Вооруженных сил. Согласно плану военного ведомства, предполагалось радикально сократить численность офицерского корпуса: из 355 тысяч офицерских должностей должны были остаться только 150 тысяч. Так, количество генералов с 1 107 должно было быть сокращено до 886, полковников — с 25 665 до 9 114, майоров — с 99 550 до 25 тысяч, капитанов — с 90 тысяч до 40 тысяч. Численность лейтенантов, наоборот, с 50 тысяч должна была вырасти до 60 тысяч человек. Предполагалось также вовсе упразднить институт прапорщиков и мичманов (а это 140 тысяч военнослужащих).

Но даже эти сокращения меркли по сравнению с предусмотренными «оргмероприятиями». Количество частей и соединений в Сухопутных

войсках реформаторы намеревались уменьшить в одиннадцать (!) раз – с 1 890 до 172. В ВВС – с 240 до 120, в ВМФ — с 240 до 123. При этом должен был произойти переход от четырехуровневой системы организации Вооруженных сил (военный округ – армия – дивизия – полк) на трехуровневую. Военные округа предполагалось сохранить, но должны были появиться оперативные командования, а взамен полков и дивизий – бригады.

В Сухопутных войсках из 23 мотострелковых и танковых дивизий, а также ракетных и артиллерийских полков, частей инженерных войск, ПВО, связи и радиоэлектронной борьбы предполагалось создать 39 общевойсковых бригад, 21 бригаду ракетных войск и артиллерии, 7 бригад войск армейской ПВО, 12 бригад связи, 2 бригады радиоэлектронной борьбы. Остаться должна была лишь весьма специфическая пулеметно-артиллерийская дивизия на Дальнем Востоке и 17 отдельных полков. Дивизионная организация, впрочем, сохранялась в военноморском флоте, воздушно-десантных войсках и ракетных войсках стратегического назначения, в ВВС основной оперативной единицей становилась авиабаза (их должно было быть 55), на каждой предполагалось развернуть по одной эскадрилье.

Беспощадная реорганизация должна была постигнуть сферу военного образования. Из существовавших в то время 65 военных вузов предполагалось сформировать 10 «научных центров». Тяжелый удар наносили непосредственно по «Арбатскому военному округу». В центральном аппарате Минобороны в тот момент служили 10 523 человека. А, кроме того, больше 11 тысяч офицеров относились к другим органам военного управления, прежде всего главным командованиям видов Вооруженных сил и главных штабов родов войск. Итого набиралось почти 22 тысячи военнослужащих – больше двух развернутых «офицерских» дивизий. После же реформ в центральном аппарате военного ведомства должны были остаться служить всего восемь с половиной тысяч офицеров.

Добавим к этому решения, которые затрагивали уже не только количественные, но и качественные характеристики Вооруженных сил. Массовые увольнения затрагивали прежде всего тех офицеров, чье становление пришлось на 1990-е годы. Многие полковники и подполковники не обладали даже знаниями капитана. Учитывать этих 35-40-летних людей было уже поздно. Сокращения были единственной возможностью избавиться от них. Кроме того, объявлено о создании корпуса профессиональных сержантов. При этом речь не шла о том, чтобы, как это происходило в «дореформенный» период, нацепить лычки солдату-срочнику, прошедшему полугодовые учебные курсы, и заставить его подписать контракт. Нет, сержантов намеревались готовить два с половиной года в тех же учебных центрах, где должны были получать образование и будущих офицеров. Предполагалось создать специальный

орган, который должен вести всеми сержантами Вооруженных сил. Таким образом, налицо была попытка реализовать, наконец, опыт практически всех современных армий, где сержант – не старший солдат, не специалист, отвечающий за функционирование какой-то системы вооружений или военной техники, а полноценный младший командир. Только появление в воинских подразделениях таких профессиональных младших командиров, в задачу которых входит и поддержание дисциплины, и воспитание у подчиненных воинской морали, могло положить конец такому уродливому явлению, как дедовщина, буквально разьедавшему российскую армию.

Система теряет смысл

Однако даже, когда военное ведомство развернуло широкомасштабное наступление, оно старательно скрывало свою главную, стратегическую цель. Анатолий Сердюков, а за ним и его подчиненные продолжали уклоняться от того, чтобы разъяснить содержательную часть своих реформ. Они продолжали настаивать: речь не о реформе вовсе, а всего лишь об устранении несуразностей, возникших в 1990-е при беспорядочном сокращении Вооруженных сил, доставшихся в наследство от СССР. Сердюков заявлял, к примеру, что намерен оставить в Вооруженных силах только части постоянной готовности, то есть те, что полностью укомплектованы как личным составом, так и необходимой техникой и вооружениями, части, готовые выполнить боевой приказ без дополнительной мобилизации и переформирования. А так называемые «кадрированные», составлявшие более 70 процентов в общей численности воинских частей, в которых служили лишь пара сотен состоящих при складах офицеров, должны быть ликвидированы. Министр утверждает, что, решительно сокращая офицерский корпус, он намерен исправить странную ситуацию, когда «с точки зрения должностей наша армия сегодня напоминает яйцо, раздутое в середине. Полковников и подполковников больше, чем младших офицеров»⁹⁷.

На самом деле, попытка воплотить в жизнь «Перспективный облик...» означала полный разрыв с концепцией массовой мобилизационной армии, которой Министерство обороны и Генштаб руководствовались при военном строительстве. Концепцией, на которой последние лет сто сорок основывалась стратегия обороны страны. В соответствии с ней отражать военную угрозу предполагалось путем массовой мобилизации. В «угрожаемый период»⁹⁸ под ружьем должны были оказаться 4-8 миллионов резервистов, к числу которых относили фактически все мужское население страны. И то, что подавляющее большинство

⁹⁷ <http://www.mil.ru/info/53270/53287/index.shtml>

⁹⁸ История военной стратегии России. М., 2000. С. 528.

воинских частей в Сухопутных силах были кадрированными, и то, что в армии избыточное количество офицеров, – то есть все то, что гражданский менеджер Сердюков считал очевидной несуразностью, объяснялось мобилизационным характером российских Вооруженных сил.

Предполагалось, что «лишние» в мирное время офицеры примут под свою команду полки и дивизии резервистов, которые должны были получить технику и вооружение со складов кадрированных частей. Неслучайно в ходе всех стратегических учений, включая и «Стабильность-2008», где было объявлено об одобрении президентом «Перспективного облика...», демонстрировалась и способность к массовой мобилизации. В 2007-м в ходе маневров из резервистов была, якобы, сформирована целая дивизия. Другое дело, что от этих мобилизационных мероприятий за версту несло откровенной показухой. Экспертам было давно понятно, что ни по объему человеческих ресурсов, ни по возможностям промышленности концепция массовой мобилизации в современной России реализована быть не может⁹⁹. Но те, кто планировал оборону страны, старательно не замечали объективной реальности. Поэтому в любом из руководящих документов, будь то Военная доктрина 2000 года или «Актуальные задачи развития Вооруженных сил» (2003 года), буквально через строчку говорилось о мобилизационном развертывании армии и промышленности в так называемый «угрожаемый период».

Затеянные Министерством обороны сокращения и реорганизации ставили крест на концепции массовой мобилизации. С «закрытой» встречи начальника Генштаба Николая Макарова с избранными членами Госдумы «уплыла» совершенно сенсационная цифра. Согласно сердюковскому плану, если в мирное время численность Вооруженных сил составляла 1 миллион военнослужащих (называя эту магическую и ничем не обоснованную цифру, министр следовал в русле предыдущих планов военного строительства), то в военное время она должна вырасти всего лишь до 1,7 миллиона¹⁰⁰. Это означало, что даже в случае войны предполагалось мобилизовать не миллионы, а всего-навсего 700 тысяч резервистов. Отсюда следовало, что военное ведомство обрекало себя на радикальнейший пересмотр системы организации обороны государства.

Более того, в конце 2008 года было объявлено, что впервые в российской истории Генштаб намерен ввести добровольную оплачиваемую службу для тех, кто захочет быть резервистами¹⁰¹. Этих людей должны были приписать к отдельным специальным резервным частям,

⁹⁹ Шлыков В. Что погубило Советский Союз? Генштаб и экономика. Военный вестник МФИТ. 2002. № 8.

¹⁰⁰ Тельманов Д. В следующем году зарплата лейтенантов составит 50 тысяч рублей // Газета. 2008. 14 ноября. № 217.

¹⁰¹ Семенычев Ю. В ответе за мобрезерв. Красная звезда. 2008. 23 окт.

которые укомплектовывал военный округ. Таким образом, резервисты уже не находились бы в распоряжении военных комиссариатов, которые теоретически вольны направлять их куда угодно для «доукомплектования» уже существующих соединений. Мобилизационный резерв предполагалось организовать на совершенно иных принципах, чем он функционировал все триста лет существования российской регулярной армии, когда резервом считалось все дееспособное мужское население.

При всем революционном характере реформы тут же обнаружились ее слабые стороны. Реформаторы старательно обходили вопрос о важнейших последствиях своих действий. Авторы «Перспективного облика...» настаивали на том, что призыв в Вооруженные силы должен быть сохранен. При этом они делали вид, что не видят естественной связи между сохранением призыва на военную службу и концепцией массовой мобилизационной армии, и не понимают, что при отказе от гигантского мобилизационного резерва сохранение призывной системы, с военной точки зрения, вообще теряет всякий смысл. Для подготовки нескольких сотен тысяч резервистов-добровольцев не было никакой необходимости ежегодно «пропускать» через Вооруженные силы 550-600 тысяч солдат срочной службы, не нужно содержать ни громоздкую систему учета резервистов, ни военные комиссариаты.

И это при том, что сама реформа в немалой степени порождена демографической ситуацией, которую власти больше не могли не учитывать. Уже в 2012 году количество 18-летних юношей должно было уменьшиться до 660 тысяч. В последующие четыре года это количество продолжало бы снижаться и в 2016-м составило 600 тысяч. Если иметь в виду, что около двух третей «призывного контингента» получали отсрочки по болезни или для получения образования, призывать ежегодно 550—600 тыс. просто невозможно¹⁰². Намек на возможность решительного сокращения призыва можно обнаружить в интервью генерала Макарова, которое тот дал российскому телевидению сразу после того, как министр обороны объявил о реформе: «Призыв пока идет в плановом режиме. Единственно, возникает только небольшое опасение — это 2012, 2013, 2014 годы, где будет провал в демографии. В этот период у нас была практически низкая рождаемость, 18—20 лет назад. У нас призывной ресурс по сравнению с 2001 годом уменьшился в 2 раза. Но мы надеемся к этому времени повысить зарплату контрактникам в 2-3 раза. Привлечь на такой льготной основе контрактников и *закрывать этот вопрос*» (курсив мой. — А.Г.)¹⁰³.

¹⁰² Проблемы и практика перехода военной организации России на новую систему комплектования / Научные труды № 75. М.: Институт экономики переходного периода, 2004. С. 238

¹⁰³ Вадим Давыдов. Призывной контингент в цифрах. Красная звезда. 17 февраля 2009

Интересно, что хотя президентский указ, основанный на «Перспективном облике...», требовал достичь численности военнослужащих в один миллион только к 2016 году (была опубликована лишь краткая выписка из указа), Министерство обороны настаивало, что все организационные мероприятия, включая и запланированные сокращения, должны быть завершены к 2012 году. Из этого можно сделать вывод, что в 2012 году численность Вооруженных сил планировалась ниже вожденного миллиона.

Призыв терял смысл и с точки зрения новой организации Вооруженных сил. Президент и министр обороны заявили, что все части и соединения должны быть постоянной готовности. То есть они должны были быть готовы к немедленному выполнению боевого приказа без дополнительной мобилизации и переформирования. Но, в случае, если бы они по-прежнему комплектовались бы солдатами-срочниками (которые служат всего лишь один год), о боеготовности следовало бы просто забыть. Ведь за первые полгода срочники должны получить некую подготовку в учебных центрах, а потом всего шесть месяцев служить в частях постоянной готовности. Что за готовность у частей, где половина личного состава меняется каждые полгода, стало понятно во время войны с Грузией.

Всем, включая генштабистов, было понятно, что солдаты, которые служат один год, совершенно не готовы к участию в боевых действиях. И настоящих соединений постоянной готовности в российской армии будет в лучшем случае около 80 (их-то и предполагалось задействовать в случае возникновения военных конфликтов). На это прямо указывал генерал Владимир Шаманов, возглавлявший управление боевой подготовки Министерства обороны: «радикально изменившиеся со времен Второй мировой войны формы и методы Вооруженной борьбы позволяют без ущерба для обороноспособности государства отказаться от армады кадрированных частей и соединений. Назовем вещи своими именами: эти предназначенные для приема мобресурса и развертывания в угрожаемый период полки и дивизии давно стали затратным анахронизмом. Потому что с появлением ядерного оружия войны, во время которых в позиционном противостоянии сходятся многомиллионные армии сверхдержав, безвозвратно канули в Лету! И при этом из-за нагрузки на военный бюджет, создаваемой содержанием бесполезных частей и соединений кадра, мы не можем решить целый ряд жизненно важных для Вооруженных сил вопросов. Если говорить о силах общего назначения, под которыми понимаются воюющие на земле Сухопутные войска, ВДВ и морская пехота, то нам необходимо создать ядро относительно компактной, численностью не более 200 тыс., но обладающей высочайшим боевым потенциалом группировки быстрого реагирова-

ния. То есть мобильные, великолепно обученные и постоянно готовые к боевому применению на любом театре военных действий войска»¹⁰⁴.

Столь же противоречивы были и решения, связанные со структурой Вооруженных сил. Логика перехода от дивизий и полков к бригадам была понятна. В локальных конфликтах бригада с соответствующими средствами усиления эффективнее дивизии с ее громоздкой организационной структурой. Но создание оперативных командований имеет смысл только в том случае, если в каждом из них будут объединены силы разных видов и родов Вооруженных сил. Это позволяет им без дополнительного усиления осуществлять так называемую «объединенную операцию», когда все силы и средства подчинены единому руководству. При существовавших тогда организационных формах была возможна только «координация действий» отдельных видов Вооруженных сил и родов войск, каждый из которых имел собственное руководство. Степень эффективности такой «координации» была продемонстрирована в ходе войны в Грузии, где части сухопутных войск действовали фактически без авиационной поддержки. В то время части и соединения различных видов Вооруженных сил как-то «координировались» на уровне военного округа. Если оперативные командования получали описанные выше полномочия, а существующая система округов сохранялась, неизбежно дублирование функций. Если же объединения на уровне командований не происходило, то существование самих командований теряло всякий смысл, поскольку количество подчиненных частей и соединений уменьшалось. Ведь если следовать логике реформ, то и командования, и округа должны были руководить уменьшенным вдесятеро количеством частей и соединений.

Была, конечно, еще одна причина, почему военное ведомство предпочитало помалкивать. Реформа планировалась в расчете на то, что государство будет располагать гигантскими свободными ресурсами. Но к моменту ее проведения разразился полномасштабный экономический кризис. Власти настаивали: кризис никак не влияет на планы военного реформирования. Президент Медведев утверждал: «Есть важнейшие позиции, по которым мы никаких решений по уменьшению финансирования принимать не можем и не будем. Это, с одной стороны, новый облик Вооруженных сил с учетом модернизации, которая сегодня проходит. С другой стороны, социальные задачи, выплаты, жилье и все, что связано с социальными гарантиями. Эти позиции должны финансироваться. Остальное может быть, конечно, подкорректировано»¹⁰⁵. Однако при этом ничего не говорилось о том, сколько будут стоить намеченные реформы. Начальник Генерального штаба Николай Макаров

¹⁰⁴ Владимир Шаманов. Необходимость реформ подтвердила война. Красная звезда. 11 февраля 2009

¹⁰⁵ Виталий Денисов. Удержание позиций. Красная звезда. 20 февраля 2009

утверждал, что никакого увеличения бюджета на проведение реформ не потребуется вовсе, а все необходимые средства (на передислокацию и закрытие частей и соединений, увольнение сотен тысяч офицеров и прапорщиков) будут найдены в рамках уже выделенного бюджета. Ничего не знали на сей счет и парламентарии. Председатель думского комитета по обороне генерал Виктор Заварзин на встрече с иностранными военными атташе признал: неизвестно, откуда возьмутся средства на выходное пособие для тысяч офицеров.

Если из 205 тысяч офицеров, которых предстояло сократить, вычсть «двухгодушников», а также тех, кто выслужил 20-25 лет и должен быть уволен с соответствующими льготами, оставались еще 57 тысяч майоров-подполковников, прослуживших 10-15 лет. Если делать все по закону, то увольнять их пришлось бы по статье «оргштатные мероприятия», что потребовало бы и выплат единовременного пособия в довольно больших размерах и, главное, предоставления жилья. Руководители Минобороны утверждали, что всем уволенным жилье будет предоставлено. Однако на момент объявления плана реформ в квартирах нуждались 122 тысячи офицеров. Теперь к ним следовало прибавить еще несколько десятков тысяч тех, кого должны были уволить досрочно (вряд ли многие из увольняемых офицеров успели обзавестись жильем). При этом было известно, что Министерство обороны могло предоставлять не более 20 тысяч квартир в год. О денежных компенсациях тем, кто будет уволен, не выслужив положенных 20 лет, а значит, без права на получение пенсии, не говорилось ничего.

Сердюков сообщал лишь, что в случае, если офицеров должны будут сменить гражданские специалисты, то увольняемым будет предоставлена возможность занять эти должности. Но незадолго до этого появился приказ министра относительно окладов гражданских служащих. Так, начальник военкомата (они тоже должны перейти на гражданский штат) должен был получать 11 тысяч рублей, врач – специалист высшей квалификации – 10-12 тысяч. Вряд ли такие зарплаты могли прельстить людей, которые еще недавно, выполняя ту же работу, получали в два-три раза больше.

Налицо была ситуация, когда либеральную реформу Вооруженных сил пытались осуществить сугубо советскими методами. Решение о реформе принималось келейно, и проводить ее стали как военную операцию – в глубокой тайне от тех, кто являлся ее объектом. К тому же реформа никак не была подкреплена законодательно. Так что, если по соображениям политической или экономической целесообразности ее потребовалось остановить (что, в конечном счете, и произошло), для этого не требовалось даже формального решения Государственной думы. В ходе телеобщения с народом 4 декабря 2008 года Путин многозначительно пообещал вмешаться и поправить реформаторов в случае необходимости: «Если же будут появляться какие-то перегибы в этом

смысле, будут всплывать вещи, которые не планировались, но возникают, то тогда мы будем на это реагировать, я даже ни на секунду не сомневаюсь»¹⁰⁶.

Секретная реформа

Так с конца 2008 года началась небывалая по масштабам реформа Вооруженных сил. Практически за один год (Сердюков обещал завершить «оргмероприятия» к 1 декабря 2009 года) предстояло расформировать сотни воинских частей и соединений, закрыть военные городки, перебазировать личный состав, уволить десятки тысяч военнослужащих. При этом, следует признать, у реформаторов не было детального плана действий – лишь основные направления реформ. Да и откуда было взяться такому плану, если все, что они собирались сделать, выглядело как опасная ересь, если не предательство с точки зрения советской военной науки. Так, уже на завершающем этапе реформ, в марте 2011 года, выступая на общем собрании Академии военных наук, начальник Генштаба Николай Макаров с горечью констатировал, что «военная наука оторвана от войны», что российские военные теоретики проспали революцию в военном деле. И признавался: «Без системного научного подхода Генеральный штаб был вынужден идти путем проб и ошибок»¹⁰⁷. Некоторые из этих ошибок, признаем, серьезно повлияли на судьбу реформ и самих реформаторов...

К таким ошибкам следует отнести, прежде всего, то, что реформаторы отказались (особенно это бросалось в глаза в начале реформ) от какого бы ни было диалога с обществом, армией. Реформа планировалась и осуществлялась как военная операция: ее авторы стремились провести все максимально быстро, ничего не обсуждая, ничего никому не объясняя, чтобы не дать возможности консервативному военному чиновничеству саботировать модернизацию. В целом это удалось. Но в результате Сердюков и Макаров остались без союзников за исключением президента.

В первые дни после заявления министра обороны и телеинтервью начальника Генерального штаба в военном ведомстве наступило испуганное молчание. Шли недели, а на официальном минобороновском сайте размещались такие важные для армейской общественности новости: «Курсанты учебного танкового полка ОУЦа ДВО приступили к практическим стрельбам», «В Хабаровске объявлен смотр-конкурс на лучшую организацию работы по патриотическому воспитанию молодежи», «В ЛенВО завершается заготовка овощей на зиму», «День при-

¹⁰⁶ <http://www.saratov.kp.ru/daily/24209.4/412952/>

¹⁰⁷ Николай Макаров. Путь проб и ошибок. Военно-промышленный курьер №12, 30 марта 2011

звивника в Пскове», «Пуск ракеты РС-18 с космодрома «Байконур», «В ракетной бригаде, дислоцированной в Амурской области, работает инспекция Министерства обороны», «В ЛенВО подведены итоги 3-го этапа конкурса «Залп-2008», «Экипажи ВТА успешно доставили более 20 тонн скоропортящейся плодоовощной продукции». И наконец — «75 лет Краснознаменному узлу связи Черноморского флота». Справедливости ради, надо сказать, что на сайте появилась отдельная страничка «Новый облик Вооруженных сил». Однако в рубрике «Новости» там были размещены семь (!) вариантов изложения все того же выступления Сердюкова. А в рубрике «Статьи» — стенограмма интервью начальника Генштаба программе «Вести» и две газетных публикации — опять же с изложением выступления министра. Армейские информационные службы, а также «Красная звезда» и телеканал «Звезда» словно воды в рот набрали по поводу события несколько более важного, чем славный юбилей флотского узла связи.

Не принесло ясности и прошедшее 11 ноября заседание расширенной коллегии военного ведомства «с приглашением руководящего состава Вооруженных сил, представителей Администрации президента, федеральных органов законодательной власти». Ходили упорные слухи, что заседание прибудет и верховный главнокомандующий (он же президент) Дмитрий Медведев. Предполагалось, что и президент, и министр обороны так или иначе будут вынуждены пролить свет на планы реформирования. Но Медведев на коллегию не приехал, а вместо сколько-нибудь внятного описания грядущих реформ появилась состоящая из трех строчек информационная заметка. Она сводилась к тому, что «глава российского оборонного ведомства подчеркнул, что результатом работы Коллегии должно стать полное понимание задач, стоящих перед Вооруженными силами на ближайшие годы. В связи с этим необходимо выработать единые подходы к их решению с учетом взятого курса на оптимизацию армии и флота». Из чего следовало, что даже у высшего генералитета не было ни «единых подходов», ни даже «полного понимания задач».

В сложившейся ситуации Минобороны предпочло в полном соответствии с подходами Сердюкова полностью закрыться от общества. Через три недели после исторического выступления министра газета «Коммерсант» сообщила сенсационную новость: 11 ноября начальник Генерального штаба якобы подписал директиву «О недопущении разглашения сведений о реформировании Вооруженных сил РФ». Если верить статье, столкнувшись с массовым протестом высокопоставленных генералов, несогласных с планами сокращения армии, руководители военного ведомства вознамерились засекретить всю информацию о проведении военной реформы. При этом нарушителям директивы грозило не только служебное, но даже уголовное преследование. Существовала такая секретная директива «о неразглашении» или нет - неизвестно

(официально все было опровергнуто), но все структуры военного ведомства, включая и управление информации, действовали так, будто ее они и выполняют.

Вместо того чтобы использовать относящиеся к военному ведомству средства массовой информации, руководство Министерства обороны избрало в высшей степени экзотическую систему оповещения Вооруженных сил о грядущих переменах. В войска были отправлены заместители министра, дабы «разъяснить» офицерам существо предстоящих реформ. Можно допустить, что каждый из «комиссаров» встретился в лучшем случае с сотней или двумя сотнями старших офицеров в каждом военном округе и флоте. По меньшей мере, половине из тех, кто слушал московских начальников, самым грозило скорое увольнение. Только законченный оптимист мог допустить, что эти люди адекватно передадут своим подчиненным суть и порядок планируемых реформ.

И только в марте 2009-го Дмитрий Медведев встретился, наконец, с руководящим составом Вооруженных сил на расширенной коллегии Минобороны. Накануне ходили самые разнообразные слухи относительно того, с каким «месседжем» президент обратится к российским генералам. Одни уверяли, что Медведев объявит о замедлении или даже приостановке реформ, другие утверждали, что, наоборот, на коллегии произойдет публичная порка несогласных с реформой.

Не произошло ни того, ни другого. Но было принципиально важно, что люди, затеявшие небывалые за последние полвека перемены в Вооруженных силах, не только не собираются отступаться, но намерены выдерживать сверхжесткий график проведения оргмероприятий, который они сами для себя наметили. «Даже несмотря на трудности финансового характера, у нас никогда не было столь благоприятных условий за всю историю современной России, чтобы создать современные и высокоэффективные Вооруженные силы»¹⁰⁸, — заявил Медведев. И подчеркнул, что «на повестке дня — перевод всех боевых частей и соединений в категорию постоянной готовности», которая, по его словам, является ключевой составляющей новой модели, нового облика Вооруженных сил. А Сердюков, в свою очередь, сообщил, что организационные мероприятия по переводу на новый облик соединений и воинских частей, в том числе требующих передислокации, должны быть завершены до 1 декабря 2009 года.

Избавиться от балласта

При этом очевидно, что и президент, и министр отдавали себе отчет в сложности поставленной задачи. Сердюков подтвердил намерение сократить офицерский корпус до уровня 15 процентов от численности

¹⁰⁸ <http://m.rosbalt.ru/main/2009/03/17/626468.html>

личного состава. Кроме ставших уже ритуальными общих слов о необходимости внимательно отнестись к тем, кто покинет армию, обеспечить их адаптацию к гражданской жизни, были озвучены и вполне конкретные вещи. Например, намерение построить и купить в 2009-м году около 45 тысяч квартир. Очевидно, что значительная их часть должна была пойти увольняемым военнослужащим. Таким образом, если кому-то был нужен ясный сигнал, что реформа остается важнейшим приоритетом, то этот сигнал был дан. Более того, весьма показательно, что начало массового перевооружения армии, которое еще недавно предполагали проводить одновременно с организационными мероприятиями (что вызывало законные сомнения экспертов в реалистичности подобных планов) было отнесено на 2011 год. То есть все финансовые средства предполагалось нацелить на реорганизацию.

Однако российским офицерам, которым объявили о скором увольнении двух третей из них, было мало обещаний сделать все по закону и соблюсти их интересы. Но вместо ясного разъяснения, какие обязательства берет на себя государство, следовали сигналы, которые уж точно вряд ли можно было отнести к позитивным. В апреле 2009-го неназванный источник Интерфакса сообщил, что глава военного ведомства отдал распоряжение об увольнении офицеров «на добровольной основе на основе рапортов». Рапорты, по версии источника, предстоит написать тем, кто не желал служить на нижестоящей должности или ехать на новое место службы. Тот же источник утверждал, что все это потребовалось потому, что деньги, отпущенные на увольнение военнослужащих по так называемым оргштатным мероприятиям (в этом случае офицер, прослуживший более 10 лет, должен получить денежное пособие до 185 тысяч рублей и квартиру), закончились.

А оптимизацию проводить было надо. Еще когда руководство военного ведомства заявило о своих реформаторских замыслах, многих поразило то, что при этом утверждалось: все мероприятия будут проведены в рамках существующего бюджета, без дополнительных ассигнований. Было очевидно, что увольнение более чем ста тысяч офицеров, которые не выслужили положенных для получения пенсии сроков, потребует немалых компенсаций, а значит, и немалых расходов. Еще больших трат требовало расформирование почти двух тысяч частей и соединений. При этом реформаторы так и не сказали, какие средства они намерены затратить на оптимизацию. Получалось, что рассчитывали на чудо. Чуда не случилось.

И тогда армейские администраторы получили от министра «карт-бланш» действовать «как обычно». А уж что-то, а увольнять добровольно-принудительным способом, навешивая на офицера бесконечные взыскания и создавая невыносимые условия, они умели. Таким образом, решительно дискредитировались правильные цели реформы. И у офицеров, с товарищами которыми поступали так по-хамски, появля-

лось моральное право на тихий саботаж. И они этим правом стали пользоваться.

При этом, насколько можно понять, первоначально угроза о рапортах относилась вовсе не ко всем офицерам. В качестве единственного примера беззакония неназванные источники сразу нескольких СМИ указывали на 100 полковников и 50 генералов из центрального аппарата Минобороны, которые не желали ни служить на нижестоящих должностях, ни менять Арбатский военный округ на другие, скажем прямо, куда менее комфортные для жизни районы необъятной Родины. Следует иметь в виду, что офицеры центрального аппарата имели в то время жалование, втрое большее, чем их коллеги, тянувшие армейскую лямку в войсках. Конфликт, надо полагать, и возник при попытке реализовать план Анатолия Сердюкова о сокращении численности Минобороны и Генштаба и других главных штабов с 22 до 8 тысяч офицеров. Разумеется, никто не был вправе понижать в должности офицера, не имевшего взысканий. Но вот служить без всяких возражений там, куда пошлют Родина с начальством, он был обязан. Если речь идет именно об этих офицерах, то решение министра не представляется совсем уж беспощадным. Однако ловкие «источники» представил дело таким образом, что перемещение на нижестоящую должность ожидало едва ли не каждого.

Показательно, что в тот же самый момент из Минобороны пришла и другая информация, касающаяся командного звена Вооруженных сил. 160 генералам и полковникам, назначенным на должности командиров дивизий и бригад, был устроен весьма жесткий экзамен. Проверяли физическую подготовку, умение водить боевую технику и обращаться с личным оружием. А кроме того проверили знания и практические навыки в сфере «управления подразделениями бригады в ходе боя». В результате проверки 10 процентов командиров получили неудовлетворительные оценки, то есть продемонстрировали неготовность исполнять свои должностные обязанности. По словам начальника Управления боевой подготовки генерала Владимира Шаманова, которого числили в инициаторах проверки, результаты контрольных занятий должны были заноситься в личные дела военнослужащих и являться первоочередными критериями для решений о их повышении. А министр обороны тут же приказал центральной аттестационной комиссии рассмотреть «соответствие занимаемым должностям» генералов и старших офицеров, получивших «неуды».

Замечу, это было просто революционным событием. И в советской, и в российской армии процесс назначения на высокую должность был тайной за семью печатями и одновременно привилегией высшего руководства (во времена СССР судьба командира соединения решалась всесильным Отделом административных органов ЦК КПСС), которое никому не должно было отчитываться относительно мотивов того или

иною кадрового решения. Помню, какой гнев маршала Язова в свое время вызвала вполне невинная, на первый взгляд, статья в «Красной звезде», открывавшая страшную тайну: в США генералов назначают по конкурсу. И что этот конкурс не имеют шансов выдержать те, кто не отвечает четко сформулированным требованиям, не получил соответствующего образования, не служил на конкретных должностях.

Это была одна из первых (увы, так и не получивших развития в дальнейшем) попыток сделать процесс продвижения по службе чуть более открытым. При этом ясно, что для «паркетных генералов», которые всю жизнь прослужили при штабах, это не означало ничего хорошего. И они были готовы сопротивляться изо всех сил. Министерская секретность облегчила им задачу, позволив организовать утечки в СМИ, перенося собственные генеральские проблемы на весь офицерский корпус.

Тем более, что вскоре слухи о массовых проверках подтвердились и на официальном уровне. И уже в мае 2009-го Анатолий Сердюков распорядился провести внеплановую аттестацию в Вооруженных силах. Оглашены были результаты аттестации только по высшему командному составу. Из 250 генералов и полковников, занимавших генеральские должности, 50 человек признаны не соответствующими должностям и были представлены к увольнению из Вооруженных сил. Можно предположить, что из нижестоящих офицеров «несоответствующими» современным требованиям было признано не меньше двадцати процентов. Следует признать, что при оценке профпригодности офицерского корпуса России высшее армейское начальство даже проявило некоторый либерализм. Как я уже писал выше, значительная часть офицеров — прежде всего, в звании майор-полковник — никак не отвечала современным требованиям. Понятно, что аттестация и была попыткой избавиться от не желавших учиться, от тех, кто развращен вынужденным бездельем. И все это выглядело бы безупречно, если бы не одно важное обстоятельство. Если бы руководствовались законом, увольнение стоило бы очень дорого. Советник министра обороны Елена Приезжева сообщала, что ведомственная целевая программа по реализации социальных гарантий военнослужащих, уволенных с военной службы, на 2009-2011 годах оценивалась в 113 миллиардов рублей. Это около десяти процентов того, что в 2009-м году расходовалось на оборону.

Очевидно, что в условиях кризиса денег на это стало не хватать. И тогда началась аттестация. Чтобы выгнать офицера, который не выдержал проверки (а выдержать он ее не мог, так как в условиях финансовой катастрофы 90-х просто не мог наплавать и налетать положенное количество часов) за несоблюдение условий контракта. Без квартиры и без денежного пособия. Столкнувшись с такой угрозой, офицер соглашался, например, на то, чтобы уволиться из армии «добровольно» и, потеряв денежную компенсацию, все же остаться в списке очередников

на получение жилья, сохранив надежду (довольно иллюзорную) дожидаться квартиры. Так или иначе, но в этом случае аттестация из законного средства, с помощью которого государство-работодатель выясняет способности своего работника, превратилась в свою противоположность. В хитрую увертку, с помощью которой работодатель попытался избавиться от работника, которому не хочется платить. Приблизительно так действовали ловкие хозяева подмосковных особняков — нанимали нелегальных иммигрантов на работу, а когда приходило время расплачиваться, звонили прикормленным чиновникам из миграционной службы. Приезжала милиция, забирала иммигрантов, платить никому не надо было. Формально — все по закону. Фактически получилась гнусность.

Прошло больше года, прежде чем руководители министерства решили объяснить смысл своих действий. На полигоне в Мулино в Нижегородской области была устроена встреча Дмитрия Медведева с командирами уже отреформированных соединений. И этих офицеров, элиту Вооруженных сил, заставили говорить, как важно было избавиться от балласта. И полковник Румянцев, уволивший 415 из 611 офицеров бригады, докладывал Верховному главнокомандующему: «Реформирование, возросшая интенсивность боевой подготовки резко обострила проблему, которая заключалась в недостаточном, а порой откровенно низком уровне индивидуальной профессионально-должностной подготовки офицеров. Сегодня не секрет, что офицеры частей сокращённого состава и кадра на протяжении длительного времени занимались решением в основном бытовых проблем»¹⁰⁹.

Требуется новый офицер

Тогда же, в 2010-м, военное ведомство решилось на еще одну чрезвычайно болезненную реформу. Оно покусилось на святая святых: систему военного образования. Было объявлено, что ни в том, ни в следующем году военные вузы не будут принимать курсантов. Более того, в 2009 году приблизительно 25 процентам тех, кто закончил военные училища, были предложены не офицерские, а сержантские должности. В 2010-м было предложено занять такие должности уже половине из 15 тысяч выпускников военных вузов. Реформаторы подошли к одному из главных, если не к самому главному вопросу модернизации Вооруженных сил. Потому что все, что делалось до того момента — ликвидация частей неполного состава, резкое, более чем в два раза сокращение численности офицерского корпуса — все это было бессмысленно без кардинальных изменений в системе офицерского образования.

¹⁰⁹ <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/9609>

Вряд ли приостановка приема курсантов объяснялась лишь тем, что для молодых офицеров не было должностей, так как количество воинских частей и соединений сократилось в несколько раз. Когда российское военное руководство осознало, наконец, необходимость создания профессионального сержантского корпуса и начало подготовку квалифицированных младших командиров, тут же обозначилась проблема. Появись в армии квалифицированные сержанты, российские младшие офицеры тут же рисковали оказаться не у дел. Потому что офицерские высшие военные учебные заведения готовили не профессионалов, а военных ремесленников, которые только в массовой призывной армии и при отсутствии настоящего сержанта могли чувствовать себя состоятельными.

Поэтому важнейшим направлением военной реформы должно было стать кардинальное изменение системы военного образования и условий прохождения службы. Между тем, образование в большинстве военных вузов было построено таким образом, что будущий офицер получал знания исключительно «в части его касающейся». То есть ровно столько, сколько необходимо, чтобы быть в состоянии освоить один или два образца конкретной военной техники.

Хорошо помню, какое удивление (смешанное с пренебрежением) вызывало первое знакомство советских генералов с программами всех трех военных академий США. Выяснилось, что ни в Вест-Пойнте (готовящем офицеров сухопутных войск), ни в Аннаполисе (ВМС), ни в Колорадо-Спрингс (ВВС) не уделяется сколько-нибудь серьезного внимания дисциплинам, которые делают курсанта специалистом по тому или иному виду вооружений. «Где изучение матчасти?», строго спрашивали наши военачальники у растерянных американских коллег. Вместо этого программа в военных вузах западных стран примерно пополам делится на естественнонаучные и гуманитарные дисциплины. Математика, физика и химия учат человека учиться. Благодаря этому, выпускники американских военных академий без труда осваивают конкретные военные специальности: пилот, корабельный штурман, командир взвода. Причем все эти специальности выпускники Вест-Пойнта, Аннаполиса и Колорадо-Спрингс (как и выпускники гражданских университетов, которые решили стать офицерами) получают уже после выпускных экзаменов — в специальных учебных центрах. А гуманитарные науки дают офицерам понимание своего места в столь сложном современном мире (а заодно и способность командовать, управлять людьми, не прибегая к рукоприкладству).

Именно к такой системе образования, вероятно, были намерены перейти реформаторы из Минобороны. Если так, то двухлетняя пауза с приемом новых слушателей представлялась необходимой, для того чтобы кардинально перестроить учебную программу. Открытым, правда, оставался вопрос, кто будет это делать. Реформаторы так и не смог-

ли решить, кто будет учить учителей. Не решена проблема до сих пор. Двадцать пять лет назад бывшие кафедры марксизма-ленинизма в военных училищах быстро переименовались в кафедры политологии. С сохранением и ментальности, и уровня подготовки преподавателей. Мне несколько раз попадали в руки учебные пособия, изготовленные такими, с позволения сказать, политологами. Эти труды представляли собой дикую смесь примитивного национализма, марксизма, густо приправленную гумилевщиной с пространными рассуждениями о пассионарности наций. Оптимисты, правда, уповали на то, что поворот в военном образовании произойдет за счет того, что в будущих учебных программах немалое место будет уделено иностранным языкам, и это откроет перед молодыми офицерами просторы для самосовершенствования. Увы, и этого не произошло.

Так или иначе, но, выполнив «количественную» часть реформ, Минобороны явно концентрировалось на том, чтобы выстроить такую систему, при которой в военный вуз поступал бы человек, осознанно выбравший военную профессию. Человек, которого не надо заставлять учиться. Именно поэтому реформаторы разрешали будущему офицеру самому планировать свою учебу, Курсанты получили право свободно покидать территорию военного вуза, когда им заблагорассудится. Но при этом запретили пересдачу двоек. За заваленным экзаменом должно следовать отчисление.

При этом встала другая, еще более грандиозная задача: изменить правила прохождения службы. Все призывы к интеллектуальному росту и самообразованию выглядели бы откровенным лицемерием, если иметь в виду, что карьера российского военного целиком и полностью зависит от кадровика и непосредственного начальника. И будь офицер хоть семи пядей во лбу, он никуда не продвинется, если этого не хотели бы кадровик и начальник. Для изменения ситуации необходимо все назначения на вышестоящие должности проводить через открытый и гласный конкурс.

Но это было отложено на будущее. Пока же тем, кто уже надел лейтенантские погоны, светило оказаться на сержантской должности. А те, кто уже послужил, капитаны и майоры, оказались в ситуации, когда по результатам аттестации их в любой момент могли выкинуть из армии без квартиры и денежной компенсации. Таким образом, отношения Сердюкова с офицерским корпусом были безвозвратно испорчены. Спасти их не могло даже то, что именно Сердюков, кардинально, в 2-3 раза увеличил жалование российским офицерам. С 1 января 2012 года каждый лейтенант начинал получать от 50 тысяч рублей, что делало его содержание по крайней мере сопоставимым с теми деньгами, которые получали младшие офицеры в западных странах. Но, несмотря на это офицеры продолжали истово ненавидеть «мебельщика».

В атмосфере ненависти

И этой ненавистью воспользовались те, чьи конкретные финансовые интересы были задеты реформаторами. Параллельно со страшно болезненными оргштатными мероприятиями Сердюков и Макаров замахнулись на еще одну революцию. Офицеров, вплоть до самых высших, было решено избавить от тяжелой ответственности за расходование финансовых средств. И командир части, и командующий округом не должны были отвечать ни за работу котельной или столовой, ни за обеспечение электричеством войск округа. Обеспечением войск всем необходимым – от амуниции до самых сложных вооружений – возлагалось на гражданские организации, созданные при Министерстве обороны – «Славянку», Оборонсервис и прочие. Военные реформаторы поставили своей целью покончить с командирами – «крепкими хозяйственниками». В течение десятилетий командир оценивался старшими начальниками отнюдь не по тому, как он подготовил свою часть к действиям на поле боя. Его оценивали по тому, удалось ли построить столовую или баню «хозспособом», то есть без выделения необходимых ресурсов. Все это погружало командиров в хитросплетения коррупционных взаимоотношений. За доски и кирпичи офицер расплачивался с помощью единственного ресурса, который был в его распоряжении – бесплатной рабочей силы. Если в советские времена эта система хоть как-то ограничивалась партийным контролем, то в 90-е, когда у государства вовсе не было денег на поддержание гигантской военной машины, воинские части были практически обречены на самообеспечение. В результате на должности командиров бригад и заместителей командующих армиями пришли офицеры прекрасно умеющие «вертеться», но не командовать. Далеко не всех военачальников вдохновила перспектива день и ночь совершенствоваться в управлении войсками, в методике боевой подготовки и при этом получать только те деньги, которые поступят на личную карточку в виде жалования. Многие давно привыкли к побочным доходам, которые уже стали основными. В министерских новациях они увидели главную угрозу своим интересам.

Дополнительное раздражение вызывала сердюковская идея о регулярной ротации командных кадров с тем, чтобы служба в центральном аппарате перемежалась службой в войсках. Но то, что успешно получалось у Сердюкова с чиновниками налоговой службы, не прошло с российскими генералами, ни в коем случае не желавшими покидать Арбатский округ. Так, случилось, например, в июле 2011-го, когда три молодых и перспективных генерала — начальник Главного оперативного управления Генштаба Андрей Третьяк, начальник Главного штаба Сухопутных войск Сергей Скоков и начальник Управления радиоэлектронной борьбы Генштаба Олег Иванов — разом подали рапорты об отставке. В прессу утекло: все это акция протеста. Надоело, мол, бле-

стящим генералам жить в ситуации перманентного беспорядка, в котором повинен начальник Генштаба Николай Макаров.

Некий высокопоставленный источник, который поведал корреспонденту «Независимой газеты» эту душераздирающую историю, настаивал: «На протяжении всего времени, сколько Макаров руководит Генеральным штабом, Вооруженные силы находятся в каком-то временном, экспериментальном состоянии, живут по каким-то проектам, по неутвержденным руководящим документам»¹¹⁰. Основные наставления и боевые уставы, которые должны регламентировать деятельность войск, уже третий год находятся в разработке, так как начальник Генштаба не может определиться с их конечным вариантом. Нет утвержденного решения по штатно-должностным структурам видов и родов войск, районам их базирования. И вот, генеральская любовь к порядку не смогла всего это вынести. Следует отметить, что Управление информации военного ведомства отреагировало на произошедшее оперативно и, главное, адекватно — тут же сообщило, что все военачальники подали рапорты об увольнении по состоянию здоровья, которое у них решительно ослабло в период с апреля по июнь. Но кто-то из недоброжелателей начальника Генштаба (а таковых в «арбатском» военном округе было, ох, как немало) решил представить частные решения трех военачальников как организованный протест.

Однако Сердюков упорно гнул свое, беспощадно увольняя несогласных. За время работы на посту министра обороны Сердюков осуществил масштабные кадровые перестановки в высшем военном руководстве. Сменились практически все заместители министра обороны, главкомы видов Вооружённых сил, командующие родами войск, а также военных округов и флотов. Наиболее знаковыми стали отставки главы Генштаба ВС России, генерала армии Юрия Балуевского, замминистра обороны по финансам Любови Куделиной, замминистра обороны по тылу генерала армии Владимира Исакова, главкома ВМФ адмирала флота Владимира Масорина, командующего РВСН генерал-полковника Николая Соловцова, начальника Главного разведывательного управления Генштаба ВС России, генерала армии Валентина Корабельникова, главкома Сухопутных войск генерала армии Владимира Болдырева, начальника Главного управления воспитательной работы (ГУВР) Вооружённых сил Российской Федерации генерал-лейтенанта Анатолия Башлакова. Уже к концу первого полугодия 2008 года кадровый состав заместителей и начальников служб главы Минобороны России обновился более чем на 70 процентов. Разумеется, это решительно прибавило Сердюкову врагов. Ведь одновременно с высокими начальниками теплые места всякий раз теряли много старших офицеров.

¹¹⁰ Генеральский демарш. Независимая газета. 5 июля 2011

Все это делало реформаторов крайне уязвимыми перед любыми провокациями. И они не замедлили случиться. С поразительно регулярностью в прессу шли утечки о скорой отставке Сердюкова. Порой отставная «армейская общественность» начинала призывать к прямому бунту. Самая серьезная (из неудавшихся) атака на Сердюкова случилась в октябре 2010 года, когда Международный союз десантников обратился к президенту и патриарху с требованием «дать оценку» неуставным действиям главы военного ведомства. По версии отставных, но весьма заслуженных десантников, Сердюков, посещая учебный центр «Сельцы» Рязанского высшего командного училища ВДВ, «в грубой форме, нецензурной бранью оскорблял Героя России гвардии полковника Андрея Красова, унижая при подчиненных его профессиональное и личное достоинство»¹¹¹, отдал распоряжение разрушить расположенную на территории учебного центра церковь, а самого Красова — уволить. В изложении тогдашнего командующего ВДВ Владимира Шаманова история выглядела несколько иначе. «Министр обороны действительно высказал сомнение в целесообразности строительства храма напротив учебного корпуса, — поведал Шаманов. — Дело в том, что храм находится далеко от ближайших деревень, а сами курсанты пребывают на территории учебного центра мало времени»¹¹². Эту версию уточнил Григорий Нагинский, тогдашний заместитель министра, ответственный за обустройство и расквартирование, который присутствовал на месте события. В его изложении, причина конфликта — вовсе не храм, а то, что на территории части обнаружилось несколько объектов, на возведение которых никто не давал разрешения.

«Мы посмотрели объекты, которые являются недостроенными с 2008-2009 годов... Предыдущий командир нарушил все, что только можно нарушить, потому что лимитов на 2009, на 2010 год на строительство в Сельцах не выделялось ни одной копейки, поэтому то, что он туда запустил строителей, которые наработали там на 180 миллионов рублей, в моем понимании, незаконно со всех сторон»¹¹³, — сообщил Нагинский. Более того, на территории части функционировал непонятно откуда взявшийся магазин.

Следует, конечно, отдать должное тонкому душевному устройству отставного десантного генерала Владислава Ачалова и бывшего начальника разведки ВДВ отставного полковника Павла Поповских, которые за долгие десятилетия службы сохранили способность вскипать душой, слыша начальственный мат. Однако нетрудно представить эмоции министра, выяснившего, что строительство в воинской части осуществляется за счет министерства, но без спроса. Не менее любо-

¹¹¹ rosbalt.ru/main/2010/10/21/782807.html

¹¹² Владислав Шурыгин. Сердюков, уходи! Завтра. 27 октября 2010

¹¹³ <http://weaponscollection.com/11/401-voennaya-obschestvennost-rossi.html>

пытно то, что инцидент, произошедший 30 сентября, получил огласку в интернете не ранее 14 октября. Получается, оскорбленные терпели аж целых две недели.

На самом деле, конечно, недоброжелатели Анатолия Эдуардовича не могли не воспользоваться столь удобным случаем. Мало того, что объектом гнева министра оказался Герой России. Поводом послужил православный храм. Стало быть, созданы идеальные условия для атаки – разрушитель славных Вооруженных сил ни в грош не ставит заслуженных офицеров, а еще и святого у него ничего нет – храм велел убрать с территории воинской части. В итоге конфликт Сердюкова с отставными десантниками взялся расследовать комитет Госдумы по обороне. В прессе появились сообщения, что премьер велел министру написать заявление с просьбой об отставке. Путинскому пресс-секретарю Дмитрию Пескову пришлось гласно опровергать эту информацию и именовать все это «полной дребеденью».

Однако следует признать, как ни старались реформаторы игнорировать всевозможные протесты, в конце концов, они были вынуждены отступить по одной из важнейших позиций. Речь о том, что численность офицерского корпуса не должна превышать 15 процентов общей численности Вооруженных сил. В феврале 2011 года после совещания у президента Сердюков заявил о намерении увеличить численность офицерского корпуса Вооруженных сил сразу на 70 тысяч человек. Объяснение главы военного ведомства, которое сводилось к тому, что столь масштабное увеличение офицерского корпуса вызвано намерением создать систему Воздушно-космической обороны, не выдерживало никакой критики. Эта система создавалась на основе уже существующих частей и соединений ПВО и системы предупреждения о ракетном нападении. 70 тысяч должностей здесь никак не требовалось.

В действительности же причин было несколько. Самая очевидная – это неспособность государства выполнить обязательства перед увольняемыми офицерами. В середине 2010 года появилась информация, что за штатом находилось как раз 70 тысяч офицеров. Это те, кому не нашлось должностей в армии «нового облика». Но и уволить их тоже было нельзя – у государства не было квартир, которые эти офицеры должны получить при уходе в отставку. Можно предположить, что, осознав свою неспособность расплатиться с будущими отставниками, военное ведомство решило просто включить их в штаты. А игнорировать протесты такого количества людей в погонах было уже рискованно: не за горами были парламентские выборы.

Другая возможная причина была в том, что штатные должности офицеров сокращали, рассчитывая заполнить их подготовленными сержантами и гражданскими служащими. Однако жалование, установленное гражданским работникам — юристам, финансистам, врачам, — оказалось не слишком привлекательным для квалифицированных спе-

циалистов. Программы подготовки сержантов также давали сбои. Учебные центры просто не успевали произвести столько младших командиров, сколько нужно Вооруженным силам – их требовалось не меньше 100 тысяч. Взять их было неоткуда. Вот и решили снова использовать офицеров для исполнения функций сержантов в боевых подразделениях, тыловиков, обслуживающего персонала. Это был серьезный удар по реформе.

Что бы ни было причиной уступки, сделанной Сердюковым, она имела самые печальные последствия. Высокопоставленных противников министра до поры до времени останавливало то, что Медведев и Путин однозначно демонстрировали поддержку министра. И вот теперь те, кто ненавидел Сердюкова, решили, что он эту поддержку теряет.

Призывные метания

То, что у реформаторов не было единого детального плана, свидетельствуют их метания по одному из самых главных, если не самому главному, вопросу модернизации Вооруженных сил – вопросу комплектования. К 2008-му году стало окончательно ясно, что программа частичного комплектования по контракту благополучно провалена. Сердюков и Макаров не нашли ничего лучшего как приостановить ее объявив, что отныне упор будет делаться на службу по призыву. «Мы не переходим на контрактную основу. Более того, призыв мы увеличиваем, а контрактную часть уменьшаем»,¹¹⁴ заявлял тогда генерал Макаров. Однако прямо признавать провал предшественников не хотелось. Посему была изобретена весьма «гибкая» формула. Частями постоянной готовности решили считать те, где контрактниками удалось укомплектовать «должности, определяющие боеспособность», а все прочие — срочниками. Понятно, что у военных появилась возможность весьма произвольно трактовать, какие должности определяют боеспособность, а какие нет.

Следует признать, что определенная логика в этом была. «Мы пришли к пониманию, что контрактник должен готовиться по совсем иным методам, чем это было ранее. Поэтому сейчас на контракт мы берем только сержантов, которых обучаем два с половиной года. Через это мы планируем прийти к контрактной армии»¹¹⁵, — заявлял Макаров. Фактически он повторял то, что писали либеральные эксперты еще в 2002-м, когда планы перевода на контракт только были обнародованы. Действительно бессмысленно пытаться переходить к добровольной службе, не создав корпуса профессиональных сержантов.

¹¹⁴ Российская армия не станет профессиональной. Ведомости. 26 февраля 2010

¹¹⁵ <http://vz.ru/news/2010/2/24/378585.print.html>

Именно появление младших командиров в казарме должно положить конец дедовщине. Только для этого необходимо, чтобы сержант мог поддерживать порядок силой своего авторитета, а не кулаками. По возрасту, знаниям, жизненному опыту он должен отличаться от подчиненных. И когда министерство обороны объявило, что сержантов будут готовить в специальных учебных центрах при лучших военных вузах почти три года, появилась надежда, что реформаторы хотя бы понимают существо проблемы. Однако вскоре выяснялось, что два года десять месяцев собирались учить будут только тех сержантов, которые должны были служить на должностях, которые раньше занимали офицеры — это командиры взводов, авиационные техники и т.д. То есть по своим профессиональным качествам такой сержант был обречен стать ухудшенным вариантом тогдашнего офицера. От пяти до десяти месяцев собирались учить тех, кто должен был стать старшинами рот и батальонов. Но основной контингент сержантов — командиров отделений, орудий, боевых машин — предполагалось набирать из срочников и учить пять месяцев.

Очевидно, не желая отвлекаться на еще один конфликт с генералами, Сердюков и Макаров предпочли поверить на слово руководителям Главного организационно-мобилизационного управления, которые утверждали, что призывников более чем достаточно для полноценного комплектования Вооруженных сил. Тот очевидный факт, что страна летела в демографическую яму, в расчет не принимался вовсе. Так для поддержания необходимой численности армии в 2009 году следовало призвать под знамена около 750 тысяч юношей. При том, что 18 лет исполнялось только 840 тысячам парней. А вузы были готовы предоставить им около 300 тысяч мест и, следовательно, отсрочек. 25-30 процентов призывников должны были получить отсрочки по здоровью. Но вместо того, чтобы признать реальность (которая, признаем, клала конец привычному существованию чиновников ГОМУ) генералы яростно доказывали: достаточно отменить все отсрочки от призыва, да и разыскать всех «уклонистов», - и армия получит необходимую численность. На свое несчастье они получили возможность опробовать эти подходы в 2009-20010 годах.

Сперва решили скрести по сусекам — было решено ликвидировать военные кафедры в 160 вузах, в результате чего служить рядовыми должны пойти выпускники институтов и университетов. Но это позволяло призвать лишь чуть больше 100 тысяч. Поэтому Минобороны нацелилось на тех, кто не без успеха годами бегал от военкомов. Это не только так называемые уклонисты — те, кто, получив повестку, не приходит на медицинское освидетельствование (таких насчитывалось около 11 тысяч). Но были еще и те, кому никак не удается эту самую повестку вручить. Этих отлавливала милиция. Чтобы облегчить стражам порядка отлов рекрутов, Дума приняла поправки в закон «О воин-

ской обязанности и военной службе». Они требовали, чтобы всякий призывник (то есть гражданин в возрасте от 18 до 27 лет), покидающий свой населенный пункт на срок больше двух недель, во-первых, доложил в военкомат о своем намерении, а потом зарегистрировался по месту прибытия. С самого начала было понятно, что выполнить это требование в российских условиях было невозможно. Цель здесь совершенно другая — дать законное основание для милицеских облав на уклонистов.

Минобороны решило прикрыть и такую лазейку, как пребывание призывников за границей. Действующий закон, возмущался один из тогдашних руководителей Главного организационно-мобилизационного управления Генштаба генерал Владимир Константинов, позволял подлежащим призыву гражданам не вставать на воинский учет. Идей у чиновников военного ведомства было так много, что они намеревались заменить вышеупомянутый закон о «О воинской обязанности и военной службе» двумя другими. Один должен был быть целиком посвящен воинской обязанности — навсегда узаконить призывное рабство. Другой — военной службе.

С этими предложениями начальник Главного организационно-мобилизационного управления Генштаба Василий Смирнов выступил в Совете Федерации в мае 2009 года. Смирнов тогда впервые признал очевидное: из-за демографических проблем не удастся набирать необходимые 750 тысяч рекрутов ежегодно. В качестве выхода Смирнов предложил целый набор драконовских мер. Например, увеличить предельный призывной возраст с 27 до 30 лет. Наконец, предложено отказаться от неудобной для Минобороны практики, когда каждому потенциальному рекруту надо лично расписаться на врученной ему повестке. Предлагалось посылать им смс-уведомления, а в случае неявки в военкомат подвергать их уголовному преследованию. А еще продлить весенний призыв до 31 августа: так, чтобы немедленно забирать в армию выпускников школ, не давая им шанса поступить в вуз. При этом генералы явно брали цифры с потолка, не давая себе труд хоть врать одинаково. Начальник ГОМУ Василий Смирнов утверждал: ежегодно в России от получения повесток уклонялось 100 тысяч человек. А его подчиненный генерал-майор Иван Бородинчик называл цифру в два раза большую — 200 тысяч.

Однако, несмотря на все более жесткие меры набирать необходимое количество призывников становилось все менее возможно. Момент истины настал в конце 2010-го. В канун Нового года (ведь 31 декабря по закону должен закончиться призыв в армию) была произведена молниеносная и чрезвычайно успешная операция в Московской консерватории. В 6 утра еще тепленькими в общежитии захватили аж четыре десятка флейтистов-кларнетистов. Несколькими днями раньше были атакованы несколько сотен аспирантов различных вузов Воронежа.

Оказывается, специальности, по которым обучались воронежские аспиранты, не имели государственной аккредитации (при этом сами вузы такую аккредитацию имели), а студенты консерватории были виноваты в том, что не встали на учет в военкомате. На самом деле, фокус состоял в том, чтобы с помощью милиции запихнуть в армию тех, кто имел вполне законное право на отсрочки. Военкоматские работники отлично знали: даже если впоследствии удастся доказать, что призывник имел право на отсрочку, у него практически нет шансов покинуть Вооруженные силы. План по призыву будет выполнен, а дальше — взятки гладки.

Но то, что стали забирать аспирантов и музыкантов, было очевидным доказательством того, что ситуация критическая. В той же Воронежской области план призыва был выполнен всего на 70 процентов. В армию пытались загнать всех — аспирантов, музыкантов, танцоров. Качество призывного контингента ни для кого секретом не было. «Вы уже знаете, кого мы призывали, в каком количестве. Пардон, нахлебались. Мы должны подумать о чистоте наших рядов, о том, кто приходит в армию. Поэтому принципиальная позиция руководства военного ведомства: пусть нас будет меньше, но мы должны быть лучше. Пусть даже будет какой-то некомплект»¹¹⁶, утверждал заместитель министра Николай Панков.

Мне рассказывали, что в Москве под горячую руку прихватили даже бригаду таджиков-нелегалов. Президенту и министру обороны приходилось публично останавливать военкомов, которые, желая сохранить должность, были готовы не то что аспиранта — младенца прямо из роддома отправить в славные ряды. А призыв все равно провалился. В конфликт с Генштабом вступили не правозащитники, не либеральные эксперты, чье мнение можно легко игнорировать. Планам военачальников противоречила реальная демографическая ситуация. Василий Смирнов убеждал руководство страны: через демографическую яму можно перескочить, загнав в армейские ряды около миллиона «уклонистов», тех, кто избежал призыва в предыдущие годы (эта цифра — сугубо условная и варьировалась военными чиновниками в соответствии с требованием момента). Даже если случилось бы чудо, и Василию Смирнову при поддержке милиции удалось бы изловить миллион 25-26-летних людей (которые по 7-8 лет благополучно избегали призыва), это могло бы отсрочить полный крах призывной системы лишь на два-три года. Генералы так и не смогли опровергнуть Виталия Цымбала, заведующего лабораторией военной экономики Института экономики переходного периода. По его расчетам, количество 18-летних юношей

¹¹⁶ Ольга Божьева. В армии могут сократить сокращения. Московский комсомолец. 27 марта 2009

уже 2010-м сравнялось с количеством штатных должностей призывников в Вооруженных силах.

Ставка на призыв не просто делала невозможным комплектование Вооруженных сил до полных штатов. Она делала бессмысленным формирование частей постоянной готовности. Все соединения постоянной готовности (а было решено, что других в российской армии не будет) должны формироваться по «смешанному принципу». Должности, влияющие на боеготовность, занимают контрактники, а остальные – срочники. При этом заместитель министра Николай Панков сообщал, что сроки приведения любой из бригад в боевую готовность уменьшились с суток до 1 часа. При этом без ответа остались вопросы о том, с помощью какого чудесного средства боеготовыми окажутся соединения, где в каждый конкретный момент времени половина личного состава будет состоять из солдат, служащих меньше 6 месяцев. В результате, например, водителей грузовиков решили готовить за три месяца – просто для того, чтобы в части они служили хотя бы 9 месяцев. Однако методика учебы такова, что не получалось научить за три месяца водить грузовик. На экзаменах выяснилось, что за рулем сидят офицеры, сдающие экзамены за своих подчиненных.

Проверить правильность своих подходов реформаторы хотели в ходе стратегических маневров «Восток - 2010». Проблемы возникли уже на этапе подготовки к учениям. В хабаровский Комитет солдатских матерей вдруг стали в массовом порядке приходить письма о том, что командиры воинских частей препятствуют увольнению солдат-срочников, уже прослуживших один год. Дело дошло до совершенно диких случаев. Так, заместитель командира одного из батальонов просто сжег гражданскую одежду, в которой «дембели» собирались ехать домой. Правозащитники выяснили, что причиной массового самоуправства как раз и являлись грядущие маневры «Восток-2010». Планируя их, спец Генштаба не учли (впрочем, не исключая, что сделали это специально) того, что по времени учения совпадают с массовым увольнением срочников и прибытием ничего не умеющих новобранцев. Готовить полигон к маневрам, а также демонстрировать высокую выучку и боевую слаженность в ходе учений оказалось просто некому. В этой ситуации командиры пошли на нарушение прав солдат, отказавшись их увольнять.

Как не без иронии заметил по этому поводу один из экспертов, получается, что боеготовность — это одно, а боеспособность — совершенно другое. По сути дела, вся «постоянная готовность» сводится к тому, что часть полностью укомплектована по штатам. А уж что умеют делать военнослужащие — дело десятое.

И вот начались сами маневры. Руководство страны действительно решило проверить, к чему привели сердюковские реформы, что представляет собой армия «нового облика». Именно поэтому учение не

имело общей легенды. Войска действовали на «изолированных» направлениях. В одном случае предполагалась борьба с террористами, в другом — с крупными формированиями сепаратистов, наконец, в третьем — с регулярными Вооруженными силами, которые имеют в своем распоряжении ракеты, самолеты, подводные лодки и надводные корабли.

В ходе учений надлежало выяснить несколько чрезвычайно важных вопросов. Прежде всего, насколько способна Россия «проецировать силу» на большие расстояния. Говоря попросту, способна ли она быстро перебросить войска к самым дальним границам. Для проверки были проведены две важные операции. Во-первых, три десятка фронтовых бомбардировщиков Су-24, истребителей-бомбардировщиков Су-34 пролетели из центральных районов страны на Дальний Восток без посадки, с несколькими дозаправками в воздухе (нечто подобное было повторено через пять лет во время развертывания в Сирии).

Во-вторых, из Екатеринбурга в Приморье была перебазирована целая мотострелковая бригада. Бригада летела налегке, без тяжелого вооружения. Танки, БМП, артиллерию она получила уже на месте, с базы хранения. Это первая попытка такого рода переброски. Утверждалось, что вся операция прошла успешно и в положенный срок бригада приступила к выполнению боевой задачи на незнакомой местности. Насколько можно понять, эксперимент был не до конца чистым. Дело в том, что сама база хранения была создана совсем незадолго до учений — 1 декабря 2009-го. Туда была передана военная техника только что расформированной дивизии. Успели привести в порядок только вооружения, необходимые для одного батальона. Эти-то танки и бронетранспортеры и передали только что прибывшим войскам. В результате от бригады действовала лишь батальонная группа. Понятно, что если бы в рамках учений попытались расконсервировать технику, простоявшую несколько лет, результат был бы другим. Тем не менее, очевидно, что в Генштабе всерьез рассматривали возможность обеспечивать безопасность страны за счет быстрой переброски войск в район вероятного конфликта, а не пытались, как прежде, дислоцировать войска по всей территории страны. Если так, то теряли всякий смысл разговоры о том, что России из-за ее гигантской территории нужна миллионная армия.

При этом самая главная загадка заключалась в том, кто же «воевал» в Забайкалье и на Дальнем Востоке, кто водил танки и БМП, кто наводил ракеты ПВО на летающие мишени. Организаторы учений не скрывали, что хотят выяснить: можно ли посылать в бой соединения, половина солдат в которых призваны лишь несколько недель назад. «Это одна из основных задач на предстоящих учениях — оценить степень обученности современного солдата. Важно получить ответ на вопрос: реально ли за один год обучить военнослужащего военному делу настоящим образом? Скажу больше. Все разговоры о том, что якобы

для участия в учении привлекаются военнослужащие, которые увольняются осенью, не соответствуют действительности», — утверждал начальник Генштаба.

По завершении маневров, все начальники в один голос утверждали: половина участников учений — солдаты весеннего призыва, то есть они прослужили от силы месяц-два. При этом они вполне успешно выполняли все, что положено специалистам. Однако никто не объяснил, с помощью каких методик удалось сотворить такое чудо. Ведь еще недавно таких специалистов обучали полгода, потом перешли на трехмесячный цикл. Но не за несколько же недель! Вместо ясных объяснений следовали бодрые рапорты: мол, напряглись, применили выдумку и смекалку.

На самом деле, все, похоже, обстояло не столь блестяще. Вот, к примеру, бригада ПВО, которая, если верить отчетам, отразила массированный авиационно-ракетный налет, поразив все мишени. И вдруг в бравурном отчете проскальзывает нечто неожиданное. «Многие солдаты, почувствовав первый раз практическую стрельбу, первый выстрел, были просто шокированы. Но у них появилась уверенность в нашей технике и в ее возможностях»¹¹⁷, — делился впечатлениями Игорь Сукристов, начальник отдела боевой подготовки Управления войсковой противовоздушной обороны Сухопутных войск РФ.

Таким образом, «шокированные» срочники, оказавшиеся на полигоне впервые в жизни, при этом не растерялись ни на секунду, а успешно провели стрельбы. Куда логичнее предположить: за пульта и мониторы сели офицеры и провели показательные стрельбы. Видимо, неслучайно, побывав на этих маневрах, председатель комитета по обороне Совета Федерации Виктор Озеров, как правило, горячо поддерживающий все новации военного ведомства, вдруг заявил, что следует задуматься об увеличении числа контрактников.

Наконец, отдельно следует сказать о том, что, по крайней мере, некоторые из участников маневров оказались в ситуации более чем далекой от «гуманной армии», описываемой министром обороны. Так, по данным местной печати, солдаты, готовившие полигон под Уссурийском, несколько недель не получали горячей пищи. Они были лишены возможности помыться, их одолели вши.

Ситуацию не спасала и объявленная Сердюковым в 2010 году «гуманизация» военной службы. Родителям потенциальных рекрутов разрешили присутствовать на заседаниях призывной комиссии. Представителям общественности и родителям — сопровождать будущих воинов прямо до воинских частей — так как именно на этом пути происходит немало преступлений. Солдатам позволили иметь мобильные телефоны. Призывников пообещали направлять служить сравнительно неда-

¹¹⁷ http://www.docme.ru/doc/7879/neskuchnyj-sad-N11-noyabr._-2010

леко от родных мест. А кроме того им пообещали послеобеденный сон, костюмы для занятий физподготовкой. Им был гарантирован обязательный выходной.

Одним словом, решительно взят курс на то, чтобы превратить тюремный режим в распорядок спортивного лагеря. Это, безусловно, замечательно. Только, увы, имело лишь косвенное отношение к созданию нового облика Вооруженных сил. Фактически речь шла о попытках модернизировать и гуманизировать институт, который улучшению в принципе не подлежит. При этом выяснилось: по мере гуманизации поддержание института призыва становилось все более затратным. Ведь, по подсчетам правозащитников, только в год на проведение призывных кампаний (медицинское освидетельствование, доставка до места службы) тратилось около 100 миллиардов рублей, то есть десятая часть тогдашнего военного бюджета. Когда отечественные генералы заявляли, что страна не может позволить себе содержание контрактной армии, они исходили из того, что солдат-срочников можно заставить жить в скотских условиях: без горячей воды, с рационом из брюквы и картошки, в робах, которые не стирали годами. Солдату срочной службы можно было не платить денег. Стоило попытаться реализовать на практике мечтания министра обороны Анатолия Сердюкова о «гуманной службе», и сразу выяснилось – такая армия не менее, а более затратна, чем контрактная. Ведь, помимо оплаты содержания срочника (которая при «гуманной службе» не сильно отличается от затрат на контрактника), гигантские средства расходовались на организацию самого призыва.

Таким образом, ставку на призыв нельзя было спасти ни кнутом, ни пряником, ни с помощью жестоких мер, ни благодаря «гуманизации». Осенью 2011-го случилось неизбежное. Все тот же Василий Смирнов, который буквально накануне уверял, что осенний призыв не будет отличаться от весеннего и составит около 250 тысяч человек, сообщил, что призвать представляется возможным лишь 135 тысяч. Это был очевидный срыв призыва. В этой ситуации у Генштаба хватило решительности принять давно назревшие меры. Генерал Макаров заявил, что отныне целью становится создание контрактной армии, призывники в которой будут составлять не более 10-15 процентов общей численности Вооруженных сил.

Выступая в Общественной палате, он твердо заверил, что ведомство взяло курс на контрактизацию Вооруженных сил. С 2013 по 2017 годы Минобороны планировало заключать контракты с 50 тысячами добровольцев ежегодно. В результате количество солдат-добровольцев должно было составить 425 тысяч военнослужащих. При этом были все-таки сделаны выводы из провала Федеральной целевой программы по частичному переводу Вооруженных сил на контракт, которую пытались реализовать в 2003-2008 годах. Профессиональным солдатом

можно было стать, только отслужив полностью срочную (всем было памятно, как в «профессионалы» правдами-неправдами сгоняли мальчишек-призывников, лишь несколько месяцев находившихся в армии). В субъектах Федерации предполагалось развернуть специальные вербовочные пункты. Подписавшие контракт в обязательном порядке должны были пройти трехмесячную подготовку в учебных центрах при военных вузах. Более того, в Минобороны поняли, очевидно, что поручать перевод Вооруженных сил на контракт Главному организационно-мобилизационному управлению (влияние и благоденствие сотрудников которого сугубо зависит от сохранения призыва) — значит заранее обречь все дело на провал. Контрактниками стало ведать специально созданное подразделение в Управлении кадров военного ведомства. Наконец, главное: начальник Генерального штаба заявил, что полная замена срочников на контрактников вполне разумна, но Минобороны хочет убедиться в том, что набираемые контрактники нормально подготовлены, и если программа увеличения их числа до 2017 года окажется успешной, то можно будет подумать и об окончательной отмене призыва.

Полученное столь мучительным образом понимание того, что призыв не может быть основой современных боеспособных Вооруженных сил можно считать важнейшим позитивным итогом реформы наряду с ликвидацией кадрированных соединений и радикальным сокращением офицерского корпуса.

Но этим, пожалуй, исчерпываются достижения реформаторов. В стране наступали новые времена, а они свое дело сделали. 19 марта 2012 года Дмитрий Медведев провел свою последнюю коллегию министерства обороны в качестве президента, а Анатолий Сердюков — в качестве министра. Оба высших руководителя констатировали, что военная реформа (наконец-то они рискнули назвать происходившее правильными словами) «практически» осуществлена. Эта реформа стала одним из немногих, если вообще не единственным достижением президентства Медведева, которому можно предъявить длиннющий список претензий из-за так и не реализованных намеков и обещаний. Про свободу, которая лучше, чем несвобода, про модернизацию, которая сменилась путинской реакцией — эти претензии можно длить до бесконечности. Репутация Сердюкова была еще хуже. Человек, уволивший около 200 тысяч человек, не может быть любимым по определению. Прибавьте к этому явное нежелание заниматься собственным пиаром, жесткость (если не откровенное хамство) в отношениях с подчиненными.

И вот эти два человека — Медведев и Сердюков — подвели некий итог на коллегии военного ведомства. Медведев: "личный состав и руководство Вооруженных сил на деле показали умение решать тактические и стратегические задачи". "В целом в результате проведенных

преобразований мы имеем новые Вооруженные силы. Они куда в большей степени отвечают современным угрозам и способны дать ответ на потенциальные угрозы в наш адрес"¹¹⁸, - подытожил Верховный главнокомандующий. Основная грязная работа была выполнена. Предстояли парламентские и президентские выборы. Пора было назначать козла отпущения.

После той коллегии пути Медведева и Сердюкова разошлись. Бывший президент в награду за истовое местоблюстительство получил место премьера. А вот Сердюкову, которому Путин и обязан своими будущими успехами в международных делах, была уготована иная судьба. Рассчитывая на поддержку главы государства, Сердюков начал серьезный конфликт с производителями вооружений. Борясь за резкое снижение цен, он противопоставил себя группе чрезвычайно влиятельных чиновников, в числе которых называют бывшего тогда главой президентской администрации Сергея Иванова, вице-премьера Дмитрия Рогозина, главу «Ростеха» Сергея Чемизова. На кону были 20 триллионов рублей, которые должны были быть истрачены на амбициозную программу перевооружения. И они пошли ва-банк.

25 октября проводится обыск в квартире Евгении Васильевой, главы департамента имущественных отношений Минобороны. Пресса с удовольствием смакует подробности, предоставленные следователями: ранним утром в квартире Васильевой находился Сердюков. Здесь важны были не столько намеки на адюльтер, сколько вопрос, как могли следователи без спросу войти в помещение, где находится охраняемое лицо. Стало ясно, что противники Сердюкова по меньшей мере рассчитывают на нейтралитет главы государства.

Следственные действия: обыски и допросы, – посыпались как горох из драного мешка. Между тем обвинение было более чем шатким. Руководителей «Оборонсервиса» и чиновников Министерства обороны обвиняли в том, что они распродавали собственность по заведомо заниженным ценам. При этом следствие опиралась на заключение своих экспертов, игнорируя другие экспертные заключения. В поиске компромата самому Сердюкову предъявляли и вовсе анекдотичные претензии. Летом 2011 года Владимир Путин довел до сведения Дмитрия Медведев, что намерен вернуться в Кремль. По иронии судьбы историческая встреча имела место на турбазе «Житное» в Астраханской области. Пройдет всего два года и Следственный комитет возбудит уголовное дело против Сердюкова, обвинив его в отдании устного приказа о строительстве дороги к турбазе и ее озеленении. Вину правоохранители усмотрели в том, что дорогу прокладывал батальон железнодорожных войск, а деревья высаживали солдаты-срочники из близлежащей авиационной части. «То есть вместо службы и обучения военному делу

¹¹⁸ <http://www.newsru.com/russia/20mar2012/medvedevdefence.html>

одни солдаты занимались высаживанием тополей в астраханской степи, а другие прокладкой не железнодорожных путей, а автодорог. В итоге была построена дорога, которой могли пользоваться лишь владельцы и посетители объекта частной собственности "Житное"¹¹⁹, — отметил представитель Следственного комитета Владимир Маркин, благоразумно умолчав о фамилиях и должностях тех самых «посетителей объекта частной собственности».

Но это произойдет в ноябре 2013-го. А за полтора года до этого, 20 марта 2012 началась настоящая вакханалия государственных медиа. Мог ли еще недавно могущественный путинский сановник представить, что с ним будут обращаться как с Ходорковским или с Касьяновым, - в общем как с врагом государства. Все каналы центрального телевидения обличали Сердюкова. Причем по степени разнузданности происходившее можно сравнить разве что с пропагандистским прикрытием разгрома ЮКОСа. Но я что-то не припомню, чтобы даже тогда жертву кампании сравнивали с «немецко-фашистскими захватчиками». При этом нет сомнений, что не президент являлся инициатором травли Сердюкова. Хотел бы сместить – отправил бы в отставку несколько месяцев назад, когда тот хотел уйти сам. Более того, Путин демонстративно принял Сердюкова в тот день, когда в «Оборонсервисе» проходили обыски. В былые времена это означало бы очевидную поддержку. Ибо всем известно, что предназначенных к закланию Путин аудиенции не удостоивает. Но сигнал не сработал. Это стало ясно, когда итоговые новостные программы федеральных каналов начались именно с этого сюжета, окрашенного в откровенно антисердюковские краски. Стало быть, бюрократические кланы стали действовать, не спрашивая у Путина разрешения, лишь ставя его перед фактом.

И вот 6 ноября 2012 года исполнилась многолетняя мечта российского генералитета. Президент Путин подписал указ об увольнении Анатолия Эдуардовича Сердюкова, человека, который провел самый болезненный этап военной реформы – фактически единственной реальной реформы за последнее десятилетие. Всего несколько месяцев назад, сразу после президентских выборов, сам Сердюков не скрывал, что желал бы покинуть должность. Путин тогда не позволил: мол, следует завершить начатое большое дело. И вот теперь Сердюкова вынудили уйти. Уволен он был без всякого почета, не как успешный реформатор, а как человек, оказавшийся в центре коррупционного скандала. В нашем Отечестве у реформаторов всегда непростая судьба. «В России возможно все, кроме реформ», написал однажды Оскар Уайльд.

¹¹⁹ <http://classic.newsru.com/russia/28nov2013/serdukov.html>

2. Назад, вперед – марш!

Перед президентом встал непростой вопрос: найти человека, которой в ситуации, когда все ждали полного отказа от сердюковских реформ, сможет их сохранить. И выбор его пал на человека, который сделал действия в форс-мажорных обстоятельствах своей профессией.

Персонажи. Менеджер и царедворец

С задачей такой сложности мог справиться только один человек. Тот, кто провел более 20 лет в министерском кресле, неколебимо выстояв при всех российских политических бурях. Тот, кто любим как российским народом, так и всеми российскими начальниками. Министром обороны был назначен Сергей Кужугетович Шойгу, за полгода до этого, в мае 2012-го избранный губернатором Московской области. Надо сказать, Вооруженным силам снова достался руководитель, который обладает выдающимися организаторскими способностями. Но Шойгу - в отличие от Сердюкова – еще и искуснейший царедворец, отлично знающий как угодить каждому конкретному руководителю.

Родился Сергей Шойгу на самой окраине советской империи: в небольшом тувинском городе Чадан. Несмотря на то, что отец, по должности (он был редактором районной газеты) входил, конечно, в местное начальство, мальчик вел отнюдь не «элитарную» жизнь. Не зря у него была дворовая кличка «Шайтан». Усердием в учебе уж точно не отличался (теперь министр объясняет это свободолобивым характером), участвовал в массовых драках стенка на стенку, на спор переплыл бурлящий Енисей, а также форсировал реку и во время ледохода, перепрыгивая с льдины на льдину и однажды прыгнул с 10-метрового моста в серединку камеры колеса от трактора "Беларусь". Пределом его мальчишеских мечтаний была работа шофером-дальнобойщиком. Что же, наверное, такое детство лучше формирует будущего руководителя-силовика, нежели сидение за книжками.

Впрочем, недостаточная усидчивость не помешала Сергею Шойгу поступить в Красноярский политехнический институт и окончить его по специальности инженер-строитель. Дальше – десять лет работы в строительстве. С 1977 по 1978 год — мастер треста «Промхимстрой» в Красноярске; с 1978 по 1979 год — мастер, начальник участка треста «Тувинстрой» в Кызыле, с 1979 по 1984 год — старший прораб, главный инженер, начальник строительного управления СУ-36 треста «Ачинскалюминстрой» в Ачинске, с 1984 по 1985 год — заместитель управляющего трестом «Саяналюминстрой» в Саяногорске, с 1985 по 1986 год — управляющий трестом «Саянтяжстрой» в Абакане, с 1986 по 1988 год там же — управляющий трестом «Абаканвагонстрой». Такой карьерный рост – за десять лет от простого мастера до управляю-

щего трестом, строившего крупный завод - не слишком характерен для времен позднего СССР, где начальники занимали свои руководящие места пожизненно.

Разумеется, не обошлось без поддержки сверху. Мало того, что отец Шойгу стал к тому времени заместителем председателя правительства Тувы. Он водил дружбу с еще более влиятельным партийным сановником – первым секретарем обкома Свердловской области Борисом Ельциным, у которого, как говорят, маленький Сережа сиживал на коленях. Наконец, протекцию оказывал и секретарь ЦК КПСС Олег Шенин. "Сережа женат на дочери нашего бывшего соседа по Ачинску Александра Антипина. Александр тогда работал главным инженером треста «Ачинскалюминстрой». А мой муж в то время был первым секретарем горкома партии, - вспоминала в интервью журналу «Профиль» жена Шенина Тамара.- Мы очень дружили с этой семьей, и муж взял шефство над Сережей. Когда мы переехали в Абакан, муж специально создал для Сергея трест "Абаканвагонстрой" и растил из него нового руководителя Тувы. Позже он сделал его секретарем Абаканского горкома КПСС по строительству. Когда же в 1991 году муж, член ГКЧП, был арестован и находился в Матросской тишине, Сережа исчез и появился лишь тогда, когда общественное мнение по отношению к нам изменилось. Первый раз он позвонил мне домой, и мы тайно встретились с ним во дворе. Позже, когда муж вышел на свободу, Сергей пришел к нам в гости. Тогда он сказал мужу: "Я сволочью никогда не был и не буду. Вы мой второй отец".¹²⁰

Но блат блатом, но все-таки карьеру Шойгу делал не в кабинетах, а на крупных советских стройках. Для успеха там нужны были отменные качества руководителя, способность командовать тысячами опустившихся бедолаг, включая и бывших зеков (которые и составляли основную рабочую силу), смелость, быстрота в принятии решений. И Сергей Шойгу, похоже, обладал этими качествами. И главное, – успешный строительный руководитель обязан иметь системное мышление, способность выстраивать многоуровневые схемы – куда направить бригады, куда подвести материалы, как обеспечить жильем и питанием рабочих. Причем создавать такие системы необходимо ежедневно, в режиме реального времени. Это талант сродни полководческому. И Шойгу доказал, что в полной мере этим талантом обладает. Как было положено в те годы, перспективный руководитель должен был пройти школу партийной работы. И вот наш герой – второй секретарь Абаканского горкома, а оттуда – прямой путь в Академию общественных наук при ЦК КПСС. На одном курсе с Шойгу – молодые, подающие надежды, начальники – будущий либеральный томский губернатор Виктор Кресс, выбившийся из агрономов, и будущий спикер Госдумы Иван

¹²⁰ Славутинская Инесса. Министр в чрезвычайной ситуации. Профиль. 04 октября 1999

Рыбкин. Там Шойгу, благодаря знакомству с сибирскими депутатами, попадает в некий «список кадрового резерва». И вот уже первый председатель российского правительства Иван Силаев рекомендует Шойгу на должность руководителя Государственного комитета по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС. Но тут происходит столь редкая для карьеры Сергея Кужугетовича осечка: Верховный Совет РСФСР не проголосовал за него. Обиду он сохранил на всю жизнь. «Что интересно, сегодня люди, которые присутствовали на том заседании, все как один утверждают: «Ну, я-то, правда, голосовал за тебя!» Хотя с уверенностью могу сказать, что немногие тогда сделали это»¹²¹, - вспоминал он двадцать лет спустя в интервью журналу «Итоги».

Но Ивану Силаеву очень не хотелось отпускать очень перспективного молодого руководителя. Шойгу обладает способностью правильно подать себя, понравится начальству. И вот его назначают заместителем председателя Госстроя России. Там ему решительно не понравилось («оказался неспособен к бумажной работе» - констатирует Сергей Кужугетович). Он пишет заявление об отставке. Но Силаев по-прежнему не желает его отпускать.

17 апреля 1991 года Президиум Верховного Совета РСФСР утверждает Шойгу руководителем корпуса спасателей России. «Вышел с заседания с тоненькой папочкой, в которой лежало только распоряжение о моем назначении на должность руководителя корпуса... Отношение было такое: вам это поручили, вот и решайте сами свои проблемы»¹²², вспоминал Шойгу. Вот здесь-то и дал себя знать недюжинный организаторский талант Сергея Кужугетовича. Буквально за несколько месяцев в стране, которая буквально трещала по швам, была создана эффективная работающая структура. Шойгу с удовольствием вспоминает теперь, что он уже мог потерять должность буквально через две недели после назначения. 29 апреля произошло землетрясение в южно-осетинском поселке Джава, и Силаев потребовал доложить, какие меры принимаются. Шойгу не стал ссылаться на то, что у структуры им возглавляемой есть разве что громкое название: ни сотрудников, ни помещения, ни оборудования. Сработал инстинкт строительного начальника, для которого аврал – постоянное состояние. Он быстро собрал работников контрольно-спасательной службы, с которыми ходил в экспедиции еще когда работал в Сибири. На оплату авиабилетов пошли деньги, полученные в качестве подъемных. На следующий день российские спасатели были уже во Владикавказе, о чем глава спасательной службы доложил высшему руководству страны.

Но громко заявить о себе было недостаточно. Надо было обживаться в столице. И руководители свежесозданного ГКЧС нахально вселяются

¹²¹ Виталий Дьячков. Первый спасатель. Итоги. №51. 2010

¹²² Ibid

в здание оборонного НИИ на Красной Пресне, попросту выгнав директора из кабинета. Впрочем, до путча 1991-го российский госкомитет имел немного шансов развернуться – ведь существовала общесоюзная Госкомиссия по чрезвычайным ситуациям, обладавшая полномочиями, штатами и немалыми ресурсами. Теперь Сергей Кужугетович не любит вспоминать свое участие в подавлении мятежа ГКЧП (хотя первую свою госнаграду – медаль «Защитнику свободной России» - нынешний обладатель высших государственных отличий получил именно за это). Он отделывается кратким сообщением, что «обеспечивал с ребятами связь». Собрали, мол, радиолюбителей на крыше Белого дома и развернули радиостанцию, чтобы передавать из осажденного здания сообщения по всей стране. Забегая вперед, замечу, что столь же немногословен он и когда рассказывает о событиях 1993-го (хотя, как говорят, именно он обещал Егору Гайдару 1000 «калашниковых», чтобы вооружить добровольцев в охваченном мятежом городе).

После развала СССР, России надо было создавать собственную спасательную службу. До осени 1991 в ГКЧС работали 16 штатных сотрудников и 60 добровольцев. Однако уже в ноябре Шойгу получил «подарок», от которого сначала хотел отказаться. Ему передали войска гражданской обороны (19 полков – почти 10 тысяч военнослужащих). Сказать, что в советские времена у войск ГО была дурная слава, значит, ничего не сказать. Полки ГО были ничуть не лучше печально известных стройбатов – туда отправляли проштрафившихся офицеров и совсем уж ни к чему не годных призывников. И за три года Шойгу превратил их в отборные воинские части. Конечно, ему помогло то, что именно тогда от унижительного безденежья из армии, спецподразделений других силовых ведомств стали массово увольняться кадровые офицеры. Именно ими и были укреплены части ГКЧС.

Их боевой опыт тут же пригодился. Бывший СССР охватили кровавые братоубийственные конфликты: югоосетинский, абхазский, приднестровский, гражданская война в Таджикистане. И везде еще до заключения соглашений о вводе миротворцев в зоне боевых действий оказывались Шойгу и его сотрудники. Это они вывозили тысячи беженцев из Ткварчели и Душанбе. Это они доставляли продовольствие в Цхинвали и Приднестровье, проводили гуманитарные конвои в Югославию, спасали стариков и детей в Чечне. По словам Шойгу, священник, встречавший в Сочи десантные корабли с беженцами из Абхазии, сказал: «Вам за эту работу будут прощены все грехи ваши на два поколения вперед». Сказаны были эти слова или нет, на самом деле – неважно. Думаю, что под ними подпишется любой, кто жил в России в 1990-е.

Именно тогда, в 1992-ом Сергей Шойгу из старшего лейтенанта запаса сразу превратился в генерал-майора. Годом позже стал генерал-лейтенантом. В подавляющем большинстве случаев присвоение граж-

данскому человеку высокого военного звания является профанацией и, как правило, вредит делу. Однако в данном случае, следует признать, это имело смысл. Волей обстоятельств, Шойгу пришлось координировать настоящие военные операции с участием армейских соединений и частей МВД. Чтобы наладить такое взаимодействие воинское звание было необходимо. Но оно, не слишком помогло бы, не обладай, повторю, Шойгу поразительным организаторским талантом.

За 20 лет Шойгу превратил Российский корпус спасателей из маленькой группы в 16 человек в современное мощное ведомство, штат которого составляет около 350 тысяч служащих. Эффективность эмчээсовцев особенно бросалась в глаза на фоне беспомощности местных начальников, способных лишь разводить руками, стоя на развалинах. У российских спасателей был чрезвычайно высокий международный авторитет. «МЧС – это уникальная по своей организованности и слаженности структура, которая отвечает стандартам аналогичных служб на Западе», – говорил мне в середине 2000-х ведущий научный сотрудник Королевской военной академии Великобритании Крис Доннелли. А он знал, что говорит: все 90-е Доннелли занимал должность специального советника генерального секретаря НАТО по вопросам Центральной и Восточной Европы и организовывал совместные учения подразделений МЧС и соответствующих натовских служб. Имея колоссальный опыт работы в условиях всевозможных катастроф, МЧС не страдало в отличие от прочих силовых структур комплексом неполноценности. Шойгу вовсе не боялся идти на контакт с западными коллегами. Показательно, что именно в НАТО, где к 2000-м уже почти истаяли надежды на реформирование российского военного ведомства (а без него невозможно стратегическое сотрудничество), родилась теория о том, что, может быть, как раз войсковые формирования МЧС представляют собой прообраз будущей российской армии. И в этом были резоны.

МЧС последовательно вело дело к тому, чтобы формировать свои части на добровольческой основе. На руководителей МЧС не давил груз имперского прошлого, они не собирались готовиться к войне со всем миром – у них реальных проблем было достаточно. И они на собственном опыте не раз имели возможность убедиться, что решать их гораздо проще в сотрудничестве с западными партнерами. Все, кто сталкивался с солдатами-спасателями, отмечали их выучку, дисциплину, высокую мотивацию – все те качества, которых так не хватало российской армии.

В условиях, когда на обломках одной политической системы мучительно рождалась другая, люди, которые были предназначены оберегать государство: военные, милиционеры, чекисты, - демонстрировали во всех критических ситуациях поразительную бестолковость, а зачастую циничное равнодушие. И вдруг появился человек, который всех спасал,

кормил и обогревал. За время, пока Шойгу командовал МЧС, было проведено больше четырех сотен гуманитарных и спасательных операций. Землетрясение в Нефтегорске, ленское наводнение, авиакатастрофа в Иркутске, захват школы в Беслане, пожар в клубе «Хромая лошадь» теракты в метро взрывы домов. Везде, где появлялся глава МЧС, тут же прекращалась паника и неразбериха. И дело было не только в разумных распоряжениях, обеспечивавших работу. Если необходимо, министр был готов сам засучить рукава. Рассказывают, что, не обнаружив рабочих, которые могли бы разнести батареи на все этажи дома с размороженной теплосетью, министр заставил делать это всю свою свиту. И, конечно, таскал батареи сам.

Так что то, что он стал всенародным любимцем, было вполне заслуженным. Министерства по чрезвычайным ситуациям стало без всяких специальных усилий со стороны Сергея Шойгу в России самым главным ведомством. Руководитель МЧС появлялся на телеэкранах не реже российского президента. И вовсе не из-за рвения своих имиджмейкеров. Просто в стране что-то постоянно взрывалось, рушилось, сгорало, замерзало и разливалось. Для страны, существование которой представляло собой одну нескончаемую чрезвычайную ситуацию, чрезвычайно важны те, кто спасает, восстанавливает, тушит и обогревает. Шойгу создал службу, которая умела это делать. И, разумеется, власть стала эту любовь эксплуатировать. С самого начала своего пребывания на посту руководителя спасательной службы России (то есть с 1991 года – Шойгу самый «старый» министр страны) и вплоть до наступления путинской эры Сергей Кужугетович демонстративно отказывался обозначать свои политические взгляды и пристрастия – не вступал ни в какие блоки, не высказывался по идеологическим вопросам, отказался принять участие в предвыборной кампании президента Ельцина. В ответ на вопросы на эту тему лишь отмахивался: «МЧС – не политическая, а гуманитарная структура. Мы помогаем людям вне зависимости от их политических и идеологических пристрастий»¹²³.

Однако, когда в 1999 году стало очевидно, кому предстоит в ближайшие годы управлять Россией, Шойгу понял, что дальше блюсти политическую невинность не получится. И согласился участвовать в создании пропутинского блока «Единство». Сегодня можно смело говорить, что своей впечатляющей победой над лужковским «Отечеством» на думских выборах 1999 года новоиспеченный блок обязан не только и не столько тому, что шел под знаменами уже весьма популярного Владимира Путина. Успех обеспечило прежде всего то, что блок возглавлял всенародно любимый глава спасательного ведомства. С тех

¹²³ Александр Гольц, Александр Рыклин. Министр в чрезвычайном положении. Еженедельный журнал №110, 2004

пор Сергей Шойгу на протяжении всех лет путинского правления демонстрировал абсолютную лояльность действующей власти, намеренно подчеркивая отсутствие личных политических амбиций. А это принципиально важно для того, чтобы оставаться в числе путинских приближенных. Глава российского государства, как мы знаем, чрезвычайно ревниво относится к чужой популярности. А тут человек, который годами, если не сказать десятилетиями, занимает вторую строчку во всех рейтингах популярности. Но Шойгу, как видим, следовал своей вполне успешной стратегией выживания.

Надо сказать, что периодически над головой министра МЧС сгустились тучи. Так было, например, в 2004 году, когда по чиновничьей Москве вдруг поползли слухи о скором упразднении спасательного ведомства. Нельзя не вспомнить, как в 2006-м была раскрыта банда, состоявшая из работников МУРа, которую возглавлял генерал-лейтенант Владимир Ганеев, руководивший службой безопасности МЧС. В ходе расследования именно этого дела возник термин «оборотни в погонах». Но Сергея Кужугетовича вполне можно назвать «тефлоновым» министром. Неприятности к нему не прилипают. Его сподвижники обладают способностью заминать в зародыше любой намек на скандал. Скажем, судя по статистике, пресловутая дедовщина наличествовала и в частях МЧС. Однако ни один случай не вышел на поверхность, не привлек внимания общественности.

И главное в непотопляемости Сергея Шойгу – это то, что он пришелся по душе Владимиру Путину. Он, пожалуй, единственный из приближенных – не чекист и не питерский. Сближение это произошло не сразу по воцарении Путина, а лишь во второй половине 2000-х. Они стали много времени проводить вместе на отдыхе. Причем это был точно тот слегка экстремальный отдых, который так нравится главе государства, противостоящему неизбежной старости. «Настоящий мужской отдых — это, с одной стороны, экстремальные вещи, а с другой — хотя бы кратковременное ощущение свободы и единения с природой. А еще там необыкновенные лошади! Не паркетные, а серьезные. Им снег по брюхо, а они идут по нему, как корабли. И скажу я вам, многих видел на своем веку, в том числе сибирских ребят, но немногие способны, как Владимир Владимирович, выдержать многочасовую езду верхом по сложнейшим горным тропам»¹²⁴, - повествует Сергей Кужугетович. Люди, вполне сведущие в московских кабинетных тайнах утверждают, что Российское географическое общество, которое возглавляет Шойгу, было воссоздано, чтобы выполнять функцию туристического агентства для одного – единственного человека – Владимира Путина. За всеми экстремальными эскападами национального лидера – кольцеванием касаток и тигров, нырянием в глубины Байкала и Черно-

¹²⁴ Виталий Дьячков. Первый спасатель. Итоги. №52.2010

го моря, полетами на дельтаплане вместе с журавлями – стоит фигура их организатора Сергея Шойгу.

Думаю, что в этом сближении немалую роль играет схожесть характеров и судеб. В общем, и Шойгу, и Путин – изначально жили по кодексу «порядочного» советского человека. В 60-70-е годы прошлого века были очень популярны песни бардов, воспевавших дворовое мальчишеское братство, как альтернативу картонным советским добродетелям, обязательно подразумевавшим лицемерие. Следование кодексу необъявленных достоинств парней из подворотни предполагало прежде всего верность дружбе, готовность при любых обстоятельствах прийти на помощь попавшему в беду товарищу, чувство благодарности к любому, кто сделал тебе что-то хорошее, готовность ответить за добро сторицей. Подозреваю, что об этом утраченном мальчишеском рае тоскует Владимир Путин в своем террариуме чекистов-единомышленников. И тут появляется Сергей Шойгу, спасатель, профессионал и экстремал. Человек, который ничего не просит, и, более того, готовый дать. Подозреваю, если у кого-то из путинского окружения и есть реальные шансы стать преемником – так это у Шойгу. Человека, у которого (в отличие от безвольного Медведева) хватит решительности, чтобы удержать власть. Но главное – выполнить обязательства перед ушедшим на покой главой государства. Точно также как Путин выполнил их в отношении Бориса Ельцина и его семьи.

Разумеется, успешное выживание в путинской византии не прошло бесследно и для Шойгу. Человек, который когда-то считал нужным демонстрировать, что напроочь не выносит лизоблюдства, сегодня считает нормой то, что его гигантские портреты красуются в каждом кабинете руководимого им ведомства. В любой, даже вполне доброжелательной, критике он видит теперь покушение на собственный авторитет и, что хуже, проплаченную «врагами» информационную кампанию. На вопрос: «Каких подчиненных предпочитаете: исполнителей, четко выполняющих ваши команды, или единомышленников?» он отвечает: «Единомышленников, четко выполняющих команды».

Итак, в конце 2012-го во главе военного ведомства оказался самый талантливый организатор из числа путинских приближенных, искуснейший царедворец и при этом народный любимец. Человек, чьи амбиции идут куда дальше должности министра обороны...

Спасти реформу и не посориться с генералами

6 ноября 2012 года Министерство обороны России возглавил человек, который конечно был способен увидеть несомненную пользу сердюковских реформ. Более того, при увольнении Анатолия Сердюкова и президент Путин, и премьер Медведев довольно высоко оценили болезненные реформы Вооруженных сил, которые тот проводил в по-

следние четыре года пребывания на министерском посту. Такая оценка давала ясный сигнал Шойгу: от него не ждут коренного пересмотра результатов реформ. О том же говорил президент на расширенной коллегии Минобороны 27 февраля 2013 года. Хотя многие тогда предсказывали резкий отказ от модернизации, Путин, скорее, оправдывал действия бывшего министра: "Опыт крупных, коренных военных реформ в истории нашей страны и в XIX, и в XX веке говорит о том, что сразу, что называется, с ходу идеальная модель никогда не достигалась. К некоторым вопросам приходилось обращаться по несколько раз в поисках так называемой золотой середины. Сегодня в планы военного строительства также могут и уже вносятся отдельные корректировки, уточнения"¹²⁵. Уволив Сердюкова, Путин явно рассчитывал сохранить давшие таким трудом плоды его реформ: "Нельзя следовать, безусловно, шаблоном, однако, и это тоже хочу подчеркнуть, постоянных шараханий, бесконечных ревизий ранее принятых решений быть не должно"¹²⁶.

Однако с той минуты, как Сергей Шойгу занял кабинет на шестом этаже здания на Арбате, он оказался под гигантским давлением так называемой армейской общественности, требовавшей решительного отказа от наследства предшественника. Так тогдашний председатель думского комитета по обороне адмирал Владимир Комоедов поспешил сообщить «Известиям», что в ближайшее время депутаты, день и ночь пекущиеся о народном благе, предложат новому министру увеличить срок службы в Вооруженных силах. «Срок нужно сделать полтора года... Сокращение службы до одного года было политическим решением, и это плохо влияет на боеготовность армии. Тем более мы вплотную подошли к демографической яме»¹²⁷, — сообщил бывший командующий Черноморским флотом.

Надо сказать, что Комоедов вполне адекватно описал тревожную ситуацию, которая происходила с призывом. Только вот Сердюков и бывший начальник Генштаба Николай Макаров предполагали решать эту проблему, наращивая количество «контрактников» и постепенно двигаясь к созданию профессиональной армии. Комоедов же (как большая часть генералитета) был уверен: контрактные Вооруженные силы — это «пузырь, который ткни, и он тут же лопнет». Адмирал твердо верил: защитить Россию может только массовая мобилизационная армия, с гигантским, как в советские времена, количеством резервистов. А такой резерв можно сформировать только из тех, кто прошел срочную службу. Следует отдать должное адмиралу Комоедову — он,

¹²⁵ Кира Латухина. Без команды «кругом». Российская газета. 28 февраля 2013

¹²⁶ <http://www.kremlin.ru/events/president/news/17588>

¹²⁷ Владимир Волошин. От Шойгу требуют увеличить срок службы в армии до полутора лет. Известия. 22 ноября 2012

как и положено профессиональному военному, увидел главное в сердюковской реформе — решительный отказ от массовой мобилизационной армии. Но Комоедов предлагал вернуться к советской модели, которая продемонстрировала полную неэффективность и во время чеченских войн, и в ходе конфликта с Грузией. В те же дни «Независимая газета» сообщила о письме, с которым к Сергею Шойгу обратились бывшие советские военачальники во главе с маршалом Дмитрием Язовым. Отставники потребовали провести «всестороннюю и открытую экспертизу результатов» работы Сердюкова. Военачальники рекомендовали «реанимировать систему управления Вооруженными силами», которая существовала до сердюковских реформ, а также «рассмотреть вопрос целесообразности реализации программ перехода ВС, других войск, воинских формирований и органов к единым системам тылового и технического обеспечения, воинского воспитания, а также стандартизации и унификации вооружения и военной техники»¹²⁸. Помимо этого они настаивали на "возобновлении подготовки приписного состава" и предлагали «провести научное обоснование и при необходимости пересмотреть установленную численность военнослужащих Вооруженных сил РФ в один миллион человек».¹²⁹ В общем, речь шла о полномасштабном возвращении к советской модели военного строительства.

Ситуация усугублялась решением Владимира Путина вернуть новому министру звание генерала армии (став на короткое время губернатором Московской области Шойгу вышел в отставку). Что возвращало ситуацию к 2007 году, моменту назначения Сердюкова. Ведь его предшественник, Сергей Иванов, тоже с гордостью носил генеральские звезды. Объясняя это путинское решение, окол Кремлевские комментаторы утверждали, что таким образом он пытается, мол, обеспечить свеженазначенного Шойгу авторитетом среди военных. Авторитетом, которым ни в малейшей степени не обладал всеми поносимый «маршал Табуреткин». При этом игнорировался тот факт, что как раз штатскому Сердюкову удалось то, что не могли совершить всего его предшественники-«погононосители». Он сделал то, что побоялся сделать сам Путин в 2001-м. Наконец, он сделал ровно то, что Путин хотел от него. А именно — он сломал неэффективную военную машину. И отсутствие у него погон и лампасов сыграло тут важную роль

Будь на Сердюкове мундир, у него ничего не получилось бы. Российские генералы — великие мастера лизоблудства и тонкие психологи. Они ловко создают у очередного начальника ощущение причастности к армейскому клану. На это, как показала практика, особенно падки генералы неармейские, которые где-то в глубине души догадываются,

¹²⁸ Владимир Мухин. Ветераны-военачальники предлагают оптимизировать армейские штаты. Независимая газета. 5 декабря 2012

¹²⁹ Ibid

что погоны они носят не слишком заслуженно. Между тем многозвездные погоны изначально предполагают и военное образование, и соответствующий опыт. В отличие от Сердюкова, министры при погонах опасались задавать военным простые вопросы, так как не хотели выглядеть некомпетентными. Таким образом, глава военного ведомства неизбежно оказывается в ложном положении, если он начинает считать себя частью военной корпорации. Что и произошло с Шойгу.

Впрочем, поначалу казалось, что Сергею Кужугетовичу удастся отделаться малой кровью: возвращением суворовцев и нахимовцев на парад Победы, восстановлением спортивных рот и прекращением переселения Военно-медицинской академии из центра Санкт-Петербурга. Однако ограничиться полумерами не удалось. Генералитет требовал ясных сигналов о том, что добрые старые времена вернулись полностью. И вот министр решает восстановить Главное управление боевой подготовки — это был первый, но, увы, не последний удар по смыслу реформ. Логика упразднения этого управления заключалась в том, что ответственность за боевую подготовку возлагалась на главные командования видов Вооруженных сил. При этом главкоматы ранее были лишены возможности непосредственно управлять войсками. Все оперативное руководство — сухопутными бригадами, силами авиации и флота — должно было находиться в руках командующих округами. В такой структуре командования воплощалась одна из важнейших идей реформаторов — реализация в России концепции "объединенной операции", когда соединения всех видов Вооруженных сил и родов войск действуют под единым командованием (как мы помним, война с Грузией продемонстрировала, что авиация и сухопутные войска России воевали весьма разобщенно). На основе военных округов Сердюков создал объединенные стратегические командования, в которых командующим подчинены не только сухопутные соединения (как было прежде), но также силы авиации и флота, размещенные на территории округа. Но с восстановлением Главного управления боевой подготовки, главкоматам уже нечем было заняться. Главнокомандующие видами Вооруженных сил были обречены вмешиваться в управление войсками в округах.

А в феврале 2013-го Шойгу объявил о возвращении должностей заместителей командиров по воспитательной работе: "Считаю их наличие обязательным, будем восстанавливать. Однако принципиально важно готовить воспитателей, а не относиться к ним как к "рудименту советского времени". Нельзя допустить, чтобы в армии воспитатель был "замом по общим вопросам". Это должен быть профессионал. Он обязан знать, как живет солдат, чем живет, кто из личного состава курит, кто пьет, какая у ребят дома обстановка. Он должен уметь работать с

душой солдата"¹³⁰... Уже из этой цитаты видно, что, как ни старался министр избавиться от "рудиментов советского прошлого", недогнущая рука какого-то отставного политработника уверенно вписывала в интервью министра суконные фразы про душу солдата... Анатолий Сердюков, служивший рядовым в Советской Армии, не испытывал никаких сантиментов по отношению к военным воспитателям. Тем более, что в Вооруженных силах США и других западных стран, к опыту которых он присматривался, никаких офицеров-воспитателей нет вовсе. Посему именно с них в 2009-м начались широкомасштабные сокращения. Из 17 с половиной тысяч военных воспитателей, работавших в армии и на флоте в 2008 году, к 2010-му было сокращено более 12 тысяч. Но помимо полной ликвидации 70 процентов таких должностей, около 30 процентов, оставленных в штатах, были переведены из офицерских в гражданские. А сам ГУВР перешел в подчинение Главному управлению кадров (ГУК). Но уже через год, в 2011-м, начальник ГУКа генерал-лейтенант Виктор Горемыкин заявил, что необходимо немедленно восстанавливать систему воспитательной работы. При этом Горемыкин еще в 2011-м, настаивал на том, чтобы офицеры по воспитательной работе получили статус заместителей командира. Объяснялось это тем, что при отсутствии воспитателей в казармах расцвело хулиганство.

Проблема, конечно же, заключалась не в нехватке офицеров-воспитателей. Проблема — в отсутствии нужного количества взрослых людей в российской казарме. Решить ее было бы гораздо проще, подготовив необходимое число младших командиров на краткосрочных курсах. Однако российскому генералитету очень хотелось направить Шойгу по проторенному пути. Падает дисциплина — восстанавливаем систему спецов-"душеведов". О том, что «ведать» душами 18-летних пацанов будут 22-летние "воспитатели", никто особенно не задумывается. Ведь впереди уже маячили замечательные перспективы развертывания сети учебных заведений. И вскоре последовали разработки всевозможных курсов по "патриотическому" и "культурному" окормлению солдатских душ.

Впрочем, если бы дело ограничилось лишь этими отступлениями к советскому прошлому, можно было бы констатировать: Шойгу, опытный манипулятор, действительно обошелся малой кровью. Однако среди его отступлений было и то, которое ставило крест, если не на самой реформе, то уж точно на надеждах, что ее можно будет продолжить, перейти, наконец, от количественных сокращений к качественной модернизации. 15 ноября 2013-го Верховный главнокомандующий Путин провел в рязанском воздушно-десантном училище совещание по разви-

¹³⁰ Сергей Шойгу: "Реформе нужен здравый смысл". Комсомольская правда. 12 февраля 2013

тию военного образования. И он сам, и министр обороны Сергей Шойгу сказали в этот день много правильных слов о том, что знания и навыки будущих офицеров должны соответствовать требованиям современной войны. Путин даже поведал, как он, Верховный главнокомандующий, эту войну представляет: «Уже сейчас Вооруженная борьба будет принимать интеллектуальный характер. Она будет очень похожа на компьютерные игры с минимальными человеческими жертвами и максимальным применением техники»¹³¹. Президент знал и то, каким образом научить будущих командиров премудростям такой вот интеллектуальной войны: «Для этого нужно запускать самые эффективные образовательные программы, постоянно анализировать, как выпускники служат в войсках, какие знания и навыки, полученные в училищах и академиях, они применяют, а какие остаются невостребованными. На этой основе нужно оперативно корректировать учебные программы, совершенствовать обучающие технологии, внедрять в учебный процесс всё новое, что есть в нашей стране и за рубежом, учитывать в подготовке кадров вероятные изменения в характере вооружённой борьбы»¹³².

Все эти сугубо общие и правильные слова произносились российским начальством последние лет сто. И всегда с одним и тем же результатом. В военно-учебных заведениях как готовили, так и продолжают готовить слушателей к давно прошедшей войне. На все это говорение можно было бы не обращать внимания. Если бы не одно, чрезвычайно важное обстоятельство.

Указывая на необходимость завершить уже в 2014 году «оптимизацию» системы военно-учебных заведений, Путин заявил: «Считаю принципиально важным сохранить ряд военных академий в качестве самостоятельных образовательных учреждений. Это Михайловская артиллерийская академия, Военная академия войсковой противовоздушной обороны, Академия воздушно-космической обороны, Академия радиационной, химической и биологической защиты»¹³³. А Сергей Шойгу пошел еще дальше. Сообщив, что в настоящее время система военных образовательных учреждений состоит из 18 вузов и 15 филиалов, он предложил «возвратить филиалам статус самостоятельных образовательных организаций, воссоздать исторически сложившуюся типологию военных вузов: академии, университеты и училища»¹³⁴.

Что Верховный главнокомандующий, что министр обороны предпочли забыть, как меньше двух лет назад тогда еще кандидат президенты по фамилии Путин описывал совсем другие успехи военной реформы:

¹³¹ kremlin.ru>events/president/news/19631

¹³² Ibid

¹³³ Ibid

¹³⁴ <http://ria.ru/society/20131115/977196642.html>

«Формируются 10 крупных научно-учебных центров. Все эти учреждения встроены в жесткую вертикаль и в зависимости от прохождения службы дают офицерам возможность постоянно повышать свой уровень»¹³⁵.

Конечно же, Шойгу был прав, когда говорил о сложностях управления филиалами военных вузов в ситуации, когда головной институт находится в тысячах километров. Однако с самого начала предполагалось, что филиалы эти сохраняют только на переходный период. Ведь при резко сократившейся в результате реформы потребности в офицерских кадрах в провинциальных военных училищах на 200 курсантов приходилось по 700-800 преподавателей, технических сотрудников и обслуживающего персонала. И, главное, уровень тамошнего образования был, мягко говоря, невысок. Сердюковские реформаторы и предлагали собрать все эти мелкие училища в крупные научно-учебные центры (по видам Вооруженных сил и родов войск). Теперь же объявленные филиалами училища восстановили свой статус. Можно ли всерьез рассчитывать, что 33 военно-учебных заведения, разбросанные по всей России, смогут обеспечить тот небывало высокий уровень образования, которого так страстно желают (по крайней мере, на словах) главные начальники страны?

И то, что военно-учебные заведения теперь вновь подчинили главкоматам соответствующих видов Вооруженных сил, тоже отнюдь не обеспечило эффективную подготовку к будущим войнам. Ведь в этих войнах главную роль будут играть не просто сверхсовременные технологии, а способность личного состава быстро эти технологии осваивать. Таковую способность может дать только изучение фундаментальных наук. Кураторы же вузов из главкоматов, решая свои узковедомственные задачи, требовали, чтобы курсанты овладевали практически навыками (прежде всего навыками военной службы). Навыками, которые могут оказаться совершенно бесполезными при смене поколений вооружений.

Наконец, Сергей Шойгу предложил отказаться и от главной идеи реформы военного образования. Существование объединенных научно-учебных центров обеспечивало, как отмечал в своей статье кандидат в президент Путин В.В., непрерывное образование офицеров. Реформаторы посчитали совершенно нерациональным то, что лучшие офицеры почти половину службы (около 10 лет) проводят не в войсках, а на учебе: сначала училище (5 лет), потом три года «видовой» академии, а потом еще два — в Академии Генштаба. Они предлагали вообще отказаться от видовых академий, а обучение в Академии Генштаба сократить до нескольких месяцев. Сначала будущие лейтенанты получали бы

¹³⁵ Владимир Путин: "Быть сильными: гарантии национальной безопасности для России". Российская газета. 20 февраля 2012

базовое военное образование. А потом, став офицерами, обучались бы всю службу, не покидая армии. Для получения очередной должности и звания командир обязательно должен был пройти очередные не слишком длительные курсы, освоить новые знания и умения в какой-то конкретной области.

Теперь, по Шойгу, все должно вернуться к старой, по сути, советской системе военного образования. На сердюковской реформе образовательной сферы поставлен крест. Но дело, к сожалению, не ограничивалось лишь этим. Система, к которой вернулось военное ведомство, нацелена на «расширенное воспроизводство». Чтобы оправдать свое существование, каждое училище и академия с помощью лоббирования (которое уже показало свою эффективность во время противостояния Сердюкову: всегда найдется высокопоставленный выпускник, готовый порадовать своей альма-матер) начали бороться за максимальное количество курсантов. Между тем, только к концу 2013-го Минобороны планировало обеспечить офицерскими должностями выпускников 2010-2012 годов, все еще находившихся на сержантских позициях. Мало этого, министерство обороны добилось продления срока службы офицеров на пять лет. Понятно, что возможностью служить подольше тут же воспользовались старшие офицеры — майоры и подполковники. Начальник управления кадров министерства генерал Виктор Горемыкин сообщил, что в 2014 году продления службы добивались больше 26 тысяч человек. По моим подсчетам численность офицерского корпуса уже к 2016 году превысила 241 тысячу¹³⁶. Избыток офицеров, напомним, — характернейшая черта массовой мобилизационной армии. Офицеры нужны для того, чтобы кем-то командовать. В российском случае неважно, будут это реальные солдаты или клеточки в штатном расписании. В итоге довольно скоро будет объявлено: армии просто позарез нужны части и соединения сокращенного состава.

При этом следует отдать должное Сергею Шойгу. В том, что касается системы комплектования Вооруженных сил, он не поддался нажиму и продолжил курс предшественника на построение добровольческой армии. Почти через год после своего назначения, в сентябре 2013-го, он, он, изучив аргументы сторонников восстановления призывной армии советского образца, пришел к прямо противоположным выводам: "Хотим мы этого или не хотим, но армия должна стать контрактной, либо мы должны рекрутировать призывников как минимум на пять лет. Сложность систем вооружений такова, что мы призывника хоть за год, хоть за два не подготовим к тому, чтобы он мог воевать на этом оружии"¹³⁷. Более того, Шойгу сообщил, что количество срочников сокра-

¹³⁶ Александр Гольц. Что маскируют победные религии. Ежедневный журнал. 14 декабря 2015. <http://www.ej.ru/?a=note&id=29067>

¹³⁷ <http://www.rosbalt.ru/main/2013/09/17/1176790.html>

тяться на тысячи и пообещал уже в ноябре сообщить конкретные цифры.

Министр не обманул и в конце года объявил: одной из важнейших целей Минобороны является доведение количества контрактников до 499 тысяч военнослужащих. Если бы цель была достигнута, это означало бы фактический отказ от обязательного призыва. Подсчет простой: плюсуем 220 тысяч офицеров и 499 тысяч контрактников, а также 20 (по другим оценкам, 60) тысяч курсантов военных училищ. Если учесть, что объявленная численность Вооруженных сил — один миллион, то получается, что количество солдат срочной составит около 220 тысяч (сейчас около 320 тысяч). А уже в 2015 году военное ведомство с гордостью сообщило о замечательном результате: количество контрактников составило 352 тысячи и впервые в истории превысило число срочников. Однако перспективы этой программы выглядят не слишком радужными. Согласно планам Минобороны, озвученным на итоговой коллегии в конце 2016 года, число контрактников составило 384 тысячи. То есть их стало больше лишь на 32 тысячи. Но еще недавно военное ведомство заявляло: к концу 2016 года необходимо набрать 400 тысяч контрактников. В условиях финансовых трудностей (хоть в Кремле и заявляют, что военный бюджет сокращен не будет) Минобороны явно само себе облегчило задачу.

Еще интереснее то, что, по официальным данным в 2016-м году была достигнута всего лишь 93-процентная комплектация Вооруженных сил. То есть их численность выросла на 10 тысяч человек. При том, что, повторю, только контрактников будет набрано дополнительно 32 тысячи. Очевидно, продолжается обещанное демографами дальнейшее уменьшение мобилизационного ресурса — тех, кого можно призвать в армию.

При этом минобороны должно еще разрешить две серьезные проблемы, связанные с комплектованием Вооруженных сил. Во-первых, рано или поздно должен встать вопрос о выполнении приказа Верховного главнокомандующего о доведении численности Вооруженных сил до миллиона человек к 2015 году. Во-вторых, нужно что-то ответить тем, кто продолжает бить тревогу: нынешняя модель строительства армии не позволяет ей накопить необходимый мобилизационный резерв. Опираясь на опыт войн конца XIX и всего XX века, они утверждают: безопасность государства можно обеспечить лишь с помощью готовности к массовой мобилизации, способности поставить под ружье миллионы мужчин в так называемый угрожаемый период. Вот для этого и необходимо располагать обученным мобилизационным резервом. А чтобы его создать и накопить, нужна призывная армия, которая в мирное время представляет собой постоянно действующую начальную школу военной подготовки.

Однако в последние десятилетия ситуация кардинально изменилась: вооружения и военная техника многократно усложнились и, разумеется, их производство стало многократно дороже. Таким образом, количество резервистов уменьшается из-за демографических проблем, а государство неспособно произвести и складировать необходимое количество оружия. Несколько лет назад тогдашний главком Сухопутных войск Владимир Болдырев сообщил, что располагает всего 60 бригадными комплектами для вооружения резервистов. Шойгу попытался конкретизировать потребность в резерве: «В случае угрозы мы должны иметь возможность мобилизоваться. Для этого мы должны иметь мобилизационный ресурс. Есть решение по созданию четырех резервных армий»¹³⁸. Из слов министра следовало, что весь мобилизационный ресурс Вооруженных сил и будет сконцентрирован в этих четырех резервных армиях. Общевойсковая армия — это 40-50 тысяч солдат и офицеров (сейчас в Сухопутных войсках — 10 армий общей численностью приблизительно 400 тысяч военнослужащих). Если речь идет о всем мобилизационном ресурсе, то он в таком случае (добавим резервистов для войск ПВО, береговых частей ВМФ) будет составлять максимум 300 тысяч человек. Генерал Николай Макаров в бытность начальником Генштаба называл цифру в 700 тысяч человек. Для формирования такого резерва нужно ежегодно призывать не больше 70 тысяч молодых людей. В этом случае призыв становится фактически добровольным: в армию пойдут только те, кто хочет подписать в будущем контракт или определиться на госслужбу и в силовые структуры.

При этом было предложено два относительно рациональных способа пополнения людского резерва. Летом 2015 Владимир Путин подписал указ о проведении эксперимента по формированию мобилизационного людского резерва. Речь идет о заявленной еще в 2013 году попытке формировать мобрезерв Вооруженных сил более-менее цивилизованным способом. Предполагалось, что по завершении службы солдат сугубо добровольно подписывает контракт на пребывание в резерве и будет (нечто доселе в России невиданное) даже получать скромную сумму денег. За это его будут регулярно призывать на учебные сборы в специальные резервные воинские части, которые должны быть созданы при командованиях военных округов.

Идея генералам не понравилась: им было привычнее считать «мобилизационным ресурсом» все мужское население страны. Посему они настояли на проведении «эксперимента», обозначив совершенно ничтожную численность мобрезерва — три сотни офицеров и 5 тысяч солдат и сержантов. Когда речь идет о резервистах, численность имеет принципиальное значение: только оперируя большими цифрами, можно выяснить, сработает ли новая система формирования новых боевых

¹³⁸ http://ria.ru/defense_safety/20131109/975715963.html

частей в предвоенных условиях. «Эксперименты» с пятью тысячами резервистов ничего доказать не могут. Посему, несмотря на президентский указ, в 2014-м эксперимент закончился, толком не начавшись. И вот в 2015-м Путин решил его возобновить. Это указывает на то, что в военном ведомстве все же есть люди, которые понимают: Вооруженным силам нужно не пушечное мясо, не безликий мобресурс, которому суждено погибнуть в первом же бою, а квалифицированные солдаты. Проведенная в августе 2016 года внезапная проверка трех военных округов и Северного флота, перетекшая в стратегические учения «Кавказ – 2016», и представляла собой попытку проверить возможности развертывания резервов (месяцем ранее мобилизационные учения проводились на всей территории страны, но имели, скорее всего, весьма ограниченные масштабы). Как сообщил начальник Генерального штаба Валерий Герасимов, в рамках маневров «Кавказ-2016» был проведен эксперимент по внедрению новой системы подготовки и накопления мобилизационных людских ресурсов. Судя по всему, резервистами теперь предполагается комплектовать части территориальной обороны. В частности, по данным газеты «Известия», в Крыму из резервистов создана целая дивизия территориальной обороны, которая в предвоенный период должна взять под охрану стратегические объекты и бороться с диверсантами. Впрочем, пока что размеры мобилизационной подготовки не выглядят впечатляющими. В рамках учений из 400 резервистов на базе Новосибирского военного училища был сформирован батальон, кроме того всего с гражданки были призваны около 4 тысяч человек. Представляется, что в настоящее время еще не принято окончательное решение о том, какой вариант мобилизационной подготовки предпочтительнее – то ли создавать корпус резервистов-добровольцев, то ли традиционно призывать через военкоматы всех мужчин от 18 до 60 лет.

Следует также иметь в виду, что эта инициатива, видимо, была связана с другой, которая обещала немалое облегчение армейского тягла хотя бы для части наших граждан. В том же 2013-м Владимир Путин, горячо поддержанный Сергеем Шойгу, предложил разработать такую систему армейской службы для студентов, чтобы те проходили ее, не покидая стен родного вуза. Студенты в течение двух или полутора лет должны были один день в неделю посвящать военной подготовке. По завершении курса им надлежало пройти трехмесячные лагеря. После чего их должны были отправить в резерв в качестве рядовых и сержантов запаса. Редчайший случай, когда интересы граждан и военной бюрократии совпадали. «Мы очень хотим, чтобы вы восприняли это действительно как хорошую возможность для того, чтобы никуда не бегать, а спокойно учиться, не отрываясь от учебного процесса пройти три месяца сборов. А мы для этого создадим достойные учебные центры, в том числе при наших высших учебных заведениях. Теоретиче-

скую подготовку вы будете проходить один день в неделю, это не так сложно. После этого 3 месяца сформированными коллективами пройдете учебные сборы. Частей, полигонов и техники для этого у нас хватит. И поверьте, мы постараемся для этого сделать все, чтобы условия были человеческими. Но при этом, конечно, будем требовать полной отдачи. Нам в год надо набирать в резерв от 80 до 100 тысяч человек»¹³⁹, — вполне искренне убеждал студентов Сергей Шойгу. У него был свой интерес. Разом записав десятки тысяч студентов в состав Вооруженных сил, он решал неразрешимую в принципе задачу, которую поставил Путин: о доведении численности армии до миллиона военнослужащих.

Однако и эта инициатива явно не устраивала военачальников. И они занялись саботажем. По первоначальному плану, уже в 2015 году по новой системе должны были заниматься 58 тысяч студентов. В реальности занимались всего 15 тысяч. Генерал-лейтенант Евгений Бурдинский, заместитель начальника главного организационно-мобилизационного управления Генштаба, выступая на «Эхе Москвы», заявил, что Минобороны за числом теперь не гонится (где те 80-100 тысяч резервистов в год!). Вуз, оказывается, согласно изменившейся концепции, должен отвечать некоей специфике Минобороны. Это прямо противоречит тому, что говорил Сергей Шойгу, который утверждал, что все студенты будут иметь возможность пройти такую подготовку.

Первоначальный план предполагал, что уже с 1 сентября 2016-го все желающие должны были начать обучение по такой системе. Теперь ясно, что эта цель не достигнута. Таким образом, вопрос комплектования Вооруженных сил перешел в стадию позиционных бюрократических боев. К концу 2016 года руководство военного решило, что нашло выход из этой тупиковой ситуации с комплектованием. В Думу поступил законопроект, содержащий новые поправки в многострадальный «Закон о воинской обязанности и военной службе». Они позволят заключать контракты на службу в Вооруженных силах на срок от 6 месяцев до года. Контракты можно заключать как с военнослужащими запаса, так и со срочниками за месяц до завершения их службы. Проект закона предусматривает заключение контрактов лишь в период чрезвычайных обстоятельств, таких как ликвидация последствий стихийных бедствий или мероприятия чрезвычайного положения, восстановление конституционного порядка или участие в деятельности по поддержанию или восстановлению мира и безопасности за рубежом.

Пояснительная записка к законопроекту весьма откровенно описывает обстоятельства, которые заставили государство прибегнуть к краткосрочному контракту: «В связи с изменением военно-политической

¹³⁹ Александр Тихонов. Студенческий призыв – в ногу со временем. Красная звезда 19 декабря 2013

обстановки, активизацией деятельности международных террористических и экстремистских организаций возникла необходимость повышения мобильности войск, формирования сводных и нештатных подразделений и укомплектования их в короткие сроки военными служащими, проходящими военную службу по контракту, для оперативного решения краткосрочных, но важных задач... Законопроект также учитывает специфику прохождения военной службы в составе экипажей кораблей и подводных лодок Военно-Морского Флота»¹⁴⁰.

Что касается упомянутой специфики военно-морской службы, то авторы закона уверяют, что срок службы матросов-срочников может закончиться во время долгого океанского похода. И именно поэтому командиры должны иметь возможность перевести этих матросов на службу по контракту. В министерстве обороны постарались забыть, как несколько лет назад планировали перевести всех моряков, служащих на кораблях на контрактную службу. Однако это касается всего нескольких сотен моряков.

Куда серьезнее выглядит намерение сформировать некие «сводные и нештатные подразделения» и укомплектовать их в короткие сроки. Такие подразделения впервые упоминаются в российских официальных документах. Очевидно, что речь идет о попытке придать легальный статус тем гражданам России, которые, как сообщают, уже воюют в Сирии, а до этого воевали на Украине. Этих людей нанимают через посредников для выполнения заданий российского министерства обороны, но их действия за границей никак не прописаны в российском законодательстве. Еще недавно их существование намеревались легализовать, приняв закон о частных военных компаниях. Однако закон застрял в Думе из-за противодействия ФСБ, которая решительно не желает, чтобы государство делилось бы с частными предпринимателями своим правом на насилие. И вот теперь Министерство обороны намерено решить проблему с помощью краткосрочных контрактов. Фактически речь идет о легализации наемников.

Еще больше подозрений вызывает разрешение для командиров переводить на контрактную службу солдат срочной службы. В 2003-2008 годах министерство обороны уже получало право подписывать контракты со срочниками. Выше я уже писал, каким количеством злоупотреблений это обернулось: солдат принуждали к заключению таких контрактов. Этот негативный опыт заставил Сердюкова в принципе отказаться от заключения контрактов со срочниками. До недавнего времени контрактником мог стать только резервист, который после завершения conscript service провел некоторое время в гражданской

140

[http://asozd2.duma.gov.ru/work/dz.nsf/ByID/1EF5FB382A1B168B432580500044EA0C/\\$File/%D0%9F%D0%97.doc?OpenElement](http://asozd2.duma.gov.ru/work/dz.nsf/ByID/1EF5FB382A1B168B432580500044EA0C/$File/%D0%9F%D0%97.doc?OpenElement)

жизни. При этом человек заключивший контракт был должен пройти специальную трехмесячную подготовку, прежде чем его направят в воинскую часть. Совершенно очевидно, что краткосрочные контракты представляют собой профанацию добровольной военной службы и военного профессионализма. Человек, решивший повоевать несколько месяцев за деньги, не будет обладать ни знаниями и умениями военного профессионала, ни его моралью защитника родины.

Однако, Сергей Шойгу, как и следовало ожидать, не ограничился лишь демонстративной борьбой с наследством Сердюкова. Он, отличный пиарщик, понимал, что ему нужно постоянно находиться в центре общественного внимания. И до того, как Москва начала использовать войска на Украине и в Сирии (тогда необходимость в рекламе отпала сама собой) из Минобороны постоянно следовали инициативы.

Их можно разделить на две большие группы. Одна – рекламные акции (среди них были и совершенно бессмысленные, и дельные). Если почитатели Шойгу настаивают, что их цель укрепление боевого духа Вооруженных сил, то его недоброжелатели утверждают – эти инициативы предназначены исключительно для укрепления позиций и рейтинга самого Сергея Кужугетовича. Другие нововведения – те, что имели действительно существенное значение для строительства Вооруженных сил, укрепления их боеготовности.

Пиар, один пиар

Что касается первой группы, то к ней, безусловно, следует отнести инициативы по «патриотическому» воспитанию, которые должны были продемонстрировать, что Минобороны находится в, так сказать, основном политическом тренде. Так, в 2013-м Шойгу приказал: "Командующих и командиров прошу обеспечить исполнение Гимна России. Поручаю, чтобы каждое утро в воинских коллективах начиналось с исполнения гимна, чем бы военнослужащие ни занимались".¹⁴¹ А позже приказал знаменитому ансамблю Российской армии им. Александрова немедленно записать две версии гимна — эталонную, так сказать, строгую, в исполнении исключительно хора и оркестра ансамбля, и попсовую, для военно-патриотического воспитания молодежи. И это притом, что согласно Уставу внутренней службы российский гимн ежедневно исполняется на вечерней поверке в каждой воинской части. Но, очевидно, однократного исполнения гимна показалось недостаточно для того, чтобы добиться нужной степени патриотизма военнослужащих.

Исполнением гимна дело патриотического воспитания не исчерпывается. "Я склоняюсь к тому, чтобы командиры возглавили процесс изготовления дембельских альбомов, поскольку у каждой воинской

¹⁴¹ <http://www.interfax.ru/russia/324481>

части своя история", ¹⁴² — сказал Шойгу. Предполагалось поставить изготовление этого, еще недавно сугубо индивидуального, продукта солдатского творчества централизованно с использованием современного полиграфического оборудования и фототехники. Любопытно, будет ли централизованно производиться еще недавно обязательный элемент оформления такого альбома — картинки, изображающие то, чем именно мечтает заняться дембель, после того, как покинет свою воинскую часть... Очевидно, армейские политработники полагают, что намерен еще раз спеть государственный гимн. Но и это не все. Министр озабочен и разработкой учебника истории специально для армии. "Если не получается подготовить единый курс истории для страны, нужно подготовить такой учебник для армии и ввести его во все курсы обучения военнослужащих", ¹⁴³ — заявил Шойгу.

Разумеется, что полученное в результате регулярного и многократного исполнения гимна глубоко патриотическое содержание потребовало соответствующей формы. То есть униформы. Шойгу одел всех сотрудников Минобороны, других штабных и управленческих органов в так называемые офисные костюмы. Министр, сообщают подчиненные, пришел к выводу — носить шерстяной китель летом неудобно. Посему и решено было пошить униформу, напоминающую ту, что носят офицеры МЧС. Но при этом офисный костюм надлежало носить не только военным, но и гражданским служащим Минобороны. Мало этого, эти самые офисные костюмы были снабжены и погонами. Каждый гражданский служащий теперь должен носить погоны со звездами, соответствующие его чиновничьему классу. Так на плечи замминистра по финансам Татьяны Шевцовой легли погоны с большой звездой генерала армии. А замминистра Анатолий Антонов, который всю жизнь провел на дипломатическом поприще, стал щеголять ныне в погонах генерал-полковника. Этим Шойгу не ограничился и теперь униформу, напоминающую военный мундир, обязали носить и руководителей военно-промышленных компаний. Подозреваю, что именно таким способом Сергей Шойгу показал капитанам ВПК, кто теперь хозяин.

В то же время такое переодевание отнюдь не невинная блажь, как это могло показаться. На самом деле это продолжение той линии, которая началась, когда сам Шойгу облачился в генеральскую форму в момент назначения министром обороны. В этой логике Министерство обороны — не просто военное ведомство, это ведомство, где командуют и распоряжаются военные. А гражданские чиновники оказываются там только в крайнем случае, когда без них нельзя обойтись или неохота тратить деньги на большие оклады офицерам. В результате гражданским служащим дают понять, что они — не более чем недоделанные

¹⁴² Надел погоны — будь патриотом. Независимое военное обозрение. 9 августа 2013

¹⁴³ Олег Владыкин. Шойгу взрастит патриотов. 2 августа 2013

военные. А кадровые офицеры не могут не испытывать раздражения, когда гражданские чиновники "за просто так" получили звезды, очень похожие на те, которые доставались им кровью и потом, долгими годами службы. За всем этим стояло очевидное нежелание понять, что у гражданских чиновников и военнослужащих — принципиально разные задачи.

Отдельно следует сказать о многочисленных и разнообразных конкурсах военного мастерства, которые начали проводить по настоянию министра. Собственно, к боевой подготовке все эти «танковые биатлоны» и «авиаадартс» имеют приблизительно такое же отношение как мастерство рукопашного боя для пехотинца, участвующего в современном сражении. Конечно это захватывающее зрелище, когда несколько специально обученных экипажей демонстрируют филигранное вождение танка и замечательно попадают по мишеням. Однако умение исполнять вальс на Т-72 мало чем помогает в бою, в котором главную роль играет дальность противотанковых средств, их способность к автономному наведению после захвата цели. Выжить в таком бою помогут средства радиоэлектронной борьбы, умение их использовать. Но эти умения, увы, совершенно незрелищные. Впрочем, не исключено, что подобные конкурсы проводятся для того, чтобы как-то встряхнуть офицеров, показать им перспективы профессионального роста. Таким образом, все эти «биатлоны» выступают эрзацем для тех самых курсов, где командиры и должны получать необходимые умения и знания.

Последней «идеологической инициативой» Сергея Шойгу является создание «Юнармии», детского военно-патриотического движения. Судя по размаху (структуры движения создаются практически во всех школах), а также вниманию, а также вниманию, которое уделяют «Юнармии» государственные СМИ, в стране решили вновь добровольно-принудительно обучать любви к Родине через всеобщее хождение строем и скоростную сборку автомата Калашникова.

В то же время, безусловной благодарности заслуживает то, что Сергей Шойгу поддержал и преумножил сердюковский курс на гуманизацию военной службы. Заслугой министра обороны является то, что в армейских казармах появились пылесосы и стиральные машины, делающие армейский быт более человеческим. Настоящая революция — это установка в казармах, в большей части которых никогда не было горячей воды, тысяч душевых кабин.

В бюрократических битвах

При этом, обратим внимание, что ряд начинаний Шойгу прямо вел к усилению его аппаратного веса, к превращению министра обороны без особого шума в первого среди равных среди силовиков. Так по предложению Шойгу была расформирована Федеральная служба по обо-

ронному заказу (Рособоронзаказ) и ее функции переданы нескольким другим ведомствам. Бюрократические игры вокруг этой не слишком важной конторы больше всего напоминают сюжеты из истории средневековой Европы. Было, к примеру, небогатое малонаселенное княжество, доходов — никаких. А ведь, поди ж ты, регулярно самые влиятельные бароны и герцоги устраивают безжалостную рубку за право им обладать. Оказывается, в монастыре на территории княжества находятся какие-то особенные мощи особенного святого, обладание которыми гарантирует королевский титул.

Точно так же при путинском феодализме в битве за Рособоронзаказ постоянно сходились гранды режима. В 2012-м Дмитрий Rogozin с глубоким удовлетворением констатировал, что ему удалось перевести эту федеральную службу из подчинения военного ведомства под контроль правительства. И это, похоже, был первый звонок Анатолию Сердюкову, что тот теряет аппаратный вес. Самое забавное, что контроль над Рособоронзаказом не приносил больших денег. В задачу ведомства входило всего лишь лицензирование оборонных предприятий, контроль за исполнением оборонного заказа. Заключение многомиллиардных контрактов занималась Рособоронпоставка, которую надежно держал в руках Сергей Шойгу.

Тогда в чем же, спрашивается, дело? Рискну предположить, что Рособоронзаказ грозил превратиться в послушный инструмент опытного пиарщика Дмитрия Rogozina. Весьма показательно, что руководитель Рособоронзаказа Александр Потапов дал ряд интервью, в которых рассказывал: оборонзаказ проваливается потому, что чиновники Минобороны придерживают деньги, выделенные на производство вооружений, не переводят их своевременно предприятиям. И Шойгу, пользуясь тем, что он в фаворе у Путина, решил нанести ответный удар.

Куда большее значение имело создание совершенно секретного Плана обороны Российской Федерации, в разработке которого, по словам Шойгу, участвовали 49 министерств и ведомств. Идея о таком едином плане обороны страны, как мы помним, тревожила умы российских военачальников, начиная с середины 1990-х. Именно тогда высокопоставленные работники "мозга армии" заговорили о необходимости в случае чрезвычайных обстоятельств подчинения прочих силовых структур Генштабу. И эта инициатива вызвала тогда страшную свару среди силовиков. На практике ситуация стала меняться лет через десять — во второй половине 2000-х. Формирования других силовых ведомств — ФСБ, МЧС, МВД, — а также местные власти стали активно привлекаться к маневрам Вооруженных сил. Особенно ясно это было продемонстрировано в ходе маневров "Восток-2010". Было очевидно, что замысел тех учений предполагал реакцию на вооруженный конфликт на Корейском полуострове. В рамках этого сценария пограничники контролировали границу, части МВД создавали лагеря беженцев, МЧС

проводило мероприятия на случай техногенной катастрофы (то есть утечки радиоактивных веществ или радиоактивного заражения местности), а Вооруженные силы по нескольким направлениям отражали попытки прорыва на российскую территорию иностранных военных формирований.

И вот с принятием глобального Плана обороны, как можно предположить, военное ведомство окончательно доказало, что оно всех главнее. И от имени Министерства обороны координацию действий всей полусотни министерств и ведомств, а также региональных властей будет осуществлять Генеральный штаб. В итоге получилось, что именно "мозг армии" (и, стало быть, Сергей Шойгу) в нынешних обстоятельствах превращается в главный планирующий и координирующий государственный орган в области обороны и безопасности. Показательно, что в ходе уже упоминавшихся учений «Кавказ – 2016» проверялась готовность «ряда предприятий оборонно-промышленного комплекса юга России к выполнению возложенных мобилизационных заданий на поставку и ремонт вооружения, военной и специальной техники в интересах создаваемых группировок войск». А кроме этого проходила проверка готовности территориальных административных органов содействовать Вооруженным силам, оценивалась и способность Банка России развернуть полевые отделения.

Генеральный штаб, который берет на себя все управление Вооруженными силами, неизбежно служит источником милитаристского влияния на все сферы жизни государства. Такое разрастание функций "мозга армии" отнюдь не безобидно и в нынешних условиях. Не успели Шойгу и Герасимов доложить Верховному главнокомандующему План обороны, как начальник Генерального штаба заявил на ежегодной сессии Академии военных наук: "Крупномасштабные войны никто не отрицает, о неготовности к ним и речи быть не может"¹⁴⁴. Надо сказать, что на генштабовском жаргоне "крупномасштабная война" является эвфемизмом для понятия "мировая война". Советский Генштаб, готовивший страну к такой войне, против стран НАТО и Китая одновременно, по мнению ряда экспертов, и развалил окончательно экономику СССР. Если План обороны и сейчас допускает вероятность мировой войны, то Генштаб обречен действовать подобно советскому. А именно: вновь разворачивать кадрированные части и соединения, которым надлежит принять миллионы резервистов. И, стало быть, отказаться от одобренной Путиным идеи Сердюкова о том, что в составе Вооруженных сил должны быть полностью укомплектованные соединения.

Апогеем же централизации всей военной власти стал состоявшийся в самом конце 2013-го (за три месяца до крымского аншлюса) ввод в строй Национального центра управления обороной, возведенного за

¹⁴⁴ <http://vz.ru/society/2013/1/26/617599.html>

333 дня на месте главкомата Сухопутных войск. Надо сказать, циклопические масштабы сооружения впечатлили его первых посетителей — это гигантские залы, способные укрыть и приютить в случае необходимости одновременно Совет безопасности и весь Генштаб, а также прочие федеральные органы власти, связанные с обороной. Это сотни (если не тысячи) мониторов, по которым операторы дежурной смены день и ночь получают бесчисленные данные о состоянии всех без исключения частей и соединений Вооруженных сил. Понятно, что такой всеобъемлющий и абсолютный контроль, равно как и соответствующий уровень управления требуют и соответствующих ресурсов. О чем Владимиру Путину и сообщил свеженазначенный начальник Центра управления обороны РФ генерал-лейтенант Михаил Мизинцев. По его словам, сердцем программно-аппаратного комплекса является система унифицированных, территориально-распределенных, дублирующих друг друга мощных центров обработки данных. «Их суммарная вычислительная мощность превышает показатели аналогичной системы обработки данных Пентагона в три раза, а объем хранимых данных — в 19 раз»¹⁴⁵, — отметил генерал-лейтенант Михаил Мизинцев.

При этом все силовые ведомства уже сейчас представлены в Центре обороны оперативными группами, возглавляемыми чиновниками высокого уровня. Что опять-таки ставит эти ведомства в подчиненное положение по отношению к министерству обороны. При этом центр стал тем средством, которое и обеспечило реализацию решающего военного преимущества России над Западом — быстроту принятия решения. В основе этой невиданной скорости лежит то обстоятельство, что в рамках существующей системы Верховному главнокомандующему нет необходимости добиваться одобрения своих действий в парламенте или согласовывать их с союзниками. Иначе говоря, весь центр принятия решений находится в голове у главы государства. А вот Центр обороны обеспечивает мгновенное доведение этого приказа до исполнителя, вписывает предстоящую операцию в контекст военно-политической обстановки.

Проверки, переходящие в войну

Еще более важным нововведением Сергея Шойгу стали внезапные проверки, благодаря которым российским Вооруженным силам удалось утвердиться в новом качестве, приобретенном в результате реформ. Речь о способности к быстрому развертыванию. Отметим, что с советских времен военные маневры чаще всего представляли собой тщательно отрепетированный спектакль, не допускавший никаких неожиданностей. Все действия войск были согласованы и отрепетированы до

¹⁴⁵ <http://www.aif.ru/society/army/1411282>

мельчайших деталей. Там решительно не было места для проверки новых концепций ведения войны. Но руководству страны было принципиально важно в реальной обстановке выяснить, на что способна армия после реформы. И вот уже в феврале 2013-го Сергей Шойгу своим приказом объявил «внезапную проверку» войск.

Приказ выдвигаться получили тогда войска Центрального и Южного округа, а по воздуху на Урал перебросили десантников 98-й дивизии, базирующейся в Иваново. Результаты тех учений были далеко не блестящи. Итоги подводил начальник Генштаба. Валерий Герасимов нарисовал вполне удручающую картину: "Отмечается низкий уровень подготовки выпускников учебных центров, особенно водителей и механиков-водителей, что приводило к выходу техники из строя при выходе из парков, в ходе марша и при выполнении учебно-боевых задач. Практически во всех проверенных "организмах" оперативные дежурные и дежурные по воинским частям показали слабые навыки в доведении сигналов по автоматизированным системам боевого управления"¹⁴⁶. "Слабые навыки" выразились, например, в том, что приказ о боевой тревоге был просто не принят российскими войсками, дислоцированными в Таджикистане...

Еще хуже дела обстояли с готовностью военной техники. Так, были обнаружены неисправности на пяти вертолетах, из-за чего они не смогли принять участие в учениях. Не выполнив боевую задачу, на аэродром вернулись штурмовики Су-25 (через два года официальная пропаганда утверждала, что те же штурмовики бомбили «террористов» в Сирии не допуская ни одного промаха), у которых во время бомбометания не сошли с направляющих две бомбы. По словам Герасимова, 34 процента авиатехники неспособны к боевой работе. С техникой сухопутных войск не лучше. В 28-й отдельной мотострелковой бригаде Центрального округа оказались небоеспособны две самоходные артиллерийские установки "Мста-С". Были проблемы и у десантников. "БМД-2 устарели морально и физически,— констатировал Валерий Герасимов,— возраст машин составляет 20-25 лет, а иногда и более. Износ основных узлов и агрегатов не позволяет использовать боевые возможности данного вида техники. По этой причине в ходе марша на полигон из строя вышли две единицы БМД-2"¹⁴⁷.

Идеи министра обороны о необходимости таких внезапных проверках отвечала самым насущным задачам Вооруженных сил. Военные теоретики сходятся в том, что будущие войны могут начинаться неожиданно, без длительного "угрожаемого периода", во время которого можно подготовить войска. Однако проблемы, выявленные в ходе

¹⁴⁶ <http://www.newsru.com/world/06mar2013/mane.html>

¹⁴⁷ Виктор Литовкин. Генштаб объявляет тревогу. Независимое военное обозрение. 1 марта 2013

первой, февральской, проверки носили системный характер. Их нельзя было разрешить, сурово указав в ходе совещания военачальникам на "имеющиеся недостатки". Но чудо произошло...

Первая внезапная проверка стала последней, по которой можно было судить (по крайней мере, сторонним обозревателям) о реальном состоянии Вооруженных сил. Идея внезапных проверок, надо полагать, весьма понравилась кремлевским пиарщикам, которые в начале 2013-го напряженно размышляли, как остановить падение путинского рейтинга. Участие строгого, но справедливого главковерха во внезапных проверках показалось идеальным вариантом. Но при таком сценарии в роли распекаемого чиновника неизбежно должен был оказаться сам Шойгу. Такого он позволить не мог. И внезапные проверки тут же превратились в привычную показуху.

Уже в апреле 2013-го президент отдал приказ войскам выдвинуться на Черноморское побережье. Команду получили 45-й отдельный полк ВДВ, подразделения 106-й (Тульской) воздушно-десантной дивизии, а также 22-я бригада спецназа ГРУ. Военно-транспортная авиация успешно перебросила их в район потенциального конфликта. Одновременно приказ об оперативном развертывании был получен Черноморским флотом, его десантные корабли с морской пехотой на борту вышли в море. Кроме того, в море вышли десантные корабли Балтийского флота, которые после январских маневров в Средиземноморье оставались в Новороссийске. Дислоцированные в регионе воинские части тоже стали выдвигаться в район сосредоточения. В печати упоминались подразделения 7-й воздушно-штурмовой (горной) дивизии и бригады управления. Забегая вперед, скажем, что именно этот сценарий развертывания был успешно повторен через год – в феврале-марте 2014-го при аннексии Крыма.

Судя по официальным сообщениям, маневры прошли без сучка, без задоринки. Самолеты военно-транспортной авиации вовремя доставили десантников и силы спецназа в район развертывания. Воздушное десантирование тоже прошло замечательно. Выполнила свои задачи и морская пехота, которая осуществила несколько тактических высадок, в том числе и на полигон под Феодосией. Те же части, которые совершали марши по суше, не потеряли в пути ни единой боевой машины. О чем начальник Генерального штаба Валерий Герасимов с гордостью доложил президенту, прибывшему в район учений.

Между тем очевидно: за два месяца добиться коренного перелома в подготовке войск в принципе невозможно. Некомплект личного состава в Российской армии составлял тогда около 30 процентов, а среди срочников половина находилась в войсках меньше шести месяцев. «Основной причиной снижения выучки выпускников межвидовых окружных учебных центров признано сокращение учебной программы их подготовки в полтора раза. Из благих побуждений срок подготовки курсан-

тов в них уменьшился до трёх месяцев»,¹⁴⁸ печально констатировал после первой проверки в интервью «Красной звезде» начальник управления подготовки войск ЦВО генерал-майор Владимир Ашиток (которому, видимо, здорово досталось). Но после черноморской проверки военачальники бодро доложили: морские пехотинцы сейчас за пару часов погрузились на корабли. В 2008-м, во время войны с Грузией, тоже предполагалось использовать морскую пехоту Черноморского флота. Однако она грузилась на корабли все те пять дней, пока шла война...

Можно, конечно, предположить, что Минобороны удалось в течение месяца разработать магическую технологию превращения вчерашних школьников в уникальных экстра-специалистов по обслуживанию танков и боевых машин пехоты, выпущенных три десятка лет назад. Но если таких предположений не делать, тогда надо признать: "внезапная" проверка перестала быть внезапной. Неслучайно ведущую роль в маневрах играли воздушно-десантные войска, где было больше всего контрактников. Тогдашний главком ВДВ Владимир Шаманов получил тогда приказ создать из контрактников 23 батальона. Подозреваю, что как раз из них и были сформированы батальонные группы, участвовавшие во внезапных маневрах. Есть все основания полагать, что как для сухопутных войск, так и для ВМФ внезапный приказ Владимира Путина был не слишком неожиданным. Так, к моменту проведения учений в Черном море заблаговременно оказались десантные корабли с Балтики.

В показуху гораздо больших масштабов превратилась и длившаяся с 13 по 20 июля внезапная проверка войск Восточного военного округа, в которой, если верить официальным сообщениям, участвовало 160 тысяч военнослужащих. Пятимиллионная Советская армия лишь однажды в 1981 году провела маневры, численность участников которых превышала 100 тысяч военнослужащих. До «внезапной проверки» беспрецедентными по масштабам в азиатском регионе считались маневры, устроенные Китаем в 2009 году. В них было задействовано свыше 50 тысяч солдат и офицеров. Но при этом, не будем забывать, речь опять-таки шла о вооруженных силах вдвое больших, чем российские. Во внезапной проверке в Восточном округе, если верить официальным сообщениям, таким образом, участвовала едва ли не четверть российской армии.

Решение проводить столь масштабную проверку поставило перед руководством Вооруженных сил невероятно трудные задачи. В Восточном округе находятся всего 14 армейских бригад, расквартированных в тысячах километрах друг от друга. Одна только переброска десятков тысяч военнослужащих в район учений выглядела чрезвычайно

¹⁴⁸ Специалист – надежда и опора. Красная звезда. 20 марта 2013

сложным делом, если учесть более чем ограниченные возможности транспортных коммуникаций в Сибири и на Дальнем Востоке. Не менее сложной представлялась и реализация требования о выдвигании соединений в полном составе, то есть учебно-боевые задачи должны были выполнять все военнослужащие. А ведь почти половина солдат-срочников пришла в бригады за месяц до начала проверки, в ходе весеннего призыва. При этом не будем забывать, некомплект личного состава — не меньше 20 процентов. Добавим к этому необходимость использовать вооружения, которые находились на базах хранения. Все эти обстоятельства неизбежно должны были привести к хаосу, если, повторю, верить в то, что в движение были приведены 160 тысяч военнослужащих.

Однако случилось очередное чудо. Если не считать 10-часовую заминку с переброской бригады радиационной и химической защиты (на гражданском аэродроме не оказалось необходимого количества горючего, чтобы заправить самолеты военно-транспортной авиации), все остальное, согласно официальным релициям, проходило просто по часам. Части усиления были своевременно переброшены железнодорожными парами и самолетами транспортной авиации на Сахалин, где проходил первый этап учений. После того как атаки "противника" были успешно отражены, события переместились в Забайкалье. Туда для участия в двустороннем учении опять-таки замечательным образом переместили части и соединения сразу трех общевойсковых армий.

Почему же развертывание 10 тысяч солдат и офицеров в феврале 2013-го происходило с многочисленными накладками, а через полгода, когда масштаб вырос чуть ли не в 20 раз, все прошло без сучка, без задоринки. Техника такая же старая, солдаты обучены так же. Закрадывается сомнение: а действительно ли 160 тысяч военнослужащих участвовали в этой самой "внезапной проверке"?

Обратимся к цифрам. Вот в первый день проверки на совещании в Министерстве обороны сказали, что будет задействовано около тысячи единиц танков, БТР и БМП, 130 самолетов и около 70 кораблей. Но потом, очевидно, сообразили: если участвуют 160 тысяч военнослужащих, наземной техники, маловато будет. 160 бойцов приходится на один танк или бронетранспортер — какая же это современная армия?! И вот уже появилась другая, совершенно немыслимая цифра — в проверке участвует около 6 тысяч единиц боевой техники. Из открытых источников известно: в Восточном военном округе около 600 танков и, очевидно, соответствующее количество БМП и БТР — все вместе как раз чуть больше тысячи. Корабельный состав Тихоокеанского флота не увеличивался. Для участия в маневрах из европейской части страны были переброшены несколько стратегических бомбардировщиков и около 30 самолетов транспортной авиации. Стало быть, если доверяться прозвучавшим в отчетах цифрам, из Центральной России было пере-

брошено никак не меньше 4 тысячи танков, БМП, БТР и самоходных гаубиц. Причем сделано это в течение двух-трех дней. Все это многократно перекрывает данные о железнодорожных перебросках ударных танковых армий Красной Армии в преддверии войны с Японией...

Можно предположить: желая поразить воображение главного начальника страны, военные чиновники записали в число проверяемых все соединения Восточного военного округа плюс соединения, привлекавшиеся из Центрального военного округа. Подозреваю, что большая часть никуда не перемещалась вовсе и никакого участия в событиях не принимала. Большинство зачисленных в участники проверки войск получили приказ, и то ли выдвинулись, то ли нет на свои собственные полигоны. С большой уверенностью можно предположить, что главный вывод, сделанный в ходе внезапных проверок 2013-го года, сводился к тому, что для участия в боевых действиях следует направлять части, сформированные в основном из контрактников. Добиться этого можно, организуя батальонные тактические группы нескольких десятков элитных соединений.

Надо сказать, внезапные проверки прекрасно вписались в сценарий гибридной войны (или «цветной контрреволюции»), которую Россия развязала против Украины в 2014-м. 26 февраля, когда победа киевского «майдана» (который в Кремле считают антиконституционным заговором, осуществленным западными разведками) стала очевидной, Владимир Путин велел провести внезапную проверку войск Западного и Центрального военных округов. Было объявлено, что в ней задействованы Воздушно-десантные войска, войска Воздушно-космической обороны, Военно-транспортная и Дальняя авиации. Министр обороны Сергей Шойгу сообщил: проверка охватит 150 тысяч военнослужащих, почти столько, сколько участвовало во «внезапной проверке» войск Восточного военного округа.

Шойгу отрицал, что объявленная проверка имеет хоть какое-то отношение к событиям на Украине: «Мы никоим образом не связываем эти вещи... Эти учения будут происходить в том числе и у границ России с другими государствами, — сказал он. — В их число может попасть и Украина»¹⁴⁹. Сейчас очевидно, что «проверка» представляла собой подготовку к крымской и донбасской операциям против Украины. Она дала возможность отмотилизовать соединения, которые предполагалось задействовать, вывести их в районы сосредоточения (в отдельных случаях даже на рубежи развертывания), проверить готовность вооружений и военной техники. Сосредоточение российских сил на юго-восточной границе Украины первоначально имело целью сковать украинские силы, не позволить перебросить их в Крым. Впоследствии эти российские войска стали выполнять ту же функцию, поддерживая

¹⁴⁹ <http://www.newsru.com/russia/27feb2014/sudden.html>

секретную операцию в Донецкой и Луганской областях Украины, а затем они осуществили прямое военное вторжение.

Надо сказать, и в феврале 2014 года, и позже, проводя свои внезапные проверки, Москва весьма вольно обошлась с Венским документом, одним из немногих соглашений о мерах военного доверия в Европе, которому Россия вроде бы еще должна была следовать. Тогдашний заместитель министра Анатолий Антонов вертелся как уж на сковородке, объясняя, почему предстоящая проверка войск соответствует Венскому документу: «Мы привлекаем не более 38 тысяч личного состава. Предусматривается задействовать это количество личного состава на срок не более 72 часов... У вас не должно быть смещения цифр 150 тысяч, которые я обозначил, и 38 тысяч. Я говорю о 38 тысячах, подпадающих под требования Венского документа. К ним относятся сухопутные войска, ВДВ, морская пехота»¹⁵⁰.

Если понимать замминистра буквально, это означало: на плавсостав Балтийского и Северного флотов, Дальнюю и Военно-транспортную авиацию приходилось 112 тысяч военнослужащих. На самом деле из слов Антонова следовало: объявленные 150 тысяч военнослужащих в подавляющем большинстве должны были находиться за Уральским хребтом. В Европе в учениях должны были участвовать лишь 38 тысяч в течение трех суток — с 28 февраля по 3 марта. Потом следует приглашать иностранных наблюдателей, чего Москве совсем не хотелось. Из затруднения вышли очень просто: проверку объявили завершенной, а войска на украинской границе оставили.

Официальная Москва не признала даже факта существования своей военной группировки. Главнокомандующий Объединенными Вооруженными силами НАТО в Европе американский генерал Филипп Бридлав заявлял о 30-40 тысячах военнослужащих. Анализируя размещенные в социальных сетях фотографии и видеосъемку, а также сообщения украинской прессы, в редакционной статье газеты «Ведомости» было высказано предположение, что свои батальонные тактические группы (БТГр) на учения в приграничные с Украиной области могли отправить: 4-я гвардейская танковая (Кантемировская) и 2-я гвардейская мотострелковая дивизии (Таманская) из Подмоскovie, 76-я гвардейская десантно-штурмовая дивизия, 31-я гвардейская десантно-штурмовая бригада, 106-я гвардейская десантно-штурмовая дивизия, а также 23-я отдельная мотострелковая бригада¹⁵¹. После захвата в плен на украинской территории российских десантников в конце августа 2014-го к этому списку следует добавить 98-ю воздушно-десантную дивизию.

¹⁵⁰ <http://tass.ru/politika/1006142>

¹⁵¹ Никольский А. Украина не боец // Ведомости. 2014. 12 марта

Чтобы избежать необходимости приглашения иностранных наблюдателей, которого требует Венский документ, и иметь полную свободу рук, Москва объявила, что российские соединения заняты «интенсивной боевой подготовкой» по плану весенне-летней учебы. Якобы каждое соединение по отдельности отрабатывает собственные учебные задания, которые могут включать переброску на более чем 500 километров на незнакомые полигоны. Но никаких совместных маневров, по версии Минобороны не проводится, стало быть, численность участников каждых маневров по отдельности не превышает лимитов и посему под действие Венского документа эта «боевая учеба» не попадает. Следовательно, наблюдателей Россия приглашать не обязана.

Надо признать, что последовавшие события: аннексия Крыма, секретная война на Донбассе, а также операция в Сирии, - безусловно подтвердили правильность сердюковских реформ. Однако перечисленные выше успешные операции продемонстрировали пределы возможностей реформированной армии. Весной 2014-го имевшихся на границе сил было вполне достаточно, чтобы захватить юго-восток Украины. Особенно, если иметь в виду степень разложения нынешней украинской армии. Однако ровно в тот момент, когда захват «Новороссии» увенчался бы запрограммированным заранее успехом, неизбежно встал бы вопрос: что делать дальше? Вероятно, этот вопрос и встал перед военными планировщиками после крымского триумфа во второй половине марта. Казалось бы, все козыри на руках. Войска уже стоят на границе, организуй еще один референдум и посылай «вежливых зеленых человечков» обеспечивать правильность его проведения.

Однако как раз в этот момент отказ от массовой мобилизации повернулся другой своей стороной. Созданные в результате сердюковских реформ Вооруженные силы оказались решительно не готовы осуществлять оккупационные функции. По иронии судьбы, российские стратеги создавали свои силы быстрого развертывания по лекалам бывшего председателя комитета начальников штабов США Колина Пауэлла: они должны одержать быструю победу в ходе боевых действий, а потом быть немедленно выведены. Их возможностей должно было хватить на то, чтобы сдерживать талибов в пределах Афганистана, отбивая концентрированными ударами попытки прорваться на территорию среднеазиатских государств. Но вот для оккупации нескольких областей Украины этих сил явно недостаточно.

Крымский сценарий вряд ли удалось бы повторить на Донбассе. Ведь Крым было довольно просто отсечь от остальной Украины. Достаточно было перерезать транспортные коммуникации, которые идут через Перекопский перешеек. Но подобное вряд ли можно проделать в Донецкой и Луганской областях. Ведь в этом случае пришлось бы создавать полноценную границу там, где ее никогда не было. Это значит, что следовало перерезать не две-три, а несколько сотен (если не тысяч)

дорог, связывающих захваченные области с остальной Украиной. И это уже не секретная акция, для проведения которой достаточно нескольких сотен отборных солдат. Нужно проводить вполне традиционную войсковую операцию: с организацией блокпостов на всех более-менее значимых коммуникациях, с необходимостью предотвратить проникновение военных отрядов с территории остальной Украины. Даже если Кремлю удалось сосредоточить около 40 тысяч военнослужащих на украинских границах, этого совершенно недостаточно для оккупации. Для этого требовалось бы никак не меньше 100 тысяч солдат и офицеров.

Такого количества подготовленных контрактников просто не было. И, забегая вперед, заметим, скорее всего, уже не будет. Подлые игры с секретными похоронами погибших на Украине десантников, не менее подлые сказки, что они находились там исключительно по собственной воле (что снимает ответственность с пославших их на смерть командиров) в принципе разрушают возможность создания профессиональной армии, подготовленную сердюковскими реформами. Разумный человек добровольно никогда не доверит свою жизнь системе, которая так легко от него отказывается.

Конечно, была возможность разместить на оккупированных территориях соединения, укомплектованные солдатами срочной службы, которые находятся в частях регулярной армии всего по несколько месяцев. Но это означало бы, что «вежливые зеленые люди» очень быстро будут заменены недисциплинированными, склонными к любым нарушениям юнцами, которых едва ли не насильно обрядили в военную форму. Их размещение уж точно не улучшит взаимоотношений в местными жителями. Неизбежно дезертирство и весь широкий спектр преступлений, характерный для оккупационной армии. Прибавим сюда и необходимость раз в полгода менять половину личного состава.

Очевидно, именно поэтому, взвесив все возможные риски, Кремль не рискнул повторять крымский сценарий в Донецкой и Луганской областях. Более того, когда в результате боев между украинской армией и так называемыми «ополченцами» последние начали терпеть поражения, и российские подразделения были введены в бой, Москва не стала развивать их успехи. Выбор был сделан в пользу гибридной войны: использования наемников без открытого применения войск.

Но чем дольше продолжалась война на Донбассе, тем очевиднее становилось то, что войска не готовы к столь длительным секретным военным действиям. Стояние в течение двух лет на границе измотало не только батальонные тактические группы, но и элитные части, которые их формировали. Боеспособность снизилась до такой степени, что фев-

рале 2015-го для достижения решающего успеха под Дебальцево пришлось перебрасывать танковый батальон из Бурятии.¹⁵²

Вновь по кругу?

Победы сыграли злую шутку с Кремлем. Военная сила – это главный инструмент, которым он сегодня располагает в общении с окружающим миром. И поэтому на армию возлагают все новые задачи. Батальонные тактические группы, предназначенные для выполнения боевой задачи в короткий срок, задержались на два года на российско-украинской границе. Что совершенно измотало не только их, но и соединения, которые их формировали. Действия России на Украине спровоцировали страны НАТО на размещение сил быстрого реагирования и тяжелой техники в странах Балтии, Польше и Румынии. Теперь уже Москве надо отвечать. Уже объявлено о создании трех новых дивизий на «западном направлении»: 10-я танковая дивизия (Богучары, Воронежская область), 144-я мотострелковая (Ельня, Смоленская область), 150-я мотострелковая дивизия (Новочеркасск, Ростовская область). Всего же, если верить публикации в «Независимом военном обозрении», только в последнее время «появилось восемь новых оперативных объединений (другими словами, армий), более 25 дивизий (общевойсковых, авиационных, ПВО, надводных кораблей), 15 бригад»¹⁵³. Шойгу уже отрапортовал, что с начала 2015 года в Западном военном округе были созданы около 30 соединений и воинских частей. Министр сообщал также, что в Южном военном округе к тому моменту сформировали свыше 15 соединений и частей, причем формирование еще двух соединений находилось в завершающей стадии. Ранее сообщалось, что в 2015 году в Западном военном округа была создана новая 1-я танковая армия, штаб которой расположился в Подмоскowie. При этом, по данным печати, 20-я общевойсковая армия округа фактически была сформирована заново в связи с передачей большей части ее войск в состав 1-й танковой. Не исключено, что новые дивизии и должны составить 20-ю армию.

Однако даже Владимир Путин с Сергеем Шойгу не могут изменить демографическую ситуацию. По планам Минобороны, численность Вооруженных сил в этом году должна вырасти всего на 10 тысяч военнослужащих. Этого ничтожно мало, чтобы сформировать 40 новых соединений.

До недавнего времени в Сухопутных войсках было только три дивизии

¹⁵² Елена Костюченко. Мы все знали, на что идем и что может быть. Новая газета. 3 апреля 2015

¹⁵³ Николай Поросков. Неколькольные интересы России. Независимое военное обозрение. 19 февраля 2016

– Таманская, Кантемировская и пулеметно-артиллерийская, развернутая на Дальнем Востоке. Остальные соединения были бригадами. В 2009-м в рамках «сердюковской» военной реформы произошел мучительный переход от дивизионной структуры сухопутных сил к бригадной. Тогда наша армия еще не собиралась воевать с проклятой НАТО, а бригада, которая формирует батальонные тактические группы, куда эффективнее в локальном конфликте. Что, кстати говоря, и было продемонстрировано в ходе «секретной» войны на Донбассе. Но вот, если готовиться к большой войне с Западом, то полноценные дивизии, представляющие собой фактически маленькие армии, являются более удобным инструментом. И, увы, не исключено, что решение о создании трех новых дивизий – лишь начало новой болезненной реорганизации.

Уже сейчас, дабы отразить мифическую угрозу на Западе, приходится ослаблять стратегические позиции там, где угроза действительно существует. В начале февраля 2016-го командующий Центральным военным округом генерал-полковник Владимир Зарудницкий заявил, что «201-я военная база будет переведена на бригадный штат»¹⁵⁴. Речь идет о самом крупном российском военном объекте за границей — развернутой в Таджикистане 201-й военной базе, имевшей до недавнего времени дивизионный штат. Более того, еще в апреле 2015 года планы были другими. Тогда командир базы генерал-майор Евгений Тубол сообщал, что численный состав базы в ближайшие пять лет будет увеличен в полтора раза — с 5900 до 9000 военнослужащих. Причины были очевидны: в Центральной Азии нарастает военная угроза. В Афганистане, который покинули основные войска международной коалиции, антиправительственные силы захватывают все новые районы. Причем часть этих сил объявила о том, что они подчиняются террористическому «Исламскому государству», с которым Россия вроде бы воюет в Сирии. Любое обострение ситуации в центральноазиатских республиках, которое неизбежно произойдет после захвата талибами власти в Афганистане, обернется десятками тысяч беженцев, которые бросятся в Россию. При этом следует иметь в виду, что российско-казахская граница, которая гораздо длиннее российско-китайской, существует только на бумаге. И вот в этой ситуации главной задачей наших войск в регионе является обеспечение высадки сил быстрого развертывания ОДКБ. Именно этот сценарий, замечу, отрабатывался в ходе стратегических маневров «Центр-2015». И вот российское военное руководство сокращает военное присутствие в этом взрывоопасном регионе. В чем же причина? Пресс-служба Центрального военного округа глубокомысленно разъясняет, что «в связи с событиями на центральноазиатском стратегическом направлении дивизия, дислоцированная на территории военной базы, становится бригадой, что повыша-

¹⁵⁴ <http://tass.ru/armiya-i-opk/2627063>

ет ее мобильность, но уменьшает штат»¹⁵⁵. Напомню, в ноябре 2015 года 149-й мотострелковый полк был передислоцирован из южной Хатлонской области в таджикскую столицу и на полигон Ляур, что в 25 километрах к югу от Душанбе. Перевод полка, располагавшегося близ афганской границы, в ЦВО тогда тоже объяснили «интересами повышения боеготовности и наращиванием боевого потенциала соединения». Отметим также, к западной границе были передислоцированы две мотострелковые бригады: 23-я (Валуйки, Белгородская область) и 28-я (Клинцы Брянская область). Одна прежде базировалась под Самарой, другая – под Екатеринбургом. Обе подчинялись Центральному военному округу, и играли, по-видимому, роль стратегического резерва на случай обострения ситуации в Центральной Азии.

Очевидно, впрочем, что этот тришкин кафтан не залатать только перемещениями войск. Увеличение количества частей неизбежно ведет к появлению «бумажных» кадрированных дивизий, где офицеров снова будет больше, чем рядовых. Неслучайно тут же выяснилось, в Вооруженных силах вдруг образовался недостаток командиров (а еще недавно от переизбытка лейтенантов назначали на сержантские должности). Для того, чтобы побыстрее заполнить лейтенантами штатное расписание, кадровые органы пошли теперь на «нестандартные меры». Срок обучения во многих военных училищах сокращен с пяти до четырех лет. После краткосрочных курсов офицерские звания присваивают рядовым и сержантам, имеющим высшее образование, из запаса в массовом порядке возвращают ранее уволенных командиров. Фактически уже произошел отказ от попытки изменить систему военного образования. Единственное, что осталось от сердюковских реформ, – это твердо заявленное стремление к профессионализации Вооруженных сил. Нынешнее руководство Минобороны настаивает, что даже глубокий экономический кризис не помешает ежегодно увеличивать количество контрактников на 50 тысяч (к концу 2016-го их число должно было достичь 400 тысяч). Если доклады руководителей Минобороны о том, что отныне все сержантские должности заняты контрактниками, соответствуют действительности, это огромное достижение.

Однако не исключено, что в ближайшем будущем генералы явятся к президенту с данными социологов о том, что миллионы россиян радостно желают отдать патриотический долг, и, слегка подтасовав цифры, убедят главного начальника вернуться к идее призывной армии... Таким образом, российская армия в который уж раз готова к тому, чтобы отказаться от результатов столь выстраданной военной реформы

¹⁵⁵ <http://www.fergananews.com/news/24399>

III. Недореформа

Итак, попробуем подвести некоторые итоги длившихся последнюю четверть века попыток реформирования российских Вооруженных сил. Позитивным следует считать уже то, что Кремль осознал, в конце концов, те вызовы, которые настоятельно требовали радикальной военной реформы. При этом важнейшим из факторов, который будет определять состояние Вооруженных сил, является демографическая ситуация: в 2017-м 18-летнего возраста должны достичь 570 тысяч юношей, в 2018-м – 600 тысяч, в 2019 – 568.¹⁵⁶ Из этого следует, что Вооруженные силы, численностью в миллион, просто невозможно формировать за счет призыва. Ведь в таком случае следовало бы ежегодно призывать около 700 тысяч человек. «Демографическая дыра» открылась в самом начале 90-х и неизвестно, когда она закроется (по самым оптимистичным прогнозам к 2032 году количество потенциальных призывников достигнет до 800 тысяч). Таким образом, возможность накопления мобилизационного ресурса, который можно развернуть в многомиллионную армию – опасная иллюзия, отнимающая гигантские ресурсы государства. В отличие от Советского Союза, в экономике которого практически невозможно вычленил военный сектор – она вся была ориентирована исключительно на подготовку к возможной войне – теперь Россия может расходовать на оборону хоть и немалые, но все-таки ограниченные средства и ресурсы.

Еще одним объективным фактором, влияющим на военное строительство является происходящая сейчас революция в военном деле. Суть этой революции в том, что помимо суши, моря, воздушного и космического пространства появилась новая среда военного противоборства – информационная. Современные технологии дают их обладателю исчерпывающие данные о действиях противника, позволяют наносить удары по врагу с помощью высокоточного оружия, находясь за сотни и даже тысячи километров от зоны конфликта. Интенсивно развиваются роботизированные средства вооруженной борьбы. Строительство Вооруженных сил в соответствии с этими научно-техническими достижениями требует высокого уровня образования и

¹⁵⁶ Проблемы и практика перехода военной организации России на новую систему комплектования / Научные труды № 75. М.: Институт экономики переходного периода, 2004. С. 238.

боевой подготовки всех военнослужащих. И поэтому армия, отвечающая этим требованиям, не может быть столь многочисленной, как этого требует концепция массовой мобилизации. Ни сейчас, ни в ближайшие годы в России просто не будет миллиона человек, обладающих подобными навыками.

Эти обстоятельства сделали очевидными и главные направления военной реформы. Речь, прежде всего об отказе от системы массовой мобилизации, когда оборона страны основана на возможности прогнать максимальное количество мужчин через действительную службу в Вооруженных силах и таким образом создавать мобилизационный резерв. Реформа и свелась к отказу от массовой мобилизации. Что, заметим, соответствует господствующей общемировой тенденции в военном строительстве. Сегодня к формированию Вооруженных сил на добровольческой основе перешли или переходят практически все крупные развитые страны. В 2011 году от призыва фактически отказалась и ФРГ, на пример которой так любили ссылаться российские сторонники призывной армии.

В России этот процесс осложнялся тем, что параллельно с отказом от массовой призывной армии военная реформа должна была решить (и не решила) еще несколько важнейших проблем. Помимо изменения системы комплектования и организации Вооруженных сил необходимо было радикально модернизировать систему военного образования и прохождения военной службы, установить систему эффективного гражданского контроля над армией и провести решительную демилитаризацию прочих «силовых» ведомств.

Поразительно, но до 2008-го года не эти предложения были предметом дискуссии между теми, кто предлагал кардинальную реформу и военным истеблишментом. Дело в том, что им противопоставлялись не альтернативные планы реформ, а позиция, заключавшаяся в том, что ничего не следует менять вообще. Сторонники реформы исходили из того, что унаследованная от СССР военная система неприемлема в условиях нового социального и общественного устройства государства. Противоположная точка зрения заключалась в том, что советская система была идеальной, и реформа заключается в том, чтобы в существующих "неблагоприятных условиях" законсервировать ее основные элементы, с тем, чтобы в будущем развернуть их, и сохранить эту армию от покушений реформаторов.

Особенность дискуссии о военной реформе, которая и предопределила ее бесплодность, заключалась в том, что ни одна из сторон, которые в ней участвовали, не могла откровенно и полностью изложить свои взгляды. Приверженцы советской модели, а они составляли абсолютное большинство среди российских генералов, не осмеливались прямо заявлять о своих взглядах, так как это выглядело бы критикой Бориса Ельцина, президента и Верховного главнокомандующего, кото-

рый стоял во главе сил, сокрушивших Советский Союз. Поэтому они всячески избегали обсуждения содержания военной реформы. Вместо этого военачальники самым подробным образом описывали, какие условия должны быть созданы для того, чтобы реформа была проведена. Главная цель была в том, чтобы выдвинуть такие условия, которые не могут быть выполнены по тем или иным причинам. Наиболее последовательно и полно эта точка зрения изложена в статьях генерала Игоря Родионова в его бытность начальником Академии Генерального штаба.¹⁵⁷

Заметим, что авторитарный режим Путина положил конец этим бесплодным спорам. Как только лидер страны не без помощи Сердюкова окончательно осознал, что российская армия не может существовать в советских формах, он своим волевым решением (нет сомнений, что Дмитрий Медведев и Анатолий Сердюков консультировались с «человеком номер один», который номинально числился тогда премьером) прекратил все споры и дал «зеленый свет» самой радикальной за последние полтора столетия военной реформе.

Отказ от массовой мобилизации – отказ от призыва

Как уже отмечалось выше, реформа фактически свелась к отказу от концепции массовой мобилизационной армии, когда главная задача людей, отвечающих за оборону страны – прогнать через призывную службу максимальное количество граждан мужского пола, чтобы создать на случай войны максимально большой мобилизационный ресурс и накопить на складах максимальное количество оружия. В нынешних российских условиях эта концепция просто не работала. Вместо массовой мобилизационной армии реформаторы стремились создать другую – компактную, мобильную, где все соединения и части полностью укомплектованы. Если иметь в виду демографическую ситуацию, добиться этого можно было, только сократив численность Вооруженных сил и приступив к комплектованию преимущественно на контрактной основе. Надо сказать, что именно здесь Сердюков, а затем и Шойгу замечательно преуспели. За счет резкого сокращения количества частей и соединений, оставшиеся удалось полностью укомплектовать личным составом. Параллельно шла «контрактизация» личного состава Вооруженных сил. Если верить официальным сообщениям, уже началу 2017 году количество контрактников составило 385 тысяч и впервые превысило количество срочников. Как следует из планов военного ведомства¹⁵⁸, к концу 2017 года российская армия должна состоять из 310

¹⁵⁷ см. например Независимая газета 073 (НВО-2) апрель 1996 года Военная реформа в России.

¹⁵⁸ http://mil.ru/mod_activity_plan/constr/lvl/plan.htm

тысяч солдат срочной службы, 425 тысяч контрактников (руководители Минобороны сгоряча даже обещали довести их численность к 2020 году до 499 тысяч¹⁵⁹, но потом эта цифра благополучно исчезла из официальных планов), 250-260 тысяч офицеров и неопределенного¹⁶⁰ (25-30 тысяч) количества курсантов военно-учебных заведений. На самом деле, это означает, что Вооруженные силы фактически подходят к ситуации, когда без особого ущерба для безопасности можно отменить принудительный призыв. Служба по призыву должна стать добровольной: для тех, кто хочет служить в дальнейшем в качестве контрактника в армии или других силовых структурах.

Однако пока что сохраняется и возможность к возвращению к массовой мобилизационной армии. Об этом свидетельствуют бесконечные эксперименты с организацией резерва, которые, как я уже писал, генералитету удалось превратить в профанацию. Тем не менее, изменения в сфере комплектования Вооруженных сил следует считать главным успехом реформы.

Сержанты – становой хребет армии

Куда хуже выглядят перспективы качественных перемен, без которых существование современных Вооруженных сил попросту невозможно. Как переходить к профессиональной армии, хорошо известно - этим путем в 1970-е годы прошли американцы, а в 90-е - французы. Для этого, разумеется, недостаточно просто отменить призыв. Предварительно должны произойти кардинальные изменения в подготовке как младших командиров, так и офицеров. Хорошо известно, что становой хребет такой армии - профессиональные унтер-офицеры и без заранее подготовленного корпуса младших командиров о профессиональных Вооруженных силах нечего и думать. Ведь именно сержанты, авторитет которых обеспечивается и опытом, и военным мастерством, должны железной рукой поддерживать дисциплину в казарме. В противном случае порядок в казарме обеспечивается на основе уголовно-первобытной "дедовщины".

Что касается обеспечения российской армии сержантами, то на сей счет существовала, начатая в 2008-м специальная программа, выполнение которой должно было еще к началу 2016 года обеспечить заполне-

¹⁵⁹ В 2020 году в российской армии будут служить полмиллиона контрактников. Аргументы недели 14 февраля 2014 года

¹⁶⁰ В 2016 из училищ было выпущено всего 2 тысячи офицеров http://function.mil.ru/news_page/country/more.htm?id=12088746@egNews, что явилось следствием того, что в 2010 – 2012 годах набор был резко сокращен. Зато, в в 2013 было принято сразу около 15 тысяч курсантов <https://lenta.ru/news/2015/06/29/yourinthearmynow/>

ние контрактниками всех 65 тысяч сержантских должностей¹⁶¹. На сайте Минобороны можно обнаружить очень внятный текст¹⁶², посвященный системе подготовки сержантов которая, что очень важно, подразумевает создание собственной сержантской иерархии должностей. Эта система предполагает, что подготовка сержантов начинается со второго уровня подготовки контрактников. Обучение на этом этапе длится от 3 до 10 месяцев, а по некоторым специальностям даже 2 года 10 месяцев. На этом втором уровне готовят сержантов на должности командира отделения, танка, расчета. Чтобы начать учиться на сержанта необходимо прослужить в воинских частях не менее 2 лет. Обучение проводится в школах сержантов, учебных центрах, учебных соединениях, воинских частях и вузах в течение не менее 3-х месяцев. Подготовка этой категории сержантов, подчеркивается в тексте, уделяется особое внимание, поскольку после окончания обучения «они должны знать не только вооружение и военную технику, но и иметь навыки управления воинским коллективом, как в условиях повседневной деятельности, так и в ходе ведения боя».

На третьем уровне осуществляется подготовка сержантов на должности командира взвода, заместителя командира взвода. Кандидаты набираются из числа сержантов, прошедших обучение по программе 2-го уровня и прослуживших затем на сержантской должности не менее 3-5 лет. Их подготовка организована в школах сержантов и вузах продолжительностью до 3-х месяцев. На четвертом уровне осуществляется подготовка мастер-сержантов бригадного и полкового звена. Для этого нужно иметь образование не ниже среднего профессионального и выслугу не менее 10 лет. Их обучение должно проводиться в Рязанском центре подготовки сержантов со сроком обучения от 3 до 5 месяцев. При этом курсанты будут приобретать теоретические знания по всем аспектам штабной и командирской деятельности сержантов. Наконец, на пятом уровне осуществляется подготовка главных сержантов от армейского звена и выше до главного сержанта Вооруженных Сил РФ. Кандидаты будут подбираться из числа мастер-сержантов бригадного (полкового) звена, прослуживших не менее 15 лет, а затем проходить обучение в Рязанском центре подготовки сержантов продолжительностью около 3 месяцев. На сайте Министерства обороны размещен и список из более чем семи десятков учебных заведений, где должна вестись подготовка сержантов.

Одна беда, руководство военного ведомства, которое не забывает рапортовать обо всех своих успехах, ничего не сообщило о результатах реализации программы, важнейшей в деле модернизации Вооруженных сил. Программы, которая, как мы помним, должна была быть выполне-

¹⁶¹ <https://www.referent.ru/1/179752>

¹⁶² <http://recrut.mil.ru/career/soldiering/qualification/soldier.htm>

на еще в 2015 году. Никто не вспоминает о намерении учредить должности мастер-сержанта и главного сержанта вида Вооруженных сил. Это наводит на предположение, что эта программа была сорвана и о ней предпочли просто забыть. Казалось бы, создание корпуса профессиональных сержантов – самая простая часть «качественной» реформы армии. Она не должна была бы вызывать больших противоречий. Однако реализовать программу, о которой говорили с конца 1980-х годов прошлого века, не удалось до сих пор.

Офицер – будущее Вооруженных сил

Но как только сержантов начинают готовить как следует, и сразу выясняется, что наши офицерские высшие военные учебные заведения выпускают не профессионалов, а военных ремесленников, которые только в массовой призывной армии и при отсутствии настоящего сержанта могут чувствовать себя профессионально состоятельными. Поэтому важнейшим направлением военной реформы является кардинальное изменение системы военного образования и условий прохождения службы. Российский офицер должен перестать быть ничтожным, не имеющим права на инициативу винтиком военной машины, который получает знания исключительно "в части его касающейся", дабы освоить один или два образца конкретной военной техники. Чтобы сделать нашего офицера подлинным профессионалом вся система образования должна быть смещена в сторону гуманитарных дисциплин. Однако все это будет бесполезно, если не изменить кардинально правила прохождения службы. Для изменения ситуации необходимо все назначения на вышестоящие должности проводить через открытый и гласный конкурс.

Напомню, что Сердюков и его подчиненные приняли решение все военные вузы — в 2008-м их было 68 — преобразовать в 10 учебно-научных центров (по видам и родам Вооруженных сил). Именно там планировалось сконцентрировать ведущих исследователей в соответствующих областях военной науки, появлялся шанс, что курсанты и офицеры приобщатся к самым современным методам ведения боевых действий.

Также решено было отказаться от академий видов Вооруженных сил и сократить обучение в Академии Генштаба до нескольких месяцев. Реформаторы исходили из того, что курсант, получив базовое военное образование, в дальнейшем приобретет новые знания, уже не покидая надолго места службы (при прежней системе офицер мог провести заметную часть времени в отрыве от войск: три года в академии, а потом еще два — в Академии Генштаба). Для получения очередной должности и звания он должен обязательно (одной выслуги лет уже недоста-

точно) пройти не слишком длительные курсы, освоить новые знания и умения в какой-то конкретной области.

Наконец, и это главное, должна была быть кардинально пересмотрена программа базового обучения. В ее основу предполагалось положить фундаментальные научные дисциплины, приобретению же конкретных военных навыков должно уделяться гораздо меньше внимания (как показывает иностранный опыт, последние легко осваиваются в специальных центрах подготовки). Более того, во всех военных вузах гуманитарные дисциплины, в первую очередь изучение иностранных языков, реформаторы собирались сделать одними из главных. Одним словом, во главу угла были поставлены такие качества командиров, как способность постоянно учиться, понимать окружающий мир и свое место в нем.

И вот здесь после увольнения Сердюкова реформе был дан обратный ход. Идя навстречу требованиям «армейской общественности», Министерство обороны решило сохранить ряд военных академий в качестве самостоятельных образовательных учреждений: 26 вузов и 9 их филиалов. Военно-учебные заведения, подконтрольные в сердюковские времена департаменту образования Минобороны, теперь вновь подчинили Главным командованиям соответствующих видов Вооруженных сил. Решая свои узковедомственные задачи, они, конечно же, стали требовать, чтобы вузы вооружали курсантов не фундаментальными знаниями, а прежде всего практическими навыками. К этому же наверняка приведет и объявленный Шойгу возврат к старой, по сути советской, схеме военного образования: военное училище — академия соответствующего вида Вооруженных Сил — Академия Генштаба.

На мой взгляд, власть не случайно отказалась от реформы военного образования. Представим, что в армию пришли образованные, самостоятельные, уверенные в себе и своих правах люди. Вряд ли их устроит нынешняя система, при которой офицер обязан выполнить любой, даже преступный приказ, в противном случае его отдадут под трибунал (обжаловать можно, но только после выполнения). Поэтому такие получившие современное образование офицеры — очень неудобный для нынешней власти контингент. Как видим, военное ведомство также разворачивается в сторону прежнего «расширенного воспроизводства» офицерских кадров. Ведь понятно, что все эти не ликвидированные училища, с еще большей энергией доказывающие свою важность, будут добиваться от главкоматов увеличения числа курсантов. Избыток офицеров грозит стране еще и потому, что срок службы офицеров был продлен на пять лет.

Гражданский контроль

Но все же прошедшая реформа решительно усилила эффективность армии. И вопрос о гражданском контроле над этими, пользующимися авторитетом как у высшего руководства, так и у населения Вооруженными силами, приобретает особую актуальность. В течение многих лет излюбленным аргументом противников реформы был абсолютно справедливый тезис о том, что Вооруженные Силы не могут сами себя реформировать. Казалось бы, из него со всей очевидностью должен следовать вывод: военачальники должны безоговорочно принять к исполнению те планы реформирования, которые им предлагают гражданские руководители страны. Однако в России он странным образом использовался для того, чтобы оправдать нежелание высших военных участвовать в реформах и, одновременно, избежать ответственности за их откровенный саботаж.

Вместо того чтобы принимать к исполнению решения президента, генералы сопротивлялись любым предложениям гражданских реформаторов, обвиняя их в некомпетентности, безответственности, стремлении разрушить Вооруженные силы великой державы. В этом смысле весьма характерно то, что Игорь Родионов писал, еще будучи начальником Академии Генерального штаба: "Политическое руководство не имеет права определять контуры будущих Вооруженных сил и новой военной организации исходя из сегодняшних возможностей, рамок урезанного военного бюджета".¹⁶³

По сути дела высшие военные старались убедить Кремль, что им принадлежит исключительное право оценивать, насколько хороши или плохи планы реформирования Вооруженных Сил, которые уже одобрены российским политическим руководством, и не нести при этом никакой ответственности. Тот факт, что генералам в помощь софизмов удалось в течение 16 лет тормозить реформу, и указывает на действительно острую и до сих пор нерешенную проблему – проблему гражданского контроля над Вооруженными Силами.

Следует заметить, что Кремль уверен (по крайней мере, это прямо следует из заявлений Владимира Путина), что этой проблемы уже не существует. В какой-то момент "шагом к демилитаризации» общественной жизни России было объявлено назначение Сергея Иванова, отставного генерала из разведки, министром обороны. Ну а уж когда министром был назначен Анатолий Сердюков, который отслужив после окончания института срочную службу, иных дел с армией не имел, российское начальство окончательно уверилось, что гражданский контроль установился в России прочно и навсегда. Впрочем, такого контроля Кремлю показалось даже слишком много. С назначением Шойгу

¹⁶³ Независимая газета 073 (НВО-2) апрель 19996 года Военная реформа в России

все вернулось на круги своя. Хоть Сергей Кужугетович как и Сергей Иванов не имеет никакого военного образования, он с удовольствием носит военную форму. Более того, он обрядил в мундиры и гражданских чиновников минобороны, украсив плечи высоких начальников не заслуженными ими генеральскими звездами.

Гучков, Керенский, Троцкий, Ельцин, Сердюков - таков куцей список гражданских людей, которые занимали в российской истории должность руководителя военного ведомства. За последние 25 лет так и не удалось прервать идущую из глубины веков традицию, в соответствии с которой военное дело в России - закрытая область, куда допускаются лишь посвященные. Знаком посвящения был мундир, в который со времен Петра Великого любили рядиться цари, генсеки и наркомы. И поэтому всякий раз, когда министрами обороны становились люди только что снявшие военный мундир, официальные лица спешили объявить: великое свершилось. Получив «гражданского» министра обороны, страна сделала, мол, еще один шаг к гражданскому контролю над Вооруженными силами, существующему в цивилизованных странах. Однако российская же история показывает, что отсутствие лампасов и звезд у главы военного ведомства еще не означает гражданского контроля. Тот же "гражданский" Троцкий был законченным милитаристом, создателем трудов армии. Говорят, на первом же заседании Совета Безопасности, где простодушный Игорь Родионов, только что попросившийся с генеральским мундиром, присутствовал в качестве гражданского министра, он заверял коллег-силовиков: "Это только форма изменилась. Содержание осталось то же самое"¹⁶⁴. И это было правдой.

Что до Сергея Иванова, то и он так не дал себе труда понять, что на него возложена обязанность осуществлять гражданский контроль над военным ведомством. Свое назначение он, скорее всего, воспринял как ловкую операцию прикрытия. Раз требуют эти нудные западники гражданского министра обороны - да пусть подавятся, профессиональный разведчик готов играть и эту роль. Собственно говоря, только Анатолий Сердюков, которого недоброжелатели не устают попрекать его якобы некомпетентностью заодно с «мебельным» прошлым, отвечал критериям «нормального» по меркам цивилизованных стран главы военного ведомства. Он не только представлял собой гражданского менеджера, доказавшего свою эффективность в других сферах. Он попытался привести в военное ведомство гражданских чиновников. Пресловутый «батальон в юбках» был с такой ненавистью воспринят генерали-

¹⁶⁴ Вряд ли Родионов был в курсе, что почти дословно воспроизводил исторический анекдот о знаменитом французском генерале Галифе. Возглавив военное ведомство, тот приказал обращаться к нему «господин генерал», а не «господин министр»: «Министр я лишь несколько дней, а генералом я останусь до конца жизни». По иронии судьбы, Галифе пробыл на министерской должности лишь несколько месяцев (как и Родионов) и покинул ее со словами: «Дерьмо. Я этим сыт по горло»

тетом вовсе не из-за коррумпированности и некомпетентности сердюковских назначенцев. Они очевидным образом отсекали генералитет от денежных потоков и лишали возможности распоряжаться огромными ресурсами военного ведомства.

В действительности гражданский контроль - это вовсе не блажь иностранцев и уж тем более не диверсия, направленная на разложение Вооруженных Сил. Это весьма действенный инструмент, который обеспечивает эффективное управление армией в условиях демократии. Об этом не принято говорить, но военная служба тем и отличается от любой другой государственной службы, что страна вправе требовать от солдата и офицера действий, противных человеческой природе: он должен убивать и подвергать свою жизнь смертельной опасности. Веками вырабатывались специфические принципы этой службы: единоначалие, безусловное выполнение приказов, строгая иерархия званий и должностей. Поэтому армия и в условиях демократии в силу своей специфики живет по совершенно недемократичным правилам и нормам. Объясняется этот парадокс просто - только таким образом можно преодолеть естественный для нормального человека страх смерти. Непонятная для гражданского человека любовь военных к хождению строем объясняется просто: из него трудно вырваться и убежать.

Демократические государства должны контролировать свои Вооруженные силы особенно тщательно. Армия, хоть она и предназначена для решения силовыми методами внешних задач, имеет все необходимое, чтобы силой же принудить общество в своей стране выполнить волю генералов. История знает массу примеров, когда высшие офицеры такую возможность использовали. Называется это военным переворотом.

Как раз такое противоречие - существование внутри демократического общества принципиально недемократического инструмента внешней защиты этого общества, - и призвана разрешить система гражданского контроля. Ее основой является, конечно, контроль парламентский (что, разумеется, невозможно при существующей системе российской власти, предполагающей импотенцию представительных органов). Речь, прежде всего о «позитивном» контроле над сферой обороны и безопасности – парламент должен иметь как право, так и обязанность критически оценивать предложения Министерства обороны, правоохранительных ведомств, специальных служб и разрешать финансирование только тех программ, которые отвечают, по мнению народных избранников, интересам страны и ее возможностям. При этом о дискуссиях в парламенте общественность должны регулярно информировать СМИ. Должны открыто публиковаться протоколы посвященных вопросам обороны заседаний и слушаний (за исключением тех редких случаев, когда обсуждаются действительно секретные вопросы) Государственной Думы, ее профильных комитетов. Таким обра-

зом, открыто и гласно происходит формирование государственной политики в области обороны и безопасности.

При этом оборонные расходы должны быть максимально детализированы и максимально же открыты, для чего необходимо кардинально пересмотреть ряд законов, в частности, Бюджетный кодекс и Закон «О государственной тайне», а также ряд подзаконных актов. Военный бюджет должен не только соответствовать стандарту отчетов ООН о военных расходах государств, но и быть гораздо обширнее, подробнее, чтобы парламентарии и привлечённые ими эксперты не принимали бы на веру заявления руководителей Министерства обороны относительно основных тенденции развития Вооруженных сил, их оснащения оружием и обеспечения военнослужащих всеми видами довольствия, а имели бы возможность самостоятельно их оценить. Кроме того, парламент должен быть наделен и функцией «негативного» контроля, то есть законодательно закрепленным правом контроля над тем, как именно расходуются ранее выделенные средства.

Гражданский контроль не ограничивается парламентским. Принципиальным является создание институтов независимой экспертизы в области обороны и безопасности. Эти научные центры должны обеспечить объективный анализ процессов, происходящих в этой сфере, разработку рекомендаций, не продиктованных заинтересованными министерствами. Параллельно такие научные центры должны создать и учебные заведения, которые будут готовить не только будущих исследователей, но и гражданских специалистов, компетентных в области обороны и безопасности. Именно эти специалисты и должны составить аппарат гражданских служащих Министерства обороны.

Разумеется, этот вариант может быть реализован при кардинальной смене политической системы. Если иметь в виду специфическую, глубоко милитаристскую сущность нынешней системы власти, описанные выше преобразования и должны стать одним важнейших элементов политических перемен. Эти предложения в том или ином виде содержались и в плане Батурина, и в документах подготовленных аппаратом Совета Безопасности при Кокошине. В наиболее полном виде эти же подходы содержатся в документе "Военная реформа Российской Федерации. Тезисы Совета по внешней и оборонной политике"¹⁶⁵

Важнейший элемент гражданского контроля - это жесткое разделение функций военных и политических руководителей. Только в России, к сожалению, имеет право на жизнь столь странный термин как "военно-политическое руководство", который для любого нормального демократического государства выглядит оксюмороном. Для эффективно управления Вооруженными силами обязательно требуется решительно разделить функции, а, стало быть, и ответственность высших

¹⁶⁵ <http://svop.ru/public/pub1997/1238/>

военных и политических руководителей. Эту систему взаимоотношений армии и политиков один британский государственный муж в позапрошлом веке описал формулой: "Дело солдата - убивать врагов королевы, дело политика - указать солдату этих врагов". Должна быть в принципе исключена ситуация, когда генералитет принимает решение относительно того, что угрожает в конкретный момент государству. Военные должны лишь консультировать высшее политическое руководство, а после того как решение принято, неукоснительно выполнять.

Разумеется, для осуществления гражданского контроля одного штатского министра недостаточно. Оборонные министерства стран Запада по большей части состоят из гражданских чиновников - именно они формулируют решения, которые после того, как они получают одобрение высшего политического руководства, надлежит выполнять военным. При этом министр обороны должен быть не "главным генералом", а, по идее, превратиться в политика. А само Министерство обороны должно стать ведомством, вырабатывающим оборонную политику, согласующим оборонные потребности государства с его возможностями. Его задачей становится перевод политических целей, формулируемых президентом, на язык конкретных военных приказов. Выполнять же эти приказы должен уже генеральный штаб и оперативные военные командования. Пока что нет даже намека, что Кремль и нынешнее руководство министерства обороны отдают себе отчет в необходимости такого переустройства. При этом Шойгу расплачивается за генеральские лампасы тем, что является главным генералом. В этом и кроется главная ловушка. Если Министерство обороны остается военным ведомством, то министр обречен принимать сугубо технические решения и нести за них ответственность. Таким образом, он неизбежно становится заложником военных, которые готовят его решения. В России министерство обороны, как было, так и останется одетым в военный мундир. Никто не ставит задачу воспитать сотни гражданских чиновников, компетентных в военном деле. И новую породу генералов, которые без предубеждения будут готовы выполнять приказы любого гражданского министра.

Да, сегодня удалось победить генеральскую вольницу 90-х и начала 2000 годов, когда генералы позволяли себе высказывать некое собственное мнение, которое зачастую игнорировало позицию президента и Верховного главнокомандующего. Примеров тому более чем достаточно. Это уже упоминавшееся требование генералов продолжить наступление в Чечне осенью 1999 года, в момент, когда Кремль еще не принял окончательного решения относительно того, как должна развиваться операция. Это и распространение насквозь фальшивой версии гибели «Курска», когда вопреки очевидному адмиралы пытались доказать, что причиной катастрофы была мифическая субмарина НАТО. В октябре 2001 года Путин был вынужден поначалу уступить, когда ру-

ководители так называемых «силовых министерств» не согласились с подготовленными в аппарате Совета Безопасности планами сокращения их ведомств. Все это было возможно только в том случае, если не существует жестко очерченных требований, предъявляемых к поведению высших военачальников.

Впрочем, в последние годы генералы, вынужденные держать сейчас рот на замке, в совершенстве освоили приемы саботажа тех решений высшего руководства страны, которые их не устраивают. Вспомним о приведенных выше примерах саботажа в целом разумных попыток придать цивилизованную форму службе в резерве.

Пока что Владимир Путин уверен, что его авторитета, а также исполнительности и лояльности Сергея Шойгу достаточно, чтобы контролировать армию. Но это иллюзия. Разумеется, Путину и Шойгу удастся держать военных в узде, в том смысле, что тем и в голову не придет пока что затевать что-то наподобие военного переворота. Но без эффективного контроля со стороны общества коррупция еще больше, чем теперь будет разъедать военные круги. И это приведет к тому, что средства, направляемые на Вооруженные силы, и в будущем будут исчезать неизвестно куда. Между тем, обеспечением гласности вопрос о гражданском контроле отнюдь не исчерпывается. Парадоксальный факт - общество должно не только выполнить свою часть контракта, но и создать условия для того, чтобы военный мог выполнить свою. Гарантия, что офицер, которому общество доверило мощное оружие, не отдаст преступный приказ, в том и состоит, что он сознательно приемлет законы, по которым данное общество живет.

Между тем вместо реальной картины современного мира профессиональные военные получают дикий суррогат, который готовят для них на кафедрах научного коммунизма, спешно переименованных руководством военных училищ и академий в политологические. Очень немногие в военном ведомстве понимают, что от соблазна вмешаться в политику в момент кризиса военного может уберечь только адекватное понимание того, что происходит в стране. А также понимание своей роли в государственном механизме.

Армия и политика

Подмена гражданского контроля контролем со стороны уполномоченных Путиным чиновников приводит к тому, что военные не имеют представления о том, чем ограничивается их роль в государстве. Если просто бросить мысленный взгляд на бурные события 90-х годов и на ту решающую роль, которую сыграли в них Вооруженные Силы, то опасения, что излишняя вовлеченность российской армии в политику может представлять собой угрозу государству, могут показаться вполне состоятельными. Собственно говоря, история современной России

началась с попытки путча в августе 1991 года, в котором Советская Армия была одной из главных действующих сил. Позже военные были единственной силой в России, рискнувшей в ходе Всеармейского офицерского собрания, проходившего в январе 1992 года прямо обвинить Бориса Ельцина в развале СССР и потребовать восстановления Советского Союза. В 1992-1993 годах во время противостояния между Кремлем и Верховным Советом вопрос о том будет ли армия участвовать в этой борьбе, и если да, то на чьей стороне, был одним из главных, если не самым главным. Как известно, высшее военное руководство, неоднократно заявлявшее о своем нейтралитете, выступило, в конце концов, на стороне Ельцина.

Представляется, что в настоящее время политическая роль военных скорее походит на ту, которую они играли в СССР, нежели в бурные 90-е. Как ни парадоксально может выглядеть подобное утверждение, но политическая роль военных в Советском Союзе, в этом насквозь милитаризованном государстве была довольно скромной. Разумеется, руководители страны были готовы слепо поверить любой информации, которую предоставит министерство обороны о "враждебных приготовлениях мирового империализма". Точно так же военные могли получить любые деньги и любые материальные ресурсы, необходимые для разработки любой военной техники. Военные присутствовали во всех органах партийной власти: от бюро райкома до Политбюро ЦК КПСС. Однако они лишь в исключительных случаях участвовали во внутривнутриполитической борьбе.

Во второй половине XX века военные только дважды сыграли важную роль в советских внутривнутриполитических кризисах. Оба случая связаны с маршалом Жуковым. Летом 1953-го преданные ему офицеры из штаба Московского округа ПВО арестовали Лаврентия Берию, человека, который руководил советскими спецслужбами в течение пятнадцати лет и который после смерти Сталина пытался захватить власть. Тремя годами позже маршал Жуков предоставил Хрущеву самолеты военнотранспортной авиации, чтобы экстренно доставить в Москву всех членов Центрального комитета КПСС и помешать тем самым попытке бывших сподвижников Сталина Маленкова, Молотова и Булганина вернуть власть. Весьма показательно, что готовность министра обороны, пользовавшегося огромным авторитетом в армии, к участию во внутривнутриполитической борьбе серьезно испугала самого Хрущева. Вместо благодарности Хрущев поспешил отправить маршала в отставку, подвергнув его унижительному партийному суду.

В брежневскую эпоху генералитет, имевший решающий голос в вопросах внешней политики и безопасности, не оказывал почти никакого влияния на принятие решений во внутривнутриполитических вопросах. Так военные без восторга, но и без видимого сопротивления восприняли назначение министром обороны "гражданского" Дмитрия Устинова. По

сути дела в Советском Союзе существовала весьма эффективная система контроля над армией. Разумеется, это была не система контроля со стороны гражданского общества, так как отсутствовало само гражданское общество. Главной задачей советских политических органов было осуществление неусыпного контроля за лояльностью офицеров и генералов. В любом случае подавление всякой политической инициативы в офицерской среде было обеспечено на все сто процентов.

Тоталитарному режиму в силу того, что в нем заложен принцип беспрекословного подчинения, куда проще осуществлять государственный (назвать его гражданским язык не поворачивается) контроль над военными, чем демократическому обществу. Протоколы "разводов через партком" и политдонесения, частенько напоминавшие обыкновенные доносы, в одночасье ломали карьеры и калечили судьбы боевых командиров. Характеристики на высших офицеров регулярно направлялись их собственными заместителями по политработе во всемогущий отдел административных органов ЦК КПСС, который имел решающее слово при назначении на должность.

А Главное политическое управление Советской Армии и Военно-Морского Флота, имевшее статус отдела ЦК, бдило уже в масштабах всей оборонной сферы без малейшего изъятия. Критерии "идейности" были тут куда жестче стандартных советских. Вообще героем мог быть только тот, кому положено, - отличник боевой и политической подготовки, даже внешне соответствующий плакатному стандарту. И отчаянный фотокор "Красной звезды", добравшись до богом забытого взвода где-нибудь в горах Саланга, первым делом просил солдат застегнуть воротнички и побриться, дабы их "неуставной" вид не вызвал приступа гнева у очередного кабинетного политначальника. В годы горбачевской перестройки именно ГлавПУРа оказывал поддержку наиболее одиозным охранительным персонажам типа Александра Проханова и Карема Раша.

При этом следует признать, что во взаимоотношениях высшей власти и военных ею же воспитанных не наблюдалось серьезных противоречий. При условии, что власть брала на себя всю ответственность за последствия своих решений о применении силы, военные были готовы участвовать даже в делах весьма грязных – достаточно вспомнить расстрел мирной демонстрации в Новочеркасске в 1962, подавление антикоммунистического восстания в Венгрии и вторжение в Чехословакию.

Подлинный кризис наступил в приходом гласности, когда Кремль попытался использовать армию в подавлении национального движения в Армении, Азербайджане, Грузии и Прибалтике. Впервые генсек КПСС и министр обороны побоялись признать, что армия действовала по их приказам. И более того, высшее руководство отнюдь не пыталось защищать силовиков, когда на них обрушился огонь беспощадной критики со стороны советской либеральной общественности. Впервые это

предательство политиков стало очевидным для военных после событий в Тбилиси в апреле 1989 года. Игорь Родионов выполнил приказ Кремля – и в тот же миг оказался козлом отпущения. И brave генерал испугался на всю жизнь. Если Родионов испугался, то Александр Лебедь, командовавший десантниками в Тбилиси, впервые возмущился безответственностью политиков. Впоследствии это возмущение превратило и его в политика.

«Начиная с 1988 года, с Сумгаита, я не получал ни одного письменного приказа, - с вполне искренним раздражением повествовал Лебедь. - Телефонный звонок: "Летите, соколы, в ту сторону, там нехорошо, наведите порядок" - и все. В Тбилиси, например, я прилетел с тремя полками - на 140 военно-транспортных самолетах. Представляете, какая это работа: поднять десятки самолетов в разных городах, построить эту армаду в воздухе, пригнать, а потом, когда Горбачев удивляется, сделать вид: а черт ее знает, как она туда попала... Ничего с тех пор не изменилось. Каждый раз мне звонили по телефону. Ни разу не получал письменного приказа. Как будто это командир дивизии сам решал погрузить личный состав в самолеты и лететь в Тбилиси, Вильнюс и Баку. Я вдруг понял, что я только инструмент... Я устал от дураков, которые отдают мне приказы».¹⁶⁶

Одновременно власть демонстрировала поразительную некомпетентность в использовании армии. Секретные приказы, которые отдавали военным, были заведомо невыполнимы. Вводя войска в Баку и Карабах, советское руководство, далеко не всегда стремилось урегулировать межнациональные конфликты. Оно скорее вело политические игры вокруг них, пытаясь через «миротворчество» укрепить роль Москвы в торге с республиками относительно степени их независимости. Армию же при таком подходе направляли в "горячие точки" с неопределенными функциями и неясными полномочиями, подобно тому, как в прошлом веке к взбунтовавшимся крестьянам выносили фуражку капитан-исправника. Направляли, чтобы лишь обозначить волю к урегулированию, которой в действительности не было. На практике это означало немалые потери среди военных и провал миссии.

Пиком кризиса советской системы отношений между гражданскими политиками и военными стало участие армии в попытке отстранения Горбачева. Военные вполне искренне ненавидели первого президента СССР, обвиняя его в развале некогда самых мощных в мире Вооруженных сил. Они с одобрением восприняли переворот, но когда дело дошло до необходимости использовать силу, остановились. Остановились как раз потому, что не верили руководителям ГКЧП, опасались, что на армию в очередной раз возложат ответственность за кровопролитие.

¹⁶⁶Евгений Латышев. Неизвестный генерал Лебедь. Новые известия 5 октября 2001

После провала путча Ельцин получил армию, которая испытывала глубокое недоверие не к каким-то отдельным политикам, а к высшей государственной власти в целом. Чтобы использовать эту силу во внутриполитической борьбе, нужно было обладать волей и харизмой первого российского президента. Это удалось ему только однажды, в октябре 1993-го. Но ему пришлось лично приехать в Министерство обороны, чтобы в течение нескольких часов убеждать Павла Грачева, в личной преданности которого он не сомневался, применить силу против Верховного Совета. Министр обороны, явно не желавший этого, требовал все того же «письменного приказа», на котором в свое время настаивали и Язов, и Лебедь.

Как известно, мысль о возможности использования военной силы против коммунистической оппозиции возникала у Бориса Ельцина и его окружения и впоследствии. Однако практически сразу становилось очевидно: шансов на то, что армия выступит на стороне исполнительной власти, равны нулю. Так было, к примеру, в октябре 1997, когда оппозиция обещала массовые антиельцинские выступления в годовщину событий 1993-го и грозилась вывести на улицы сотни тысяч людей. Минобороны ясно дало понять, что во внутриполитическом конфликте армия не желает принимать участия ни с той, ни с другой стороны. Высокопоставленные офицеры Московского гарнизона, с которыми я беседовал в те дни, полностью исключили возможность привлечения армии к обеспечению безопасности в столице. Показательно, что министр обороны Игорь Сергеев, находившийся в отпуске, сразу по выходе из него 5 октября, демонстративно отправился не в бурлившую Москву, а с визитом в Грецию.

Последний раз вопрос об использовании армии против оппозиции встал осенью 1998 года, когда жестокий финансово-экономический кризис перерос в политическое противостояние. После падения кабинета Сергея Киреенко Дума, контролируемая левыми, отказалась утвердить предложенную президентом кандидатуру Виктора Черномырдина на посту премьера. В момент, когда все возможности для диалога были исчерпаны коммунистические оппозиционеры стали всерьез опасаться, что президент разгонит Думу с помощью армии.

Как сейчас известно, в президентской администрации действительно допускали возможность еще раз использовать военную силу в противостоянии исполнительной и законодательной власти. Однако секретарь Совета безопасности Андрей Кокошин подготовил обширный меморандум о настроениях в армии, основанный на данных военной контрразведки. Вывод был очевиден – даже получив прямой приказ президента о «наведении порядка в столице» ни армия, ни внутренние войска его не выполнят. А Ельцин в 1998 году совсем не походил на Ельцина 1993-го. Кремлю не оставалось ничего другого как заняться поисками кандидата в премьеры, который устроил бы Думу. Таким образом, по-

сле октября 1993 года у исполнительной власти не было ни малейшего шанса использовать Вооруженные силы в борьбе за власть.

Но таких шансов не было и у противников Кремля. Все 90-е годы левая оппозиция рассматривала офицерство, как своего естественного союзника. Точно так же как коммунисты и националисты большинство офицеров обвиняли Ельцина и реформаторов в развале великой державы и великой армии. Самые крупные демонстрации оппозиционных сил неизменно проходили 23 февраля – в День Советской Армии и Военно-Морского Флота, который Ельцин лишь переименовал, но отменить не рискнул. Более того, как раз на момент политических кризисов приходились периоды максимального ухудшения материального положения военнослужащих. В 1997-1998 казалось, что армия, доведенная до отчаяния, действительно может решиться на выступление против Ельцина. Как раз в этот период появилось и стало набирать силу "Движение в поддержку армии, оборонной промышленности и военной науки" (ДПА), которое явно претендовало на то, чтобы стать военной организацией коммунистической партии. Его возглавлял герой первой чеченской войны Лев Рохлин, который направил осенью 1997 года Рохлин открытое письмо Верховному главнокомандующему. Текст этого письма он послал во все воинские части. Рохлин прямо обвинил Ельцина в развале Вооруженных сил, намекая при этом, что президент действовал под диктовку ЦРУ. Генерал призвал офицеров к сплочению «перед лицом наступления на армию». Он рекомендовал провести офицерские собрания, которые должны были направить коллективные требования в адрес президента, парламента, Верховного и Конституционного судов. Рохлин вполне ясно требовал от президента "уйти и дать дорогу другим". Однако голодная и злая на власть армия проигнорировала эти призывы.

В июле 1998 года Рохлин был убит, а председателем ДПА стал представитель радикального крыла КПРФ, председатель комитета Думы по безопасности Виктор Илюхин. Он тут же призвал военных "не исполнять приказы командования, не оставлять оружия и не покидать военные городки, если увольняемые из армии не будут обеспечены жильем и им не выдадут все компенсационные выплаты"¹⁶⁷. Что дальше делать военные после того, как они перестанут "исполнять приказы командования", стало ясно из его интервью "Независимой газете". В нем он заявил, что "правовой путь решения вопроса о власти в России исчерпан"¹⁶⁸.

¹⁶⁷ Александр Садчиков, Виктор Литовкин. Коммунисты вновь призывают армию к неповиновению. Известия 23.7.1998

¹⁶⁸ Сергей Дунаев. «Мы должны добиться смещения президента до всяких выборов». Независимая газета 22 июля 1998

Однако армия продолжала безмолвствовать. Наивно полагать, что офицеры в этот период были столь дисциплинированы, что беспрекословно исполняли регулярно издававшиеся Министром обороны приказы, запрещавшие участие в военнотружущих в политических организациях. Представляется, что невмешательство Вооруженных Сил в политику во второй половине 1990-х годов определялось тем, что офицерский корпус испытывал такое же глубокое недоверие как к оппозиции, так и к исполнительной власти. Благополучный вид главных оппозиционеров свидетельствовал, что они вполне интегрировались в проклинаемый ими «ельцинский режим». Российская армия относилась к политической борьбе как к сваре между «своими», призывая «чуму на оба этих дома».

Но тогда возникает, вопрос, почему армия сама не выдвинула харизматического лидера и не взяла власть, которая валялась на земле всю вторую половину 90-х. Надо сказать, тяжелый генеральский шаг сотрясал российскую политическую сцену все это бурное десятилетие. Руслан Аушев, Александр Рущкой, Александр Лебедь - у этих генералов были разные, во многих случаях прямо противоположные политические взгляды, различные цели и непохожие характеры. Но всех их отличало одно: в политику их выбросило тогда, когда они, боевые офицеры, сделавшие блестящую карьеру, посчитали: высшая государственная власть, чьи приказы они обязаны были выполнять без тени сомнения, ведет себя подло, делает из людей в погонах палачей и козлов отпущения одновременно. Герой Советского Союза полковник Рущкой стал политической фигурой, когда, чеканя шаг, поднялся на трибуну Съезда народных депутатов, дабы заклеить Кремль, пославший войска в Вильнюс и Таллин. Герой Советского Союза Руслан Аушев пошел в президенты Ингушетии, посчитав себя оскорбленным действиями Москвы во время осетино-ингушского конфликта в Пригородном районе.

Все это происходило в стране, где свирепствовал экономический кризис, где президент, который наделен огромной властью, все реже покидал больницу. В этой ситуации стало почти модным твердить, что обилие генералов в политике грозит стране диктатурой, появлением российского Пиночета. Следует признать, что все военачальники, занявшиеся политикой, добились определенного успеха. Однако ни один из них не только не стал российским Пиночетом, но, похоже, и не хотел им стать. При этом отставные генералы ни разу не пытались апеллировать непосредственно к армии. Они отлично понимали, что любая такая попытка, скорее всего, вызовет раздражение военных, которых опыт Вильнюса и Баку, опыт Москвы августа 1991-го и октября 1993-го научил держаться как можно дальше от политических интриг. Трудно было представить, что армия откликнется на призыв даже самого популярного генерала и вручит ему диктаторские полномочия.

Конечно, в массе своей военные, как и многие россияне, мечтали о "сильной руке", которая навела бы в стране порядок. При этом ни народ, ни потенциальные диктаторы пока что не готовы к применению насилия. Сочетанием как раз этих обстоятельств и объясняется не в последнюю очередь, на мой взгляд, объясняется феноменальная популярность Владимира Путина, который блестяще создает иллюзию сильной власти.

Неудачные попытки сплотить военных в единую политическую партию в 90-е наводят на мысль, что сопротивлялась этому, очевидно, сама природа тогдашней армии. Офицерский корпус (не говоря уже о солдатах-срочниках) отнюдь не представлял собой монолитную касту, которую цементирует некий корпоративный интерес. В том-то и дело, что у российских лейтенантов и генералов интересы были тогда разными. Результат – активное нежелание армии принимать участие во внутриполитических коллизиях – выглядит почти что цивилизованным. Проблема лишь в том, что он является отнюдь не следствием осознанного выбора, а ее разочарования в политиках.

С приходом к власти Владимира Путина вопрос о возможном вмешательстве армии в политику исчез с повестки дня, по крайней мере, в том виде как он стоял в 90-х. Левая оппозиция практически отказалась от попыток заигрывать с Вооруженными Силами. Армия постоянно клянется в неизбывной любви к Верховному главнокомандующему, при котором статус военных действительно вырос. Надо отметить, что сам Путин всячески старается питать эту «горячую поддержку» с помощью символических жестов, щедро раздавая звания и награды. Если армия еще играет определенную роль в российской политике, но только как некая часть электората, которой довольно легко манипулировать. Впрочем, это имеет значение лишь на парламентских выборах, где офицерам наверняка неофициально «рекомендуют» поддержать «партию власти». Не представляет проблемы для Кремля и немалое количество военных оказавшихся во власти. Сейчас генералов в отечественной политике даже больше, чем в ельцинские времена. Но власть вовсе не опасается генеральской фронды. Потому что сама этих погононосцев в политики и назначила. Высокопоставленные военные и работники специальных служб стали главным кадровым резервом в системе "управляемой демократии".

И здесь, надо сказать, обнаружился весьма любопытный тренд. В самый начальный период путинского правления предпочтение отдавалось армейским генералам, как людям, имеющим немалый административный опыт и некоторый авторитет в обществе. Но очень скоро все командные высоты были заняты сослуживцами Путина по КГБ. Один из приближенных к власти остроумцев даже заметил тогда, что вся политическая жизнь в стране свелась к конкуренции между выходцами из первого (разведка) и представителями второго (контрразведка)

советской спецслужбы. Казалось, что ничего хуже всевластия чекистов с их специфической моралью (а точнее, полным ее отсутствием) быть не может. Но вот в ходе третьего путинского срока на высшие должности стали назначать недавних телохранителей главы государства. Что еще хуже. Если чекистов воспитывали в вере, что все ими совершаемое служит для защиты народа, то телохранителей учили другому – защищать охраняемое лицо, не считаясь ни с какими жертвами.

Впрочем, расчет Кремля на то, что личный контроль Владимира Путина может заменить гражданский контроль, может оказаться ошибочным. Следует иметь в виду, что сейчас на командные должности в Вооруженных силах, а также спецслужбах пришли те, чья военная карьера начиналась в 90-е. И у них нет той абсолютной идиосинкразии к вмешательству в политику, которая присуща для офицеров, прошедших советскую систему военного воспитания. В случае серьезного кризиса Вооруженные силы, не имеющие никакой нравственной ориентации, живущие мифологизированными представлениями о великом имперском прошлом, могут преподнести весьма неприятные сюрпризы. Все расчеты на то, что российская армия практически всегда сохраняла верность высшей власти - и царской и советской и нынешней, на то, что российское офицерство испытывает глубокое недоверие ко всем политикам как правым так и левым, как к либералам, так и к националистам - могут оказаться ошибочными. И армия вновь как в феврале 1917-го для того, чтобы сохранить привычную организацию и «устои» (отречение Николая могло, по мнению командующих фронтами восстановить порядок в армии) вмешается в политикку. Такое вмешательство неизбежно обернется хаосом в ядерной державе, очередной российской катастрофой. И никакие охранники здесь не помогут.

Дьявол – это другие

Еще одним направлением военной реформы должна была бы стать демилитаризация так называемых силовых ведомств, в которых предусмотрена военная служба.

До середины 2000-х до дюжины различных министерств и ведомств обладали военными формированиями. Это были внутренние войска Министерства внутренних дел, Железнодорожные войска, войска гражданской обороны, инженерно-технические и дорожно-строительные воинские формирования (сюда входили войска Комитета по строительству, дорожные войска, войска всевозможных специальных строительных служб), войска Службы внешней разведки Российской Федерации, органов федеральной службы безопасности, федеральных органов государственной охраны, федерального органа обеспечения мобилизационной подготовки органов государственной власти Россий-

ской Федерации.¹⁶⁹ Насколько можно, понять, за последние годы этот список, если и уменьшился, то немного. Так закон «О воинской обязанности и военной службе» указывает, что такую службу помимо Вооруженных сил проходят: «в войсках национальной гвардии Российской Федерации, в инженерно-технических, дорожно-строительных воинских формированиях при федеральных органах исполнительной власти и в спасательных воинских формированиях федерального органа исполнительной власти, уполномоченного на решение задач в области гражданской обороны, Службе внешней разведки Российской Федерации, органах федеральной службы безопасности, органах государственной охраны и федеральном органе обеспечения мобилизационной подготовки органов государственной власти Российской Федерации, воинских подразделениях федеральной противопожарной службы».¹⁷⁰ Таким образом, речь помимо Вооруженных сил идет, как минимум, о Национальной гвардии, Федеральной службе безопасности, Федеральной службе охраны, Службе внешней разведки Российской Федерации, МЧС и Главном управлении специальных программ Президента Российской Федерации. Генеральный штаб долго пытался подчинить все эти «другие» войска себе. При этом ни Верховный главнокомандующий, ни Генеральный штаб даже не задавались вопросом: а нужно ли России помимо армии иметь еще десяток ведомств, где законом предусмотрена военная служба? При чем служат в этих ведомствах практически столько же людей, сколько в Вооруженных Силах - никак не меньше миллиона. В конце концов, интриги генштабовских генералов завершились совсем не к их удовлетворению. 11 марта 2003 года Путин подписал несколько указов, изменивших структуру силовых ведомств. Он перевел Федеральную пограничную службу и большую часть ФАПСИ в подчинение ФСБ, чем практически восстановил КГБ СССР. Министерству обороны осталось утешаться тем, что военному ведомству подчинили всю электронную разведку.

Можно предположить, что до некоторой степени военным удалось взять реванш с принятием в 2013 году секретного Плана обороны (в конце 2015-го был принят новый его вариант), который, насколько можно понять из комментариев официальных лиц, возлагает именно на Министерство обороны координацию деятельности прочих силовых структур. Это привело к тому, что оперативные группы соответствующих министерств и ведомств размещены отныне в Центре обороны Российской Федерации.

Понятно, что эти бюрократические игры не имеют никакого отношения к серьезной реформе этой самой «военной организации обще-

¹⁶⁹ Положение о министерстве обороны Российской Федерации www.mil.ru/index.php?menu_id=90

¹⁷⁰ «О воинской обязанности и военной службе» <http://docs.cntd.ru/document/901704754>

ства». Ведь главная задача заключается отнюдь не в том, чтобы подчинить одно военизированное ведомство другому, а в решительной их демилитаризации. Распространение сугубо недемократических принципов воинской службы (о них я писал выше) на другие общественные институты есть верный признак нездоровья общества. Поэтому в странах с демократическим устройством сфера использования людей в погонах весьма жестко ограничена - только и исключительно Вооруженные Силы. Тоталитарные режимы, наоборот, стремятся милитаризовать все и вся. Ровно так действовала коммунистическая власть в СССР, и многочисленные "другие" войска достались России в наследство от Советского Союза, а некоторые существуют еще со времен самодержавия.

Ведомства, где часть работников являются военнослужащими, можно разделить на две группы. Первая – так называемые правоохранительные органы и спецслужбы. В советские времена КГБ (теперь это ведомство разделено на ФСБ, СВР и Федеральную службу охраны) и в определенной степени Министерство внутренних дел представляли собой карательные органы, а там, как известно, приказы не обсуждаются. Неудивительно, что и строились они по принципу военных организаций. Большинство из россиян даже представить себе не могут, что разведчик или контрразведчик, специалист по шифрам или сотрудник уголовного розыска могут быть гражданскими служащими. А между тем в западных странах это обычная практика. Не существует никаких "полковников ЦРУ", столь любимых российскими сочинителями шпионских романов. Сотрудник Центрального разведывательного управления США в теории может носить военное звание, но только в том случае, если он пришел в разведку из Вооруженных сил, что случается не так уж часто.

Но уж свои звездочки работники российских спецслужб готовы защищать до последнего. Для них воинская служба связана отнюдь не только с тяготами и лишениями, но и с вполне определенными привилегиями: ранняя пенсия (она составляет определенный процент от оклада и растет по мере того, как повышаются оклады у соответствующей категории действующих офицеров), квартира при увольнении и т.п. Лишить силовиков «военных» льгот нынешнему президенту, чем кому бы то ни было. Ведь он сам выходец из ФСБ и вряд ли захочет лишать своих бывших коллег-силовиков привычных привилегий.

Вторая группа псевдвоенных ведомств - это те, деятельность которых фактически основана на рабском труде солдат срочной службы. В советские времена существование всех этих квази-военных формирований было хоть как-то оправданно. Нормальное функционирование огромной армии требовало гигантских объемов строительных работ, а проведение планировавшихся тогда операций с привлечением миллионов военнослужащих было немыслимо без оперативной прокладки и

восстановления шоссе и железных дорог. Однако сейчас, когда сухопутные силы составляют около 300 тысяч военнослужащих, для обеспечения их переброски вовсе не обязательно иметь специальные железнодорожные и дорожно-строительные войска.

Без решительной демилитаризации большинства ведомств, где служат люди в погонах, о военной реформе говорить бессмысленно. Простое сокращение военнослужащих ничего не дадут - все эти структуры имеют свойство возрождаться.

Однако гигантомания, поразившая силовые ведомства, не позволила им вовремя понять, что обладание мощными воинскими формированиями неизбежно ведет к расширению боевых задач. В этом контексте вполне обоснованно выглядело стремление Генерального штаба Вооруженных Сил принять все эти формирования под свое оперативное руководство. А это, естественно, вызывало сопротивление "силовиков". В конце концов, ведомства совсем перестали понимать, кто за что отвечает. Эта неразбериха и стала одной из причин позорного поражения в Чечне (когда, например, МВД требовало войсковой поддержки, армейское начальство весьма резонно отвечало, что у внутренних войск есть все необходимое, включая авиацию, для проведения операций). В начале 2000-х в коридорах власти ходили предложения о демилитаризации Федеральной пограничной службы. Однако с началом президентства Путина идея демилитаризации ФПС, равно как и прочих ведомств была положена под сукно. При этом последние решения Кремля однозначно говорят о том, что страна идет по пути милитаризации всей деятельности по обеспечению безопасности. В 2016 году была создана национальная гвардия России, которая фактически является параллельной армией. Новая военно-полицейская структура включила в себя внутренние войска МВД, подразделения вневедомственной охраны, отряды СОБРа и ОМОНа. В качестве задач перед свеже созданным органом федеральной власти официально поставлены борьба с терроризмом и экстремизмом, организованной преступностью, обеспечение режима чрезвычайного положения, вневедомственная охрана и даже помощь погранвойскам. А еще в придачу - контроль над частными охранными предприятиями и за легальным оборотом оружия. Национальные гвардейцы наделены практически всеми полномочиями, которыми располагают полицейские, включая право стрелять без предупреждения, входить в частные помещения, задерживать граждан. По словам командующего Нацгвардией Виктора Золотова, ее численность должна составить около 340 тысяч человек и превысить, таким образом, численность сухопутных войск России.

Судя по всему, создание национальной гвардии в России – это ответ Кремля на возможность «цветной революции», которая рассматривается как главная угроза безопасности страны. В мае 2014 года на конференции в министерстве обороны было даже объявлено, что «цветные

революции» являются новым видом военных действий, взятом на вооружение Западом. Логичным было ожидать, что российский Генштаб примется разрабатывать оперативные планы противодействия этой напасти. О необходимости такой разработки несколько раз говорил министр обороны Сергей Шойгу. Но, похоже, генштабисты быстро смекнули, что, как ни крути, все кончится оперативными планами использования войск против народа на улицах российских городов. Видимо, русские офицеры решили не брать грех на душу и спустили начальственные инициативы на тормозах. У военных из министерства обороны было железное оправдание: в конце концов, подавление народных бунтов входило в задачи внутренних войск МВД.

И, надо сказать, эти войска старательно готовились к выполнению такой задачи. Механизированные соединения внутренних войск были дислоцированы в 46 городах 44-х субъектов РФ, в том числе в 9 городах с миллионным населением. В апреле 2015 года они были подняты по тревоге. Оперативно-стратегическими маневрами «Заслон – 2015» были охвачены Северо-Западный, Центральный, Приволжский, Северо-Кавказский, Южный и Крымский федеральные округа — то есть вся европейская часть страны. В учениях были задействованы 40 тысяч военнослужащих. Официальный представитель ведомства сообщил тогда, что «тема учений — применение войск при осложнении оперативной обстановки в регионах РФ. Выбор темы связан с новыми угрозами внутренней безопасности государства». Не скрывал он и того, что именно понимают организаторы учений под этими угрозами: «За основу были взяты события, которые происходили в недавнем прошлом в одной из соседних стран. Отрабатывалось участие внутренних войск в охране общественного порядка и обеспечения общественной безопасности, противодействие террористическим проявлениям и экстремизму. Для создания ситуации, близкой к реальности, были использованы все атрибуты тех событий, вплоть до горящих покрышек и забрасывания военнослужащих камнями и бутылками¹⁷¹». Руководитель пресслужбы Внутренних войск Василий Панченков с гордостью поведал тогда, что сценарии учений включали применение всего арсенала спецсредств — слезоточивого газа, водометов, а также военной техники и специальных вооружений нелетального воздействия. Впрочем, «нелетальным оружием» дело не ограничилось. Так, сообщалось, что «войска отработали приемы локализации крупной вооруженной банды на полигоне в Ростовской области, применив против условного противника авиацию и артиллерию»¹⁷². Очевидно, именно такой сценарий рас-

¹⁷¹ <http://www.newsru.com/russia/09apr2015/uchenia.html>

¹⁷² Владимир Мухин. Внутренним угрозам России поставлен «Заслон -2015» Независимая газета. 8 апреля 2015

смачивается как вероятный в планах по отражению новых внутренних угроз.

При этом руководство страны не забывало внутренние войска своими милостями. Пока Вооруженные силы подвергались беспощадному реформированию, внутренние войска жили спокойно, реализуя свою, одобренную Верховным главнокомандующим, концепцию развития до 2020 года. В результате их численность не изменилась. Мало этого, все последние годы, когда поднимается вопрос о переводе нашей армии на контракт, отечественные начальники тут же начинают объяснять, какое это дорогостоящее дело и почему оно не по карману. А вот внутренние войска уже в 2015 году рапортовали, что контрактники занимают 80 процентов должностей сержантов и рядовых. Неоднократно заявлялось, что перед войсками стоит цель полной контрактизации. На это деньги нашлись. Дабы кардинально увеличить жалование военным в 2012-м, Минобороны в предыдущие годы было вынуждено сократить как минимум 135 тысяч офицерских должностей. Во внутренних войсках никаких сокращений не было вовсе. Что не помешало поднять их военнотружашим денежное содержание в тех же размерах, в каких оно было увеличено для военных. Наконец, законы были изменены таким образом, что контрактников во Внутренние войска набирают теперь не через военкоматы, а каждый командир части самостоятельно, соответственно, он несет личную ответственность за подчиненного. Столь бережное отношение к Внутренним войскам не оставляло сомнений: отечественная власть целенаправленно готовится воевать с собственным народом.

Но этого почему-то показалось мало. Вероятно, Кремль терзают сомнения, а ну как все эти усилия – впустую. Вдруг эти решительные крутые парни в краповых беретах дадут слабину, если получают приказ стрелять в сограждан. Достаточно вспомнить 1991-й год, когда армейские десантники и спецназовцы КГБ отказались штурмовать здание Верховного Совета, вокруг которого москвичи строили баррикады. Как мы помним, Павел Грачев, назначенный непосредственным исполнителем преступного приказа, тянул время, требуя «уточнить задание» у членов ГКЧП, а те, не желая брать на себя ответственность, отказались разговаривать, свалив все на адъютантов. Урок очевиден: мало иметь хорошо подготовленное воинство. Нужно иметь четкую систему командования, чтобы у исполнителей не было шанса увильнуть. В результате создания нацгвардии убираются промежуточные звенья в виде руководства МВД, которое могло бы затормозить прохождение приказа. А еще, и это главное, нужно иметь человека, который заставит подчиненных выполнить любую команду. Именно поэтому еще в 2013-м Путин двинул во внутренние войска начальника своей охраны Виктора Золотова, одного из самых близких людей. Надо сказать, что все последние годы этими войсками руководили армейские генералы, у кото-

рых был, как минимум, опыт командования крупными соединениями. Поэтому потребовалось время, прежде чем президент рискнул доверить Виктору Золотову создание новой силовой структуры и командование ею.

Таким образом, можно констатировать: военная реформа ограничилась лишь «военно-технической сферой» комплектования и структурной организации Вооруженных сил. Она была оставлена как раз в тот момент, когда качественные изменения пришли в противоречие с основами путинского авторитарного государства.

IV. Военная реформа в авторитарном государстве. Пример Пруссии

Приходится с разочарованием признать, что гипотеза о том, что «прогрессивная» военная реформа должна привести к глубоким переменам в российском обществе, к кардинальным позитивным переменам во взаимоотношениях государства и его граждан, не подтвердилась. В этой связи возникают закономерные вопросы о влиянии успешной военной реформы на авторитарное государство, каким, безусловно, является сегодня Россия. Может ли она дать толчок к общей модернизации и движению к демократии или, наоборот, лишь добавляет в арсенал авторитарного правителя новый чрезвычайно эффективный инструмент?

Как мне кажется, помочь здесь могут исторические аналогии. Прежде всего, с военной реформой, которая была предпринята в 1807-1813 годах в Пруссии. Наверное, это редкий, если вообще, не уникальный случай в мировой истории, когда реформаторы, приступая к решительному обновлению армии, изначально ставили перед собой цели не только узкой военной модернизации. Они открыто заявляли: реформа должна стать главной силой общей модернизации королевства, превращения его в конституционную монархию (которая виделась им самой демократической формой правления). И тем разительнее конечный, весьма плачевный результат. Чрезвычайно успешная военная реформа превратила германскую армию сначала в имперские Вооруженные силы, а потом и вермахт, совершенную военную машину, беспрекословно выполнявшую приказы короля, кайзера и, в конце концов, фюрера. Приказы, становившиеся все более варварскими.

Поражение под Йеной

В 1806 году прусские войска, считавшиеся до этого, если не лучшими в Европе, то уж наверняка вполне боеспособными, были полностью разгромлены наполеоновской армией под Йеной и Ауэрштедтом. Эти поражения со всей убедительностью продемонстрировали степень разложения прусского королевства, которому удалось сохраниться к началу XIX века в виде идеального феодального государства. Если теория о том, что государство как таковое появилось из необходимости гото-

виться к войне и способности воевать¹⁷³ (я отдельно остановлюсь на ней в четвертой части книги) верна, то прусское королевство являлось идеальным тому подтверждением.

Начиная с основателя династии прусских Гогенцоллернов Великого курфюрста Фридриха Вильгельма, все правители Пруссии основывали свою власть, прежде всего на мощной армии. «В Пруссии не армия принадлежит стране, а страна – армии», писал Мирабо, полагавший, что «война – это национальная профессия пруссаков». Государство существовало за счет военных побед, то тут, то там завоевывая ослабевших соседей. При этом главной, если не единственной целью подданных королевства было содержание армии. Дворянство (юнкеры) было предназначено воевать за короля на полях сражений. За готовность отдать жизнь они получали земли и крепостных. Городские сословия – купцы и ремесленники существовали исключительно для того, чтобы обеспечивать армию ружьями, пушками, сукном и провиантом. И разумеется деньгами, поступавшими в казну в виде налогов. Крепостные крестьяне были обязаны кормить воинство. Некоторым (правда немногим) приходилось в этой армии и служить. Формально подданные короля несли военную повинность – от четверти до трети армии формировалось за счет рекрутских наборов. Однако набор проходил произвольно в полном смысле этого слова. Все зависело от произвола конкретного полкового командира, которому надлежало формировать свою часть, забирая жителей конкретной части королевства (кантона). Служба формально была бессрочной, фактически пожизненной. В то же время на практике уже после 18 месяцев службы рекрут получал право на ежегодный 10-месячный отпуск.

При этом две трети армии формировались из наемников, в основном жителей других немецких государств. Понятно, что в руки вербовщиков попадали в основном деклассированные элементы, дезертиры и военнопленные. Согласно прусским законам, в армию отправляли в виде наказания и всякого рода «бунтовщиков». Впрочем, низкое качество человеческого материала совершенно не волновало прусских полководцев. Предполагалось, что из любого физического здорового человека можно сделать хорошего солдата при помощи беспощадной дисциплины, основанной на страхе жестоких наказаний. Прусская армия основывалась на максиме Фридриха Великого: «солдат должен бояться палки капрала больше, чем пули неприятеля». Этой армии, взявшей на вооружение самую совершенную для 18 века тактику (так называемый «косой» боевой порядок, позволявший охватить противника с фланга, концентрированный огонь залпами, массированные кавалерийские уда-

¹⁷³ Наиболее известной здесь является книга Charles Tilly. *Coercion, Capital and European States*. Blackwell. Cambridge MA & Oxford UK 1990

ры), помноженную на полководческий гений Фридриха, удавалось одерживать блистательные победы.

Однако вместе с XIX веком в королевство пришла Великая французская революция (забавно, что первоначально прусский правящий класс воспринимал ее всего лишь как следствие неумения легкомысленных соседей упорядочить жизнь по образцу идеального государства Фридриха). Между тем, решительно изменился характер войны, военные стратегия и тактика. Наступила эпоха массовых армий, всеобщего вооружения народа. «Побеждают большие батальоны», настаивал Наполеон. Тупой муштре, господствовавший в армиях европейских монархий, противостоял революционный энтузиазм масс, открывавший свободу инициативе на поле боя. Что, разумеется, привело к революционным переменам собственно в военном деле. Основной боевой единицей стала дивизия, что позволяло концентрировать огромные массы войск. Линейный порядок уступил действиям в колоннах, а рассыпной строй появился вместо сомкнутого.

Феодальная Пруссия благополучно проигнорировала эти радикальные изменения. Это равнодушие деградировавший феодальной монархии к революционным переменам в военной области – той самой сфере, которая обеспечивала жизнеспособность королевства, приводило в изумление исследователей уже в веке 20-м. «Если не считать нескольких незначительных изменений, военные институты Пруссии оставались такими же, какими они были во времена Фридриха Великого. Это почти невероятно, что государство, которое доверило свое будущее качеству армии, с самодовольством наблюдало за превращением армии французской республики в грозную военную машину», восклицает Уильям Шэнахан, написавший историю прусской военной реформы.¹⁷⁴ Ему вторит Гордон Крейг, автор классического труда «Политика прусской армии. 1600-1945»: «Пруссия, которая усилиями своей армии превратилась в великую державу, была уничтожена из-за того, что эта же армия оказалась неспособна приспособиться к новым методам ведения войны и нежеланием правителей использовать скрытую энергию пруссаков».¹⁷⁵ Замечу, впрочем, что прусские стратеги вряд ли могли бы использовать достижения Наполеона и его предшественников, даже если бы захотели. Инициатива, возможность принимать и осуществлять самостоятельные решения, которые естественным образом возникают при появлении столь мощных боевых единиц как дивизия была совершенно немыслима в армии, основанной на идеальном выполнении решений одного полководца. Ни о каком рассыпанном строе не могло

¹⁷⁴ William Oswald Shanahan. Prussian Military Reforms 1786-1813. Columbia University Press, 1945. С 68-69

¹⁷⁵ Gordon Craig .The politics of the Prussian Army 1640-1945. Oxford at the Clarendon Press 1955. с.36

быть и речи, если прусские уставы предписывали ходить сомкнутым строем под командой офицера даже при устройстве лагеря. Ведь, оказавшись вне зоны досягаемости палки капрала, идеальные прусские солдаты немедленно дезертировали.

Прусская армия почивала на лаврах побед Фридриха Великого. Отдельные попытки модернизировать Вооруженные силы вполне успешно гасились закостеневшим генералитетом. К 1806 году из 142 генералов, четверо перевалили за 80 летний возраст, 13 достигли 70, 26 военачальников перешли 60-летний рубеж. Мало этого, четверть командиров полков и батальонов тоже была старше 60¹⁷⁶. Наполеоновские маршалы выглядели чистыми юнцами по сравнению со своими прусскими противниками, от которых вряд ли стоило ждать решительности и инициативы. «Бойен (реформатор, ставший впоследствии военным министром – А.Г.) описывал три основных типа офицеров. Первая - участники войн Фридриха Великого, воспроизводившие устаревшую тактику и обучение. Вторая группа офицеров пришла в армию после семилетней войны, и большинство были к 1806 году полковниками. Они были всецело поглощены «экономикой» своих полков и опасались, что война помешает им извлекать доходы. Младшая группа офицеров прошла испытание войной в Польше и на Рейне, и, исходя из собственного опыта, считала пруссаков непобедимыми»¹⁷⁷.

Стоит ли удивляться, что прусская армия разлагалась. Боевая подготовка ограничивалась по большей части батальонными, в лучшем случае полковыми учениями. Фактически вся она проходила в течение шести недель весной. Именно тогда на службу призывались солдаты из местных (потом они благополучно получали отпуска). Все сводилось в основном к шагистике и муштре к итоговому параду, который и был венцом всей подготовки¹⁷⁸. Все остальное время солдатам, как рекрутам, так и наемникам разрешалось подрабатывать, делясь при этом своими заработками с командирами.

Этот нарыв прорвало в результате катастрофы у Йены. Действуя в довольно благоприятных обстоятельствах (наступавшие французы атаковали боковой арьергард, приняв его за главные силы, при этом в целом у них не было численного превосходства), прусские военачальники умудрились втянуться в бой с корпусом Даву, который вчетверо превосходил их. Все это привело к тому, что Наполеон разгромил прус-

¹⁷⁶ Карл Деметр. Германский офицерский корпус в обществе и государстве. 1650–1945. М. 2007. с 10

¹⁷⁷ William Oswald Shanahan. Prussian Military Reforms 1786-1813. Columbia University Press, 1945. с 30

¹⁷⁸ Устав предписывал: «При подготовке солдата солдата ни в коем случае нельзя позволять ему ступать на пятку или же на носок. Нога должна опускаться с прямым коленом, так, чтобы на земле отпечатывалась вся ступня равномерно». Цит. по A History of Militarism Civilian and Military. Alfred Vagts. The Free Press, New York 1967 с 113

скую армию по частям. Отступление превратилось в позорное бегство. Когда враг двигался по Пруссии, военачальники, как по команде сдавали свои корпуса и крепости, еще способные к обороне. Лишь один корпус под командованием Блюхера пытался сопротивляться.

Позор военного поражения и капитуляции был многократно усилен тем, что прусские обыватели вполне нейтрально, если не сказать радостно, воспринимали победу французов, этих извечных врагов Германии. Депутация берлинского бургомистра торжественно встретила оккупантов у Бранденбургских ворот. Приблизительно то же самое происходило и в провинции. Чиновники с удовольствием соглашались служить под властью Наполеона. Граждане вступали в созданную французами национальную гвардию, чьей задачей было поддержание общественного порядка. Более того, мнение многих представителей образованной части общества склонялось к тому, что французская оккупация, которая обещала принести в Пруссию наполеоновский гражданский кодекс, - это, в общем-то, не так уж плохо по сравнению с прогнившей монархией, которая строилась на феодальных отношениях. Этот моральный упадок стал страшным унижением для офицеров-патриотов, грезивших объединением Германии под эгидой Пруссии.

Это унижение усугублялось еще и тем, что условия Парижского мирного договора были совершенно грабительскими. На королевство были наложены огромные контрибуции. И главное, Пруссия фактически лишалась способности к самообороне, превращаясь в некий придаток наполеоновской империи. Французский император ввел жестокие ограничения на размеры Вооруженных сил. Численность армии должна была сократиться в пять раз с 250 до 42 тысяч человек. Наполеоновские чиновники жестко следили за соблюдением всех этих условий.

Комиссия Шарнхорста и ее предложения

В этой ситуации морального упадка и военного разгрома важную роль в выведении страны из кризиса сыграл король Фридрих-Вильгельм III. В исторической литературе его обычно представляют бездарным слабым правителем, раболепствовавшим перед Бонапартом. Однако следует согласиться с тем, что в переломный для судеб Пруссии момент именно король ясно осознал: государство Фридриха Великого безвозвратно кануло в Лету, восстановить его невозможно. Нужно было строить новое. Самое же для нас любопытное заключается в том, что первым шагом на этом пути обновления стало создание военно-реорганизационной комиссии. В состоявшей из трех десятков пунктов инструкции для членов этой комиссии Фридрих-Вильгельм всячески старался подчеркнуть (вероятно, чтобы успокоить наполеоновских согладатаев), что главная задача - всего лишь привлечение к ответственности офицеров, которые трусили и капитулировали перед неприятелем.

лем. И только в последних пунктах формулировалась куда более масштабная задача – полная модернизация прусской армии.

Король знал, кому поручить эту непростую работу. Ее возглавил генерал-майор Герхард Шарнхорст, военачальник, которого ненавидели все армейские консерваторы в Пруссии, но который даже у них обладал огромным авторитетом. Все в этом человеке противоречило традиционным представлениям об офицере прусской армии. Мало того, что, родившись в Ганноверском княжестве, он не был коренным пруссаком. Он не происходил из дворянской семьи, будучи крестьянским сыном. Этот генерал был настоящим фанатиком военного образования и, главное, постоянного самообразования офицеров. Когда ему было всего тридцать, он стал известен тем, что издавал книги, которые считал обязательными для прочтения офицерами, а также первые профессиональные журналы. Перейдя в 1801 году на прусскую службу, он создал Берлинскую военную академию. В ее первом и единственном выпуске было всего двадцать офицеров, но среди них будущие реформаторы Герман Бойен и Карл Грольман. Среди них был и юный Карл Клаузевиц, в будущем великий военный теоретик.

При этом Шарнхорст, этот «книжный червь из Ганновера», как величали его недоброжелатели, был выдающимся военачальником, бесстрашным на поле битвы. Именно он, крестьянский сын, совершил во время поражения под Йеной подлинно рыцарский поступок, отдав своего коня наследнику престола. Оказавшись бесполезным в качестве начальника штаба у главнокомандующего герцога Бауншвейгского, который игнорировал его предложения, Шарнхорст немедленно после поражения под Йеной присоединился к корпусу Блюхера, единственному соединению прусской армии, продолжавшему сопротивление.

Под стать были и другие представители реформаторской части комиссии (в которой были представлены, разумеется, и консерваторы). Это, прежде всего, Август Гнейзенау, выдающийся военачальник, герой обороны Колберга, продолжавший защищать город вплоть до заключения Тильзитского мира. Забегая вперед, скажем, что именно его штабной талант сыграет одну из решающих ролей в победе войск антинаполеоновской коалиции.¹⁷⁹ В комиссии работал и Герман Бойен, возглавивший после гибели Шарнхорста военное министерство.

Огромную роль в успешной работе комиссии сыграло то, что в момент глубочайшего кризиса, охватившего Пруссию, король назначил своим первым министром Карла Штейна, еще недавно им же уволенного с должности министра промышленности, торговли и финансов за то, что тот был, по мнению монарха «упрямым, строптивым, не желавшим

¹⁷⁹ Фельдмаршал Блюхер вполне по-солдафонски сострит по этому поводу при награждении степенью почетного доктора Оксфордского университета: «Ну, если я доктор, то Гнейзенау – мой аптекарь»

повиноваться наглецом». Штейн был последовательным поклонником идеи конституционной монархии, пытавшимся привести прусскую феодальную бюрократию к британским стандартам. За что и поплатился. И вот теперь у него появился еще один шанс. Важно было то, что этот очевидный вождь либеральной партии считал решение военных вопросов ключевыми для общей модернизации страны. Либералы в мундирах, доминировавшие в Военно-реорганизационной комиссии получили полную его поддержку. Справедливо полагая, что заниматься следуют будущим, а не прошлым, реформаторы не слишком утруждали себя исполнением вроде бы главной задачи – расследованием недостойного поведения сдавшихся офицеров. За все время работы комиссии лишь 208 офицеров были объявлены виновными.

Перед комиссией стояли другие поистине грандиозные цели. Нужно было перестроить армию на современный лад, имея чрезвычайно скромный бюджет и соблюдая при этом жесткие наполеоновские ограничения. Главной задачей стал, конечно же, переход к массовой армии, армии вооруженного народа. Уже в марте 1808 года комиссия единогласно приняла рекомендации королю о введении всеобщей воинской обязанности. Однако Парижский договор 1808 года не только устанавливал жесткие пределы численности Вооруженных сил, он запрещал и накопление обученных резервов, что фактически запрещало введение воинской повинности. Французы жестко контролировали соблюдение этих статей. В конце концов, Наполеон добился официального увольнения Шарнхорста с должности военного министра уже в 1810 году (тот, правда, продолжал неофициально руководить реформами) как раз из-за его стремления ввести всеобщую воинскую обязанность.

В этих условиях Шарнхорст взялся переделать под эти нужды формально существовавшую с середины XVIII века уже упоминавшуюся мною рекрутскую кантональную систему. Смысл ее заключался в том, что каждому полку предоставлялся для формирования определенный район, все мужчины по достижении двадцати лет должны были периодически проходить военную подготовку ежегодно в течение нескольких недель. Однако до Шарнхорста эта система существовала лишь теоретически.

Военный министр преобразовал ее в систему, получившую название *Krumper*¹⁸⁰. В соответствии с ней, ежегодно каждая рота (ее численность в мирное время составляла 50 солдат) должна была принимать около тридцати юношей, достигших 18 лет, и увольнять такое же количество тех, кто прошел подготовку. На практике срок службы был даже

¹⁸⁰ Исследователи спорят до сих пор, откуда появился этот термин. Некоторые полагают, что относится к жаргонному обозначению только что призванного рекрута. Большинство полагает, что он пришел опять-таки из армейского жаргона, в котором так называли запасных свежих лошадей в кавалерии.

короче года. В отдельные периоды из каждой роты увольняли по пять солдат ежемесячно. С тем, чтобы немедленно набрать новых. В 1811 году в каждую роту набирали по 8 солдат ежемесячно. Списки уволенных составлялись командиром и передавались в магистрат для ведения учета резервистов, которых можно было призвать в течение последующих 10 лет. При этом в каждой роте постоянно служил еще один офицер и дополнительное количество фельдфебелей и капралов, готовых в любой момент принять под свою команду призванных резервистов. Таким образом, под носом наполеоновских шпионов копился подготовленный резерв.

Однако Шарнхорст понимал, что этого совершенно недостаточно для реализации идеи всеобщего вооружения народа. Уже в 1808-1810 годах он прорабатывал идею о создании ландвера – военного формирования граждан, которое должно было стать «войском второй линии». В мирное время эта милиция должна была обеспечивать мир и спокойствие в городах, охранять крепости. А в военное – стать фактически народной армией. Каждый член ландвера должен был отслужить два месяца в первый год службы и по месяцу в последующие 9 лет. Реформаторы подчеркивали: части ландвера должны проходить боевую подготовку отдельно от частей регулярной армии, дабы совместная служба с наемниками не испортила патриотический дух, который заставлял пруссаков записываться в ландвер. Следует иметь в виду, что служба в ландвере была доступна лишь представителям обеспеченных слоев общества. Каждый доброволец должен был внести 100 талеров, купить оружие, обмундирование, а в кавалерии – еще и лошадь. Впрочем, и идеям о ландвере король до поры до времени не дал ходу.

Новая армия остро нуждалась в новом офицере, инициативном и образованном. И в 1808 году реформаторы производят настоящую революцию в сфере военного образования и военной службы (кстати, это единственная реформа которую удалось осуществить в условиях французской оккупации). Вопреки заветам Фридриха Великого офицерский чин перестал быть исключительной привилегией дворянства. Отныне офицером мог стать любой подданный прусского короля, если он мог соответствующие экзамены. Такие экзамены могли пройти и унтер-офицеры, и гражданские, не имевшие знатного происхождения. Мало этого, военные школы обязывались предоставлять желающим 9 – месячные подготовительные курсы для сдачи первого офицерского экзамена. Впервые образованию давалось очевидное преимущество перед происхождением. Одновременно запрещалось записывать дворянских детей в капралы, с тем, чтобы произвести их в корнеты (низший офицерский чин) по достижении 18 лет. Сыновьям прусских юнкеров по достижении 17 лет, как всем прочим, надлежало прослужить рядовыми минимум три месяца. Каждый пехотный полк мог набрать таким образом 14 корнетов, а кавалерийский – 8. Для производства в

лейтенанты экзамены нужно было сдавать уже специальной комиссии в Берлине. Более того, офицер не мог быть назначен в мирное время на вышестоящую должность и получить следующее звание без экзамена, который становился тем сложнее, чем выше поднимался офицер по служебной лестнице. Впрочем, король настоял на своем исключительном праве присвоения офицерских званий и назначения на вышестоящие должности.

Сразу же потребовалось создавать офицерские школы. До 1806 года военного образования, как единой системы, практически не существовало. Будущих офицеров готовили в четырех кадетских корпусах и приюте для офицерских сирот в Потсдаме. В дальнейшем знания можно было получить в «инспекторских школах», которые молодые офицеры должны были посещать в зимние месяцы, когда вся боевая подготовка прекращалась. Также для получения технических знаний существовали три артиллерийско-инженерные школы. Никакой единой программы не существовало, преподавание велось произвольно.

Вместо прежних учебных заведений были учреждены два кадетских корпуса, где будущие офицеры должны были обучаться с 15 до 20 лет по единой программе. Для повышения образования офицеров были созданы три военные школы. А для 50 офицеров, проявивших особое рвение, предлагался трехлетний курс в военной академии. Помимо тактики, стратегии артиллерийского дела и военной топографии они изучали математику, химию, общую географию, французский и немецкий языки. По инициативе Шарнхорста были организованы первые «разведывательные» путешествия, в ходе которых офицеры изучали театры будущих войн. Все военное образование должно было проходить под руководством одного чиновника, который должен был разработать единые стандарты образования.

Естественным следствием столь решительного улучшения стала еще одна поистине революционная инициатива. Был создан генеральный штаб, этот «коллективный гений», которому надлежало противостоять гению Наполеона. По мысли реформаторов, он должен даже превзойти Бонапарта, потому что генеральный штаб бессмертен, в то время как нет никакой гарантии, что Франция найдет нового гения после смерти Наполеона (что, заметим, и случилось). На Генштаб должна быть возложена важнейшая интеллектуальная функция внутри Вооруженных сил: постоянная критики и самокритика армии и командиров. Представитель генерального штаба должен сопровождать полководцев на поле боя. Он не будет заменять их, но он будет давать им советы и контролировать их деятельность. Так достигается соединение военной теории с практическим знанием о войне и боевым опытом. Новые офицеры Шарнхорста будут способны четче реагировать на конкретные условия, они не будут столь жестки по отношению к подчиненным, что вполне согласуется с духом "вооруженной нации".

Созданием Генштаба дело не ограничилось. Шарнхорст предложил также коренную реформу органов военного управления. До 1807 года руководство армией осуществлялось лично королем через его адъютантов. Уже в 1809 году Военно-реорганизационная комиссия была упразднена, и на ее месте появилось военное министерство, состоявшее из главного военного управления и военно-экономического управления. Главное военное управление состояло из трех отделов. Первый занимался личным составом (назначения и увольнения, оплата, поощрения и наказания), второй – боевой подготовкой, военным образованием, военным планированием и мобилизацией, третий ведал «военно-техническими вопросами»: артиллерией, боеприпасами, крепостями. Впрочем, король опасался передоверять одному человеку всю полноту командования армией. У военного ведомства не было министра. Шарнхорст возглавил главное военное управление. Равное ему положение занял крайний консерватор граф Лоттум, которому было доверено военно-экономическое управление. Жесточайшие конфликты сотрясали военное ведомство все время, пока Шарнхорст пребывал там.

Наконец, создание «армии народа» требовала кардинального пересмотра системы военного правосудия, дисциплинарной практики и наказаний. Шарнхорст писал: «Всеобщая воинская обязанность... не может существовать одновременно с существующей зверской системой (наказаний – А.Г.). Военная служба должна стать более приемлемой для всей нации путем отказа от наиболее жестоких ее аспектов. Все правила должны соответствовать этой цели, оживить воинский дух, наполнить его новым содержанием. Отказ от телесных наказаний здесь обязателен»¹⁸¹. В 1808 были приняты кодексы, которые фактически запрещали телесные наказания. Их заменяли на заключение под стражу, длительность и жестокость которого определялась тяжестью проступка или преступления. Отныне ни офицер, ни унтер не могли избивать солдата за нарушения по службе. Все тяжелые наказания, к которым приговаривали военные суды, такие, например, как 10-летнее заключение в крепости за дезертирство, должны были быть утверждены королем. А решение о смертной казни осталось абсолютной прерогативой монарха. Гнейзенау написал по этому поводу восторженную статью «Свобода спине».

Следует признать, что в условиях французской оккупации большая часть предложений Военно-реорганизационной комиссии, касавшиеся «армии Вооруженного народа» остались на бумаге. Фридрих-Вильгельм, которому направлялись эти предложения, оставлял их без последствий. Действовала, правда, система Kumpfer. Удалось также перестроить систему военного образования и военной юстиции.

¹⁸¹ William Oswald Shanahan. Prussian Military Reforms 1806-1813. Columbia University Press, 1945. с 137

Победа над Наполеоном

События в Европе, между тем, все время вмешивались в деятельность реформаторов. В 1809 году произошла война между Францией и Австрией. Прусское офицерство обратилось к Фридриху-Вильгельму с призывом выступить на австрийской стороне. Когда же осторожный монарх проигнорировал эти призывы, многие подали в отставку. Ушел Блюхер, а за ним Гнейзенау. Взрыв возмущения вызвал подписанный в 1811 новый франко-пруссский договор, направленный на ликвидацию даже скромных достижений реформировании армии. В частности, никакие распоряжения по перемещению войск по собственной территории не могли быть отданы без французского разрешения. То же касалось и распоряжений о мобилизации. Одним словом, Пруссия должна была попрощаться с остатками суверенитета. Около трехсот офицеров (приблизительно четверть всего командирского корпуса) немедленно подали в отставку. Среди них - Бойен и Клаузевиц, немедленно переметавшиеся в Россию.

Разгром наполеоновской Великой армии в России в 1812 году дал толчок освободительному движению в Пруссии. Начало положил генерал Людвиг Йорк (по иронии судьбы, главный консервативный оппонент Шарнхорста и Штейна в Военно-реорганизационной комиссии). Он командовал 20-тысячным корпусом пруссаков, приданным наполеоновской армии согласно все тому же кабальному договору. Весь 1812 год корпус находился в районе Риги в составе армии маршала Макдоннальда, но по понятным причинам вел себя вяло. Пруссаки уж точно не желали воевать против русских за Бонапарта. И вот, когда исход похода в Россию стал очевиден, Йорк на свой страх и риск заключает с русским военным командованием Таурогенскую конвенцию, объявлявшую перемирие. С российской стороны переговоры вел Карл Клаузевиц ...

Русские войска входят в Восточную Пруссию. Российским правительственным комиссаром назначается все тот же Штейн. Прусское общество переживает общенациональный подъем. Короля склоняют к разрыву соглашений с Наполеоном и вступлению в антифранцузскую коалицию. Фридрих-Вильгельм выступает со знаменитым обращением «К моему народу!», в котором впервые в истории прусский монарх объяснял подданным, почему те должны жертвовать во имя Отчизны. Начинается война за освобождение Пруссии. И тут дают себя знать результаты военных реформ. За счет Кгумрег-системы регулярную армию в течение нескольких недель удастся увеличить почти вдвое, до 70 тысяч. Этого, конечно же, было недостаточно. И в Восточной Пруссии по инициативе Штейна разворачивается мобилизация в ландвер. Подготовку необходимых указов для местного ландтага берет на себя Клаузевиц, хорошо знакомый с предложениями Шарнхорста. Начав-

шись в Восточной Пруссии, запись в ландвер охватывает остальные провинции королевства. 3 февраля король вводит всеобщую воинскую обязанность. Благодаря реформаторам институты ее реализации уже существуют. Численность армии стремительно растет. К концу 1813 она достигает 280 тысяч. Это шесть процентов тогдашнего населения Пруссии, один из высочайших показателей среди воевавших держав. Батальоны ландвера, плохо одетые, вооруженные поначалу только пиками, сражались героически. Мало этого, появившаяся за пять лет до того возможность для образованных людей становиться офицерами обеспечила армию командными кадрами. Наконец, участие выпестованных Шарнхорстом офицеров Генштаба в боевых действиях подняло на иной уровень оперативное искусство. Все это позволяет считать прусские военные реформы одними из самых успешных в истории.

Об этих реформах как в Германии, так и за ее пределами написаны горы книг. Россия, пожалуй, здесь исключение. У Германии, главного военного противника в XX веке, по определению не могло быть в военной сфере ничего значительного, достойного подражания. Прусский офицер в отечественном сознании – в лучшем случае, тупой педант Пфуль в описании Толстого (реального Пфуля, весьма похожего на персонаж «Войны и мира», кстати, сильно не жаловал тот же Клаузевиц), в худшем – идиот с моноклем в исполнении Ростислава Плятта из фильма «Смелые люди». Отношения к прусским реформаторам совсем не улучшило и то, что они были подняты на пьедестал нацистами.

Либерализация на прусский манер

У меня нет амбиций описывать в деталях военную реформу в Пруссии, хотя то, как она повлияла на российскую военную мысль и практику военного строительства, безусловно, ждет своего исследователя. Эта военная реформа привлекла меня тем, что она представляет собой уникальный, я бы сказал, рафинированный, случай в мировой истории, когда ее проводили прогрессивные люди, либералы в мундирах. Эти люди всерьез полагали, что успешная военная реформа станет двигателем модернизации страны. Ведь необходимость такой демократизации вытекла, по их мнению, из ... военных потребностей. «Это была странная либерализация, либерализация на прусский манер, которая ставила либерализм на службу военным целям»¹⁸², - писал Альфред Вагтс в своей «Истории милитаризма».

С самого начала реформаторы отдавали себе отчет в том, что создать армию Вооруженного народа – это главное оружие французских побед – невозможно сохранив старое феодальное государство. «Новые време-

¹⁸² A History of Militarism Civilian and Military. Alfred Vagts. The Free Press, New York 1967 c135

на требуют нечто большего, чем старые имена, титулы и пергаменты, оно требует нового подхода и, главное, силы. Революция мобилизовала всю силу французского народа, уравнив сословия и введя единые налоги на собственность»¹⁸³, с нескрываемым одобрением писал Гнейзенау в 1807 году. Шарнхорст, как и другие реформаторы, был убежден – поражения 1806 года стали результатом того, что закабаленный народ Пруссии решительно отделял себя от государства, не считая нужным защищать его.

Как можно ждать от крепостного крестьянина, что он будет вести себя как ответственный гражданин, если он полностью зависим от землевладельца? Как средний городской класс может осознать свои обязанности перед государством, если он отстранен от управления городом? И отчего, наконец, ждать от прусских поданных призванных в армию ждать смелости и самоотверженности, если эта армия не уважает их, не позволяет им продвигаться по службе, если власть видит в них пушечное мясо, а не граждан?

Реформаторы были убеждены, что армию нового типа невозможно создать, не отменив крепостного права. «Штейн настаивал на том, что переход к всеобщей (военной – А.Г.) службе не может состояться, если параллельно с этим не будут освобождены крестьяне, из которых и должна была состоять новая армия. Это конечно радикально меняло структуру общества, и явилось первым шагом в создании нации свободных граждан, единственной основой для армии, способной остановить французов»¹⁸⁴, пишет Эверетт Долман в своей книге «Воинственное государство» И в 1807 году крепостное право в Пруссии было отменено. Пожалуй, это был один из редких случаев, когда радикальная мера в освобождении народа объяснялась военной необходимостью. При этом очевидно, что Шарнхорст, Гнейзенау, Бойен, эти, по выражению Вагтса, якобинцы в мундирах, явно считали отмену крепостного права лишь началом той политической и социальной модернизации, которая должна завершиться принятием писаной конституции, созданием парламента и превращением Пруссии в конституционную монархию. «Едва ли можно отрицать, - писал Гордон Крейг, - что реформы, начатые в Пруссии после 1807 года, представляли собой всестороннюю попытку изменить социальную и политическую структуру Пруссии и превратить ее в конституционную монархию, способную двигаться в том же направлении, что и более либеральные государства Запада»¹⁸⁵. Армии в этом движении к демократии отводилась чрезвычайно важная роль. Бойен настаивал, что армии предстоит стать «школой нации», в

¹⁸³ Ibid.c.130

¹⁸⁴ Dolman, Everett Carl. *Warrior State : How Military Organization Structures Politics*. Gordonsville, VA, USA: Palgrave Macmillan, 2005 c 131

¹⁸⁵ Gordon Craig .*The politics of the Prussian Army 1640-1945*. Oxford at the Clarendon Press 1955 c xiii

которой граждане научатся служить, выполняя долг. И это подготовит их к осознанному участию в общественной жизни.¹⁸⁶

Надо сказать, что демократический потенциал прусских военных реформ был очевиден с самого начала. Так Наполеон, узнав о предложениях Военно-реорганизационной комиссии, заявил прусскому дипломату, что «во Франции революцию совершила гольятьба, в Пруссии это сделала армия»¹⁸⁷ Известно также, что Александр I говорил своим генералам: «Россия только что спасла короля Пруссии от французов. Вполне возможно, что однажды нам придется помогать королю Пруссии против его же армии»¹⁸⁸

Стоит ли говорить, что юнкеры, прусские дворяне мгновенно увидели в идеях Шарнхорста и его соратников угрозу своим привилегиям и экономическим интересам. А, стало быть, угрозу королевской власти. Они прямо указывали, что реформаторы следуют путем, проложенным Великой французской революцией. Реакционеры видели прямую связь между введением всеобщей воинской обязанности и освобождением крестьян, установлением равенства сословий и потерей своего освобождения от налогов. В многочисленных обращениях к королю они настаивали, что всеобщая воинская обязанность – это прямой путь к внедрению в умы поданных разрушительных идей свободы и равенства. Особые опасения внушали идеи о создании ландвера. В ландвере они видели инструмент, с помощью которого «третье сословие» сможет заявить о своих правах на власть. А вооружение и военная подготовка позволяли добиться этого силой.

Самое большое возмущение юнкеров вызывало покушение на то, что они считали своей естественной привилегией, а именно свое исключительное право служить офицерами, благодаря происхождению. «Если ваше высочество отняли у меня и моих детей наши права, то, как вы можете поручиться за сохранение своих собственных?», вопрошал наследника престола генерал Йорк.¹⁸⁹

Впрочем, следует признать и то, что прусские военные реформаторы на самом деле никакими якобинцами не были. Так Гнейзенау очень ясно объяснял, что реформы «сверху» нужны как раз для того, чтобы воспрепятствовать революции: «Может ли война привести к революции? Да, если народ, преданный и брошенный своим правительством, будет предоставлен себе. Тогда законные правители могут быть легко

¹⁸⁶ Ibid, с 48

¹⁸⁷ A History of Militarism Civilian and Military. Alfred Vagts. The Free Press, New York. с 131

¹⁸⁸ Gordon Craig .The politics of the Prussian Army 1640-1945. Oxford at the Clarendon Press 1955 с 67

¹⁸⁹ Карл Деметр. Германский офицерский корпус в обществе и государстве. 1650–1945. М. 2007. с 16

забыты ради удачливых вождей».¹⁹⁰ «Для Шарнхорста было очевидно, что французские методы ведения войны, особенно, то, что касается вооружения народа, затрагивает самые важные проблемы абсолютистских монархий. И одно из главных достижений Шарнхорста заключалось в искусном приспособлении новых принципов ведения войны и военной организации к прусским институтам без угрозы революции»¹⁹¹, считал Уильям Шенахан. Подозреваю, именно это обстоятельство сыграло важную роль в том, чем, в конечном счете, обернулись реформы.

Освободительная война завершилась победой. Прусские военные реформаторы проявили себя и как выдающиеся полководцы. Гнейзенау, Бойен, Грольман, Клаузевиц, – все они получили высокие звания и должности, были удостоены высших орденов стран антинаполеоновской коалиции. И в самой Пруссии авторитет героев освобождения страны был поначалу непререкаем. Им удалось создать, наконец, единую систему командования армией, объединив главное военное управление и военно-экономическое управление военного ведомства.

Бойен, ближайший сподвижник Шарнхорста, стал первым военным министром. В этой должности ему удалось придать законченность системе всеобщей воинской обязанности. Отныне всякий подданный короны, достигнув 20-летнего возраста, подлежал призыву в регулярную армию, где он должен был прослужить 3 года. Затем два года он находился в действующем резерве и довольно регулярно проходил переподготовку. Затем он переводился в призыв первой очереди ландвера (ежегодная двухнедельная боевая подготовка), где пребывал семь лет. В случае войны первый призыв ландвера должен был участвовать в боевых действиях вместе с регулярной армией. Потом еще на семь лет поданный переходил в призыв второго разряда (в случае войны – эти части должны были использоваться для обороны крепостей и поддержания внутренней безопасности). По достижении 39 лет пруссака переводили в ландштурм, представлявший собой народное ополчение. Реформаторы настаивали на том, чтобы военная служба была действительно всеобщей, никаких классовых или имущественных льгот не предоставлялось. Единственное исключение – представителям «образованных слоев общества», если те намеревались продолжать образование. Если они обладали достаточными средствами, чтобы приобрести оружие и экипировку, им разрешалось служить вольноопределяющимися в специальных егерских батальонах. Вся система военной службы позволяла, по мнению реформаторов, чтобы Пруссия, имея в мирное

¹⁹⁰ A History of Militarism Civilian and Military. Alfred Vagts. The Free Press, New York c136

¹⁹¹ William Oswald Shanahan Columbia University Press, 1945 c 227

время армию всего в 130 тысяч военнослужащих, могла быстро развернуть полумиллионные Вооруженные силы.

Следует отметить, что даже эти действия, касавшиеся исключительно военной сферы были встречены в штыки консерваторами, которые подняли головы, как только смолкли пушки освободительной войны. Эту партию возглавил министр полиции князь Витгенштейн, утверждавший, что «вооружать народ — это значит организовывать сопротивление авторитету власти, разорять финансы, даже наносить удар христианским принципам Священного союза»¹⁹².

Однако король, пусть со скрипом, но соглашался со всеми этими новшествами, которые доказали свою эффективность во время войны. Проблемы начались, когда Бойен и его сподвижники стали доказывать, что военные реформы должны продолжиться реформами политическими. «Было естественно, что они удвоили свои усилия, добиваясь реформы, которая увенчала бы их работу — реформы конституционной, которая как минимум принесла бы писаную конституцию и народное представительство. Это с самого начала подразумевалось в военной реформе. Партия реформаторов все время полагала, что воинская повинность должна сбалансироваться правом на участие в политике государства, — писал Гордон Крейг, — Но стремясь обеспечить политические реформы, которые делали возможным постепенное движение к представительским институтам, партия реформаторов столкнулась с силами, оказывавшимися слишком мощными. Усилия реформаторов спровоцировали полномасштабный конституционный кризис, который положил конец их влиянию и бросил Пруссию в руки реакции»¹⁹³.

Крах надежд реформаторов

1819 год стал поворотным моментом. Король под давлением консерваторов подписал реакционные «карлсбадские декреты», принятые немецкими государствами по предложению австрийского министра иностранных дел Меттерниха. Направленные против революционной агитации, они вводили жесткую цензуру в печати и полицейский надзор в университетах. Бойен вместе со знаменитым философом Александром Гумбольдом, занимавшим тогда пост министра внутренних дел, и министром финансов Бемом решительно выступил против карлсбадских декретов, чем вызвал неудовольствие монарха.

Зная, как усилить этот конфликт, консерваторы стали доказывать, что ландвер, это любимое детище реформаторов, олицетворявшее в их представлении единство народа и армии, не только вреден политиче-

¹⁹² Цит. По Александр Свечин, Эволюция военного искусства. Том II

¹⁹³ Gordon Craig .The politics of the Prussian Army 1640-1945. Oxford at the Clarendon Press 1955 с 71

ски, но, главное, неэффективен с военной точки зрения. При этом Бойен и его последователи считали именно военный смысл ландвера чрезвычайно важным. «В Пруссии либерализм проявлялся в усилиях по организации армии, а не в контроле над ней. Деятели, подобные Бойену... видели прежде всего военное значение ландвера, и совершенно не разделяли опасений реакционеров относительно его революционного потенциала»¹⁹⁴, пишет Вагтс. Туда и был нанесен удар консерваторов. Идя у них на поводу, король решительно сокращает ландвер: были ликвидированы 34 батальона, а 16 бригад присоединены к регулярной армии. Возмущенный Бойен немедленно подал в отставку, за ним последовал начальник Генерального штаба Грольман.

Надеждам на политические реформы тут же был положен конец. Мечтам о народном представительстве и конституционной монархии не суждено было сбыться. Король отделался созданием в 1823 году созданием восьми провинциальных ландтагов, обладавших лишь правом совещательного голоса и собиравшихся к тому же один раз в три года. Это стало поворотным пунктом в развитии военной организации Пруссии. С одной стороны, в условиях, когда в Европе стали нарастать революционные тенденции, король был заинтересован в армии, как инструменте подавления народа. И, действительно, Вооруженные силы все шире применялись при подавлении народных волнений, вроде случившегося в Берлине в 1847 году «картофельного бунта». Концепция просвещенного солдата-гражданина, играющего активную роль в общественной жизни, умерла. «Между 1819 и 1840 все, что Шарнхорст и его последователи сделали для объединения военного истеблишмента и гражданского общества, было уничтожено, армия вновь рассматривалась как главный барьер социального прогресса»,¹⁹⁵ констатирует Гордон Крейг.

Так, из программы военных училищ были безжалостно убраны все гуманитарные предметы. Их место заняли чисто военные дисциплины. «Размышляющий солдат перестает быть солдатом, а превращается в бунтовщика», объясняли свои действия реакционеры.¹⁹⁶ «Самым неприятным для оставшихся на службе реформаторов было то, что военное министерство попало под влияние теоретиков, считавших концепцию солдата-гражданина не только вредной, но и социально глупой. В министерстве полагали, что у военного – особое призвание, отличное

¹⁹⁴ A History of Militarism Civilian and Military. Alfred Vagts. The Free Press, New York c 161

¹⁹⁵ Gordon Craig .The politics of the Prussian Army 1640-1945. Oxford at the Clarendon Press 1955 c 81

¹⁹⁶ Ibid c 80

от остального общества. И в этом выражается сущность милитаризма – ставить военные добродетели выше всех прочих».¹⁹⁷

Не рассуждать!

Однако при этом высшая власть совсем не препятствовала росту военного профессионализма в узком его понимании. За те же двадцать лет были кардинально улучшены программы боевой подготовки, произошло перевооружение армии на знаменитые игольчатые винтовки Дрейзе, была обновлена артиллерия. Были систематизированы функции Генерального штаба. В его составе появились топографическое бюро и исторический отдел. В практику вошли ежегодные «разведывательные туры» офицеров Генштаба на театры возможных военных действий. Маневры королевских войск подвергались критическому всестороннему анализу. Обязательное для офицера, по Гнейзенау и Клаузевицу, стремление к самосовершенствованию привело к стремлению обнаружить и поставить на службу новейшие технические достижения. Уже в 1830-е годы прусский генштаб первым обратил внимание будущее значение железных дорог для мобилизации и перегруппировки войск. Через 40 лет это, имеющее стратегическое значение, открытие обеспечит триумфальную победу германской армии над французской.

Происходили и решительные изменения в сознании офицерского корпуса Пруссии. Идеалом уже не являлся всесторонне образованный военнослужащий, который активно участвует в общественной жизни. На смену ему пришел сугубый профессионал, верный короне, и отстраненный от гражданского общества. Главное его достоинство – профессиональное самосовершенствование. Известный историк Эрих Маркс писал: «Философ отступил, выдвинулся специалист»¹⁹⁸

Однако, это вовсе не означало полную политическую нейтральность офицерского корпуса. «Неполитическая» армия – всего лишь ловкий трюк консерваторов, замечает Вагтс.¹⁹⁹ Наоборот, отказ от гуманитарного просвещения сразу же обернулся возвращением самых дремучих феодальных представлений. «Регулярная армия, не говоря уже о гвардии, превратилась в сферу, где знать господствовала, как в своих замках. Офицер был рефеодализован. До падения монархии господствовала удобная выдумка о том, что каждый конкретный офицер представляет собой вассала монарха»²⁰⁰, констатирует Альфред Вагтс.

¹⁹⁷ Dolman, Everett Carl. Warrior State : How Military Organization Structures Politics. Gordonsville, VA, USA: Palgrave Macmillan, 2005 с 131

¹⁹⁸ Цит по Gordon Craig .The politics of the Prussian Army 1640-1945. Oxford at the Clarendon Press 1955 с 141

¹⁹⁹ Alfred Vagts. A History of Militarism Civilian and Military. The Free Press, New York с 200

²⁰⁰ Ibid с 168

Надо сказать, что с течением времени и сами реформаторы перестали настаивать на том, что военная реформа обязательно должны быть продолжена политической модернизацией. «Реформаторы поуменились свой скромный либерализм и конституционные надежды, дабы спасти ту организацию армии, которую они создали... Гнейзенау, который еще недавно был движим революционным гневом, теперь соглашался с тем, что «все улучшения нашего состояния должны происходить сверху, а не снизу». Реформы, которые были подарены буржуазии и крестьянству перед 1813 годом, казались военачальникам более чем достаточной платой за всеобщую воинскую повинность»²⁰¹.

Самым поразительным примером такой трансформации стал сам Герман Бойен, вновь назначенный в 1841 году военным министром. «Второй приход Бойена на пост военного министра характеризовался работой по укреплению «технического» профессионализма армии... Конечно, ирония заключалась в том, что завершение карьеры человека, всю жизнь посвятившего объединению военных и гражданских, сопровождалась наиболее частыми и кровавыми столкновениями военных и гражданских за всю предыдущую историю Пруссии»²⁰².

Потенциал демократических преобразований, как следствия военной реформы, был, таким образом, полностью исчерпан. Во всех последующих событиях сначала прусской, а затем германской истории, армия представляла ударную силу реакции. Это проявилось уже в ходе революции 1848-1849 годов, в результате которой народ Пруссии все-таки получил и всеобщее избирательное право, и парламент, и писаную конституцию. Кульминацией этой революции стали события 18 марта 1848 года. Король Фридрих-Вильгельм IV собирался объявить толпе, собравшейся перед дворцом, об отмене цензуры и созыве единого ландтага. Но внезапно рота драгун врзалась в толпу с шашками наголо. Началось побоище. Возмущенные жители Берлина стали строить баррикады. В этой ситуации Фридрих-Вильгельм приказал войскам покинуть столицу, которая оказалась на несколько недель в распоряжении восставших. Эти события окончательно отделили армию от народа. Военные увидели в своем вынужденном уходе из Берлина «вторую Йену». Будущий военный министр Альберт фон Роон писал жене: «Теперь армия – наша Родина. Армия – то единственное место, куда не смогли проникнуть грязные и жестокие элементы».²⁰³

Офицерский корпус все время подозревал короля в соглашательстве и неверности феодальным «традициям». В первое время своего существования прусский парламент уделил немало времени проблемам ар-

²⁰¹ Ibid с 166-167

²⁰² Gordon Craig .The politics of the Prussian Army 1640-1945. Oxford at the Clarendon Press 1955 с 90

²⁰³ Gordon Craig .The politics of the Prussian Army 1640-1945. Oxford at the Clarendon Press 1955 с 107

мии. Офицеры из всех сил блюли свое особое положение вассалов короля, решительно не желали присягать кому-нибудь кроме монарха. Поэтому была создана сложная система, в соответствии с которой лишь один представитель Вооруженных сил – военный министр – приносил конституционную присягу. Он же отчитывался перед парламентом, у которого сохранялся мощный инструмент воздействия на армию – именно он утверждал военные расходы. Двойственное положение военного министра постоянно вызывало подозрение в его лояльности у короля и офицерского корпуса. Два военных министра были вынуждены подать из-за этого в отставку.

Таким образом, констатирует Эверет Долман, «события 1848 года завершили превращение военных из движущей силы либерализации в 1813 году в реакционную и полностью независимую власть, параллельную бюрократическому государству и отделенную от массы гражданского населения. Эти военные не считали себя обязанными хранить верность стране. Они считали себя верными монарху, правилам феодального этикета и обязанности повиноваться главнокомандующему. Обычный гражданин был исключен из этой системы отношений. Прусский король, считал военные реформы 1806–13 годов причиной своих бед. И он ликвидировал самые опасные результаты этих реформ, направив армию для подавления революции»²⁰⁴.

Реформы перешли в полную свою противоположность в 1860-е. Сначала регент, потом король Пруссии, затем кайзер Второго рейха Вильгельм I и его военный министр Альбрехт Роон провели очередную военную реформу, поставившую окончательный крест на идее народной армии. Срок службы был увеличен с двух до трех лет. «Регент и Роон считали, что третий год службы необходим, чтобы воспитать в рекрутах чувство товарищества, военной чести и верности монарху».²⁰⁵ По завершении службы, подданный короны еще 4 года состоял в резерве, а затем пять лет в реформированном ландвере. Роон окончательно превратил ландвер в придаток регулярной армии, лишив его даже косвенных признаков народного ополчения. От ландвера второго призыва отказались вовсе, а ландвер первого призыва был сохранен исключительно для тыловой службы. Отныне 25–27-летние пруссаки, переходили в резерв постоянной армии. Кроме того в резерв, а не в ландвер направлялись и 20-летние, не попавшей в ряды постоянной армии. Таким образом, ландвер отныне состоял исключительно из 27–32-летних, выслуживших сроки пребывания в постоянной армии и ее резерве. Показательно, что Роон выдвигал прежде всего политические, а вовсе не

²⁰⁴ Dolman, Everett Carl. *Warrior State : How Military Organization Structures Politics*. Gordonsville, VA, USA: Palgrave Macmillan, 2005 c 138

²⁰⁵ Gordon Craig .*The politics of the Prussian Army 1640-1945*. Oxford at the Clarendon Press 1955 c146

военные претензии к ландверу. Военный министр считал ландвер «фальшивым институтом», так как он состоял из... избирателей. А это означало, что при принятии военных решений командование было обречено учитывать мнения низших чинов. Что для Роона была совершенно нетерпимым.

Размеры армии мирного времени увеличились со 130 тысяч до 213 тысяч военнослужащих. При этом ежегодный призыв вырос на 66 процентов - до 63 тысяч, а резерв - на 100 тысяч. Параллельно шло постоянное наступление на возможности общества влиять на военную политику. Уже в 1850 году король Фридрих-Вильгельм IV добился того, что военные полностью освобождались от клятвы верности конституции. «Это решение эффективно избавило военных от парламентского контроля и создало надежную преграду перед любыми попытками парламентского вмешательства. После 1850 года король должен был клясться в поддержке конституции, а армия присягала только королю»²⁰⁶, - пишет Эверетт Долман. Поначалу парламент пытался сопротивляться. Протестуя против наращивания армии мирного времени, лишения ландвера самостоятельной роли в военных делах (что, конечно, резко снижало возможности общества влиять на Вооруженные силы и военную политику), парламент несколько лет отказывался одобрять военный бюджет.

Однако с приходом Бисмарка оппозиция поутихла. «Рейхстаг никогда не продвинулся дальше мягких домогательств в своих попытках контролировать военные дела»²⁰⁷, иронизирует Сэмюэл Хантингтон. «Железный канцлер» потребовал «железного военного бюджета», который утверждался бы на несколько лет вперед. Бисмарк отрицал право рейхстага «ставить каждый год под вопрос существование прусской армии».²⁰⁸ При этом была предложена формула, которая делала утверждение военных расходов едва ли не автоматическим. Численность армии мирного времени должна была составлять один процент от численности всего населения. При этом на содержание каждого военнослужащего выделялась фиксированная сумма в 225 талеров.

Впрочем, триумфальные военные победы над Данией, Австрией и Францией положили конец всем спорам о гражданском контроле. Парламент окончательно смирился с тем, что руководство армией - незыблемая прерогатива короны. «В монархии, подобной нашей военная точ-

²⁰⁶ Dolman, Everett Carl. *Warrior State : How Military Organization Structures Politics*. Gordonsville, VA, USA: Palgrave Macmillan, 2005 c 140

²⁰⁷ Samuel P. Huntington. *The soldier and the state*. The Belknap Press of Harvard University Press, Cambridge, Massachusetts, 1972 c102

²⁰⁸ Alfred Vagts. *A History of Militarism Civilian and Military*. The Free Press, New York c 204

ка зрения не должна подчиняться ни финансам, ни экономике»²⁰⁹, писал Вильгельм еще в бытность регентом. После объединения Германии этот вопрос уже практически не стоял. «Время идеалов прошло... Политикам сегодня следует меньше спрашивать себя о том, что желательно, а о том, что позволено», - цитирует в этой связи Крейг одного из лидеров оппозиции. И вполне справедливо называет эти слова эпитафией на могиле прусского либерализма²¹⁰...

Государство в государстве

Дело свелось не только к тому, что армия оказалась отделена от ценностей гражданского общества. Произошло нечто худшее. На патриотической волне само общество, вдохновленное военными победами, стало считать армию непревзойденным идеалом. Но уже не была армия Шарнхорста и Клаузевица. С наступлением реакции после 1819 года из армии последовательно изгонялись все, чье нестандартное мышление выходило за рамки профессионального совершенствования. Общество брало пример с армии, закосневшей в сугубо феодальных предрассудках. Для исполнения своих нужд (ведь по мере увеличения численности Вооруженных сил требовалось все больше офицеров) армия полагалась на наиболее обеспеченную часть среднего класса, требуя, чтобы его представители приняли феодальную философию, утвердившуюся в офицерском корпусе. И незнатные неофиты делали все возможное, чтобы воспринять эти «высшие» принципы и мораль, дабы полностью им соответствовать. В имперской Германии получения офицерского чина было важнейшим знаком социального признания. Персонаж одного из романов рассуждал: «Вам удалось стать лейтенантом резерва - это наиважнейшая вещь из всех, что могут быть в наши дни - хоть с социальной, хоть с профессиональной точки зрения. Докторская степень - все равно, что визитная карточка, а вот комиссия по резерву - это открытая дверь». Другой взгляд, вполне откровенный, можно обнаружить в одном из сатирических журналов того времени, «Прусский лейтенант - который до последнего времени был довольно скромным, превратился в эпоху Вильгельма в невыносимого хлыща»²¹¹.

В последующие годы германская армия чем дальше, тем больше превращалась в государство в государстве. «Нигде еще в Западной Европе армия не была настолько изолированной от внешних политических влияний. При этом политическая власть класса, из которого происходили офицеры, гарантировалась. Нигде еще армия не была так

²⁰⁹ Цит по Gordon Craig .The politics of the Prussian Army 1640-1945. Oxford at the Clarendon Press 1955 с 143

²¹⁰ Ibid с 177

²¹¹ Цит по Gordon Craig .The politics of the Prussian Army 1640-1945. Oxford at the Clarendon Press 1955 с 237-238

хорошо организована и общественное сознание так милитаризовано»²¹². Более того, «военные руководители считали военный истеблишмент настоящим носителем национального интереса. И было вполне естественным пойти дальше и решить, что военные лучше, чем дипломаты и политики подготовлены, чтобы эти интересы защищать»²¹³. Превращение немецкого генштаба в теневое (более влиятельное, чем официальное) правительство шло постепенно. Одной из важнейших его вех стал, к примеру, знаменитый конфликт с Бисмарком. В какой-то момент генштаб стал настаивать на том, что военные атташе в германских посольствах обладают лучшей, чем профессиональные дипломаты подготовкой для оценки состояния дел в иностранных государствах. И для них добились, в конце концов, права посылать свои депеши в обход послов. Более того, эти послания направлялись кайзеру в обход рейхсканцлера Бисмарка! В 1866 году Генштаб получил право отдавать приказы по армии в обход военного министерства, которое, будучи конституционным органом, постоянно теряло влияние. Так оно было оттеснено от контроля за офицерским корпусом Военным кабинетом императора.

Идеи же о постоянном совершенствовании военных, заложенная Шарнхорстом, продолжали жить. Но это совершенствование носило узкопрофессиональный характер. Благодаря своему Генштабу немецкая военная машина постоянно брала на вооружение все научно-технические достижения, стремясь максимально использовать их в боевой практике. Она старалась довести до идеала военную организацию, включая призывную систему. Это упоение военно-технической стороной дела привело к отрыву военной стратегии от возможностей экономики, пренебрежению внешней политикой. Уверенные в приоритетности военной стратегии над всеми прочими соображениями сначала Мольтке-старший, а затем Шлиффен создали шедевры стратегической мысли – планы ведения войны на два фронта, против Франции и России одновременно. Но попытка реализовать их привела к двум мировым войнам и двум военным катастрофам Германии.

При этом претензия на «аполитичность» в действительности означала отрицание необходимости руководства со стороны гражданских властей. Мольтке, пишет Крейг, «привыкший мыслить в рамках чистой стратегии и готовивший свои планы с почти математической точностью, возмущался, когда в эти планы вторгались неприятные политические реалии. Это раздражение вело его к попытке добиться невыполнимого - четкого разграничения политики и стратегии, в надежде, что

²¹² Alfred Vagts. A History of Militarism Civilian and Military. The Free Press, New York c207

²¹³ Gordon Craig .The politics of the Prussian Army 1640-1945. Oxford at the Clarendon Press 1955 c255

ему удастся сохранить эти сферы разделенными. Он полагал, что как только политическая цель войны определена, и решение о необходимости военных действий принято, соображения стратегии становятся первостепенными»²¹⁴. Что до Шлиффена, который был нарочитым «неполитическим» военным специалистом, то в его «технических решениях самым обескураживающим образом проявлялись его политические пристрастия».²¹⁵ Приоритетное место генштаба в структуре государственной власти и предпочтение отдаваемое военным соображениям перед всеми прочими (что как мы увидим позже, является одним из отличительных свойств милитаризма) сыграли свою отрицательную роль накануне и в ходе Первой мировой войны. «Летом 1914 критически важные решения принимались военными, и, принимая их, военные почти полностью игнорировали политические соображения».²¹⁶ Германский генштаб как перчатки менял канцлеров и министров иностранных дел при малейшем признаке их неповиновения приказам военных. Генштаб последовательно торпедировал все попытки дипломатов вести сепаратные мирные переговоры с державами Антанты²¹⁷.

Любопытно, что когда главы стран Антанты вырабатывали условия Версальского договора, они вспомнили об опыте Шарнхорста. Памятуя, что Krumpieg-система, позволила под носом Наполеона накопить солидные резервы при том, что сама армия оставалась маленькой, победители настояли, чтобы рейхсвер был профессиональным. И жестоко ошиблись. Разрешенный размер армии в 100 тысяч военнослужащих позволил генералу Секту поднять качественные характеристики всех военнослужащих. Рядовые рейхсвера стали впоследствии фельдфебелями вермахта, что дало возможность быстро подготовить миллионы солдат. В рейхсвере прошли обкатку военные концепции, определивший развитие стратегии и тактики на десятилетия вперед. Так уже в середине двадцатых подполковник Вальтер Браухич (будущий главнокомандующий сухопутными войсками вермахта) организовал маневры, чтобы проверить возможности авиационной поддержки наступающих механизированных частей, в 1924 году юный капитан Гейнц Гудериан разрабатывал теорию и практику глубоких прорывов танковыми соединениями (при этом он «занимал» автомобили и мотоциклы у полиции).

В рейхсвере достигли пика не только стремление к вершинам военного профессионализма, но и самые дремучие реакционные взгляды. В то же время рейхсвер довел до абсолюта изолированность от государства. Армия фактически отказалась считать Веймарскую республику

²¹⁴ Ibid с 195-196

²¹⁵ Ibid с 255-256

²¹⁶ Ibid с 294

²¹⁷ См Samuel P. Huntington. The soldier and the state. The Belknap Press of Harvard University Press, Cambridge, Massachusetts, 1972 с107-108

воплощением немецкого государства.²¹⁸ И опять-таки эта «неполитичность» обернулась распространением в военной среде самых реакционных взглядов, которые не имеют ничего общего с концепцией военного профессионализма (исходившей из приоритета политики над военными расчетами). Апологет этих взглядов генерал Людендорф в своей работе «Тотальная война», опубликованной в 1935 году утверждал: «Все теории Клаузевица пора выбросить за борт»²¹⁹. Так политика стала работой войны, а не война – работой политики. «Его (Людендорфа – А.Г.) теория с ее иллюзиями о достижении всемогущества, превознесением насилия, низкопоклонством перед властью, - была отказом от всего, чего добивалась немецкая военная мысль в XIX веке. Он взял на вооружение самые убогие из идей Трейчке, Ницше и Шпенглера, чтобы обосновать абсолютизацию военной силы. По иронии судьбы теория, которая выросла из доминирования военных в годы первой мировой, получила наибольшую реализацию в годы второй мировой, когда военные перешли в абсолютное подчинение австрийскому капралу. Германский милитаризм просто покончил самоубийством»,²²⁰ делает беспощадный вывод Хантингтон.

Подавляющее большинство в рейхсвере с восторгом восприняли приход к власти Гитлера и поставили на службу фашизму свои таланты. «Командующие немецкими армиями продемонстрировали и техническую виртуозность, и личное мужество, которые всегда были присущи прусскому офицерскому корпусу в результате возрождения после поражений Иены и Аерштадта. Но, ни когда Гитлер был на пороге захвата власти в 1933 году, ни в 1934, когда он натравливал своих убийц, они не смогли продемонстрировать ни намека на моральное мужество, духовную независимость и глубокий патриотизм, который был присущ таким великим солдатам прошлого как Шарнхорст, Бойен и Гнейзенау. А без этого все прочие качества были бессмысленны и конечно они не могли предотвратить катастрофу, которая в большой степени стала результатом их политической безответственности»²²¹, - с понятной горечью пишет Гордон Крейг.

Немецкое общество долго не могло простить военным профессионалам их готовности служить нацистскому режиму. Именно поэтому ФРГ последней из ведущих стран Запада отказалась от службы по призыву. И далеко неслучайно то, что идеи Шарнхорста о солдате-гражданине, военном служащем, который является активным членом гражданского общества легли в основу идеологического обеспечения при создании бундесвера, армии демократической Германии.

²¹⁸ Ibid 112

²¹⁹ Цит по Samuel P. Huntington. The soldier and the state. The Belknap Press of Harvard University Press, Cambridge, Massachusetts, 1972 с 108

²²⁰ Ibid с 109

²²¹ Ibid с 502

Вместо модернизации - милитаризм

Итак, почему же опыт прусской военной реформы, состоявшейся две-сти лет назад, кажется мне очень важным для понимания результатов нынешней российской реформы и перспектив развития как собственно Вооруженных сил, так и всего государства и общества? Во-первых, потому, что, как писал Сэмюэл Хантингтон, «вероятно, никакая другая страна кроме Германии, не имеет столь разнообразного опыта в области военно-гражданских отношений. Никакой другой офицерский корпус не достиг столь высоких профессиональных стандартов, и офицерский корпус ни одной из ведущих держав не был так полностью протитуирован... В каждой из глав немецкой истории есть свои уроки и свои предупреждения. Опыт империи демонстрирует преимущества гражданского контроля. Период республики (Веймарской – А.Г.) показывает, как трудно обеспечить такой контроль в условиях политического хаоса. Первая мировая война – иллюстрация разрушительных последствий того, что военные берут на себя политические роли. Нацистский режим показал столь же катастрофические последствия того, как предупреждения военных остаются не услышанными, и политики топчут военных. Такое разнообразие военно-гражданских отношений в истории Германии делает эту историю хоть и пугающей, но весьма поучительной».²²²

Во-вторых, и, наверное, в-главных, потому, что эта военная реформа уникальна. Это редкий, если вообще не единственный случай в мировой истории, когда к военной модернизации приступали либералы в мундирах, замечательные военные профессионалы, преисполненные либеральных идей. Для них военная реформа была невозможна перед широкими демократическими перемен во всем государстве. Они полагали, что сама военная реформа должна базироваться на отмене крепостного права и введении городского самоуправления (чего, как мы помним, им удалось добиться). Но они рассчитывали, что военная реформа естественным образом должна продолжиться переходом прусского абсолютизма к конституционной монархии по британскому образцу.

Сопоставлению прусской и российской военных реформ не должна мешать кажущаяся противоположность прусской и современной российской военной реформы. Да, идеалом Шарнохста, Бойена, Грольмана была массовая мобилизационная армия, в которой они видели школу, которая будет готовить граждан к сознательной роли в государстве. Сутью же российской военной реформы стал отказ от массовой мобилизационной армии. На мой взгляд, никакого противоречия здесь нет. Сама по себе призывная система не плоха и не хороша. Это способ формирования армии, отвечающий определенным историческим усло-

²²² Samuel P. Huntington. The soldier and the state. The Belknap Press of Harvard University Press, Cambridge, Massachusetts, 1972 с 98

виям и уровню развития техники. С появлением в XIX веке в Европе разветвленной сети железных дорог у государств появилась возможность быстро проводить мобилизацию, и в короткие сроки формировать огромные армии, содержать которые в мирное время им было не под силу. При этом степень подготовки солдат большого значения не имела - максима Наполеона, утверждавшего, что "побеждают только большие батальоны", казалась универсальной. Однако в последние тридцать лет ситуация стала меняться. Происходит революция в военном деле. Чрезвычайно усложнилась военная техника, ее теперь можно доверять только тем, кто сделал военное дело профессией. Важнейшим залогом успеха в войне стала мобильность, способность в кратчайшие сроки перебрасывать войска за тысячи километров. Она обеспечивается наличием десантных кораблей и военно-транспортной авиации, но, прежде всего, - наличием полностью подготовленных боеготовых соединений. С войсками, формируемыми по призыву, это невозможно в принципе, потому что в частях все время находятся новобранцы. Всякий раз, когда возникает необходимость использовать силу, командование оказывается перед альтернативой – или терять время на переформирование, или посылать в бой необученных юнцов. Как раз неспособность обеспечить быстрое оперативное развертывание войск в районе Персидского залива в 1991 году подтолкнуло французское руководство к отказу от призыва.

Кроме того, радикально изменилась демографическая ситуация. Для сколько-нибудь успешного функционирования системы массовой мобилизационной армии необходим устойчивый рост населения. В той же Пруссии за сорок лет, с 1819 года по 1859-й, население выросло вдвое. Приблизительно такими же были темпы роста населения России в 70-е годы XIX века, когда произошли милютинские реформы, создавшие массовую мобилизационную армию. В настоящее время ситуация принципиально иная – население России уменьшается. Подозреваю, что гражданам российского государства нужна принципиально другая школа гражданской ответственности, чем армия.

Таким образом, в сравнении прусской и российской реформ важен не конкретный способ комплектования Вооруженных сил, за утверждение которого шла борьба между модернизаторами и консерваторами. Важно то, что обоих случаях он был прямо связан с надеждами (в прусском случае, открыто высказывавшимися реформаторами, в российском – сформулированными лишь немногими наблюдателями, включая и автора) на то, что достижение сугубо военных целей реформы приведет, в конечном счете, к политической эмансипации. В обоих случаях военные цели были, в конечном счете, достигнуты. Но это не привело к утверждению демократических принципов в государстве. Скорее наоборот: успех военной реформы, в конечном счете, обернулся полным отказом от демократических норм.

Те, кто изучали прусскую военную реформу, объясняли произошедшее по-разному. Одни - неудачным стечением обстоятельств (Гордон Крейг), другие - отказом от высоких принципов военного профессионализма (Сэмюэл Хантингтон). На мой взгляд, дело в другом. В большинстве известных случаев военная реформа предполагает в качестве предварительного условия установление нормальных гражданско-военных отношений, как следствие общедемократических реформ, уже произошедших в обществе. Почему при этом военная реформа, как правило, несколько отстает от прочих демократических перемен понятно: военная организация консервативна по определению, она основана на жестком иерархическом подчинении, с трудом, зачастую с нескрываемым отвращением воспринимает все, что связано с демократическими свободами. К тому же в авторитарных и тоталитарных режимах она является опорой власти. И крах таких режимов представляется поначалу неизбежной трагедией для Вооруженных сил.

Но попытка провести военную реформу в авторитарном обществе создает принципиально иную ситуацию. Конечно, в любой попытке военной модернизации в последние лет 200 можно при желании обнаружить общедемократический элемент. Все военные реформы так или иначе связаны с изменением способа комплектования, и хотя бы в силу развития военной техники имеют тенденцию к ослаблению тягот, которые накладывает на население содержание Вооруженных сил.

Этого, однако, совершенно недостаточно, чтобы говорить о том, что военная реформа может сама по себе стать двигателем общей демократизации. «Не доказано, что военная реформа сама по себе является достаточным поводом для демократизации»²²³, констатирует Эверетт Долман. Точно так же по меньшей мере спорной является довольно популярная теория о том, что демократия появляется вместе с армией. Сторонники этой теории исходят из того, что как только человек берет в руки оружие, у него тут же появляются права. В этом смысле, конечно, пример прусских реформ начала XIX века может служить примером. Реформаторы твердо стояли на том, введение всеобщей воинской повинности возможно только после отмены крепостного права. Отчасти этот же аргумент можно применить и к России: милютинские реформы и переход к призывной армии произошел только после отмены крепостного права. Однако эта теория совершенно не объясняет то, что Петру I удалось вооружить сотни тысяч рабов, которые истово служили самодержавию с оружием в руках, отнюдь не требуя свободы.

Каковы же в таком случае политические итоги успешной модернизации Вооруженных сил в авторитарном обществе, в ситуации, когда других реформ не происходит? Очевидно, что, получив в свое распо-

²²³ Dolman, Everett Carl. *Warrior State: How Military Organization Structures Politics*. Gordonsville, VA, USA: Palgrave Macmillan, 2005 c 213

ряжение модернизированной армии, авторитарный лидер видит в ней главный политический инструмент, которым он начинает пользоваться для укрепления своей власти. Модернизированная армия одерживает одну за другой победы над внешним врагом, тем самым укрепляется власть правителя внутри страны. При этом Вооруженные силы, где действительно произошла модернизация, выглядят идеальным институтом в глазах жителей страны. В условиях «патриотического подъема» представительные органы утрачивают возможность хоть какого-нибудь контроля над силовыми структурами. А сама армия все больше кажется идеальным средством в решении все большего количества проблем. В конце концов, люди в погонах превращаются в главных вершителей судеб государства. Но они могут предложить лишь те решения, которые знают. То есть военные, силовые. Это государство, о чем пойдет речь в следующей главе, и называется милитаристским. Парадоксально, но чем большего совершенства достигают Вооруженные силы, тем быстрее страна движется к катастрофе. Потому что предлагаемые решения все меньше учитывают состояние экономики и социальной сферы. Таким путем прошла Германия, сегодня на этот путь вступила Россия...

V. Страна победившего милитаризма

Можно с уверенностью констатировать: успешная, но остановленная на стадии «качественных» изменений военная реформа в России, не только не стала двигателем общей модернизации страны. Повышение эффективности армии и последовавшие за этим военные успехи (присоединение Крыма, воздушная операция в Сирии) привели к подъему невиданной волны военной истерии, подстегиваемой государственной пропагандой. Следствием этой истерии стало совершенно некритическое отношение к высшей власти, к президенту Владимиру Путину.

В России укоренилась система взглядов, согласно которой страна является военной крепостью, со всех сторон окруженной врагами. Естественно, на все внешнеполитические и большую часть внутренних проблем дается прежде всего военный ответ. Любые противоречия на международной арене рассматриваются через призму бездоказательных обвинений Запада в намерении сломать военный паритет. Так, свою аннексию Крыма и развязывание секретной войны на Донбассе российские власти объясняли намерением не допустить реализации выдуманных от начала до конца «планов» НАТО разместить свои «базы» на Украине.

Даже в условиях экономического кризиса каждый пятый рубль государственного бюджета расходуется на военные цели. Вопреки мировому опыту утверждается, что развитие военных программ приведет к технологическому рывку. Подавление гражданских прав и свобод осуществляется под прикрытием борьбы с вражескими агентами. Любые неудачи трактуются только как военное поражение, которое одержано превосходящими силами глобального противника - США и Запада в целом. Таким образом, всякое поражение, даже, если оно обусловлено очевидными внутренними причинами, прежде всего неэффективностью пресловутой «вертикали власти», трактуется как доказательство внешней угрозы.

Граждане России, включая и тех, кто относит себя к интеллектуальной элите, готовы прослезиться при виде парадных «коробок», вышагивающих прусским «гусиным шагом». По сей день подобно персонажу фильма «Интервенция» они пребывают в восторженной уверенности, что «регулярная армия – это чего-то особенного». Что гораздо хуже, граждане в своем большинстве уверены, что государство вправе требовать от них огромных жертв для укрепления пресловутой оборо-

носпособности. Таким образом, можно констатировать: российский милитаризм, который казался в 90-е годы умирающим, возродился. Именно он оказывает решающее влияние не только на военную сферу, но на всю политическую жизнь России, ее экономическое положение и социальные условия.

Что же такое русский милитаризм?

Термин "милитаризм" был применен впервые в середине XIX века для характеристики режима Наполеона III во Франции²²⁴. Несколько позже один из основоположников научной социологии Герберт Спенсер в «Принципах социологии» разделил типы государственного устройства на «воинственный», где все направлено для подготовки войны с другими государствами и «индустриальный», чьи нормы, законы и институты направлены на мирное экономическое усовершенствование на благо членов общества. И вот в конце XIX века Спенсер приводит следующие примеры «воинственных обществ»: «Современные Дагомея (государство в тогдашней Африке – А.Г.) и Россия, а также древние Перу, Египет и Спарта, в социальной системе которых жизнь, свобода и имущество гражданина, принадлежит государству, целью которого является война».²²⁵

В тот же период стала изучать милитаризм и марксистская наука. Так Фридрих Энгельс в 70-х годах позапрошлого столетия писал в «Анти-Дюринге» о том, что «армия стала главной целью государства, она стала самоцелью; народы существуют только для того, чтобы поставлять и кормить солдат. Милитаризм господствует над Европой и пожирает ее»²²⁶.

Именно Энгельс был первым, кто связал милитаризм с изменением характера войны: «Соперничество между отдельными государствами принуждает их все более и более всерьез применять всеобщую воинскую повинность и тем самым обучать в конце концов весь народ умению владеть оружием»²²⁷. Во второй половине XIX века стало ясно, что наступает эпоха массовых мобилизационных армий. Научно-технический прогресс, который проявился в стремительном развитии железных дорог, позволил генеральным штабам осуществлять массовые мобилизации в короткие сроки. В результате появлялись гигантские армии, содержание которых потребовало кардинального переустройства не только военных ведомств, но в первую очередь самого государства. Более того, привлечение огромных народных масс в воен-

²²⁴ БСЭ т16, с 256

²²⁵ Herbert Spencer Principles of Sociology vol.2 (New York 1895). с 602

²²⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, с 175

²²⁷ Ibid

ное строительство, неизбежно требовало, чтобы народ верил в необходимость превращения страны в военный лагерь для противостояния «враждебным государствам».

Если же укрепление милитаристского государства не сопровождается эффективной милитаристской пропагандой, то реальным становился сценарий, предсказанный Фридрихом Энгельсом. Он сводился к тому, что обученный обращению с оружием народ «становится способным в известный момент осуществить свою волю вопреки командующему военному начальству. И этот момент наступит, как только народная масса - деревенские и городские рабочие, а также крестьяне - будут иметь свою волю. На этой ступени войско монарха превращается в народное войско, машина отказывается служить, и милитаризм погибает в силу диалектики собственного развития».²²⁸ В данном случае принципиально важен отмеченный фактор *милитаризации населения* государства.

Эти идеи развил Карл Либкнехт в написанной в 1907 году работе «Милитаризм и антимилитаризм», пожалуй, единственной классической марксистской работе, которая полностью посвящена этой проблеме: «Милитаризм выступает... как сама армия... , а за пределами армии как система, охватывающая все общество посредством сети милитаристических и полумилитаристических учреждений... далее он выступает как система пропитывания всей общественной и частной жизни народа милитаристическим духом»²²⁹.

В период, предшествовавший первой мировой войне, превалировало представление о милитаризме, как системе, которая характеризуется избыточностью военных усилий государства. Так, например, определяет милитаризм Малый энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона: «преобладание в государстве военных интересов над всеми остальными, стремление к беспредельному увеличению сухопутных и морских военных сил, не останавливаясь перед отягчающими народное хозяйство издержками. Господствует в европейских государствах; особенно после 1871, численность европейских армий и размеры военных бюджетов колоссально возросли, составляя около 1/4-1/3 общего государственного бюджета»²³⁰.

Первая мировая война привела к кардинальному изменению государственного и общественного устройства большинства европейских стран, сделала войну всеобщей и глобальной, потребовала переосмыслить понимание милитаризма. Марксизм сделал однозначный вывод –

²²⁸ Ibid

²²⁹ Либкнехт Карл. Милитаризм и антимилитаризм М.1960, с 58

²³⁰

<https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%9C%D0%AD%D0%A1%D0%91%D0%95/%D0%9C%D0%B8%D0%BB%D0%B8%D1%82%D0%B0%D1%80%D0%B8%D0%B7%D0%BC>

милитаризм является порождением капитализма. Все ученые-марксисты предпочли не оспаривать максимы, сформулированные Владимиром Лениным: "Современный милитаризм... - "жизненное проявление" капитализма: как военная сила, употребляемая капиталистическими государствами при их внешних столкновениях... и как оружие, служащее в руках господствующих классов для подавления всякого рода (экономических и политических) движений пролетариата..."²³¹

Рассматривая проблему милитаризма, советские общественные науки по понятным причинам считали это явление исключительно порождением «эксплуататорского общества». Квинтэссенцией такого подхода может служить статья в Большой Советской Энциклопедии: «в широком смысле - наращивание военного могущества эксплуататорского государства с целью осуществления политики захватнических войн и подавления сопротивления трудящихся масс внутри страны. Будучи постоянным явлением в обществе, разделённом на антагонистические классы, милитаризм сложился как система экономики, политики и идеологии при капитализме»²³².

Отметим при этом, что советские исследователи практически не использовали возможности для критики Запада, которые, казалось бы, открывало для них исследование в области «империалистического» милитаризма. По сути дела, все немногочисленные исследования, в названиях которых фигурировало слово «милитаризм» сводились к изучению военно-промышленного комплекса Запада, влияния военных расходов на экономику капиталистических государств. И это неслучайно, сколько-нибудь серьезное изучение иных, «неэкономических», аспектов милитаризма неизбежно выявляло аналогии с СССР и с советским обществом. Точно также фильм Михаила Ромма «Обыкновенный фашизм» неожиданно обнаруживал сходство между фашистским режимом (прежде всего его пропагандой, культурой и эстетикой) и коммунистической властью.

Между тем зарубежная политология достаточно глубоко исследовала феномен милитаризма. В 1920-е годы американский политолог Гарольд Лэсвилл пишет свои классические эссе о "государстве-гарнизоне". Согласно высказанной им гипотезе в результате развития современной военной техники и наступления эпохи тотальных войн, главную роль в государстве начинают играть специалисты по применению насилия. «В государстве-гарнизоне специалист по применению насилия находится на вершине, а организация экономической и социальной жизни систематически подчиняется потребностям Вооружен-

²³¹ В.И. Ленин Полное собрание соч., 5 изд., т. 17, с 187

²³² БСЭ т 16. с. 327

ных сил. Это означает, что доминирующее влияние находится в руках того, кто применяет насилие²³³».

Как мне представляется, наиболее полно милитаризм как явление описан германскими исследователями. В частности, немецкий историк Герхард Риттер описывает характерные черты германского милитаризма: в основе важнейших политических решений лежат военнотехнические расчеты, а не всесторонний анализ с точки зрения государственных интересов; а в отношении народа к тем или иным проблемам безусловно доминируют военные подходы²³⁴. Другой немецкий ученый Вилфред фон Бредов добавляет еще одну характерную черту: глубокое проникновение военных отношений и военных ценностей во все сферы жизни общества.²³⁵ Один из самых известных современных социологов Энтони Гидденс определяет милитаризм как «склонность высших кругов некоторых обществ к поиску военных решений политических конфликтов и готовность низших слоев принимать такие решения»²³⁶.

Следует, правда, оговориться, что известнейший американский исследователь Сэмюэл Хантингтон дает принципиально иное толкование понятия милитаризм. Для этого ученого тождественны понятия «профессиональный милитаризм» и «военный профессионализм». Он считает, что подход профессионального военного²³⁷ демонстрирует особую осторожность и ответственность, когда заходит речь об использовании военной силы, является сдерживающим фактором при принятии политических решений. Этот подход позволяет ему утверждать, что взаимоотношения военных и кайзера в Германии в XIX веке были близки к идеальным²³⁸. Но даже если допустить, что термин «милитаризм» может быть использован для описания положительного влияния профессиональных военных на власть и общество, следует признать, что речь идет о явлении прямо противоположном тому, о котором я пишу в этой

²³³ Essays on the garrison state / Harold Lasswell ; edited and with an introduction by Jay Stanley ; with a preface by Irving Louis Horowitz. Imprint: New Brunswick, NJ ; London : Transaction Publishers, 1997 с 12

²³⁴ The political role of the military: an international handbook. Greenwood Press 1996 с 143

²³⁵ Ibid

²³⁶ См. Guldens A. The Nation-State and Violence. Vol. 2 of A Contemporary Critique of Historical Materialism. — Cambridge: Polity Press, 1985 с 80. При том, что Гидденс вполне справедливо указывает на воздействие милитаризма на социальные и экономические процессы, он, на мой взгляд, не слишком убедителен, когда утверждает, что милитаризм — это не следствие, а одна из причин возникновения индустриального капитализма

²³⁷ Это совсем не то, что понимают под профессиональным военным в России; военный профессионал в понимании Хантингтона служит более высоким ценностям, нежели просто оплата, чем и отличается от наемника

²³⁸ Samuel P. Huntington. The soldier and the state. The Belknap Press of Harvard University Press, Cambridge, Massachusetts, 1972 с 98

главе. В нашем случае источником милитаризма является не только и не столько профессиональные военные.

Вот как описывает Артур Вагтс, автор считающегося классическим труда «История милитаризма» принципиальную разницу между стремлением укрепить обороноспособность, подготовить армию к возможной войне, что естественно для любого государства, и милитаризмом: «Это различие фундаментально и оно имеет определяющий характер. Для военного подхода прежде всего характерно стремление сконцентрировать людские и материальные ресурсы для того, чтобы с максимальной эффективностью решать конкретные задачи. Милитаризм же представляет собой концентрацию обычаев, представлений и интересов, которые хоть и связаны с войнами и армиями, но в любом случае требуют гораздо большего, чем просто удовлетворение военных потребностей. Отказываясь от научного подхода, милитаризм опирается на подход кастовый и культовый, на власть и веру. Армия, построенная так, что служит не целям подготовки к возможной войне, а интересам военных, является по своей сущности милитаристской».²³⁹

Показательно, что Вагтс и сам указывает на наиболее опасный источник милитаризма: «Гражданский милитаризм следует определить как безоговорочное принятие военных ценностей, манер, принципов и отношений. Приоритет отдается военным соображением перед всеми другими. Героическое обнаруживается преимущественно в военной службе и в военных действиях – в подготовке к которым и состоит главный интерес государства и чего должны расходоваться главные ресурсы... Как и милитаристы в военной форме милитаристы гражданские презирают гражданскую политику, парламентаризм, партии и т.д.».²⁴⁰

Следует признать, что военная составляющая государственного устройства чрезвычайно сильно повлияла на российское национальное самосознание. По-видимому, у подавляющего большинства россиян на уровне подсознания, засел миф о том, что для нашей огромной страны армия и есть основа государства. И это при том, что сомнения на сей счет высказывались еще в середине XIX века. «Что армии обеспечивают безопасность государства, это совершенно справедливо, - писал полтора века назад Николай Обручев, будущий начальник императорского Главного штаба и выдающийся военный реформатор - но чтобы они были *опорной точкой его самобытности*, - это чистый софизм. Самобытность государства укореняется и развивается гражданской его

²³⁹ Alfred Vagts A history of militarism: [civilian and military. New York] Meridian Books [1959] с 13-15

²⁴⁰ Ibid с 453

жизнью, а не военной, иначе царства Чингисханов, Тамерланов и других были бы прочны и монголы до сих пор владели бы Россией».²⁴¹

Официальная пропаганда настойчиво распространяет миф о том, что Россия веками оборонялась от бесчисленного множества внешних врагов и потому стремление защищать Отчизну (а стало быть, и уважение к армии) является чуть ли не врожденным качеством любого достойного гражданина²⁴². На самом деле, как всякое крупное государство, Россия вела и оборонительные, и захватнические войны. Элементарная логика подсказывает, что страна, столь сильно расширившая свою территорию, должна была быть успешной не только в самообороне. В докладной записке Александру II Генеральный штаб с гордостью сообщал, что между 1700 и 1870 годами Россия воевала 38 раз, причем все эти войны, за исключением двух, были наступательными.²⁴³

Откуда взялось у россиян представление об армии как о наиглавнейшем государственном институте? Этим вопросом задавались еще историки школы Василия Ключевского. Они прямо указывали на связь между развитием Российского государства и удовлетворением его военных потребностей. «Содержание служилого сословия, – писал Александр Корнилов, имея в виду события XVII века, – сделалось господствующим интересом в Московском государстве, поглощавшим все остальные интересы страны. ...Население обращено было к отбыванию тяжелой государственной повинности того или иного рода. В поисках за платежными средствами возникает и укореняется мало-помалу своеобразная финансовая система, в основание которой кладется идея всеобщего тягла»²⁴⁴

Петр Великий многократно усилил многовековую традицию «тягла», По сути дела петровские реформы имели одну главную цель – создать и содержать огромную армию. Сами реформы, которые впоследствии были признаны великими, зачастую носили характер импровизации вызванной сиюминутными потребностями длившейся двадцать лет Северной войны. «Военная реформа ... имеет очень важное значение для нашей истории, – пишет Василий Ключевский, – это не просто вопрос о государственной обороне: реформа оказала глубокое воздействие и на склад общества и на дальнейший ход событий... Война была главным движущим рычагом преобразовательной деятельности Петра, военная реформа – ее начальным моментом... Преобразованием государственной обороны начиналось дело Петра, к преобразованию госу-

²⁴¹ Цит по «Государственная оборона России. Императивы русской военной классики. с 83

²⁴² См., к примеру: *На службе отечеству*: Книга для чтения по общественно-государственной подготовке солдат (матросов), сержантов (старшин) Вооруженных Сил Российской Федерации

²⁴³ *Сухотин Н.Н.* Война в истории русского мира. СПб., 1898. с 113—114.

²⁴⁴ Александр Корнилов. *Курс истории России XIX века.* М., 1992. с 20.

дарственного хозяйства оно направлялось»²⁴⁵. Великий реформатор строил новое государство, как огромную казарму. «Идеальными Петру представлялись учреждения, уподобленные казарме, а служители учреждений - военным чинам, с такой же неукоснительностью выполняющими указы, как солдаты и офицеры выполняли военные уставы»²⁴⁶. — пишет известный исследователь Николай Павленко. «Когда анализируешь развитие идей Петра о государстве, реформе управления, бросается в глаза сознательная ориентация на военные образцы, на придание государству черт единого грандиозного военного механизма», - указывает Евгений Анисимов. - При этом собственно страна, ее народ были не более, чем источником ресурсов – людских и финансовых - для содержания гигантских по тем временам Вооруженных сил»²⁴⁷. «Вся государственная реорганизация в целом, - отмечает Павел Милоков в своем труде «Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII века и реформа Петра Великого» - есть продукт военно-финансовых потребностей государства... В своем осуществлении она вызвана обстоятельствами Северной войны»²⁴⁸.

«Тяглом», то есть одной из самых тяжких повинностей всех сословий, военная служба в России стала с момента создания регулярной армии западного образца. Впрочем следует отметить, что согласно теории, изложенной в книге «История России: конец или новое начало?» Александра Ахиезера, Игоря Клямкина и Игоря Яковенко²⁴⁹, милитаризация России произошла гораздо раньше Петра, едва ли не с появлением Московского княжества. Авторы считают, что история нашей страны представляет собой несколько циклов милитаризации (пики – правление Ивана Грозного, Петра и Сталина) с последующими периодами демилитаризации. В целом, соглашаясь с большинством оценок, я считаю, что милитаризация (как она определяется) – «выстраивание жизненного уклада по армейскому образцу и использование военномобилизационных методов в решении невоенных задач»²⁵⁰ не тождественна милитаризму. Чтобы выстраивать нечто «по армейскому образцу», нужно этот образец, как минимум, иметь. И этот образец (с беспрекословным подчинением, строгой иерархией, лишением или ограничением свобод) появляется только с появлением регулярной армии.

²⁴⁵ В.О. Ключевский. Сочинения. М. 1958 т 4 с 64-65

²⁴⁶ Николай Павленко Петр Первый. М. 1975 с 276

²⁴⁷ Евгений Анисимов «Время петровских реформ», Ленинград 1989, с 261

²⁴⁸ Павел Милоков. «Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII века и реформа Петра Великого» с 303

²⁴⁹ Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И. История России: конец или новое начало? М.: Новое издательство, 2008

²⁵⁰ Ibid с 136

Петр сделал службу в армии обязательной для всех дворян. В 1705 году он начинает формировать армию исключительно за счет рекрутских наборов. Каждые двадцать крестьянских дворов должны были поставить в армию одного солдата, который должен был служить тридцать лет (что по сути дела означало пожизненную службу). Заимствованная у противника - Швеции - рекрутская система обеспечила Россию на два века источником живой силы, который казался властителям государства совершенно неисчерпаемым. В условиях, когда прочие европейские государи содержали наемные армии, размеры которых естественным образом ограничивались возможностями казны, русским императорам предоставлялась возможность содержать гигантские по тем временам Вооруженные силы. И в эпоху, когда численное превосходство являлось решающим фактором победы, это обеспечивало абсолютное превосходство над любым противником. Чтобы пополнять Вооруженные силы в случае необходимости, не нужно было ничего, кроме росчерка императорского пера. И эта система просуществовала 170 лет, потому что идеально соответствовала социальной и экономической структуре государства. Она была плотью от плоти крепостного права. Показательно, что чрезвычайно успешные военные реформы шли практически параллельно с процессом полного и окончательного закабаления крестьян.

Петровские победы, петровские реформы вот уже почти три столетия объявляются непревзойденным примером для российских военных. «Петр Великий первый добился того, что Россия, наконец, имела счастливую армию», утверждал известный дореволюционный публицист Михаил Меншиков.²⁵¹ Это вовсе не соответствует действительности. Вряд ли был счастлив рекрут, которого, отправляя на службу, оплакивали как покойника. Дезертирство из петровской армии имело огромные размеры. По данным американского историка Уильяма Фуллера с 1703 по 1706 год из «счастливой армии» сбегало больше 10 процентов рекрутов.²⁵² Новобранцев заковывали в колодки, на руки им наносили татуировки. Чтобы остановить повальное бегство, Петр пытался задействовать систему круговой поруки. Каждого третьего из пойманных дезертиров казнили, двух других отправляли на каторгу.

При этом заявления о том, что «в основу организации Вооруженной силы русская национальная военная доктрина всегда кладет принцип качества и принцип отбора» и что как раз Петр начал строить армию по принципу отбора²⁵³, возможно, не столь уж далеки от истины. Однако все дело в том, что это был не отбор наиболее пригодных для военного

²⁵¹ «Государственная оборона России. Императивы русской военной классики. с 490

²⁵² Strategy and Power in Russia 1600 – 1914 William C. Fuller. New York; Free Press с 47

²⁵³ А.А. Кресновский Цит по «Государственная оборона России. Императивы русской военной классики. с 549

дела, а естественный отбор в самом первобытном выражении: те немногие, кому удавалось выжить, действительно становились лучшими солдатами в мире. Остальным было суждено погибнуть. По данным советского историка Бориса Урланиса, из 120 тысяч российских солдат погибших между 1700 – 1725, лишь 40 тысяч пали на поле боя или умерли от ран.²⁵⁴ Возможно, жертвы были еще выше. По крайней мере, считается, что к концу царствования Петра русская армия насчитывала 210 тысяч человек²⁵⁵ а с 1705 – 1725 было проведено свыше 50 рекрутских наборов, которые дали Вооруженным силам 400 тысяч человек.²⁵⁶ По существу созданная Петром армия перемалывала мужское население империи.

Но размер «тягла» этим не ограничивался. Практически все налоги, собираемые в России, расходовались исключительно для обеспечения Вооруженных сил. Петр довел эту систему до совершенства – армия сама собирала предназначенные для ее содержания налоги. «И результатом этой необходимости (содержать армию – А.Г.), - пишет Александр Корнилов, - явилось расквартирование армии по стране, для чего Россия была разделена на семь губерний. При этом вся губернская администрация была приспособлена к удовлетворению одной нужды – нужды на содержание армии»²⁵⁷. Сбор налогов обернулся тем, что как раз армия отправляла на территории Российской империи основные функции государства. «Тем самым командир полка и его подчиненные, - отмечает Евгений Анисимов, - участвовали во всех этапах работы финансово-податного аппарата»²⁵⁸. Кроме того, полковнику предписывалось выполнять полицейские функции. Наконец, по завершении Северной войны Петр тут же решил использовать армию для строительства, крепостей, прокладки каналов, расширения гаваней. Таким образом, отечественный стройбат тоже ведет историю с петровских времен.

Оттуда же идет традиция назначать военных представителями высшей власти на местах, направлять гвардейских офицеров с особыми полномочиями по России. Гвардейские офицеры фактически вели следствие, разбирая доносы фискалов и прокуроров на высших сановников. Они были наделены полномочиями по контролю за Сенатом и «следили за тем, чтобы сенаторы вели дела как следует; увидя же что-нибудь «противное сему», могли виновного арестовать и отвести в крепость»²⁵⁹. Иностранцы удивлялись тому, как члены Сената, этого высшего правительственного учреждения – «вставали со своих мест перед

²⁵⁴ Strategy and power in Russia, 1600-1914. с 49

²⁵⁵ «Государственная оборона России. Императивы русской военной классики с 490,

²⁵⁶ История военной стратегии России Москва, 2000. с 47

²⁵⁷ Александр Корнилов. Курс истории России XIX века М, 1993. с 20-22

²⁵⁸ Евгений Анисимов «Время петровских реформ». Ленинград 1989 с 365

²⁵⁹ Покровский М.Н. Избранные произведения: В 4 кн. М., 1966. Кн. 1. с 613

поручиком и относились к нему с подобострастием»²⁶⁰. Джеймс Крэйкрафт пишет, что именно Петр ввел в употребление понятие «генералитет», как отдельную группу в иерархии власти.²⁶¹ Даже знаменитые петровские указы, которые предписывали сбривать бороды и носить европейскую одежду, указывали, что все это необходимо «для славы и красоты государства и воинского управления». Собственно говоря, это можно сказать о любых из петровских реформ – все они осуществлялись для обеспечения воинского управления.

Огромная армия, созданная Петром, в сопоставлении с численностью населения «почти втрое превосходила пропорцию, которая считалась в Европе XVIII в. нормой того, что способна содержать страна»²⁶². В эпоху, когда победа зависела прежде всего от численного превосходства, это заведомо обеспечивало перевес над любым противником и, в конечном счете, победу над ним.

«Российская отсталость была источником огромной военной мощи. Как раз обстоятельства, которые делали Россию отсталой и менее развитой, чем Западная Европа – самодержавие, крепостное право, бедность - парадоксальным образом превращались в источники военной мощи, - пишет Уильям Фуллер. - Безжалостное самодержавие могло мобилизовать российскую экономику для ведения войны. Режим несвободы позволял полностью выкачивать людскую силу и материальные ресурсы из деревни. И неважно, что рекруты были плохо обучены, и что их плохо кормили. Новобранцы из крестьян привыкли к лишениям».²⁶³

Именно благодаря этой системе, в которой отсталость и угнетение послужили источниками невиданной военной мощи, стали возможны победы русского оружия над многими великими полководцами XIX века. Золотой век отечественной военной истории открыла битва под Полтавой, где потерпел поражение Карл XII. Затем последовала Семилетняя война с победами над Фридрихом Великим. Завершился век разгромом Наполеона. Не пытаясь преуменьшить полководческие таланты Апраксина, Румянцева, Потемкина, Суворова и Кутузова, следует, однако, помнить, что способность жертвовать любым числом солдатских жизней была основой русского военного искусства.

Без нее были бы невозможны знаменитые суворовские переходы, во время которых терялась значительная часть личного состава. Без нее была бы невозможна суворовская тактика в Итальянской компании. Он «возобновлял атаку десять раз кряду и всегда под конец заставлял неприятеля рассыпаться, между тем как у него самого оставалась под

²⁶⁰ Ibid, с 613

²⁶¹ J. Cracraft “ The Church Reform of Peter the Great 1971 с 6-7

²⁶² Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 1993. с 162

²⁶³ Strategy and power in Russia, 1600-1914. William C. Fuller. New York; Free Press с 82-83

рукой хотя бы только горсть, стоявшая плотно и бывшая в состоянии возобновить бой», - восторгается Ростислав Фаддев, названный Достоевским «генералом-мыслителем». И констатирует при этом, что к концу победоносной кампании «из 40 с лишком тысяч русского войска осталось только 12».²⁶⁴ Вполне вероятно, что не будь петровской системы рекрутского набора, не имел бы смысла и знаменитый тарутинский маневр Михаила Кутузова. Наполеон знал о том, что русская армия пополняется. Но при этом он и мысли не допускал, что рекрутов можно бросить в бой без серьезной военной подготовки, о чем он и заявил графу Балашову, посланному на переговоры с ним. «Рекруты набора 1812 года, хоть и были плохо вымуштрованы, - пишет Уильям Фуллер, - однако были способны беспокоить наполеоновские войска на всем их пути до польской границы»²⁶⁵. Рекрутская система, созданная Петром, подарила ему победу над шведами, и обеспечила триумф Александра над Наполеоном. Но это было в последний раз.

В наступившем XIX веке российская элита, ослепленная блеском победы над величайшим полководцем, оказалась не способна увидеть, что промышленная революция лишает ее военного превосходства, которое, казалось, пребудет с российскими военными всегда. Как дореволюционные, так и советские военные историки и публицисты практически едины в своем обличении военной политики Николая I, которого вполне заслуженно упрекают в парадомании, стремлении подменить муштрой героическую сущность российской армии. Однако они предпочитали не видеть того, что николаевская армия – такое же дитя петровских реформ, как и екатерининская. Только дитя позднее и поэтому изначально больное. Сохранявшаяся ставка на поддержание численного превосходства над любым возможным противником, требовала содержать огромные Вооруженные силы, которые в отсутствии большой войны и надо было занимать бессмысленными экзерсисами. Следует признать, что Николай отдавал себе отчет в том, что эта ноша истощает все силы России. Именно по этой причине он в сугубо петровской манере пытался направить армию на строительство дорог и сооружение мостов. С 1825 по 1850 годы 2500 регулярных батальонов были заняты на государственных работах. Собственно говоря, и печально известные военные поселения представляли собой попытку найти выход из этого замкнутого круга. Однако военные поселения оказались неспособны себя содержать. В конце концов, царь был вынужден, с одной стороны, просто увеличивать количество рекрутских наборов. А, с другой, он ограничивал срок службы 15 годами, после чего отправлял солдат «в отпуск» надежде призвать их в случае необходимости.

²⁶⁴ Цит по «Государственная оборона России. Императивы русской военной классики. с 136

²⁶⁵ Strategy and power in Russia, 1600-1914. William C. Fuller. New York; Free Press c 199

Вся эта система оказалась полностью дискредитированной в ходе осады Севастополя. Российская армия потерпела поражение, которое с полным основанием можно назвать позорным. Она была побеждена на своей территории вражеским десантом. В качестве главной причины, как правило, указывают на то, что русская армия, в отличие от противника не имела возможности воспользоваться достижениями промышленной революции, прежде всего нарезным стрелковым оружием, паровым флотом. Однако куда важнее то, что государство, мобилизовав огромную армию, оказалось неспособно перебросить ее в район боевых действий. А сражавшиеся под Севастополем войска не получали в достаточном количестве провианта и боеприпасов.

Однако прошло еще почти двадцать лет прежде, чем Россия решилась на проведение военной реформы. Рекрутская система просуществовала до 1877 года. Неслучайно она была отменена после отмены крепостного права (заметим, что как раз Петр, руководствуясь, прежде всего, интересами содержания Вооруженных сил, окончательно закрепил крепостнические отношения в России). Рекрутчина была заменена всеобщей воинской обязанностью. Причина тому была отнюдь не гуманитарного характера. «Война франко-прусская,- пишет в своем дневнике автор реформ военный министр Дмитрий Милютин, произвела громадное впечатление...Умы поражены громадностью военных сил, развернутых Пруссией, быстрыми ударами, нанесенными могущественному врагу»²⁶⁶. Россия, прежде всего, брала на вооружение прусский вариант создания мобилизационного резерва.

При всей прогрессивности милютинских реформ они, удивительное дело, не привели к победам русского оружия. Скорее, наоборот, формирование Вооруженных сил на основе всеобщей воинской обязанности принесло России два страшных поражения, в 1904-1905 и 1914-1917 году. Более того, каждое из них оборачивалось революцией. Последняя, как известно, уничтожила трехсотлетнюю империю. Однако было бы совершенно неверно винить в произошедшем милютинские реформы. Дело в том, что реформы эти отвечали общемировым тенденциям развития Вооруженных сил: наступала эпоха массовых армий.

Главная проблема заключалась в том, что эти вполне современные на тот период времени формы военной организации никоим образом не соответствовали ни интеллектуальному уровню военных мыслителей и правителей российского государства, ни, что самое главное, уровню развития общества. «Русских я считаю хуже, чем они обычно бывали, они приняли систему всеобщей воинской повинности, для которой они недостаточно цивилизованы, к тому же им определенно очень не хвата-

²⁶⁶ Государственная оборона России. Императивы русской военной классики. М. 2002 с 505

ет хороших офицеров для такой системы»²⁶⁷, - чрезвычайно точно предсказывал Энгельс. Всю вторую половину XIX столетия в российской армии преобладали взгляды генерала Драгомирова, который максимально примитизировал знаменитую суворовскую максиму: «Пуля дура – штык молодец». В эпоху господства пулеметов и тяжелой артиллерии, русские генералы продолжали уповать на рукопашный бой и штыковую атаку, которые, безусловно, были чрезвычайно эффективны, но только против турецкого войска XVIII столетия. В следующую эпоху это вылилось в бессмысленные фронтальные атаки на огневые точки противника. Несмотря на кардинально изменившиеся условия ведения боевых действий, российские генералы как и столетие до того предпочитали воевать, не считая своих потерь, в полной уверенности, что они могут быть восполнены. При этом они не допускали, что российские солдаты, люди вооруженные, могут взбунтоваться против своих командиров.

Между тем, безоговорочное послушание офицеру вырабатывалось в российских солдатах долгими годами муштры. Только этим обстоятельством и можно, наверное, объяснить то уникальное для Европы XVIII и XIX веков обстоятельство, что российские императоры не боялись вооружать рабов. «Во времена Пугачева ее (смуту – А.Г.) еще можно было подавить – благодаря тому, что созданная Петром I постоянная профессиональная армия пожизненно изолировала солдат от населения»²⁶⁸ Призывная армия живет по иным законам. Разумеется, германские или японские милитаристы преследовали собственные корыстные цели, однако им удавалось заразить своими идеями солдат. Так, мы видели, как немецкая призывная армия формировалась благодаря идее «солдата-гражданина», стремящегося к объединению родины. Главное же, основой такой армии являются офицеры-профессионалы, постоянно повышающие свое боевое мастерство и образование. "Власть вышестоящих офицеров предполагает более высокий профессионализм, - пишет в книге "Солдат и власть" Сэмюэл Хантингтон. - Если это не так, командная иерархия протухает в непрофессиональных целях"²⁶⁹.

Попытка Милютина начать готовить инициативных офицеров-профессионалов была остановлена на полпути Александром III. Русские офицеры начала XX столетия оказались не готовы к тому, чтобы превратить тысячи крестьян в настоящих солдат (что, разумеется, представляло собой частное следствие более широкой проблемы - неудачи попытки модернизации России в целом). И снова действовал чудовищ-

²⁶⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т.37, с 28

²⁶⁸ Ахизер А., Клямкин И., Яковенко И. История России: конец или новое начало? М.: Новое издательство, 2008 с303

²⁶⁹ Цит. по Виталий Шлыков. Не ремесло и не искусство. Итоги 2000 № 23

ный естественный отбор, когда выживал тот, кого природа наделила качествами, позволявшими выжить в мясорубке первой мировой войны. Как только власть офицеров заколебалась, солдатская масса, нахлынув на Россию, установила ту власть, которая первым делом пообещала остановить войну.

На первых порах большевики, следуя социалистическим идеям, пытались формировать добровольческую армию милиционного типа. Однако стоило встать вопросу о выживании советской власти, как они тут же объявили массовую мобилизацию. Один из большевистских лидеров Григорий Зиновьев был предельно откровенен и называл вещи своими именами: "Мы должны вести себя как военный лагерь... Если мы не увеличим нашу армию, то буржуазия нас растопчет. Для нас нет другого пути. Мы и она не способны ужиться на одной планете. Мы нуждаемся в собственном социалистическом милитаризме для преодоления наших врагов"²⁷⁰. Уже 29 мая 1918 года Всероссийский центральный исполнительный комитет (ВЦИК) принимает постановление с высшей степени показательным названием «О принудительном наборе в рабоче-крестьянскую Красную Армию». Вскоре после окончания Гражданской войны, в 1925—1935 годах, в СССР сосуществовали небольшая кадровая армия и территориальная милиция, но и тогда Михаила Фрунзе считал, что «сознание каждого рабочего, каждого крестьянина, каждого красноармейца, в первую очередь каждого члена руководящей жизнью государства коммунистической партии должно быть пропитано той мыслью, что положение осаждаемой крепости, каковой до сих пор являлась наша страна, не прошло и не пройдет, пока в мире царит капитал, что энергия и воля страны должны быть направлены по-прежнему на создание и укрепление нашей военной мощи; что государственная пропаганда идеи неизбежности активной борьбы с нашим классовым врагом должна подготовить ту психологическую среду всенародного внимания и заботливости и попечения о нуждах армии, в атмосфере которой дело строительства наших Вооруженных сил только и может идти успешно»²⁷¹.

После такой констатации Фрунзе, по-своему логично, делал вывод: «Мы обязаны поставить под ружье все народы нашего союза, превратить союз в Вооруженный лагерь. Это должна быть задача не только военного ведомства, но и гражданского аппарата, советского, профессионального, партийного»²⁷².

И уже во второй половине 1930-х начался постепенный переход к призывным Вооруженным силам. В 1939-м был принят Закон о всеоб-

²⁷⁰ <http://scibook.net/evropyi-ameriki-istoriya/retrospektivnyiy-vzglyad-1917-23583.html>

²⁷¹ М. Фрунзе «Единая военная доктрина и Красная Армия» <http://lib.rin.ru/cgi-bin/load/docs.pl?open=37688.txt&page=0>

²⁷² Ibid

щей воинской обязанности, позволивший в связи с приближением Второй мировой войны быстро развернуть огромную армию. Следует, при этом отметить, что, делая этот шаг, власть одновременно возрождала в обществе полуфеодальные отношения: крестьяне потеряли право покидать деревню и распоряжаться результатами своего труда. И это вполне закономерно: безропотный крестьянин – идеальный солдат для армии, которая не жалеет человеческих жизней.

Победа над гитлеровской Германией, это величайшее достижение русской военной школы, оплаченное миллионами жизней, на десятилетия ослепила советское военное руководство. Более полувека оно сохраняло в неприкосновенности армейскую организацию времен Великой Отечественной войны. Военным даже в голову не приходило, что необходимо изменить систему комплектования Вооруженных сил и военную организацию государства.

Советский Союз и при Сталине, и после его смерти всегда представлял собой огромный военный лагерь, живший по законам войны. Образование и воспитание были призваны формировать не свободных людей, а солдат (не случайно такое воспитание именовали и продолжают именовать военно-патриотическим). Считалось, будто тот, кто не умеет споро разбирать и собирать автомат Калашникова, не способен любить Родину. Назначение экономики видели не в удовлетворении потребностей народа, а в способности производить вооружения. ТЭК, металлургия и машиностроение благодаря системе мобилизационной подготовки были точно так же нацелены на военные нужды, как и предприятия девяти оборонных министерств. По существу, это был ВПК № 2. Дошли до того, что на гражданских заводах создавали мобилизационные мощности для производства элементов межконтинентальных баллистических ракет и атомных подводных лодок. Установка на всеобщую мобилизационную готовность, по мнению Виталия Шлыкова²⁷³, предопределила банкротство советской промышленности.

Таким образом, на протяжении почти трех веков (с небольшими перерывами на 1860—1880, 1905—1914, 1925—1935, 1987 - 2014 годы) главной, если не единственной задачей Российского государства было содержание огромной военной машины. Государство регулировало все и вся, до предела принижая, а то и вовсе сводя к нулю роль гражданского общества и частной жизни. Никуда не деться от того, что для России гораздо дольше, чем для Пруссии – германской империи - страны, которая является классической моделью милитаристской державы, были характерны вышеперечисленные качества.

В течение трех веков Россия практически не знала иного способа концентрации государственных ресурсов, нежели военная мобилизация. Генетическая связь между петровскими указами, александровскими

²⁷³ Виталий Шлыков. Что погубило Советский Союз. Генштаб и экономика. М. 2002

военными поселениями, трудармиями Троцкого и советскими стройбатами неоспорима. Три столетия человек интересовал Российское государство в первую очередь как будущий солдат, а во вторую – как источник средств для содержания армии. Уже упоминавшийся Гарольд Лэсвилл именно в СССР черпал примеры для описания своего государства-гарнизона: «В странах, подобных России, где долгие годы существовал режим восточных деспотий, объявленное движение к сообществу свободных людей сначала затормозилось, а потом остановилось вовсе. Сосредоточившись (на противостоянии - А.Г.) военной опасности русские элиты вернулись к деспотии».²⁷⁴

Гипотеза Лэсвилла не подтвердилась. Превращение в государства-гарнизоны отнюдь не стало общемировой тенденцией. Однако в том, как Лэсвилл описывает государство-гарнизон с чудовищной концентрацией власти в руках немногих на каждом уровне административной вертикали, можно без труда увидеть черты СССР с его сверхцентрализацией: «Централизованы не только административные структуры, но и любое проявление социальной активности должно концентрироваться в немногих руках».²⁷⁵

Американский социолог и историк Чарльз Тилли рассматривает процесс формирования современных государств через призму противоборства двух тенденций – концентрации капитала и концентрации насилия. Не стоит и говорить, что Российская империя для него – очевидная модель государства, где концентрация насилия шла многократно быстрее концентрации капитала. При этом Тилли предполагает, что как раз подготовка к войне и ее ведение оказывали решающее влияние на структуру государственной власти. Рассматривая историю Европы, начиная с 990 года, он выделяет четыре периода:

«родоплеменной: (до пятнадцатого столетия) в большей части Европы. Это период, когда племена, феодальные дружины и городское ополчение играли ведущую роль в войне. Монархи добывали капитал, который был ему нужен для ведения войны, облагая данью население, которое находилось под его непосредственным контролем.

эпоха комиссионного вознаграждения: (приблизительно с 1400 по 1700) эра, когда наемники, набранные подрядчиками, доминировали в военном деле. А властители опирались на формально независимых капиталистов, которые предоставляли займы, управляли предприятиями, приносившими доход, и собирали налоги.

национализация: период (приблизительно между 1700 и 1850 годами), когда государства создавали массовые армии и флоты, формируе-

²⁷⁴ Essays on the garrison state / Harold Lasswell ; edited and with an introduction by Jay Stanley ; with a preface by Irving Louis Horowitz. Imprint: New Brunswick, NJ ; London : Transaction Publishers, 1997 с 119

²⁷⁵ Ibid стр 67

мые собственным населением. Самодержцы включали Вооруженные силы в административную структуру государства. Таким же образом монарх брал на себя непосредственное управление финансовым аппаратом. При этом количество независимых подрядчиков резко сокращается.

Специализация (с середины 19 века до настоящего времени) В ходе этого периода Вооруженные силы развивались как специализированная часть государства. Организационно сбор налогов все больше отдалялся от военной деятельности. Усиливалось разделение труда между армией и полицией. Представительные институты получают возможность влиять на военные расходы".²⁷⁶

Если, как остроумно предлагает Тили, попытаться изобразить эту периодизацию в картинках, то на первой король в латах и с мечом сам командует своей армией, на второй он же но по-прежнему в военном одеянии, но уже заключает договор с командиром наемников. На третьей он в роскошном мундире явно не предназначенном для битвы держит совет со своими генералами и министрами. На последней картинке король (который может быть и президентом, и премьером) одетый в обычный костюм ведет переговоры не только со своими министрами, но и теми, кто представляет интересы гражданского населения.²⁷⁷

Я предполагаю, что по ряду причин, каждая из которых представляет собой тему отдельного исследования, Россия, попыталась начать переход к четвертой стадии лишь в 90-х годах, но довольно быстро отказалась от этой попытки. Она так и осталась авторитарным государством. При этом государственное устройство нашей страны до сих пор несет отпечаток третьего периода. Например, российский кабинет министров поделен на две явно неравноправные части. Одни министры – явно играющие в бюрократической иерархии менее значительную роль – отвечают за социальную сферу и подчиняются премьеру, а руководители десятка военных и военизированных ведомств входят в Совет Безопасности и подчиняются непосредственно президенту. Подобный «двухъярусный» кабинет существовал разве что в Пруссии и в Германской империи.

В западной политической науке существует и широко используется понятие национальной военной культуры. Под ней понимают совокупность исторических, социальных, экономических факторов, которые определили особенности военного мышления, подходов к военному делу в той или иной стране²⁷⁸. В основе российской военной культуры

²⁷⁶ Charles Tilly "Coercion, Capital, and European States AD 990 – 1990P с 28-29

²⁷⁷ Charles Tilly "Coercion, Capital, and European States AD 990 – 1990 с 206

²⁷⁸ Так, американская исследовательница Элизабет Киер в своей книге «Представляя войну» (Kier, Elizabeth. *Imagining war : French and British military doctrine between the wars.*: Princeton University Press, 1997) показывает, как в период между первой и второй мировыми войнами генералитет Франции и Британии, государств находившихся при-

как раз и лежит представление о том, что войны выигрывают благодаря, во-первых, наличию в мирное время многомиллионной армии, во-вторых, неисчерпаемым человеческим резервам, позволяющим постоянно замещать выбывших солдат другими, и, в-третьих, способности государства административными методами концентрировать все имеющиеся в стране средства для обороны. Этим объясняется, почему российские генералы до недавнего времени заявляли, что намерены отражать широкомасштабную агрессию с помощью массовой мобилизации.

В течение трех с лишним веков важнейшим элементом Российской армии, ее основой и становым хребтом являлся не офицерский корпус, а плохо обученная солдатская масса, сила которой – в способности к постоянному пополнению. Это сводило на нет возможности офицеров проявлять инициативу, поскольку ее трудно проявлять, командуя наспех обученными новобранцами или резервистами. Поэтому и офицеров в России готовили, если пользоваться терминологией Сэмюэля Хантингтона, не для того, чтобы управлять насилием (*management of violence*), а только чтобы его применять (*use violence*), то есть как своего рода военных ремесленников, знакомых с одной-двумя системами оружия. В хорошем гуманитарном образовании офицерского корпуса руководители военного ведомства никакой необходимости не видят, хотя именно оно – главное условие формирования профессионального мировоззрения и профессиональной этики. Однако и то, и другое – лишь помеха при командовании массовой армией, которая функционирует исключительно на принципах безоговорочного выполнения приказов старших начальников.

Российская военная культура оказала определяющее влияние на отечественную политическую культуру. Известный американский ученый Ричард Пайпс обратил внимание на то, что Николай II направил, свой манифест об отречении не в Думу, которая требовала этого, а начальнику штаба российской армии. В глазах Николая именно генералы были носителями суверенной власти. «Армия была создателем и одновременно воплощением стабильности и законности российской империи и в глазах наследников Николая»²⁷⁹, - писал известный американский

близительно в одинаковых экономических и политических условиях, принимал решения руководствуясь абсолютно различными, порой противоположными подходами. Скажем, главным фактором в принятии Францией оборонительной доктрины было решение парламента ограничить срок службы по призыву одним годом. Французские офицеры были однозначно уверены, что за год невозможно обучить солдата действовать эффективно в наступательной операции. Сухопутные силы Британии тоже приняли оборонительную доктрину, но уже исходя из того, что наступление с его широким использованием танковой техники чуждо образу мыслей офицерского корпуса Британии. Эти утверждения Элизабет Киер кажутся весьма спорными, сама идея о существовании специфической военной культуры в каждой стране, представляется чрезвычайно продуктивной.

²⁷⁹ William Odom. The Collapse of the Soviet Military. Yale University c 63

военный историк Уильям Одом. Армия в глазах российских правителей – это, прежде всего символ высшей государственной власти. «Армия – это живое воплощение общественного бытия в России»²⁸⁰, без тени иронии писал Петр Струве в прошлом веке. Сегодня его практически дословно повторял Глеб Павловский в бытность кремлевским политтехнологом: «Что такое Россия, если не армия и русский язык»²⁸¹. Для современных руководителей страны, также как для русских царей и генеральных секретарей контроль над армией и так называемыми силовыми структурами является важнейшим атрибутом власти, что прекрасно видно в момент кризисов. Я уже писал, сколь неразумно использовалась Вооруженная сила в конце 80-х – начале 90-х годов при попытках урегулировать внутренние конфликты. В основе этих ошибок Горбачева и Ельцина – странное ощущение, что Вооруженные Силы являются некоей панацеей, используя которую можно быстро разрешить любую конфликтную ситуацию.

Более того, в головах отечественных политиков возможность отдавать армии приказы приобрела некий мистический смысл. Характерным примером здесь могут служить события сентября 1998 года. Во время беспрецедентного финансового кризиса, который перерос после увольнения в отставку с поста премьер-министра Сергея Киреенко в острейший политический кризис, произошла странная история, о которой все ее участники поспешили забыть. Представители администрации президента вели в этот момент переговоры с двумя кандидатами в премьеры: Юрием Лужковым и Виктором Черномырдиным. При этом в качестве главного вопроса на консультациях обсуждались не условия погашения ГКО, не способы спасения платежной системы и не чрезвычайные экономические полномочия. Участники короткой, но исключительно жесткой борьбы за премьерское кресло были озабочены совсем другим. Юрий Лужков соглашался занять его, как утверждают высокопоставленные источники, только при условии, что ему будет предоставлено право подбирать по своему усмотрению руководителей Министерства обороны, МВД, МЧС и спецслужб. Якобы именно это условие отказался выполнить президент, уже согласившийся на то, что будущий председатель правительства будет одновременно и московским градоначальником.

Вскоре после назначения Черномырдина и.о. премьера радиостанция "Эхо Москвы" со ссылкой на источник в ближайшем окружении Виктора Степановича сообщила, что и он также настаивал "на полном личном контроле" за назначением силовиков. Позже эта информация была

²⁸⁰ Какая армия нужна России? Взгляд из истории. М. Военный университет Ассоциация «Армия и общество» 1995 с 3

²⁸¹ «Российская армия, политика»: Материалы круглого стола. Красная звезда. 26 октября 2002.

подтверждена ИТАР-ТАСС. В итоге Ельцин даровал Черномырдину права, в которых отказывал Лужкову. Эта борьба за полный контроль над силовыми ведомствами выглядела бы логичной, если бы каждый из претендентов предполагал, заняв премьерское кресло, использовать силу при подавлении бунтов населения, недовольного резким ухудшением своего положения, или если бы контроль над силовиками требовался для захвата президентской власти. Однако в конкретной сложившейся осенью 1998 года ситуации и тот, и другой варианты действий были полностью исключены.

Секретарь Совета безопасности Андрей Кокошин, политический союзник Лужкова, как мы помним, написал доклад на имя президента, в котором предупреждал – любая попытка использовать Вооруженные силы в этом внутреннем кризисе обернется развалом армии, которая откажется выполнить приказ. Таким образом, Лужков и Черномырдин, люди, которых не упрекнешь в отсутствии практичности, в момент острейшего политического противостояния боролись за право обладанием неким фантомом, инструментом, коим воспользоваться никак не могли.

Другой пример того же рода - игры вокруг пресловутого "ядерного чемоданчика", переносного пульта управления, с которого глава государства может отдать приказ о ядерном ударе. Зимой 1991 года сразу после принятий решений в Беловежской пуще Борис Ельцин предпринял демонстративные действия, дабы немедленно лишить Михаила Горбачева этого чемоданчика. А осенью 1996 - го, когда Борису Ельцину делали операцию на сердце, он, еще не отойдя от наркоза, первым делом отобрал у Виктора Черномырдина вышеозначенный прибор. Ну не опасался же Ельцин, в самом деле, что Горбачев и Черномырдин вздумают начать термоядерную войну. Просто чемоданчик стал единственным материальным символом высшей власти, исполняющим одновременно роль державы и скипетра.

В 1998-ом соискатели премьерского кресла вполне отдавали себе отчет, что борются и за место официального преемника Ельцина на посту президента. Но скольких Борис Николаевич соблазнял этой ролью, скольким он уже подавал надежды. Черномырдину и Лужкову нужны были хоть какие-то гарантии, подтверждающие, что Ельцин на сей раз не обманет. Контроль за силовиками и был той "святыней", которую только и мог передать президент премьеру в залог того, что на сей раз он играет честно. Надо сказать, Борис Николаевич прекрасно отдавал себе отчет в том символическом смысле, которое имело бы такое решение. Вот почему буквально сразу же после назначения Примакова премьером Ельцин собирает силовых генералов (которые, разумеется, внимательно следили за происходящем в верхах) только за тем, чтобы заявить: президент и только президент командует ими. Право отдавать

приказы генералам он предал только осенью 1999 года тому, кого он действительно решил сделать своим преемником – Владимиру Путину.

Особенностями национальной военной культуры, проникшей во все поры общества, объясняется, скорее всего, и двойственное отношение российского народа к армии. С одной стороны, никто не оспаривает право государства призывать людей в армию и распоряжаться их жизнью, не неся при этом серьезной ответственности за их гибель. Более того, российские военачальники считают, что это естественным свойством российского народа.²⁸² А с другой стороны – общество не осуждает тех, кто любыми путями уклоняется от военной службы.

Однако парадокс заключается в том, что в настоящее время можно уверенно констатировать: в результате объективных процессов развития страны «старый», основанный на призывном рабстве милитаризм умер. Он лишился основного источника своей жизненной силы – способности использовать постоянно возобновляемую человеческую массу. Демографическая ситуация в современной России такова, что численность юношей в возрасте 18 лет практически равна количеству солдатских и сержантских должностей в Вооруженных Силах²⁸³. Это означает, что концепция массовой мобилизационной армии не может быть реализована в принципе: необходимую солдатскую массу не из кого формировать. Очевидно и то, что российская промышленность никогда уже не сможет в случае необходимости начать массовый выпуск вооружений, количества которых было бы достаточно для оснащения многомиллионной армии.

Первые 18 лет после развала СССР «старый милитаризм», основанный на массовой мобилизационной армии, мучительно умирал. Казалось еще немного: сменятся военачальники, уйдут поколения, отравленные ядом милитаристской пропаганды – и это уродливое явление исчезнет само собой. Но тут произошло чудо: милитаризм возродился. И произошло это, как ни печально, в результате «прогрессивной» военной реформы. Как и в Пруссии XIX века, российская военная реформа, проведенная в отсутствие реформ общедемократических, привела не к общей модернизации страны, а возрождению милитаризма. И этот милитаризм, без сомнения, концентрирует сегодня в себе наиболее консервативные тренды, является, по сути, главным препятствием на пути российской модернизации.

²⁸² Анатолий Квашнин в бытность начальником Генерального штаба Вооруженных Сил писал: «Народу России присуща традиционная система собственного миропонимания, приоритетов, моральных ценностей и даже милитаризованное сознание... Российские ценности существенно отличаются и будут отличаться от ценностных установок цивилизованного Запада», Вестник Академии военных наук № 4, 2003 статья «Геополитическое положение России и ее национальные интересы» с7

²⁸³ В. Цымбал, Н. Кардашевский, Социально-экономические аспекты военной реформы. Многоуровневый анализ проблемы призыва на военную службу в России. "Вопросы экономики", 2006, №1с 74

Милитаризм российской власти

Президент России Владимир Владимирович Путин самым замечательным образом соответствует описанию, которое Альфред Вагтс дал «гражданскому милитаристу». Любой объективный наблюдатель без труда обнаружит у Путина безоговорочное предпочтение, отдаваемое «военным ценностям, манерам, принципам и отношениям», равно как глубокое презрение к «гражданской политике, институту выборов, парламентаризму и партиям».

Собственно говоря, именно война и была той мощной силой, которая вознесла Владимира Путина к вершинам власти. Российский избиратель, напуганный вторжением чеченских боевиков в Дагестан и последовавшими за этим террористическими актами, взрывами домов в Москве и Волгодонске, поспешил поддержать того, кто обещал обеспечить ему безопасность. Причем обещал сделать это простым и понятным способом – с помощью военной силы. Точно также военные операции: аннексия Крыма, «гибридные действия» на Донбассе, воздушные атаки в Сирии – обеспечили взлет популярности Путина в 2014-2016 годах. При этом российский президент вполне искренне любит парадно-героическую сторону жизни Вооруженных сил. Он летал на истребителе, спускался на борт подводной лодки. Создавалось впечатление, что из мира политики, враждебного и продажного, он старается убежать в ясный, простой и благородный, в его представлении, мир военных.

Весьма показательно, что буквально с первых дней в Кремле Путин начал строить государство, которое казалось ему идеальным для управления – он начал создавать пресловутую вертикаль власти. Путин представлял себе наилучшую систему управления Россией как строгую иерархию, подобную армейской. На вершине этой пирамиды – президент, он же верховный главнокомандующий, а ниже - уровень за уровнем - находятся исполнительные и преданные чиновники, способные довести волю высшего руководителя до каждого уголка огромной страны. Результатом построения этой системы стало то, что власть в России вновь строится по военно-феодальному принципу. Эта власть в представлении кремлевских руководителей монолитна в принципе, ее разделение рассматривается как ересь, принцип единоначалия распространяется и на политическую систему государства.

Замечу, что такую же «вертикаль власти» безуспешно строили российские правители, начиная от Петра I до Иосифа Сталина. Возрождение подобных подходов теперь связано не в последнюю очередь с несколько романтическим представлением Владимира Путина и его коллег из ФСБ об эффективности армейской системы управления. Будь Путин профессиональным военным, он наверняка знал бы, что идеаль-

ное выполнение приказа старшего начальника в гигантской структуре военного ведомства – скорее исключение, чем правило.

На самом деле, убрав все сдержки и противовесы, сконцентрировав огромную власть, замкнув на себя принятие сколько-нибудь важных решений, лидер становится заложником той информации, которую он получает. Стало быть, он становится заложником собственных секретарей и конфиденентов. Например, Путин уже много лет повторяет версию о том, что Соединенные Штаты стремятся разместить стартовые позиции перехватчиков системы ПРО поближе к российским границам с тем, чтобы уничтожать российские ракеты на начальном разгонном этапе траектории. На самом деле, концепция перехвата в американской ПРО строится на совсем других идеях: вражеские боеголовки предполагается уничтожать на среднем участке полета. Еще в 2009 году работы по ракетному перехвату на разгонном этапе траектории были признаны бесперспективными и прекращены решением конгресса. Но заинтересованные чиновники не захотели сообщить об этом национальному лидеру. В результате переговоры по этой тематике (даже, если допустить, что стороны подходят к ним добросовестно) сводятся к диалогу глухих. Таковую же цену имеет теория о том, что американцы могут в какой-то момент заменить на стартовых позициях в Польше и Румынии ракеты-перехватчики крылатыми ракетами с ядерными боеголовками.

Вряд ли стоит удивляться тому, что эта сколоченная по армейскому шаблону вертикаль престаает функционировать должным образом при любом сколько-нибудь серьезном кризисе. Вспомним, к примеру, трагедию в Беслане. Как только 1 сентября 2004 года была получена информация о захвате школы, президент срочно вернулся из Сочи в Москву, в аэропорту провел совещание с ближайшими министрами, после чего и было объявлено, что тогдашний директор ФСБ Николай Патрушев и Рашид Нургалиев, бывший министром внутренних дел, вылетели в Беслан. Разумеется, отправиться туда они могли лишь по президентскому приказу. Об этом и сообщила президентская пресс-служба²⁸⁴. Однако, как выяснила спустя год парламентская комиссия ни тот, ни другой в Беслане не были. Они предпочли где-то отсидеться. Более того, до сих так наверняка и неизвестно, кто именно руководил оперативным штабом. При этом более чем показательно то, что ответом Путина на столь очевидный провал «властной вертикали», стало требование отменить выборы губернаторов, еще больше укрепить таким образом систему прямого подчинения президенту всех и вся.

Более того, эта «вертикаль» становится источником кризисов сама по себе. Дело в том, что к неукоснительной реализации принимается любая идея лидера, без сколько-нибудь серьезной экспертной оценки.

²⁸⁴ <http://www.kremlin.ru/text/news/2004/09/76177.shtml>

Сегодня приближенные Путина даже не скрывают, что решение о «возвращении Крыма» было принято президентом единолично. Так же как и решение выйти из международной изоляции (которая стала следствием предыдущих решений - аннексии полуострова и последовавшей «секретной» войны на Донбассе) посредством военной операции в Сирии. В результате Россия влезла в конфликт, о котором она имела более чем смутные представления. Уже подсчитано, что Владимир Путин на своей пресс-конференции 17 декабря 2015 года 11 раз произнес «не знаю», когда речь шла о сирийской операции.

- Был ли интерес третьей стороны в том, чтобы Турция сбила российский бомбардировщик? – Не знаю.

-Нужна ли России военная база в Сирии? – Да я вообще не знаю, нам нужна там база или нет.

Отношения с Турцией испорчены. Что дальше? – Не знаю, как мы выйдем из этой ситуации...²⁸⁵

А еще он был не в курсе, что российские самолеты бомбили в Сирии этнических турок. То есть человек, который единолично и без всякого контроля со стороны каких-либо институтов принимает решения об использовании Вооруженных сил, не обладает, увы, ни исчерпывающей информацией, ни необходимой компетентностью.

Еще одним следствием глубоко милитаризованного сознания современных российских руководителей является очевидная абсолютизация военной мощи. Десятки раз в самых разных обстоятельствах Владимир Путин и его приближенные объясняли свои неудачи именно отсутствием военной силы. Наиболее ярко это было продемонстрировала путинская реакция на Беслан: «Мы перестали уделять должное внимание вопросам обороны и безопасности...Кроме того, наша страна – с некогда самой мощной системой защиты своих внешних рубежей – в одночасье оказалась незащищенной ни с Запада, ни с Востока... В общем, нужно признать, что мы не проявили понимания сложности и опасности процессов, происходящих в своей собственной стране и в мире в целом. Во всяком случае, не смогли на них адекватно среагировать. Проявили слабость. А слабых – бьют. Одни хотят оторвать от нас кусок «пожирнее», другие им помогают. Помогают, полагая, что Россия – как одна из крупнейших ядерных держав мира – еще представляет для кого-то угрозу. Поэтому эту угрозу надо устранить. И терроризм – это, конечно, только инструмент для достижения этих целей»²⁸⁶.

В далеком теперь уже 2004-м упоминание о ядерном факторе показалось тогда неким неизжитым еще пережитком мышления холодной войны. На самом деле, это было раннее предвестие новой холодной войны. Та же логика: что бы ни делал Запад, он желает получить пре-

²⁸⁵ <http://http://www.kremlin.ru/events/president/news/50971>

²⁸⁶ http://www.kremlin.ru/appears/2004/09/04/1752_type63374type82634_76320.shtml

восходство над Россией. И эта логика была прекрасно продемонстрирована в одном из наиболее известных путинских выступлений – речи на Мюнхенской конференции по безопасности в 2007 году. «Да, Соединенные Штаты не разрабатывают, якобы, наступательного оружия. Во всяком случае, общественности об этом не известно. Хотя наверняка разрабатывают. Но мы даже сейчас спрашивать об этом не будем. Мы знаем, что разработки идут. Но сделаем вид, что мы об этом не знаем: не разрабатывают, - делился своими предположениями с аудиторией российский лидер. - Но что мы знаем? Это то, что в Соединенных Штатах активно разрабатывается и уже внедряется система противоракетной обороны. Да, сегодня она неэффективна, и мы точно не знаем, будет ли она вообще когда-нибудь эффективной. Но теоретически она ведь для этого и создается. Значит, опять же гипотетически мы исходим из того, что когда-то наступит момент, когда возможная угроза со стороны наших ядерных сил будет полностью нейтрализована. Сегодняшних ядерных сил России. А если это так, то это означает, что баланс будет абсолютно нарушен, и что у одной из сторон возникнет ощущение полной безопасности, а значит, это развязывает ей руки не только в локальных, а, возможно, уже и в глобальных конфликтах».²⁸⁷

Исходя из этих предпосылок, руководитель ядерной державы фактически объявил о том, что наступила эпоха новой конфронтации с Западом. Здесь показательно, что представления о военной угрозе формируются исходя из двух теоретических предположений (США, *возможно*, имеют планы по наращиванию ядерных вооружений, Вашингтон *вероятно* создает систему противоракетной обороны, чтобы нанести первый удар по России).

С годами необходимость подтверждать подозрения относительно намерений Запада обеспечить военное превосходство окончательно исчезла. «Мне самому иногда приходит в голову мысль: может быть, мишке нашему надо посидеть спокойненько, не гонять поросят и подсвинков по тайге, а питаться ягодками, медком. Может быть, его в покое оставят? Не оставят, потому что будут всегда стремиться к тому, чтобы посадить его на цепь. А как только удастся посадить на цепь, вырвут и зубы, и когти. В сегодняшнем понимании это силы ядерного сдерживания. Как только, не дай бог, это произойдет, и мишка не нужен, так тайгу будут сразу прибирать, - рассуждал Владимир Путин на пресс-конференции, подводившей итоги 2015 года. - Ведь мы же почти от официальных лиц слышали многократно, что несправедливо, что Сибирь с её неизмеримыми богатствами вся принадлежит России. Как несправедливо? А отхапать у Мексики Техас – это справедливо. А то, что мы на своей собственной земле хозяйствуем, это несправедливо,

²⁸⁷ <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034>

нужно раздать. А потом, после этого, как только вырвут когти и зубы, тогда мишка вообще не нужен. Чучело из него сделают, и всё».²⁸⁸

Как видим, единственное обоснование этих подозрений – непрямая отсылка к выдуманной цитате из Мадлен Олбрайт, которая кочует из одного текста записных патриотов в другой²⁸⁹. Все это – ясное отражение картины мироздания, как его понимает российский президент. Он уверен, что военная сила является определяющим фактором мощи и влияния государства. Он прекрасно отдает себе отчет в том, что даже реформированных российских сил общего назначения недостаточно, чтобы превратить их в инструмент глобального влияния. В этих обстоятельствах лишь те полторы тысячи ядерных боеголовок, которыми располагает сегодня Москва, превращаются в представлении Владимира Путина в единственный фактор, который уравнивает Россию с Соединенными Штатами, самой мощной мировой державой. При этом Кремль исходит из того, что факт ядерного паритета с США подкрепляет российскую позицию в вопросах далеких от вопросов ядерного сдерживания.

Именно этим обстоятельством и можно объяснить то, глава российского государства вот уже пятнадцать лет не может смириться с тем, что американцы вышли из Договора по ограничению противоракетной обороны. Путин уверяет, что в Вашингтоне уже тогда задумали сломать стратегический паритет. То есть создать положение, при котором США, пользуясь своим превосходством, могут нанести первый удар по России, а потом с помощью своей стратегической ПРО перехватить ракеты, которые Москва запустит в ответном ударе. Остается только выяснить, почему, зная об этих коварных планах, Кремль подписал не один, а целых два договора о сокращении стратегических вооружений. Два договора, которые, если следовать логике Путина, узаконивали американское превосходство. Остается также загадкой, почему американцы, у которых и сегодня на треть больше стратегических носителей, не пытаются воспользоваться своим превосходством.²⁹⁰ Неслучайно до начала украинского кризиса вопрос о противоракетной обороне был

²⁸⁸ <http://www.kremlin.ru/events/president/news/47250>

²⁸⁹ Бывшему госсекретарю США Мадлен Олбрайт приписывают утверждение, что единоличное обладание Россией Сибирью якобы «несправедливо» и Сибирь следует поставить под международный контроль. Эту цитату регулярно упоминают секретарь Совета Безопасности Николай Патрушев, вице-премьер РФ Дмитрий Рогозин, председатель Комитета Государственной Думы РФ по международным делам Алексей Пушков и другие.

²⁹⁰ Договор по ПРО подписан в Москве в 1972 году. Действие прекращено в 2002 из-за одностороннего выхода США. Предусматривал обязательство не развёртывать системы ПРО территории своей страны и не создавать основу для такой обороны, ограничивал число районов размещения системы ПРО для каждой стороны, количество пусковых установок в районе размещения и противоракет на стартовых позициях. Стороны обязались не создавать, не испытывать и не развёртывать системы или компоненты ПРО морского, воздушного, космического или мобильно-наземного базирования.

превращен в главный пункт российско-американских противоречий. Трудно предположить, что Путин всерьез верит, что США способны нанести первый ядерный удар, если сочтут, что это произойдет безнаказанно. Дело в другом: Договор по ПРО был уникальным международным документом, который констатировал, что в мире есть государство, способное уничтожить США, и, более того, подписав этот договор, Соединенные Штаты тем самым фиксировали свою готовность мириться с этим обстоятельством.

При очевидном желании «милитаризировать» любые противоречия и главная фобия Кремля – страх перед так называемыми «цветными революциями» – была обречена обрести военное измерение. Мало того, что любую попытку народов избавиться от авторитарных правителей российские руководители считают результатом заговоров, инспирированных западными спецслужбами. «Цветные» революции всё больше обретают форму вооружённой борьбы, разрабатываются по правилам военного искусства, при этом задействуются все имеющиеся инструменты»²⁹¹, — констатировал в своем выступлении на международной конференции, проведенной российским военным ведомством в 2014 году министр обороны Сергей Шойгу.

Попытка объявить народные восстания новой формой военных действий содержится и новой редакции Военной доктрины, подписанной главой государства в конце 2014 года²⁹². Так в разделе «Основные внутренние военные опасности» отмечена «деятельность по информационному воздействию на население, в первую очередь на молодых граждан страны, имеющая целью подрыв исторических, духовных и патриотических традиций в области защиты Отечества». А описывая характерные черты современных военных конфликтов, авторы доктрины указывают: это «комплексное применение военной силы, политических, экономических, информационных и иных мер невоенного характера, реализуемых с широким использованием протестного потенциала населения и сил специальных операций». Последнее особенно примечательно. Протестный потенциал населения ставится на одну доску с действиями войск специального назначения вражеского государства. То есть граждане, которые заявляют, что им что-то не нравится в их стране, приравнены к вражеским диверсантам!

Абсолютизация военной силы привела к двум крупнейшим военным катастрофам в истории Германии. В настоящее время эта же абсолютизация вернула Россию в состояние холодной войны с Западом. При этом Москва не располагает всем арсеналом средств и ресурсов, которые были у СССР: демографическая ситуация не позволяет развернуть

²⁹¹ Александр Тихонов. «Цветные революции» - угроза миру. Красная звезда. 23 мая 2014

²⁹² <http://www.scrf.gov.ru/documents/18/129.html>

пятимиллионную армию, практически нет союзников, экономическое положение оставляет желать лучшего. Что же остается? - Ядерное оружие. Но оно превращается в эффективный элемент политического давления только в том случае, если дополняется всеми признанным безрассудством его владельца. Советский ядерный потенциал был важным инструментом внешней политики, потому, что в Вашингтоне считали кремлевских старцев безумными и непредсказуемыми. Что до Владимира Путина, то он сначала создал себе репутацию вполне рационального человека, а потом стал с этой репутацией яростно бороться, всячески намекая, что готов в случае необходимости «нажать кнопку».

Так, рассказывая в телефильме «Крым. Путь на Родину» о военной операции по присоединению полуострова, он заявил, что Россия в тот момент могла привести в боевую готовность и ядерные силы: «Мы готовы были это сделать. Я же разговаривал с коллегами и говорил им, что это (Крым) наша историческая территория, там проживают русские люди, они оказались в опасности, мы не можем их бросить»²⁹³. Позже, уже в другом пропагандистском фильме «Миропорядок», говоря о пусках крылатых ракет «Калибр», Путин подчеркнул, что это доказательство того, что у Москвы есть мощное оружие и «у России есть воля его применить, если это соответствует национальным интересам нашего государства и российского народа»²⁹⁴.

Еще один признак милитаристского мышления российской власти – то, что можно назвать «секюритизацией». Основная профессия президента и тех, кто составляет его окружение, оказывает определяющее значение на их отношение к получаемой информации. Профессиональная привычка к секретности, восприятие именно тайной, закрытой, деятельности как наиболее важной, а, может быть, и единственной важной. С другой стороны, любая информация, которую можно обнаружить в свободном доступе, представляется им обманкой, а то и специально подготовленной дезинформацией.

В этой ситуации неизбежно в лучшем случае сужение каналов поступления информации, а в худшем – неадекватное ее восприятие. Если важно и интересно только то, что можно добыть агентурным путем, то абсолютизируется секретная информация. В результате непроверенный слух, пересказанный при сомнительных обстоятельствах, доводится до сведения первого лица государства, в то время, как очень важные процессы, которые вроде бы происходят на глазах у всех, оказываются вне внимания тех, кто принимает решения. Таким образом, рождаются фантомы вроде того, что на пусковых установках ПРО в Румынии и Польше американцы «могут» разместить крылатые ракеты.

²⁹³ <http://www.vesti.ru/doc.html?id=2427105>

²⁹⁴ <http://www.kremlin.ru/events/president/news/50482>

Преувеличение важности секретных методов управления оборачивается абсолютным пренебрежением к любой гласности. Нет ничего более противоречащего путинскому методу управления страной, чем гласное и откровенное заявление о целях и задачах власти. По Путину все, что заявляется открыто, – это чаще всего обман, дезинформация. «Я не смотрю на те заявления, которые делают наши партнеры для прессы. Я опираюсь на ту информацию, которая появляется в ходе наших личных дискуссий»²⁹⁵, – вполне всерьез заявлял президент. Вообще внешняя политика в понимании Путина – это, прежде всего «дело королей», личные секретные взаимоотношения между лидерами государств. Сущность и одновременно ограниченность такой политики продемонстрировала история со сбитым турецкими ВВС российским бомбардировщиком. Путин откровенно возмущался тем, что турецкое руководство не провело секретных переговоров с российским по вопросам, которые вызывали трения: «неужели трудно было предварительно снять трубку или по имеющимся каналам сотрудничества между военными сказать: знаете, там мы разговаривали, а по этому участку границы не разговаривали, но здесь тоже есть наши интересы. Имейте в виду: просим то-то, или – не наносите удар. Никто же даже не сказал ничего!»²⁹⁶ И это при том, что незадолго до инцидента российский посол был вызван в турецкий МИД, где ему были высказаны все озабоченности в связи нарушениями воздушного пространства этой страны. То есть нормальные дипломатические каналы даже не заслуживают того, чтобы на них обращать внимание.

При таком подходе глава государства, который прилюдно рассказывает о том, что он намерен сделать в ближайшее время, уподобляется с точки зрения Владимира Путина генералу, сообщающему всем желающим план военной операции. Подобной глупости президент не допустит никогда. Правительство, политики, руководители телеканалов – все получают ясные конфиденциальные приказы из Кремля и, стало быть, не нуждаются в открытых директивных указаниях. А оппонентам власти вообще незачем знать, что эта власть задумала. При таком подходе Послания Федеральному собранию, открытые выступления, пресс-конференции – не более чем ловко составленная дезинформация. Их цель – обмануть и дезорганизовать противника. По сути дела, российская власть превратилась в человека, который не снимает прибора ночного видения даже днем. Поэтому даже в яркий солнечный день она видит мир в серо-зеленых тонах.

Наконец, вера в то, что военная организация является идеальной для общества в целом, привела к тому, что непропорционально большое количество отставных офицеров Вооруженных сил и специальных

²⁹⁵ <http://vip.lenta.ru/doc/2005/04/24/putinchannel/>

²⁹⁶ <http://www.kremlin.ru/events/president/news/50971>

служб пришли во власть. Современный милитаризм – это не милитаризм военнотружущих, это милитаризм правящей военно-полицейской, военно-феодальной элиты. Гражданский милитаризм в нашей стране исходит в гораздо большей степени не от военных, пытающихся утвердиться в обществе, но от представителей военизированных, псевдотружущих, полицейских структур, которые сумели сделать карьеру в государстве.

Милитаризм и общественное сознание

Следует признать, что сегодня российское население вполне разделяет милитаристские предрассудки Кремля. Опросы общественного мнения совершенно очевидно указывают на это. За 16 «путинских» лет число положительных ответов на повторяющийся вопрос: «Есть ли у России враги?» – увеличилось с 65 процентов в 1999-м до 80 процентов в 2015-м.²⁹⁷ Более того, в существование мирового заговора против России верят 54 процента, а не верят всего 30 процентов опрошенных²⁹⁸. Наконец, по мнению 68 процентов опрошенных, в данный момент существует военная угроза России со стороны других стран.²⁹⁹ У 25 процентов участников опросов никакого страха не вызывает заявление Путина о готовности применить ядерное оружие, а сильный страх оно вызывает только у 16 процентов³⁰⁰. При этом, как и следует в условиях ясно осознаваемой военной угрозы, население считает Вооруженные силы третьим по важности государственным институтом.³⁰¹

Таким образом, казалось бы, есть все основания согласиться с рассуждениями Анатолия Квашнина о том, что милитаристский дух изначально присущ россиянам. Они и в самом деле вместе с лидерами страны готовы верить в то, что страна находится в окружении врагов, как и в то, что защитить Россию может только мощная армия. В ней они, вслед за российскими лидерами, видят некую сакральную святыню, «государствообразующий» институт, имеющий непреходящую самодостаточную ценность.

По данным опросов, за последнее десятилетие кардинально поменялось отношение собственно к Вооруженным силам и службе в них. В то, что армия способна защитить Россию в случае реальной военной угрозы в 2000 году верили 60 процентов опрошенных, а в 2015-м – уже 82 процента. Те же 82 процента полагают, что в армии необходимо служить каждому. Половина участников опроса 2015 года (против 30

²⁹⁷ Общественное мнение – 2015, М. Левада-Центр. 2016 с 247

²⁹⁸ Ibid с 247

²⁹⁹ Ibid 244

³⁰⁰ Ibid с 2611

³⁰¹ <http://www.levada.ru/press/2004092702.html>

процентов в 2000-м) выступает за сохранение всеобщей воинской обязанности³⁰².

Более того, обозначился очевидный поворот общественного мнения. Участие российских военных в тайных операциях за рубежом одобряет 47 процентов – почти половина опрошенных, в то время как только 29 процентов высказываются против. И это при том, что словам руководителя «Левада-центра» Льва Гудкова, с 1988 года, то есть с момента, когда были начаты систематические исследования, общество прежде всякий раз резко негативно реагировало на предполагаемые планы участия в военных действиях в том или ином регионе. Население России было настроено решительно против применения войск в конфликтах на всем пространстве бывшего СССР (в Средней Азии, в Прибалтике, на Кавказе, включая и Чечню), против отправки войск на Балканы и т. п. Доминанту массовых настроений до 2014 можно выразить так: только не втягивайте нас в какие-либо ваши войны и конфликты, дайте спокойно пожить.

Впрочем, и в тот вполне, казалось, «мирный» период социологи однозначно утверждали, что тогдашняя неспособность российского населения к негативной воинственной мобилизации вовсе не свидетельствовала о массовом пацифизме, не демонстрировала сознательного стремления к миру, терпимости или проявление большей политической разумности. Просто до поры до времени россияне всерьез верили в то, что более сильные государства всячески ущемляют «слабую» в военном отношении России и готовы были с этим мириться. Однако сейчас под влиянием пусть весьма скромных, но очевидных достижений в модернизации армии (эти достижения многократно преувеличены массовой пропагандой) происходит активная милитаристская мобилизация. Фактически происходит возрождение того массового сознания, которое характеризовалось готовностью к войне, пониманием ее неизбежности и оправданности (в 30–50-х годах), а чуть позже – уже в 60–70-х годах – было окрашено чувством «нормальности» существования в условиях противостояния двух систем. Это чувство, которое в полной мере было присуще послевоенному советскому обществу, делало «естественным» и «само собой разумеющимся» для основной массы населения функционирование тех силовых и репрессивных институтов (армии, МВД, спецслужб), которые обеспечивали режим жизни в условиях «осажденной крепости», «страны в кольце врагов». Но уже к концу брежневского правления, а тем более в годы перестройки эти рамки восприятия происходящего подверглись сильнейшей эрозии.

Если судить по опросам общественного мнения, то именно события, связанные с окончанием «холодной войны», выводом войск из Афганистана, общей демилитаризацией, равно как и расширение пространства

³⁰²Ibid с 138

свободы в обществе, были признаны самыми важными изменениями тех лет. И вот теперь россияне испытывают своеобразную ломку. С одной стороны, они хотят разделить милитаристские установки руководства, с другой – все-таки срабатывает чувство самосохранения. Так, горячо одобряя действия Кремля на Украине, 55 процентов в то же время боятся мировой войны.³⁰³ Более того, 39 процентов заявили, что не будут поддерживать руководство России в случае прямого военного конфликта с Украиной. «Российское массовое сознание за многие десятилетия ни разу так сильно не боялось войны и так далеко не заходило, самозабвенно играя в нее»³⁰⁴, делают вывод Алексей Левинсон и Степан Гончаров. Одобряя экспансионистские действия Кремля, российский обыватель пока что желал бы наблюдать их «с дивана», ничем не рискуя. Он еще не готов поступиться даже материальным благосостоянием ради наращивания военных усилий. 72 процента опрошенных предпочли бы, чтобы Россия направила бы свои усилия на достижение благосостояния граждан, а вовсе не наращивание военной мощи³⁰⁵. Впрочем, Алексей Левинсон, ведущий сотрудник «Левада-Центра», объясняет эти противоречия тем, что на момент опроса россияне не до конца понимали намерения Кремля, которые массовое сознание страстно желает угадать. Так, до начала секретной войны на Донбассе участники опросов были в принципе не против открытого ввода российских войск на Украину (тем более, что Совет Федерации предоставил президенту такие возможности). Однако, когда официальные власти принялись отрицать прямое участие российских войск, общественное мнение с облегчением перестало одобрять такое вмешательство. Точно такой же подход демонстрирует и отношение к операции в Сирии. До ее начала общественное мнение выступало против введения войск. Однако, как только российское военное присутствие стало фактом, участники опросов тут же одобрили его.

Вероятно, речь идет о весьма специфическом милитаризованном сознании. Милитаризм здесь представляет собой не столько идеологию обоснования или оправдания чрезмерных военных усилий, сколько важнейший элемент национального самосознания, самоидентификации российского общества. Поэтому все большое значение приобретает мифологизированная и идеализируемая история страны: «у нас было героическое прошлое», «великая держава». И здесь принципиально важно то, что признаки героического, того, что именуется «славой России» в полном соответствии с традицией милитаристского мышления,

³⁰³ Ibid с229

³⁰⁴ Алексей Левинсон, Степан Гончаров. Война вместо будущего: решение для аномического сознания. Вестник общественного мнения 3-4, 2015. с 46

³⁰⁵ Общественное мнение – 2015, М. Левада-Центр. 2016 с 137

на которую указывал Альфред Вагтс, обнаруживаются только и исключительно в «победах русского оружия».

Именно поэтому армия сегодня представляется воплощением наиболее важных национальных символов, ключевых ценностей для массового сознания, опорным моментом массовой идентичности. Массовое переживание исторического поражения СССР, вчерашнее ощущение ущербности России в качестве его наследницы, своего рода комплекс милитаристской неполноценности оборачиваются верой в то, что национальные интересы могут заключаться только в усилении государства (в пределах его военной мощи).

Милитаризм в России проявляется сегодня не в открытом и явном виде претензий на имперское доминирование или на наличие зон собственного идеологического влияния, на силовой контроль «в сфере интересов». 49 процентов (против 35 процентов) опрошенных не согласны с тем, что Россия должна любыми средствами, если понадобится, то и силой удерживать под своим контролем бывшие республики СССР³⁰⁶. Замечу, что такое соотношение не меняется с 2009 года. Сегодняшний милитаризм сознания большинства россиян проявляется в искренней вере в то, что в России именуется «геополитикой»³⁰⁷. На веру принимается то, что все страны – хищники, но одни (сильные) – могут себе позволить диктовать свою волю остальным, а другие (из-за собственной слабости) – нет. Речь, таким образом, идет об интерпретации современных мировых процессов, в категориях и понятиях империализма XIX века. Россияне вполне солидарны здесь с президентом, уверенном в том, что прочие великие державы только и ждут момента, чтобы ущемить в чем-нибудь Россию. Замечу, что, по-видимому, подобная аберрация происходит и с общественным сознанием населения мусульманских стран, которое трактует глобализацию исключительно как преднамеренное покушение «неверных» на исламские ценности.

Милитаристское сознание населения России позволяет режиму Владимира Путина решать несколько взаимосвязанных задач. Во-первых, оно позволяет предоставить российскому народу некий эрзац нацио-

³⁰⁶ Ibid с.211

³⁰⁷ На самом деле, это гораздо шире чем то, что традиционно рассматривается в рамках «геополитики» как политической теории. На мой взгляд, это объясняется тем, что марксизм рассматривал международные отношения с позиций Realpolitik XIX века – исключительно как борьбу империалистических государств и их союзов за сферы влияния. В результате этой борьбы набирающие силу государства и союзы вытесняют тех, кто по тем или иным причинам теряет силу и влияние. В любом случае, согласно этой теории, международные отношения – это так называемая игра с нулевым результатом: достижения одного из игроков неизбежно оборачиваются потерями другого (См, например, В.И Ленин «О лозунге Соединенных Штатов Европы», «Империализм как высшая стадия капитализма»). А поскольку марксизм-ленинизм был единственной социально-политической теорией широко внедрявшейся в сознание граждан СССР, они волей-неволей стали последователями Realpolitik в наиболее примитивной его форме, сами того не зная.

нальной идеи, сформулировать которую Кремль оказался объективно неспособен. Собственно говоря, вся национальная идея заключается в том, что Россия обречена в одиночестве противостоять сонму врагов. И для того, чтобы выстоять в этом противостоянии все средства хороши. При этом, как справедливо отмечает Лев Гудков, мысль о том, что всевозможные противники всячески желают нанести нашей стране вред, странным образом приподнимает россиян в собственных глазах. В самом деле, если мы являемся объектом неких «поползновений», стало быть, есть в нас, в нашей стране что-то притягательное, нечто такое, что вызывает эти коварные планы к жизни.

Здесь очень показательна апелляция к славной истории военных побед, прежде всего Победе в Великой Отечественной войне. Она остается центральным событием в массовом историческом сознании, опорной точкой оправдания советской власти, апологией советского общества, несмотря на все его темные стороны. Значимость Победы, гордость ею растут каждый год, потому что других позитивных моментов для национального самоутверждения нет.

Культивируемая ностальгия по советским временам³⁰⁸ в значительной степени держится именно на воспевании великой войны. Причем ее натужная сакрализация, очевидно, мешает видеть реальную картину современного мира. Более того, доминирующая идея заключается в том, что враждебные силы пытаются всячески преуменьшить всемирно-историческую роль СССР в уничтожении фашизма.

Вторая задача, которую Путин решает благодаря милитаризации сознания народа – легитимизация собственного режима. Кремлевским политтехнологам удается произвести важную подмену: граждан страны убеждают (и делают это чрезвычайно успешно), что наиглавнейшим критерием в оценке влияния государства является его военная мощь. И если единственно важным фактором считается «мощь» государства, то и сравнение с другими странами происходит исключительно на основании этого фактора. И это позволяет снять с повестки дня вопрос о различиях в социально-политическом устройстве, проблеме ценностей, гражданских прав, вопросы о различиях между демократиями и авторитаризмом или полицейским государством.

Таким образом, разрешается важнейший для Кремля вопрос о характере и легитимности власти, мотивах политической деятельности, самом смысле социально-политических преобразований. Все просто, утверждают прокремлевские политологи, у всех, государств, политиков, партий есть свои неизбежно противоречащие друг другу интересы. И у каждого есть «право» на проведение политики силы. Лишь бы этой силы хватило. Слабые страны (а также «слабые» субъекты внутрители-

³⁰⁸ В Послании Федеральному собранию 2005 года президент России назвал распад СССР «крупнейшей геополитической катастрофой 20 века»

тической борьбы) оказываются лишь полем борьбы между сильными. Сила – единственный аргумент в «таком грязном деле, как политика».

Усиливающаяся апология внутреннего административного произвола переносится и на сферу политических, в том числе и внешнеполитических, отношений. И эта картина реальности принимается обществом, поскольку никакого другого варианта понимания происходящего нет ни у массы, ни у «элиты». Весьма показательно, что политические оппоненты Путина внутри страны в традициях мобилизационной риторики о «необходимости борьбы» с видимым и невидимым врагом тут же были причислены к пятой колонне: «Мы явно столкнёмся и с внешним противодействием, но мы должны для себя решить, готовы ли мы последовательно отстаивать свои национальные интересы или будем вечно их сдавать, отступать неизвестно куда. Некоторые западные политики уже страшат нас не только санкциями, но и перспективой обострения внутренних проблем. Хотелось бы знать, что они имеют в виду: действия некоей пятой колонны – разного рода «национал-предателей» – или рассчитывают, что смогут ухудшить социально-экономическое положение России и тем самым спровоцировать недовольство людей?»³⁰⁹. При очевидном отсутствии доказательств того, что политические противники Кремля действуют в интересах пресловутых внешних сил, по сути дела любая деятельность иностранных организаций, не получившая санкции власти, объявляется подрывной.

Наконец, третьей важной функцией, которую выполняет милитаризм в путинской России, является то, что армия до сих пор воспринимается как модельный государственный институт. Армейская муштра и есть та необходимая нашей стране «дисциплина», в понимании провинциальных во всех смыслах групп и слоев. Это, собственно, и есть тот необходимый опыт привыкания к репрессивному обществу, которое и расценивается уходящим поколением как «порядок», то есть равенство всех перед командной властью, делает чрезвычайно точное наблюдение Лев Гудков. Это модель наиболее консервативного, архаического по сути своей института, доставшегося современной России в наследство от России петровской. Сегодня армия представляется значительной части населения такой же идеальной и справедливой моделью жизненного устройства, каким некогда представлялось коммунистическое общество.

Таким образом, безусловно, что милитаризм существует как компонент национального сознания в форме ностальгии по прежним временам. В то же самое время милитаристские стереотипы, играющие столь значительную роль в нашем общественном сознании, позволяют обеспечивать устойчивость нынешнего режима, блокируют возможность любого позитивного развития страны. То, что россияне ценят, чем гор-

³⁰⁹ <http://www.kremlin.ru/events/president/news/by-date/18.12.2014>

дятся, что составляет основу национального самосознания – «героическое прошлое, великая держава, сильная власть, громадность территорий, завоеванных в ходе бесчисленных походов и войн», и т. п. – все это сегодня скорее лишает нас возможности понять ту историческую ловушку, в которой оказалась страна. Сакрализация Великой Отечественной войны и победы в ней препятствует рационализации прошлого, а значит – мешает осознать саму природу российского общества и особенности его нынешней социальной организации. Концентрация исключительно на героическом прошлом, его целенаправленная идеализация оборачивается пассивностью населения.

Милитаристские стереотипы убеждают граждан в том, что от «маленького человека» ничего не зависит, власти народ не слышат, сделать ничего нельзя и т. п. Обычный «советский» человек не верит в возможность позитивной общественной солидарности, в то, что могут произойти какие-то изменения в обществе к лучшему.

Этим не исчерпывается негативное влияние милитаризации общественного сознания. Уже упоминавшаяся статья Алексея Левинсона и Степана Гончарова «Война вместо будущего – выход для аномического сознания»³¹⁰ фиксирует пугающий поворот в головах россиян: «В массовом сознании присутствует идея возможной или уже идущей войны. Вообще, войны как таковой».³¹¹ Сознание россиян раздражено сложностями окружающего мира, необходимостью следовать (пусть формальным и искусственным, с их точки), но все-таки объективно существующим правилам поведения. И в этой ситуации «война представляется как средство для завершения нынешнего беззаконного времени, когда нация снимает с себя бремя следования навязанным извне нормам и правилам».³¹² Социологи делают откровенно шокирующий вывод (вдвойне шокирующий, если иметь в виду, что речь идет о народе, в чьей исторической памяти войне – это самое страшное бедствие): «Массовое сознание ждет войны, то есть не напрямую желает, но ждет с определенной надеждой. У этой войны есть то, что нужно, чтобы уйти от гнетущего, пусть и возбужденно переживаемого настоящего, - ее свойство (как и свойство смерти) всех уравнивать»³¹³ Нельзя исключать, что в какой-то момент массовое сознание потребует от власти новых военных побед. И Кремль, желая сохранить всеобщее одобрение, рискнет пойти на новые военные авантюры.

³¹⁰ Алексей Левинсон, Степан Гончаров. Война вместо будущего – выход для аномического сознания. Вестник общественного мнения №3-4 (121) июль-декабрь 2015

³¹¹ Ibid с 58

³¹² Ibid с 63

³¹³ Ibid с 62

Милитаризм и армия

Господство милитаристских стереотипов в головах российских руководителей неизбежно должно было обернуться избыточностью военных приготовлений, чрезмерностью расходов на армию – то есть всем, что и подразумевает традиционный милитаризм. В условиях продолжающегося экономического кризиса российская власть настаивает на сохранении небывалого за всю новейшую историю уровня военных расходов, превышающего 4 процента ВВП.

То, что происходит с российскими Вооруженными силами в настоящее время, самым убедительным образом свидетельствует, до какой степени могут различаться и даже противостоять друг другу цели милитаристов и задачи укрепления обороноспособности страны.

Сердюковские реформы предполагали создание эффективных Вооруженных сил, но эти силы имели ясное предназначение. Они должны были одержать победу в скоротечном локальном конфликте. Отказ от концепции массовой мобилизации был и отказом от идеи победить в широкомасштабной войне, не прибегая при этом к ядерному оружию. Однако действия России на Украине привели к прямому военному противостоянию с Западом. В результате перед армией ставятся задачи, которые она не может выполнить. Военное противостояние с Западом, как я уже писал, требует куда большего количества войск, чем те, которыми располагает Россия. Дня не проходит без того, чтобы Москва не заявила о развертывании новых соединений. Однако демографическая ситуация не позволяет обеспечить их формирование по полному штату. Поэтому Министерство обороны обречено вернуться к порочной практике создания кадрированных частей. То есть, в конечном итоге, перечеркнуть все сердюковские достижения. Очевидно, что Россия не располагает военным потенциалом, которым обладал Советский Союз. Единственный ресурс, который может компенсировать этот дисбаланс – ядерный арсенал. При этом традиционного сдерживания, характерного для предыдущей холодной войны (потенциальный агрессор удерживается от нападения на Советский Союз угрозой причинения ему неприемлемого ущерба – то есть гарантированного взаимного уничтожения) уже недостаточно. Теперь происходит возрождение обсуждавшейся в конце 90-х годов прошлого века доктрины расширенного сдерживания, предполагавшей, что сам факт обладания мощным ядерным потенциалом играет определяющую роль в решении любых международных проблем. Россия угрожает использовать ядерное оружие в случаях, когда посчитает свои интересы ущемленными. Именно поэтому Путин утверждал, что в момент аннексии Крыма рассматривал возможность приведения в некую повышенную боеготовность ядерных сил.

Для проведения такой политики неизбежно требуется постоянно подтверждать готовность применить ядерное оружие. И глава военного ведомства Сергей Шойгу обещает, что российские стратегические бомбардировщики будут регулярно вести «боевое патрулирование» даже в районе Мексиканского залива. В этой ситуации возрождаются самые мрачные сценарии холодной войны. Так, судя сообщениям печати, в Кремле увлечены системой «Периметр», которая должна в автоматическом режиме запустить российские ракеты даже, если в результате внезапной ракетной атаки, будут уничтожены наши командные центры (на Западе эту систему именуют «Мертвой рукой»)³¹⁴. Совершенно осознанно Кремль допустил «утечку» относительно «сверхсекретной» разработки под названием «Статус-6». Как следовало из «случайно» продемонстрированных сразу на двух федеральных телеканалах кадров совещания у президента, цель разработки — «поражение важных объектов экономики противника в районе побережья и нанесение гарантированного неприемлемого ущерба территории страны путем создания зон обширного радиоактивного заражения, непригодных для осуществления в этих зонах военной, хозяйственно-экономической и иной деятельности в течение длительного времени»³¹⁵. Из пояснительных надписей на продемонстрированном «слайде» следует, что секретное оружие представляет собой некую торпеду, которая способна развить скорость в 100 километров в час на глубине в 1000 метров. Скорее всего, для устрашения Вашингтона в минобороны стряхнули пыль с разработок начала 60-х, когда предполагалось нанести удар по американскому побережью мегатонными боеголовками. Как видим, военная машина государства теперь призвана решать задачи далекие от собственно обороны. Более того, военные приготовления провоцируют новые угрозы.

Катастрофическое развитие событие может произойти даже не из-за желания совершить агрессию, а из стремления оказать давление военными средствами, попросту говоря, напугать оппонента. Именно так началась первая мировая война. Желая добиться политических целей, противостоявшие друг другу страны объявили всеобщую мобилизацию. И тут же включились процессы эскалации, военные расчеты подменили собой политическую волю – все боялись опоздать, позволить потенциальному противнику быстрее развернуть войска. Нечто подобное может произойти в момент какого-то острого политического конфликта. Желая продемонстрировать серьезность намерений, Москва объявит о введении все той же повышенной готовности. Только счет

³¹⁴ Валагин А. Гарантированное возмездие: как работает российская система “Периметр” // Российская газета. 2014. 22 января. URL: <https://rg.ru/2014/01/22/perimetr-site.html> (доступ 12.08.2016). Именно на эту статью ссылался телеведущий Дмитрий Киселев, обещавший превратить США в радиоактивный пепел

³¹⁵ lenta.ru/news/2015/11/11/oops/

теперь уже будет вестись не на дни и недели, как это было сто лет назад, а на часы и минуты...

Но, парадоксальным образом, делая столь высокую ставку на эффективность Вооруженных сил, Кремль так и не смог обеспечить внятного разделения функций политического руководства и военного командования. Как следует из документа «Вопросы Министерства обороны», военное ведомство в целом «является органом управления Вооруженными Силами Российской Федерации».³¹⁶ Но Положение о Генеральном штабе закрепляет и за ним «организацию централизованного боевого управления Вооруженными Силами».³¹⁷ Таким образом, Генеральный штаб осуществляет как стратегическое планирование, так и оперативное управление Вооруженными силами. При этом он же возглавляет так называемый «военный ствол» Вооруженных сил, то есть, руководит всем, что касается собственно войск, их боевой подготовки, применения. Казалось бы - это весьма логичная попытка объединить под единым руководством все ресурсы. И, тем не менее, это одна из серьезных ошибок в военном строительстве, характерная для милитаристов. В странах, которые принято называть «цивилизованными» функции генеральных штабов жестко ограничиваются лишь военным планированием и предоставлением рекомендаций высшему руководству страны. Такое положение дел возникло не случайно. Накануне Первой мировой войны генштабы великих держав объединили под своим контролем как стратегическое планирование, так и оперативное руководство войсками. Говоря попросту, генеральные штабы сами планировали, в каких ситуациях начинаются боевые действия и как их надлежит вести, и сами же руководили войсками в ходе войны.

В результате и монархи, и президенты оказались, по существу, заложниками своих военных планировщиков: как только после выстрелов в Сараево были запущены механизмы всеобщей мобилизации, срок начала войны определяла не воля верховных правителей, а железнодорожное расписание, в соответствии с которым в районы формирования доставляли резервистов. В ходе Первой мировой войны генеральные штабы всегда настаивали на том, что военное решение любой проблемы — наилучшее. Скажем, немецкий генштаб несколько раз срывал попытки начать переговоры между противоборствующими сторонами.

Генеральный штаб, который берет на себя все управление Вооруженными силами, неизбежно служит источником милитаристского влияния на все сферы жизни государства. Россия же, очевидно, возвращается к моделям вековой давности. Такое разрастание функций

³¹⁶ <http://docs.cntd.ru/document/901905920>

³¹⁷

<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=165107&fld=134&dst=100015,0&rnd=0.9450666440983865>

"мозга армии" чрезвычайно опасно в нынешних условиях. В момент возможного кризиса он предложит только те решения, которые сам же и сможет реализовать, то есть решения военные...

Милитаризм и конкурентоспособность России

В предыдущих главах я стремился показать, сколь пагубно российский милитаризм влияет и на государственное управление, включая процесс принятия решений, и на общественное сознание, и собственно на обороноспособность страны. Однако означает ли это, что милитаризм в принципе не может быть серьезной, если не основной движущей силой в модернизации страны? Ответ на этот вопрос не столь однозначен.

Никуда не уйти от того, что крупнейшие попытки модернизации нашей страны, которые принесли бесспорные результаты, осуществлялись под знаменами полной милитаризации общества. Петр I, строя империю, стремился к максимальному превращению страны в казарму. В еще большей степени, чем у Петра милитаристское обоснование необходимости модернизации мы обнаруживаем у Иосифа Сталина: «Мы отстали от передовых стран на 50-100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут»³¹⁸. На протяжении веков Россия не знала другого способа концентрации государственных ресурсов с целью модернизации, кроме военной мобилизации. Более того, сейчас существует точка зрения, что именно концентрируя возможности экономики, Россия сможет преодолеть, «пробежать», если пользоваться сталинскими образами, технологический разрыв с ведущими промышленно-развитыми государствами. В конце концов, разве не гонка вооружений сделала СССР, ведущей ядерной державой, разве не реализация сугубо военных ракетных программ обернулась триумфом в космосе. Вице-премьер Дмитрий Рогозин настаивает: "Если мы не решим задачи модернизации страны, то Россия станет добычей глобальных мировых игроков. Так что наша обязанность — сделать это до 2020 года, иначе нас просто сомнут"³¹⁹. Слово в слово Сталин Иосиф Виссарионович на совещании хозяйственников в 1931 году. И рецепт спасения вполне большевистский: "Нам бессмысленно сегодня догонять Запад в вопросах создания вооружения и военной техники. По некоторым направлениям мы здорово отстали. Но есть смысл в другом — попытаться понять тенденцию развития ВВТ (вооружений и военной техники), способы ведения Вооруженной борьбы и "срезать угол"³²⁰.

³¹⁸ И.Сталин. Вопросы ленинизма Изд 11-е М., 1947. с 329

³¹⁹ Олег Фаличев. Как не стать добычей глобальных игроков. Военно-промышленный курьер № 6 15 февраля 2012

³²⁰ Ждем помощи от военной науки и «оборонки». Военно-промышленный курьер №5, 8 февраля 2012

Между тем, если верить заявлениям российских руководителей, отечественный оборонно-промышленный комплекс (ОПК) и в настоящее время обладает некими «прорывными технологиями». Казалось бы, дело за малым – обеспечить накопленными от продажи нефти средствами российских ученых, которые разрабатывают «не имеющие аналогов в мире» технологии, и Россия из аутсайдеров научно-технической революции автоматически войдет в число ее лидеров. А это в свою очередь обеспечит высокую конкурентоспособность России. Ту самую конкурентоспособность, достижение которой не так уж давно объявлялось Владимиром Путиным национальной идеей.

Однако, поверить в столь блестящие перспективы довольно сложно по нескольким причинам. Прежде всего из-за того, что несколько известных попыток использовать ОПК как двигатель модернизации, предпринятые за последние 30 лет, завершились полным провалом. Достаточно вспомнить горбачевскую программу конверсии, которая прославилась производством лопат и кастрюль из титана. Столь же плачевно завершались и предпринятые в 1990-е годы попытки перевести отечественный ОПК «на мирные рельсы». Возникает подозрение, что в основе российского ВПК находится нечто, что не позволяет использовать его выдающиеся достижения для подъема конкурентоспособности России.

Следует иметь в виду, что сами эти научно-технические прорывы достигались в результате концентрации всех ресурсов государства на каком-то одном направлении. К тому же представления об их прорывном характере, по крайней мере, за последние 40 лет несколько преувеличены. Генерал-майор в отставке Владимир Дворкин возглавлял в течение длительного времени 4-й НИИ Министерства обороны. Два с лишним десятков лет он разрабатывал и использовал систему методического обеспечения анализа уровня технического совершенства всего, что делалось в ракетно-космической технике. Заметим, что это как раз то направление, где у СССР были максимальные достижения и результаты. «Вся система методик была построена на том, что анализ начинался с уровня технического совершенства элементной базы, материалов, всех исходных продуктов, которые использовались для создания ракеты, - рассказывал В.З. Дворкин на семинарах, организованных фондом «Либеральная миссия». - Затем оценивался уровень технического совершенства отдельных систем, агрегатов, двигателей, систем управления. Потом целиком уровень ракеты-носителя. Потом оценивался весь комплекс, и туда включались эксплуатационные характеристики. В итоге создавался некий идеальный образец, который формировался на основе наших представлений и знаний обо всех передовых достижениях. А потом советские ракетные системы сравнивались с этим идеальным образцом. В лучшем случае наш носитель уступал по своим характеристикам передовому образцу, - а это, как правило, была

американская система, - на 15-20 процентов. В остальных случаях мы отставали в разы. Из-за уровня элементной базы, из-за отсутствия высокоточных прецизионных приборов. Например, точность американских ракет была в два раза выше, а масса системного управления в два с половиной раза ниже».

Это трезвая и совершенно справедливая оценка. Более того, порой нечто «уникальное», не имеющее аналогов в мире производили из-за того, что не могли произвести «нормальное». К примеру, Россия получила в наследство от СССР уникальные самые большие в мире подводные ракетные крейсера проекта 941, к тому же эти подводные лодки представляют собой катамаран. Но причина весьма прозаическая: отставание в области композитных материалов не позволило создать компактную ракету. В результате, чтобы разместить на подлодке количество ракет, сопоставимое с тем, что было развернуто на американских подлодках типа «Огайо», потребовалось строить ракетоносец который был в два раза больше, чем американский.

Еще жестче характеризует возможности отечественного ОПК известный предприниматель Дмитрий Зимин, больше трех десятилетий проработавший в советской радиоэлектронной промышленности: «Российский инженерный комплекс был выведен за рамки конкуренции. Все определялось постановлением ЦК и Совмина, в особенности, когда речь шла о системах, которые в принципе невозможно испытать, например, о противоракетной обороне. Успехом окончится проект или провалом в основном определялось подписью достаточно большого количества заказчиков, представителей промышленности, военных, которые десятками лет в этом деле участвовали. В общем, на протяжении многих лет мы руководствовались поговоркой: не суетись, постановление есть – мы обречены на успех».

С другой стороны, нельзя отрицать, что если и было в советской науке и технике хоть что-то современное (пусть не уникальное и не самое передовое) – все это было сконцентрировано на решении военных задач. То же самое можно сказать и о сегодняшней России. Не может ли в таком случае новая милитаризация привести к прорыву?

Мне кажется, что ответить на этот вопрос можно, если обратиться к теории видного военного и экономического эксперта Виталия Шлыкова, которая и раскрывает милитаристскую сущность советской экономики. По мысли Шлыкова, бессмысленно спорить о том, какой процент советской промышленности работал в военных целях. Потому, что все 100 процентов советской экономики были в том или ином виде заняты подготовкой к войне. В.В. Шлыков называет это «структурной милитаризацией». Индустриализация страны в 30-е годы прошлого имела главной целью (Иосиф Сталин, как мы помним, этого и не скрывал) подготовку к выпуску военной продукции. Выпуск «мирной» продукции, будь то макароны или железнодорожные вагоны, был целью вто-

ростепенной. Главной же задачей производства была мобилизационная подготовка к выпуску продукции военного назначения. В этом смысле весьма показательны данные о производстве танков в СССР в 1930-е годы. Советский Союз производил танков в 1930-е годы больше, чем все страны мира, две-три тысячи в год. Однако мобилизационные мощности, которые должны были созданы за вторую пятилетку, должны были быть готовы к производству 70 тысяч танков в год. И ресурсы, которые направлялись на мобилизационные мощности, были намного больше, чем те, что направлялись на развитие собственно так называемых военных отраслей.

При этом помимо ВПК № 1, к которому Шлыков относит комплекс по производству вооружений, существовал ВПК № 2, представлявший собой чудовищно гипертрофированный сырьевой сектор и базовые отрасли. Этот ВПК № 2 производил гораздо больше нефти, металлов, продуктов химии, чем требовалось промышленности. Все это предназначалось для выпуска вооружений, но только во время войны. «Вся экономика страны строилась на том, что в мирное время такие ресурсы не требовались для войны, поэтому они перекачивались в гражданский сектор для поддержания какой-то ее сбалансированности», - отмечал В. В. Шлыков. По существу в этой системе гражданский сектор промышленности и нужен был только для того, чтобы в час «Ч» перестроиться на военное производство, а в мирное время потреблять излишние, ненужные экономике ресурсы. К примеру, алюминия в СССР выплавляли 4,5 миллиона тонн в год. Однако использовать его было не на что. 10-11 процента шло на военное производство, остальное, кроме того, что шло на изготовление ложек и тарелок (Советский Союз был, наверное, единственной страной, где додумались делать из алюминия посуду), девать было некуда. Ведь, по словам В.В. Шлыкова, согласно генштабовским разработкам мобилизационного развертывания промышленности СССР должны были через 3-6 месяцев после начала войны выйти на пик производства, например, самолетов вместо одной тысячи предполагалось производить 30 тысяч. Так создавались и гигантские запасы сырья и огромные простаивавшие производственные мощности. Примерно то же самое происходило и с титаном, углем, металлопрокатом, значительной частью продукции машиностроения.

Разумеется, это была извращенная по своей сути экономическая система. Она не только не имела в виду повышение благосостояния граждан, но и всячески этому препятствовала. Но это хотя бы была сбалансированная экономика. Она балансировалась тем, что гигантская часть ВВП просто изымалась из оборота. И это позволяло так называемой плановой экономике не развалиться. Культуролог Игорь Яковенко весьма точно определил этот феномен, как «стратегию строительства пирамид». По его мнению, кроме всего прочего, такая стратегия обеспечивала сохранение гомогенности общества, равенство его членов в

условиях всеобщей и искусственной нищеты. Однако подобная система могла существовать только в условиях жесточайшей изоляции и автаркии (то есть экономическим режимом самообеспечения страны, в котором минимизируется внешний товарный оборот).

Тогдашняя система была обречена на развал, как только целью экономики становилась нечто иное, чем подготовка страны к войне. В.В. Шлыков утверждает, что баланс был разрушен, когда Хрущев вдруг решил закупить зерно за золото на Западе, чтобы избежать угрозы голода в стране. А когда золото кончилось, для закупки зерна стали вывозить нефть. А она была одним из важнейших элементов межотраслевого баланса и ее нельзя было оттуда выводить. Отсюда и пошла инфляция, разбалансировка цен. Горбачев многократно усилил кризисные явления в экономике из-за попыток конверсии военного производства. По этой логике экономический крах 1991 года произошел не только из-за чрезмерного военного производства. СССР рухнул от перепроизводства сырьевых товаров, предназначенных для нужд мобилизационной экономики. Экспорт, для которого Россия открылась в 1991 году, спас экономику, потому что все эти излишки хлынули на западные рынки.

По мнению В.В. Шлыкова, нынешняя экономика России представляет собой остатки структурно милитаризированной экономики. Парадокс заключается в том, что структурная милитаризация экономики российской серьезно усилилась именно в последние годы, за счет огромного спада в промышленном производстве и разрастания сырьевого сектора. Но могут ли остатки этой структурно милитаризованной экономической системы быть использованы в целях модернизации страны?

Замечу, что ситуация, когда современные технологии приходили в гражданскую сферу из военной, последние лет 30-40 нехарактерна для передовых стран, переживающих очередную научно-техническую революцию. Все происходит точно наоборот: прорывные технологии сначала рождаются в гражданской сфере, их использование обеспечивает инвестиции, несопоставимые с государственным финансированием. А уже потом эти технологии находят применение в военной области. Однако будем исходить из того, что России приходится играть теми картами, какие есть сейчас на руках. А наиболее квалифицированные кадры и относительно современная техника находятся на предприятиях ОПК. Кроме того, государство готово финансировать сегодня в основном военные программы.

При этом не исключено, что Владимир Путин, вдохновившись примерами Петра I и Сталина, попытается возродить саму структурную милитаризацию в масштабе всей страны. Однако такая структурная милитаризация в принципе немыслима в условиях рынка, даже такого специфического как рынок российский. Военное производство СССР основывалось на так называемой плановой экономике и автаркии. В

Советском Союзе подавляющая часть комплектующих для военного производства изготавливалась на гражданских заводах. Сталинская концепция индустриализации в том и заключалась, чтобы строить предприятия вроде бы для выпуска гражданских товаров. Но одновременно там же производилось и вооружение. А во время войны все предприятия должны были за очень короткий срок полностью перейти на военные рельсы. Что естественным образом отражалось на качестве и цене гражданских товаров (ни то, ни другое руководителей СССР, понятное дело, совершенно не волновало). Фактически советские люди, покупавшие брюки фабрики "Большевичка" или холодильник "Минск", финансировали производство комплектующих для ракет и атомных подводных лодок. Именно поэтому так важен запрет доступа других, более качественных и дешевых товаров на внутренний рынок.

Разумеется, советские "оборонно-промышленные" министерства могли существовать лишь при наличии всемогущего Госплана, который выделял средства, назначал все цены: на сырье, на элементную базу, на различные компоненты, обеспечивая, таким образом, необходимую рентабельность. В 1990-е годы большая часть советской промышленности умерла. Меньшая — перепрофилировалась на выпуск другой продукции. Нынешним владельцам выживших предприятий совсем не нужен оборонный заказ, попытка реализовать который неизбежно сделает их основным товар более дорогим, а значит, менее конкурентоспособным. Неслучайно время от времени в правительстве возникают предложения о введении своеобразной «продразверстки», обязанности для частных производителей изготавливать военную продукцию, от которой те старательно открещиваются. Стало быть, ставка на то, что толчок к модернизации дадут волшебные технологии, созданные на военном производстве, выглядит не слишком реалистичной. Даже, если они появятся, в существующей системе ОПК, их невозможно реализовать. Потому-то и проваливались все предыдущие попытки перевода военного производства на мирные рельсы, что это производство не предполагало массового выпуска чего бы ни было. В качестве примера показательна история с ГЛОНАСС, попыткой развернуть российскую систему космической навигации. Россия оказалось под силу разместить на орбите спутниковую группировку. А вот приемные устройства производить приходится в Китае и на Тайване.

Но если с помощью ОПК не удастся «срезать» пресловутый технологический угол, то, может быть, эффективно действующее военное производство способно выступить движущей силой экономики, как это представляет заместитель министра обороны Татьяна Шевцова: «При разбивке расходов Минобороны по отраслям экономики мы увидим, что гособоронзаказ затрагивает почти все существующие отрасли — ракетно-космическую, авиационную, судостроительную, автомобильную промышленность, а также образование, строительство и здраво-

охранение. На практике увеличение производства предприятиями ОПК порождает спрос на металлы, электроэнергию, услуги транспорта и так далее, что, в свою очередь, приводит к росту объема производства, которые через определенный период времени предъявляют больший спрос на продукцию других отраслей уже в соответствии с собственной структурой затрат»³²¹.

В принципе, такой подход имеет право на жизнь. Достаточно вспомнить, как военное производство в США в годы второй мировой войны обеспечило экономический подъем. Однако и эта теория не подтверждается российской практикой. Так, если верить официальным заявлениям³²², Россия успешно реализует сверхдорогостоящую (объемом свыше 23 триллионов рублей) программу перевооружения. Но якобы успешное выполнение гособоронзаказа никак не отражается на общем промышленном производстве, которое продолжает сокращаться.

Можно предположить, что, если некий «рост» и имеет место, то он выражается в росте объемов затраченных средств, а не объемов производства. Большую часть военной техники в России производят монополисты, которые не стесняются завышать на нее цену. Уместно вспомнить, что как раз перед отставкой Анатолия Сердюкова военное ведомство отказалось финансировать заказы тех оборонных корпораций, которые вдруг резко увеличили стоимость своей продукции, чем вызвало откровенное раздражение Путина. Все, чего хотел тогда Анатолий Сердюков, — это разобраться с ценообразованием. Он имел все основания подозревать, что производитель наглым образом запихивает в цену изделия свою неэффективность. Если одна подводная лодка на «Севмаше» производится девять лет, говорил он, то все издержки, в том числе свиноферма, детский и пионерский лагерь, дом отдыха, поликлиника, — все они ложатся на одну несчастную лодку. Раньше эта лодка стоила 47 миллиардов рублей. А теперь, возмущался министр, завод предлагает новую лодку заложить за 112 миллиардов. «Ребята, вы покажите нам все те издержки, которые вы хотите включить в свою цену, сделайте ее прозрачной, и к этой цене мы готовы добавить вам 20-25% рентабельности»³²³, — обещал Сердюков. Но когда производители начинают открывать цену, то она «мгновенно слетает на 20-30 процентов», констатировал Сердюков. При этом министр не скрывал сомне-

³²¹ Дмитрий Семенов, военный бюджет без тайн. Красная звезда. 6 марта 2015

³²² Следует отметить, что в открытом доступе не существует сколько-нибудь систематизированного массива информации о состоянии дел в ОПК. Время от времени Кремль и руководство военного ведомства сообщают общественности данные о выполнении гособоронзаказа, совершенно не стремясь к тому, чтобы цифры хоть как-то соответствовали друг другу.

³²³ Виктор Литовкин. С «Булавой» наперевес. Независимое военное обозрение. 8 июля 2011

ний в том, что вышеозначенные 20-30 процентов идут отнюдь не на развитие производства.

И вот как раз это, казалось бы, вполне законное требование сделать цену прозрачной приводило в бешенство капитанов ВПК. Академик Юрий Соломонов чрезвычайно четко это возмущение вербализировал: «У нас Минобороны превратили в налоговую инспекцию?! А психология-то другая у налоговиков, другие мозги»³²⁴. Логика предельно понятная. Соломонов презрительно называл «налоговиками» тех, кто нудно пытался найти хоть какое-то обоснование резкому росту цен. Между тем, причина вполне очевидна. Из-за отсутствия выстроенной цепочки промышленной кооперации производители ракет не могут начать их серийного производства. Об этом говорил и сам Соломонов в своем интервью «Коммерсанту»: «Объемы очень маленькие, рентабельность — никакая. Предприятиям не интересны такие малые объемы, а без них ничего нет. На это накладывается еще одно: оборудование устаревает, а такого уже не делают. Все это закончится очень плачевно, если не будет принято экстраординарных мер»³²⁵.

На самом деле выдающийся ученый мечтал о новом Лаврентии Павловиче Берии. Не об энкаведэшном палаче, разумеется. А о кураторе «атомного проекта», под рукой которого находились все ресурсы страны. Строгом товарище в пенсне, которого интересует только одно — неукоснительное исполнение любой ценой решений партии. Он всегда предоставит столько денег, сколько назовет генеральный конструктор. А мелочи вроде того, почему сумма именно такая, а не на тридцать процентов меньше, его не волнуют вовсе.

Такая система не может быть экономически эффективна, поскольку экономическая эффективность не является ее целью. Ситуация усугубляется еще и тем, что в предыдущее десятилетие вместо модернизации оборонной промышленности под руководством Владимира Путина и Сергея Иванова была создана пародия на советский ВПК. Отраслевые министерства СССР (знаменитая «девятка») возродились в виде объединенных корпораций: авиационной, судостроительной и прочих. По сути это все тот же колхоз, где одно более-менее эффективное предприятие кормит десяток полубанкротов. При этом деньги на содержание этих полубанкротов закладываются в стоимость поставляемой военной техники. Заправляющие в этих корпорациях бюрократы стремились забрать туда максимальное количество предприятий, совершенно не думая об их эффективности и способности к участию в производстве вооружений. Главным было иметь максимальное количество работающих, что давало возможность требовать от правительства прямого фи-

³²⁴ Александр Стукалин "Госзаказ 2011 года уже сорван — он уже выполнен не будет". Коммерсант. 6 июля 2011

³²⁵ Ibid

нансирования, угрожая социальным взрывом. Так Сергей Чемизов собрал в «Ростехнологии» почти полтысячи предприятий, четверть из которых была близка к банкротству.

Об эффективности такой организации производства исчерпывающе высказался Игорь Аршурбели, бывший руководитель корпорации «Алмаз-Антей», одной из самых успешных среди объединений военной промышленности: «Мне больше неохота работать в агрессивной среде, когда вся задача правительства – в создании оборонно-промышленного, государственного капитализма. ...Частному бизнесу нечего делать в агрессивной среде, задачи которой либо тебя поглотить, либо лишить заказов, либо прижать какими-то иными способами»³²⁶.

О том же самом свидетельствуют и периодически попадающих в печать сообщения о задержках заработной платы, сокращении численности работающих, переводе на неполную рабочую неделю, отправлении работников в вынужденные отпуска. Все это имело место на объекте по хранению и уничтожению химического оружия «Щучье» (Курганская область), Уральском заводе транспортного машиностроения (Свердловская область), заводе «Урал» (Челябинская область), Новоуральском приборном, Уралтрансмаше (Екатеринбург), Уральском вагоностроительном заводе, других предприятиях Нижнего Тагила, Тамбовском пороховом, «Ревтруде», Сретенском судостроительном, Казанском вертолетном, Ижорских заводах, Машзаводе им. Ф. Э. Дзержинского (Пермь), Брянском заводе металлоконструкций и техоснастки, предприятиях концерна «Алмаз-Антей», заводе «Автокран» (Ивановская область), Рославльском автоагрегатном (Смоленская область), в Александровском НИИ телевизионной техники «Рекорд», Тихоокеанской мостостроительной компании (подрядчик на космодроме Восточный). Особо сложное положение на челябинском «Полете», Владивостокском «Радиоприборе», орловском «Дормаше», Курганмашзаводе³²⁷. Более того, вдруг выясняется, что наиболее успешные промышленные объединения, вроде Объединенной авиастроительной корпорации, которые вроде бы успешно реализуют гособоронзаказ из года в год, работают с немалым убытком.³²⁸

Понятно, что попытка воссоздать фактически советскую систему организации военного производства, но в отсутствии системы тотального контроля неизбежно привела к коррупции невиданных масштабов. Руководство испробовало все мыслимые бюрократические меры, чтобы уменьшить масштабы воровства. Были созданы Федеральное агентства по оборонному заказу и Федеральное агентство по оборонным постав-

³²⁶ Из оборонки – в космос и политику. Аргументы недели. 7 июля 2016

³²⁷ Сергей Матюшкин. Кураторы в особо крупных размерах Военно-промышленный курьер № 28 (643) 27 июля 2016 года

³²⁸ Ibid

кам, которые то существовали отдельно от военного ведомства, то включались в его состав. В 2015 году были предложена чрезвычайно сложная система контроля. Она, предполагает, что всей цепочке расчетов по производству конкретного вида вооружений присваивается единый уникальный номер государственного контракта для расчетов по ГОЗ. При этом все поставщики открывают отдельные банковские счета в уполномоченных банках, которые, становятся полноценными участниками контроля целевого использования бюджетных средств. Основная цель этого механизма, рассказывала заместитель министра обороны Татьяна Шевцова журналистам, — «окрасить» денежный поток, направленный на выполнение гособоронзаказа, отделить его от общей денежной массы предприятия, обеспечив прозрачность денежных потоков по всей цепочке исполнителей.

Смысл закона, который предполагал «окрашивать» деньги, направленные на выполнение гособоронзаказа, понятен. В последние годы власти все чаще сталкивались с ситуацией, когда выделенные на производство вооружений деньги исчезали без следа после того, как предприятие, осуществляющее конечную сборку, распределяло их среди производителей различных компонентов. Ведь объединенные государственные корпорации — эти гигантские колхозы, объединяющие сотни заводов, — казалось бы, специально созданы для того, чтобы деньги бесследно исчезали. Неслучайно новые законы строжайше запрещали перечислять с таких «номерных» счетов денежные средства на покупку ценных бумаг, драгоценных металлов в слитках, на благотворительность, производить перечисления физическим лицам.

Как водится в путинской России, особое внимание было уделено контролю. Благодаря единой информационной системе теперь исполнение оборонного заказа контролируют Министерство обороны, Министерство промышленности и торговли. А Счетная палата «дистанционно проводит оценку рисков нецелевого использования бюджетных средств». И еще Федеральная антимонопольная служба осуществляет «предварительную оценку рисков завышения цен». Финансовой же разведке надлежит пресекать сомнительные операции. Одна проблема — в этой системе идеального многоуровневого контроля предприятия вовсе не смогли функционировать. Уже через год потребовалось вносить отдельный пакет уточнений, в результате чего система контроля была ослаблена. И борьба с коррупцией пошла на новый круг.

Таким образом, полное восстановление структурной милитаризации экономики, с обязательным для нее товарным дефицитом и всеобщей уравниловки полной экономической изоляцией от остального мира, маловероятно. Впрочем, столь же маловероятна и последовательная деспециализация военной промышленности, превращение ее в сектор промышленности, который живет по тем же экономическим законам,

что и прочие. Именно этим путем пошли в 80-е годы Соединенные Штаты.

Заметим, что отнюдь не нефть или другое сырье, не производственные мощности давно устаревшие и морально и физически, а человеческий капитал, накопленный советским ОПК, и являлся главным богатством, который был получен Россией от СССР. Это образованное население, способное к переобучению. Это конструкторы, способные за счет оригинального инженерного решения компенсировать общее научно-техническое отставание. Однако этим капиталом нельзя было воспользоваться мгновенно, его нельзя было разместить на счетах в иностранных банках. И поэтому на него просто не обратили внимания. Игнорирует его и нынешняя российская власть. Под многолетние разговоры о возрождении оборонно-промышленного комплекса происходит его депрофессионализация: туда отказывается идти молодежь. В результате средний возраст работников ОПК стремительно приближается к пенсионному. Такой подход, к сожалению, исключает рациональное использование советского наследства. Более того, есть все основания полагать, что российская экономика получает прямо противоположные импульсы.

Таким образом, следует признать: модернизация России за счет ее милитаризации выглядит совершенно невозможной. Кремль лишь бессмысленно расходует деньги, желая задобрить максимальное количество военнотружеников и людей, занятых в ОПК. По мнению В.В. Шлыкова идея превращения страны в сырьевую супердержаву неизбежно обернется переходом к новой форме милитаризма – сырьевого. Для этого власть намерена использовать сырьевой мобилизационный ресурс, который достался ей в наследство от СССР в качестве источника обогащения «новой» постельцинской элиты, сформированной по большей части из представителей силовых структур. Роль армии, правоохранительных органов и спецслужб будут главным образом сконцентрированы на том, чтобы обеспечить этой элите постоянный доступ к источникам сырьевых богатств. В результате Россия может превратиться в дикое полицейское государство, подобное по своему устройству южноамериканским банановым республикам. Впрочем, просуществовать оно не дольше очередного кризиса перепроизводства?

Заключение. Катастрофа неизбежна?

Итак, модернизация военной машины России не стала (да и не имела ни малейшего шанса стать) двигателем широкомасштабных институциональных изменений. Результатом успешной военной реформы в России в XXI веке стал, как и в Германии в XIX веке, подъем милитаризма. Если попытаться экстраполировать немецкий опыт на ближайшее российское будущее, перспективы выглядят безрадостными не только для

нашей страны, но для всего человечества. Германия излечилась от милитаризма (который, повторю, является, на мой взгляд, неизбежным результатом успешной военной реформы в авторитарном государстве), пройдя через две военные катастрофы. Однако у ядерной России (как у всей планеты) нет шансов на то, чтобы пережить новую мировую войну.

Между тем, Кремль встал на путь, который к ней ведет. Лидеры государства, сталкиваясь с любой проблемой, всякий раз трактуют ее как военную угрозу или вызов. А профессиональные военные, стремясь усилить свое влияние, тут же спешат предоставить Кремлю трактовки, которые отвечают именно такому взгляду на мир. И, стало быть, ответ на большинство вызовов, как и полагается в милитаристском государстве, будет военным. При этом население, приученное пропагандой оценивать лидера по факту наличия или отсутствия военных побед, будет подталкивать Кремль к все новым авантюрам. Нельзя исключать, что объектом очередной «маленькой победоносной войны» помимо восточных областей Украины могут стать так называемые русские регионы Казахстана. Кремль может попытаться повторить сирийский опыт «борьбы с терроризмом» в Ливии или Ираке. Это приведет к окончательной изоляции на международной арене, фактически к новой холодной войне.

Вряд ли следует искать успокоения в том, что эта новая холодная война пока что не похожа на предыдущую, в ходе которой многотысячные массы войск противостояли друг другу. Те же самые факторы, из-за которых делают «горячие» войны настоящего непохожи на военные конфликты прошлого – революция в военном деле, принципиально иные расклады политических сил, исключая идеологическое противоборство двух систем, наконец, демографическая ситуация – делают холодные войны прошлого и настоящего непохожими друг на друга. Однако неизменным выглядит источник таких войн – это непримиримый конфликт между великими державами, который нельзя разрешить ни военным, ни дипломатическим путем.

Если прошлая холодная война была вызвана противостоянием двух социально-политических систем, то нынешняя – результат представлений Владимира Путина (которые разделяются подавляющим большинством россиян) о том, как устроен мир. Речь идет о том самом особом собственном мире Владимира Путина, о котором однажды в сердцах упомянула немецкий канцлер Ангела Меркель (экскурсию в этот затерянный мир российский лидер периодически устраивает для членов «Валдайского клуба»). Мир этот не имеет никакого отношения к реальности. Это мир Realpolitik. Только это не утонченный мир современной Realpolitik Генри Киссинджера, где баланс интересов ведущих мировых держав находится весьма сложным путем учета не только военных, но прежде всего экономических интересов. Нет, это простой (если не ска-

зять примитивный) Realpolitik Бисмарка, Миттерниха и Сталина. Сильные мира сего сидят за общим столом и ведут бесконечную игру с нулевым результатом против друг друга. Показательно, что путинское выступление на Генеральной ассамблее ООН в 2015 году стало настоящим гимном «ялтинской системе». И уж совсем откровенен он был на встрече с руководителями Вооруженных сил и ОПК в ноябре 2016 года: «Стратегический баланс сил, который сложился в конце 40-х – 50-е годы прошлого столетия, позволил миру избежать крупных вооружённых конфликтов»³²⁹. В этой системе более слабые (прежде всего в военном отношении) страны выполняют роль фигур на мировой шахматной доске. Они обречены подчиняться великим державам. Неслучайно, желая уязвить европейские государства, российский лидер периодически заводит речь об их «ограниченном суверенитете». Как раз эти представления Путина привели к украинскому кризису и аннексии Крыма. Российский лидер твердо знает, что любое народное движение – это результат заговора иностранных спецслужб. Поэтому в киевском Майдане он увидел попытку Запада выкинуть его из-за «ялтинского» стола, за которым заседают вершители судеб мира. И ответил посвоему.

Разрешить подобный конфликт дипломатическим путем невозможно. Путин никогда не поверит западным «контрпартнерам», если те попытаются объяснить ему, что времена, когда Черчилль и Сталин кроили границы других стран по своему усмотрению, безвозвратно прошли. Более того, любые попытки разъяснить ему это, он неизбежно посчитает лицемерием, желанием отстранить его от участия в мировых делах. Невозможно разрешить подобное противоречие и военным путем – противостоящие друг другу стороны располагают оружием, способным уничтожить планету.

При этом у России нет ресурсов, которыми обладал СССР в первую холодную войну. У нее фактически нет союзников (Организация Договора коллективной безопасности явно не тянет на Варшавский Договор-2), в то время как большинство европейских государств является членами НАТО. У России стареющее население, из которого при всем желании нельзя сформировать 5-миллионную армию советского образца. Если советская армия была эффективна только, когда оперировала гигантскими массами войск, современная российская эффективна ровно до тех пор, пока она действует небольшими силами. У России слабая экономика. Ее промышленность явно неспособна вести серийное производство всего спектра вооружений.

Что же остается для противостояния Западу? Гигантский ядерный арсенал. Неслучайно худший кошмар Владимира Путина – то, что вероятный противник каким-то образом лишит его ядерной мощи. Имен-

³²⁹ <http://www.kremlin.ru/events/president/news/53268>

но поэтому даже в условиях кризиса Кремль ведет форсированное ядерное перевооружение. Однако даже обладание ядерным оружием не дает Путину такого веса в решении мировых проблем, которого он жаждет. Единственный способ превратить ядерный потенциал в политический инструмент – доказать Западу, что в Кремле сидят не вполне адекватные люди. Люди, способные «нажать кнопку», не только в ответ на ядерную агрессию. На это направлены провокационные заявления о намерении «привести ядерные силы в повышенную боевую готовность» во время аннексии Крыма, о некоем «боевом патрулировании» стратегических бомбардировщиков над Мексиканским заливом.

Эта концентрация на ядерном шантаже становится особенно опасной, если иметь в виду, что использование военной силы стало главным средством общения Путина с окружающим миром. Так, желая выйти из международной изоляции, вызванной вмешательством на Украине, Кремль ввязался в гражданскую войну в Сирии. Весьма вероятно, что и на все последующие конфликты и кризисные ситуации Кремль будет отвечать в полном соответствии со своими милитаристскими представлениями. И это делает предстоящие годы весьма опасными.

Будучи гораздо слабее потенциального противника, Кремль обречен действовать максимально авантюристично, постоянно поднимая ставки и балансируя на грани военной конфронтации. При этом все новые авантюры будут прикрываться ядерными угрозами. В таких обстоятельствах любой инцидент в море и в воздухе (а их количество неизбежно будет нарастать по мере наращивания НАТО своих группировок в Балтийском и Черноморском регионах, которые превращены в театры непосредственного военного противостояния с Россией) может обернуться катастрофой.

Когда мы вспоминаем предыдущую холодную войну, то на ум прежде всего приходят 70-80 годы прошлого века, когда были известны правила игры, а сторонам были понятны «красные линии», которые нельзя было переступать. Например, надлежало сделать все возможное, чтобы избежать войны непосредственно в Европе. Ныне Москва с необыкновенной легкостью решила на то, чтобы перекраивать европейские границы и вести боевые действия в центре континента. Если экстраполировать опыт первой холодной войны на нынешнюю ситуацию, то мы находимся, конечно, не в 80-х. Мы – в начале 50-х, впереди – Корейская война и Карибский кризис. Неслучайно Путин указывает на 40-50 годы как период установления баланса сил. Ряд исследователей полагает, что как раз в 50-е, в период правления Сталина, был возможен ядерный конфликт между СССР и США.

Времена возвращаются? В каждом из конфликтов, подобных корейскому или кубинскому, можно спалить планету. Дело в том, что советские лидеры, правившие страной после Сталина, при всей их идеологической косности все-таки прошли страшную войну и действительно

боялись ее. И когда возникла вероятность военного столкновения, они поднимали ставки лишь до определенного предела. А потом сдавали позиции, даже, если это было связано с очевидным унижением и потерей лица. Так поступил Никита Хрущев, который вывел ракеты с Кубы, как только осознал, что СССР и США вплотную подошли ядерному конфликту. Так поступил и Леонид Брежнев, отказавшийся от планов обезоруживающего ядерного удара по Китаю. Однако нынешний лидер, очевидно, не осознает, чем может обернуться бесконечная игра на повышение угроз использования ядерного оружия.

В то же время, можно предположить, что параллельно будет развиваться и другой процесс. В полном соответствии с законами милитаристской организации государства на Вооруженные силы будут возлагаться все новые задачи. В конце концов, попытки ответить на все существующие вызовы военными средствами обернутся полным исчерпанием ресурсов государства. Нынешняя эффективность российской армии объясняется ограниченностью задач, которые ставились перед Вооруженными силами. Речь шла о победе в кратковременном локальном конфликте. Однако как только Россия вступила в прямую военную конфронтацию с НАТО, у ее военных руководителей не осталось другого пути как возвращение к концепции массовой мобилизации, реализация которой в немалой степени поспособствовала краху советской экономики, а затем и к развалу СССР.

Таким образом, в России, вступившей на путь милитаризации, будут конкурировать два сценария развития событий: совершенно чудовищный и очень плохой. Чудовищный сценарий – непосредственный военный конфликт с Западом, который может начаться из эскалации взаимных угроз и неизбежно завершится уничтожением жизни на планете Земля. Очень плохой – возвращение к ситуации холодной войны, неизбежным следствием чего станет участие страны в военных авантюрах, подобных украинской. Гонка вооружений будет истощать экономику страны. Экономические трудности будут сопровождаться все более жестким подавлением любых протестов, сначала политических, потом социальных. В итоге это приведет к постепенному разочарованию жителей страны в правящем режиме. Такое медленное разложение по «советскому варианту», конечно, содержит огромное количество рисков для России: социальные потрясения и конфликты, не исключена даже гражданская война. Но это все же лучше, чем катастрофа ядерного конфликта.

Поэтому именно сегодня так актуально вспомнить о позитивном опыте предыдущего противостояния России и Запада. Этот опыт зовется мирным сосуществованием. Настоятельно необходимо сесть за стол переговоров и начать работу над новыми договорами, новыми мерами военного доверия. Это непросто в ситуации, когда Кремль более чем вольно относится к своим международным обязательствам. Взаимное

доверие сейчас просто отсутствует. Но это означает, что экспертам придется выработать новые способы проверки исполнения будущих договоров и соглашений. Разумеется, новые меры военного доверия должны учитывать и результаты происходящей сейчас революции в военном деле. В частности ограничения должны распространяться не только на вооружение и численность сухопутных войск и авиации, но также на средства противовоздушной обороны, возможности ведения кибервойны. Разумеется, от переговоров по этим сложнейшим вопросам было бы наивно ждать быстрых результатов. Помимо сложности выработки таких мер, на будущие переговоры будут влиять и политические факторы. Государства Запада будут делать все возможное, чтобы контакты с Москвой в сфере укрепления военной безопасности не выглядели бы возвращением к нормальным взаимоотношениям после аннексии Крыма и развязывания необъявленной войны с Украиной. Кремль же, напротив, будет обставлять эти переговоры условиями, выполнение которых демонстрировало бы возвращение отношений в докризисный период.³³⁰

И тем не менее такие переговоры должны быть начаты. Более того, пока отношения двух сторон столь конфронтационны, важны переговоры ради самих переговоров. Их ведение создает пространство неформального обмена мнениями и информацией, что может быть жизненно важным в ходе неизбежных будущих кризисов. Как я уже писал, втягивание в холодную войну с Западом неизбежно ведет к закручиванию гаек во внутренней политике. Партии, представленные в Государственной Думе, вполне по-советски горячо одобряют путинские военные авантюры и конкурируют исключительно в громкости этого одобрения. То же самое можно сказать о федеральных и региональных СМИ. Главное же заключается в том, что, если бы случилось чудо, и критика военной политики режима вдруг прозвучала бы достаточно отчетливо, она не нашла бы никакого сочувствия о российского населения. Отрезвление произойдет нескоро и будет чрезвычайно болезненным.

В чем тогда состоит сегодня задача либеральных аналитиков, к которым автор относит и себя. То, что они вряд ли будут услышаны властями и российским народом, не должно останавливать работу по военному анализу, до тех пор, пока это будет возможно. Эта работа должна служить двум важнейшим целям. Во-первых, обеспечить будущих руководителей демократической России ясным планом военной реформы, которая позволила бы относительно безболезненно устано-

³³⁰ Показательно, что как только в 2016-м было выдвинуто предложение начать консультации о мерах взаимного доверия в военной области, Кремль тут же потребовал, чтобы эти консультации проводились в Москве. Страны НАТО, которые ранее решили, что все контакты будут ограничены Советом Россия-НАТО, заседающим в Брюсселе, отказались.

вить гражданский контроль над военной организацией. Работа здесь не исчерпывается лишь написанием текстов. Необходимо уже сейчас начать подготовку в вузах (через спецкурсы и спецсеминары) гражданских специалистов, которые понимали бы специфику военной организации и культуры, особенности военной экономики. Эти знания жизненно будут жизненно необходимы будущим руководителям страны, чтобы не позволить консервативным генералам обмануть себя. Вспомним зигзаги и кульбиты военной реформы в 1990-е годы, когда власть, казалось, была в руках демократов. Разработка четкого плана реформ и подготовка тех, кто будет знать, как этот план реализовать – вот первостепенная задача в условиях реакции.

Вторая задача, может быть, еще более сложная – просвещение российских граждан относительно того, какой должна быть армия и прочие «силовые структуры» современного государства, почему так необходим гражданский контроль над ними. А начать разговор этот очень непростой разговор с обществом нужно с демифологизации представлений о Вооруженных силах, как о некоем особенном институте, воплощающем в себе героическое русского характера. Необходимо начать писать честную военную историю страны. Историю, которая должна рассказать не только о блеске военных побед, но и о том, как тягло милитаризации в течении трех веков сдерживало развитие страны. Разумеется, я не настолько наивен, чтобы предположить, что книги и статьи, пусть даже очень содержательные, способны совершить некий благостный переворот в мозгах россиян, опьяненных героикой милитаризма. Этот переворот произойдет вследствие социально-экономических причин и будет, повторю, очень болезненным. Как раз тогда граждане нашей страны неизбежно захотят узнать об альтернативных взглядах на устройство важнейших государственных институтов, включая, конечно, Вооруженные силы. Надеюсь, что им пригодится и моя книга.

Библиография

- Акулич, Василий - Проблемы реформирования Вооруженных Сил Российской Федерации. Филос.-политол. анализ. - М., 1998
- Алякин, Андрей - Управление занятостью офицеров запаса, уволенных в ходе реформирования Вооруженных Сил. - М., 1998
- Арбатов Алексей, Дворкин Владимир. Военная реформа России: состояние и перспективы-М., 2013
- Арбатов А.Г. - "Яблоко" и армия - М.,ЭПИцентр Интеграл-Информ 2003
- Армия России: состояние и перспективы / под ред. Р.Г.Яновского, Ю.И.Дерюгина; РАН. Институт социально-политических исследований; Центр социологии национальной безопасности. - М.: 1999
- Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И. История России: конец или новое начало? М.: Новое издательство, 2008
- Безопасность России. XXI век: Монография / Л.Фридман, В.Барановский, А.Арбатов и др.;
- Военная безопасность страны и Вооруженные Силы: проблемы и пути их решения. Военно-теоретический труд. - М.: 1995
- Воинская обязанность и военная служба. Сборник документов (федеральные законы, указы президента РФ, постановления правительства РФ, приказы министра обороны РФ). - М.: 1999, Вып. 1. (библиотека журнала "Военные знания").
- Во имя России. Российское государство, армия и воинское воспитание. Учебное пособие / Главное управление воспитательной работы ВС РФ и др. - М.: Русь-РКБ, 1999
- Военная реформа: оценка угроз национальной безопасности России (Приложение к информационно-аналитическому журналу "Обозреватель") / А.И.Подберезкин и др. - Народно-патриотический союз России, Всероссийское общественно-политическое движение "Духовное наследие". - М.: 1997.
- Военная реформа : [Реформа системы комплектования воен. орг. России / Цымбал В.И., Любошиц Е.Я., Хрусталева Е.Ю., Ватолкин Э.А.; Союз правых сил]. - М. ; СПб : Норма, 2001
- Военные доктрины и реформы России в XX веке: Материалы научно-практической конференции "Российский опыт оборонного и военного строительства в XX столетии. Возможности его применения в организации и реформировании российских Вооруженных Сил". - М: Парламентский центр, 10 октября 1996 г. / РАЕН, Акад. рос. энцикл. (отделение обороны и безопасности), Акад. воен. наук РФ. - М.: Издательский центр "Ветеран Отчизны": Агентство "Мегаполис", 1997
- Военная реформа: Вооруженные Силы Российской Федерации / Всероссийское общественно-политическое движение "Духовное наследие". - М.: 1998.

- Вооруженные Силы России. Учебное пособие по курсу "Основы военной службы". Вып. 2 / Авт.: Дроздов В.П. - М.: ТОО "Редакция журнала "Военные знания", 1998.
- Карл Деметр. Германский офицерский корпус в обществе и государстве. 1650–1945. М. 2007
- Завтра война! : Вооруженные Силы и военная реформа в России : [сборник / ред.-сост.: Александр Проханов и др.]. - Москва : Книжный мир, 2013
- Загидулин, Равиль Абдулахатович - Первичность реформы военного законодательства - необходимое условие реформирования Вооруженных Сил Российской Федерации. Основные направления и принципы правовой реформы. - Хабаровск, 2000
- Захарова О.Д. - История и развитие демографического кризиса в России / РАН. Ин-т соц.-полит. исслед. - М.: ИСПИ РАН, 2000.
- История военной стратегии России / под ред. В.А. Золотарева. - М.: Кучково поле; Полиграфресурсы, 2000
- Газукин П.Е. Российская армия на пороге XXI века. Проблемы реформирования Вооруженных Сил и военное строительство в Российской Федерации (1992-1999 гг.). - М.: Панорама, 1999
- Дементьев В.А., Суриков А.В. Стратегия реформирования Вооруженных Сил Российской Федерации. М., 1995
- Золотарев В.А., Саксонов О.В., Тюшкевич С.А. Военная история России. М.2002
- Коврижкина, Елена Владимировна - Военно-социальная работа на этапе строительства и реформирования Вооруженных Сил России. Социально-философский анализ. - М., 1998
- Кругов, Михаил Борисович - Тайны военной реформы. Заметки менеджера. - 1998
- Лазарев, Михаил Васильевич - Военно-политические проблемы реформирования Российской Армии. Политолого-исторический анализ. - М., 1995
- Алексей Левинсон, Степан Гончаров. Война вместо будущего: решение для аномического сознания. Вестник общественного мнения 3-4, 2015
- Либкнехт Карл. Милитаризм и антимилитаризм М.1960
- Макаренко И.К. Сущность, содержание и условия осуществления военной реформы в Российской Федерации (Учебное пособие). / Российская академия государственной службы при президенте РФ. - М.: 1997.
- Проблемы и практика перехода военной организации России на новую систему комплектования / Научные труды № 75. М.: Институт экономики переходного периода, 2004.
- Пыханов, Юрий Вадимович - Социальная мобильность офицерского состава в условиях реформирования Вооруженных Сил: сущность, состояние, регуляция. - М., 1999
- Реформы в Российской армии. - Новый сб. нормат.
- Реформы в российской армии. Новый сборник нормативных актов / ред. -сост. М.Т.Ромашкина. - Калининград: Янтартый сказ, 1998
- Российский военный сборник. - Вып. 17. Офицерский корпус русской армии: Опыт самопознания / Сост. А.И. Каменев и др. - М.: Воен. ун-т, 2000.
- Свечин А.А. Эволюция военного искусства. М. Кучково поле 2002
- Смирнов А. И. - Россия: на пути к профессиональной армии (Опыт, пробл., перспективы). - Ин-т социологии РАН,
- Стратегия для России: Повестка дня для президента - 2000 Вагриус Москва 2000
- М.Фрунзе «Единая военная доктрина и Красная Армия»

- Чечня и состояние российской армии. Военный вестник МФИТ, № 6. Москва, Межрегиональный Фонд информационных технологий, декабрь 1999
- Цыбулька, Алексей Михайлович - Проблемы становления системы военно-профессиональных ценностей в условиях реформы Вооруженных Сил России. - СПб. 1998
- Шлыков В. В. Что погубило Советский Союз? Генштаб и экономика. Военный вестник МФИТ. 2002. № 8.
- Arbatov Alexei, "Military Reform in Russia: Dilemmas, Obstacles and Prospects", International Security, Vol 22, No. 4 (Spring 1998)
- Barylski, Robert. The soldier in Russian politics : duty, dictatorship, and democracy under Gorbachev and Yeltsin Transaction Books: New Brunswick and London, 1998
- Betz David. If They Are Ordered 'Die of Hunger' They Will Die: Russian Defense Analysts Speak on Civil-Military Relations, The Glasgow Papers (o. 2, 1999)
- Beyond glasnost: Soviet reform and security issues 1992 Greenwood Press. Westport, Conn. 1992.
- Stephen F. Blank, "The Great Exception: Russian Civil-Military Relations", World Affairs Vol. 165 (2002) pp. 91-105
- Brusstar, James H. Russia's peacetime battlefield : presidential versus General Staff military reform National Defense University. Institute for National Strategic Studies 1996
- Clark, Asa A. The Defense Reform Debate: Issues and Analysis. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press, 1984. 1984
- Timothy C. Colton, Commissars, Commanders, and Civilian Authority: The Structure of Soviet Military Politics, (Cambridge, Mass: Harvard University Press, 1981);
- Corum, James S. The roots of Blitzkrieg : Mans von Seeckt and the German military reform Lawrence, Kan.: University Press of Kansas, 1992
- Craig Gordon .The politics of the Prussian Army 1640-1945. Oxford at the Clarendon Press 1955
- Larry Diamond and Marc F. Plattner (eds.) Civil-Military Relations and Democracy Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1996
- Geyer, Dietrich. Russian imperialism : the interaction of domestic and foreign policy, 1860-1914 Yale University Press, 1987
- Dolman, Everett Carl. Warrior State : How Military Organization Structures Politics. Gordonsville, VA, USA: Palgrave Macmillan, 2005
- Glantz, David M. Soviet and Commonwealth Military Doctrine in Revolutionary Times. Ft. Leavenworth, Kansas: Foreign Military Studies Office, 1992
- Gorbachev and His Generals: The Reform of Soviet Military Doctrine William C. Green (Editor), Theodore W. Karasik (Editor) Westview Press
- Guldens A. The Nation-State and Violence. Vol. 2 of A Contemporary Critique of Historical Materialism.— Cambridge: Polity Press, 1985
- Dale R. Herspring, Russian Civil-Military Relations, Bloomington: Indiana University Press, 1996
- Samuel E. Finer. The man on horseback: the role of the military in h a politics introduction by Jay Stanley. New Brunswick, N.J. 2002
- Forster, Anthony, Edmunds, Timothy, and Cottey, Andrew, eds. Challenge of Military Reform in Postcommunist Europe : Building Professional Armed Forces. Gordonsville, VA, USA: Palgrave Macmillan, 2003

- Hintze, Otto, 1861-1940. The historical essays of Otto Hintze. The Historical Essays of Otto Hintze (Oxford University Press, 1975)
- Holden, Gerard. Soviet military reform : conventional disarmament and the crisis of militarised socialism London: Pluto, 1991
- David Holloway, "State, Society and the Military under Gorbachev", International Security, Vol. 14, No. 3 (Winter 1989/90)
- Roman A. Kolkowicz, and Andrzej Korbonski Soldiers, Peasants and Bureaucrats: Civil-Military Relations in Communist and Modernizing Societies, Boston: G. Allen and Unwin, 1982
- Kier, Elizabeth. Title: Imagining war : French and British military doctrine between the wars Imprint: Princeton, N.J. : Princeton University Press, c 1997.
- Lasswell, Harold Dwight, Essays on the garrison state New Brunswick, NJ ; London: Transaction Publishers 1997
- Mcdermott Roger. The Reform of Russia's Conventional Armed Forces: Problems, Challenges and Policy Implications. Jamestown Foundation 2011
- Moran, John P. From garrison state to nation-state : political power and the Russian military under Gorbachev and Yeltsin John P. Moran, From Garrison State to Nation State: The Russian Military and Political Power under Gorbachev and Yeltsin, Praeger, Westport: Connecticut 2001.
- Menning, Bruce. Bayonets before bullets : the Imperial Russian Army, 1861-1914 Bayonets before Bullets: The Imperial Russian Army, 1861-1914 Indiana University Press / December 1999
- The Russian armed forces at the dawn of the millennium Crutcher, Michael H., ed. The Russian Armed Forces at the Dawn of the Millennium Carlisle. Barracks, PA: Center for Strategic Leadership, 2000.
- Odom, William E. The Collapse of the Soviet Military. Yale University Press 480 pages, 1998:
- Paret Peter. Innovation and reform in warfare. Understanding War Princeton Univ. Pr 1993
- The Russian armed forces in transition: economic, geopolitical and institutional uncertainties. Routledge contemporary Russia and Eastern Europe series, 2012
- The Russian armed forces in transition: economic, geopolitical and institutional uncertainties. Routledge contemporary Russia and Eastern Europe series, 2012
- The Russian armed forces in transition: economic, geopolitical and institutional uncertainties. Routledge contemporary Russia and Eastern Europe series, 2012
- Raevsky Andrei. Development of Russian National Security Policies: Military Reform/E.G.V.94.0.5. (Unidir Research Papers No. 25)
- Serra, Narcís. The military transition: democratic reform of the armed forces, 2010
- Shanahan William Oswald. Prussian Military Reforms 1861-1871. Columbia University Press, 1945
- The Sources of Military Change: Culture, Politics, Technology, Terry Terriff, (editor) Boulder CO. and London: Lynne Rienner, 2002.
- Swider Raymond J., Jr Soviet Military Reform in the Twentieth Century Three Case Studies, Military Studies, Contributions in, No. 129 (ISSN: 0883-6884) Greenwood Press. Westport, Conn. 1992. 192 pages
- Szayna, Thomas S.; Larrabee, F. Stephen. East European military reform after the Cold War: Implications for the United States Santa Monica, CA: Rand 1994
- Brian Taylor, Politics and the Russian Army: Civil-Military Relations 1689-2000, (N.Y.: Cambridge University Press, 2003)
- Charles Tilly. Coercion, capital, and European states, AD 990-1992 Edition: Rev. pbk. Ed Imprint: Cambridge, MA : Blackwell, 1992

Vagts Alfred, A History of Militarism: Civilian and Military New York: Free Press,
revised edition, 1967
A World Divided: Militarism and Development After the Cold War. Edited by Geoff
Tansey, Kath Tansey and Paul Rogers London: Earthscan, 1994

ACTA UNIVERSITATIS UPSALIENSIS
Uppsala Studies on Eastern Europe
Editors: Elena Namli, Matthew Kott and Stefan Hedlund

1. KAREL DURMAN: *Lost Illusions. Russian Policies towards Bulgaria in 1877–1887.* 1988. (Published in *Uppsala Studies on the Soviet Union and Eastern Europe* 1. ISSN 0284-3080)
2. VLADIMIR GLIGOROV: *Why do Countries Break up? The Case of Yugoslavia.* 1994.
3. JESSICA GIANDOMENICO: *Power Asymmetry Revised. Reconciling EU Foreign Policy Goals and Enlargement Conditionality in Western Balkans.* 2013.
4. *Pioneers in European Ethnobiology.* Editors: INGVAR SVANBERG & ŁUKASZ ŁUCZAJ. 2014.
5. *Punishment as a Crime? Perspectives on Prison Experience in Russian Culture.* Editors: JULIE HANSEN & ANDREI ROGACHEVSKII. 2014.
6. ALEXEY RAKOV: *Stalin's Collectivization and 'Dekulakization' in the Urals in the 1930s.* 2016.
7. ALEXANDR GOLTS: *Military Reform and Militarism in Russia.* 2017.

